

КОСНУТЬСЯ НЕБЕС

*Книжной червь
Переводы книг*

гениальная педантичная девушка

ЕЕ ЖИЗНЬ И

ЛЮБОВЬ

БУДУТ

СНЯТЫ

в реалити-шоу

на ТВ

Криста & Бекка

РИТЧИ

Девственница. Сексуально-зависимая. Сорвиголова. Алкоголик. Умник... Мудак. Пятеро друзей Роуз собираются сняться в телевизионном реалити-шоу. Роуз Кэллоуэй думала, что держит всё под контролем. В свои 23 года она выпускница Принстона, обладатель Академического кубка, модный дизайнер и дочь олигарха, включенного в список журнала Fortune 500. Но из-за сексуально зависимой сестры, с которой Роуз приходится вместе жить, жизнь становится не такой уж простой. Принимая помощь от продюсера, Роуз соглашается снять свою жизнь для реалити-шоу на телевидении. Голливуд — ее последний шанс возродить свою линию модной одежды, которая на данный момент переживает не лучшие времена. Границы размываются еще и потому, что Роуз нужно понравиться человеку, который по жизни поступает исключительно по-своему. 24-летний Коннор Кобальт — парень, который притесняет более слабых мужчин. Он самоуверен, невероятно умен и живет со своей не менее амбициозной девушкой Роуз Кэллоуэй. Коннору предстоит найти способ защитить Роуз и в то же время не разрушить шоу. Или же продюсер получит то, чего всегда хотел Коннор — девственность Роуз. Этот новый роман для взрослой аудитории можно охарактеризовать, как «Столкновение друзей с реальным Миром». Он полон кулачных боев, наркотиков, различных разновидностей секса, вульгарного юмора и соревнующихся друг с другом альфа-самцов. Заведомо рекомендуется для прочтения зрелой аудитории.

Криста и Бекка Ритчи

Коснуться небес

ПРОЛОГ

КОННОР КОБАЛЬТ

— Хочешь ли ты познать реальную жизнь, малыш? — однажды спросил меня мужчина. — Для начала ты должен познать самого себя.

Он попивал пиво из бутылки, завернутой в бумажный пакет, сидя на ступенях черного входа пятизвездочного отеля. Это был мой десятый день рождения, и я вышел на улицу подышать воздухом. Все присутствующие в конференц-зале люди были старше тридцати пяти. Не было ни единого ребенка моего возраста.

На мне был одет костюм, слишком сильно давящий в груди, и я пытался игнорировать тот факт, что прямо внутри моя мать со своим огромным животом обхаживала своих партнеров по бизнесу. Даже беременная, она управляла каждым отдельным человеком в этой комнате с присущими ей сдержанностью и стоицизмом, которым я мог бы легко подражать.

— Я и так знаю, кто я такой, — сказал я ему. Я был Коннором Кобальтом. Ребенком, который всегда поступал правильно. Ребенком, который всегда знал, когда время говорить, а когда — заткнуться. Я прикусил язык до крови.

Мужчина взглянул на мой костюм и фыркнул.

— Ты представляешь собой не больше, чем обезьянка, малыш. А хочешь быть таким же, как эти мужчины внутри, — он кивнул на дверь позади. А затем наклонился поближе ко мне, словно собирался поведать секрет, так близко, что я ощутил, исходящий от него запах водки, настолько сильно ударивший мне в ноздри. Тем не менее, я предвидел его дальнейшие слова. — Но по итогу ты должен стать лучше их.

Совет старого пьяницы отложился у меня в голове гораздо лучше, чем все, что когда-либо говорил мой отец. Два года спустя, моя мама усадила меня в нашей семейной гостиной и объявила новости, которые я бы сравнил с тем воспоминанием. Это сформировало меня каким-то каталитическим образом.

Как видите, жизнь можно делить на годы, месяцы, воспоминания и поворотные моменты. *Три* момента в жизни определили то, кем я стал.

Первый.

Мне было двенадцать. Было время каникул, и я проводил их в стенах школы-интерната имени Фауста для маленьких мальчиков, но в один из выходных я решил навестить в дом моей матери в Филадельфии.

Вот тогда-то она и решила поговорить со мной. Она не назначила день, не планировала нашу встречу, не придавала этому особого значения. Мать просто сбросила на меня эти новости с такой же легкостью, как уволила бы работника. Коротко и ясно.

— Мы с твоим отцом развелись.

Развелись. В прошедшем времени. Каким-то образом, я упустил что-то столь драматичное в своей жизни. Это происходило прямо у меня под носом, а я не замечал, потому что моя мама верила, что эта ситуация незначительна. И она заставила меня тоже в это поверить.

Их расставание можно было назвать мирным. Они просто разошлись. Катарина Кобальт никогда не приобщала меня к своей жизни на сто процентов. Она никогда открыто не показывала, что чувствует к людям. И именно в тот момент я тоже научился этому трюку. Я

научился быть сильным и бесчеловечным одновременно.

Связь с Джимом Элсоном, моим отцом, была утрачена. И у меня не возникало ни малейшего желания возродить с ним какие-либо отношения. По правде, если бы я подпустил его ближе, то это принесло бы только боль, так что я убедил себя, что их развод — это просто факт. И двигался дальше.

Второе.

Мне было шестнадцать. В тусклом кабинете школы Фауста, наполненном облаком дыма, двое старшеклассников расхаживали перед шеренгой ребят, приносящими свои обеты.

Попасть в тайное общество — равносильно стать членом команды по лакроссу. Одетые в школьные брюки, блейзеры и галстуки, многие из нас в будущем должны были украсить залы Гарварда и Йеля и снова повторить все те же ошибки.

Старшеклассники задавали каждому парню один и тот же вопрос, и каждый отвечал с одинаковым уровнем подчинения свое "да", после чего опускался на колени. А ребята сосредотачивались на следующем мальчике.

Когда они остановились передо мной, я вел себя относительно сдержанно. В основном стараясь скрыть свою обычную самодовольную улыбку. Для меня эти парни были схожи с обезьянами, бьющими себя в грудь ради банана. Но суть в том, что я просто не желал отдавать кому-либо свой чертов банан. Каждый выигрыш должен превышать затраты.

— Коннор Кобальт, — сказал похотливый блондинчик. — Будешь ли ты сосать мой член?

Предполагалось, что этот вопрос покажет, насколько хорошо мы будем следовать приказам. И если честно, я не был уверен, как далеко они готовы зайти, чтобы проверить это.

Что я получу с этого?

Наградой должно было бы стать членство в этой социальной группировке. Я же считал, что могу добиться этого другим путем. Мне был доступен путь, который до этого никто не проделывал.

— Думаю, все как раз наоборот, — сказал я ему сквозь улыбку. — Ты должен отсосать мой член. Тебе это больше придется по вкусу.

Члены братства начали смеяться, а блондинчик подошел ко мне так близко, что наши носы почти соприкоснулись.

— Что ты только что мне сказал?

— Думаю, я выразился предельно ясно с первого раза. Верно?

Он дал мне возможность подчиниться. Но дело было в том, что если бы я хотел стать ведомым тестостероновой обезьяной, то скорее вступил бы в футбольную команду.

— Нет.

— Ну, тогда давай я повторю, — я наклонился вперед, уверенность сочилась из каждой моей поры. Мои губы коснулись его уха. Ему это понравилось даже больше, чем он думал. — Соси. Мой. Член.

Он оттолкнул меня назад, сильно краснея, и я выгнул бровь.

— Проблемы? — спросил я его.

— Ты что гей, Кобальт?

— Я просто люблю себя. И в этом отношении тоже, наверное. И тем не менее я все еще не хочу отсосать тебе.

На этом я закончил с секретными сообществами.

Восемь из десяти новобранцев ушли вместе со мной.

Третье.

Мне было девятнадцать. Это было в Пенсильвании, в Лиге Плюща.

И я бежал по студенческому центру, замедляясь до быстрого шага, когда достиг женской уборной. Я толкну дверь и увидел темноволосую девушку на четырех-дюймовых (*10,16 см — прим. пер.*) каблуках и в консервативном синем платье. Она стояла возле раковины, вытирая с платья пятно с помощью влажных бумажных салфеток, ее глаза были воспалены от гнева и тревоги.

Когда она увидела, что я вошел, то направила весь скопившийся негатив на мое новоприбывшее тело.

— Это *женская* уборная, Ричард, — используя одно из двух моих настоящих имен, она попыталась швырнуть в меня бумажной салфеткой. Но оно упало на пол, так и не поразив цель.

Не по моей вине на ее платье красовалось пятно от вишневого шампанского. Но в голове Роуз Кэллоуэй я значился как обидчик. Мы пересекались с ней каждый год, мой интернат и ее подготовительная школа конкурировали в Модели ООН (*синтез научной конференции и ролевой игры, в ходе которого студенты и учащиеся старших классов на нескольких официальных языках ООН воспроизводят работу органов этой Организации, приобретают дипломатические, лидерские, ораторские и языковые навыки и умение приходить к компромиссу — прим. пер.*) и почетных научных сообществах.

Предполагалось, что сегодня я буду ее Студенческим Послом и устрою ей тур по кампусу вместе с деканом, который решит, достойна ли она быть включенной в Программу Чести (*программа обучения в колледжах США, предоставляющая студентам привилегии — прим. пер.*).

— Я в курсе, — просто сказал я ей, будучи более обеспокоен ее состоянием. В один момент она схватилась за раковину, словно собралась разреветься.

— Я собираюсь убить Каролину. Планирую вырвать ее волосы одним рывком, а затем украсть всю ее одежду.

Ее чрезмерные преувеличения всегда напоминали мне о сплетне, которую я слышал в Фаусте. О том, что как-то во время занятия по здоровью в Академии Далтон, ее подготовительной школе, она взяла свою куклу-пупса и искромсала ее с помощью обычных ножниц. Другой человек рассказывал, что она разрезала пополам лоб пупса и подарила его учителю. Заметьте, *меня не заботит неодушевленный предмет, если он неинтересен другим мальчикам.*

Люди считали ее психом, в некотором роде "я сожру вашу душу" гением.

Я же считал ее чертовски обаятельной.

— Роуз...

Она ударила ладонями о столешницу.

— Она пролила на меня *газировку*. Лучше бы ей ударить меня кулаком в лицо. По крайней мере, это можно скрыть макияжем.

— У меня есть решение.

Она протянула ко мне руку.

— Эта уборная — не место для проявления своего эго.

— Тогда что, черт возьми, ты здесь делаешь? — спросил я ее, наклонив голову.

Она взглянула на меня, а я подошел поближе, пытаюсь помочь. От злости она толкнула

меня в грудь.

Но я даже не шелохнулся.

— Это было немного по-детски, даже для тебя.

— Это саботаж, — сказала она с пылающим взглядом, указывая на меня. —

Академическая *ненасытность*. Я ненавижу жуликов, а она обманула меня вне рамок Пенсильванской системы.

— Ты уже была принята, — напомнил я ей.

— Ты бы пошел в колледж, если бы не был принят в Программу Чести?

Я не ответил. Ей и так был известен мой ответ.

— *Именно.*

Я бросил мокрые салфетки в ближайшее мусорное ведро, и от внимательного наблюдения за мной ее плечи немного расслабились. Затем я начал стягивать свой красный блейзер.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Вот, на что похожа помощь.

Она покачала головой.

— Я не хочу быть обязанной тебе, — она направила на меня еще один палец и отступила назад. — Я знаю, как ты действуешь. Я *раскусила* это. Ты делаешь кое-что для студентов, а они платят тебе за это каким-то совершенно больным образом.

Альтернативная стоимость. Преимущества. Сделки. Это все основополагающие составляющие моей жизни.

— Я не принуждаю людей к проституции, — я протянул ей свой блейзер. — Нет ни одного доказательства этому. Я не ожидаю ничего в ответ. Так что возьми пиджак.

Она просто продолжала качать головой.

Моя рука опустилась.

— Что?

— Почему ты ведешь себя так рядом с Каролиной? — вдруг спросила она.

В ее вопросе я прочел нечто другое. Я услышал: *Почему она тебе нравится?* Каролина была типичной представительницей американской аристократии. Она всегда смотрела на меня своим взглядом хищника, будто бы безмолвно спрашивая: *Как бы мне тебя использовать? Может женить тебя на себе однажды и забрать все твои чертовы деньги?*

Но Роуз Кэллоуэй была другой. Она была стильной. Но не принадлежала к девочкам из студенческих сообществ. Теоретически она была одарена. Но не являлась командным игроком. Может потому что быстро начинала испытывать отвращение к окружающим. За исключением тех, кого любила.

Роуз была сложным уравнением, которое не нуждалось в решении.

У меня даже не было времени ответить. В один момент Роуз пришла в состояние раздражения. Она положила руки на бедра и скопировала позу, которую я принимал ранее в этот же день.

— *Ты тусуешься с Каролиной. Я видела вас на рыцарском мероприятии на прошлой неделе. Как поживает твоя мать?*

— Я старался быть доброжелательным.

— В окружении некоторых людей ты меняешься, — сказала она мне. — Я знаю тебя достаточно давно по научным конференциям и вижу это. Ты ведешь себя по-одному с ними, и по-другому со мной. Как я могу знать, где же настоящий Коннор Кобальт?

Никогда и не узнаешь.

— С тобой я настолько настоящий, насколько могу.

— Это абсолютная *херня*, — возмутилась она.

— Я не могу стать тобой, — сказал я ей. — Ты оставляешь след из тел, сраженных твоим пристальным взглядом. Люди боятся подойти к тебе, Роуз. Это проблема.

— Зато я знаю, кто я такая.

Чем-то мы привлекали друг друга. Я возвышался над ней, будучи выше большинства мужчин и со строением схожим на спортсмена. Я никогда не горбился. Никогда не отступал. Я гордился своим высоким ростом.

Она подняла подбородок, бросая мне вызов. Я пробуждал в ней все лучшее.

— Я точно знаю, кто я, — сказал я, вкладывая в каждое слово долю уверенности, которой обладал. — А беспокоит тебя, Роуз, то, что ты не имеешь даже понятия, что я за парень, — я шагнул ближе, и она замерла. — Если люди смотрят на меня и видят мои проблемы, то я бесполезен для них. Так что я даю им именно то, что они хотят. Я — кто-угодно или что-угодно, в чем они нуждаются, — я снова протянул ей свой блейзер. — А тебе нужен чертов пиджак.

Она нехотя взяла блейзер, все еще сомневаясь.

— Я не могу быть тобой, — сказала она. — Я не могу выражать все свои чувства. И не понимаю, как тебе это удается.

— Практика.

Наши взгляды встретились на затянувшийся момент. Между нами было так много того, что я не был готов открыть прямо тогда. Я был неподготовлен к глубоким беседам, на которые она меня толкала.

Роуз Кэллоуэй не могла меня терпеть из-за того, кем я был — парнем, стремящимся к вершине. Ирония состояла в том, что она хотела для себя того же. Просто она не желала двигаться к этой цели тем путем, который выбрал я.

Она надела мой блейзер, свисавший на ее теле.

— Какую часть себя ты мне показываешь? — спросила она.

— Лучшую.

Она закатила глаза.

— Если тебе нечего сказать по сути, Ричард, зачем тогда вообще говорить?

Я не мог сформулировать ответ, который бы ей хотелось услышать. Я провел годы, выстраивая вокруг себя барьеры и оборону. Мне было под силу заботиться о женщине лучше, чем любому другому парню. Но моя мать никогда не учила меня, как любить. Она преподавала мне традиции, историю, различные языки. Благодаря ей, я стал смышленным.

Она сделала меня логичным и проинформированным.

Я познал секс. Испытал привязанность. Но любовь? Это была нецелесообразная концепция, что-то очень сильно воображаемое, как Библия, — вот, что сказала бы о любви Катарина Кобальт. Когда я был ребенком, то думал, что любовь — это что-то фантастическое, как ведьмы и чудовища. Это чувство не могло бы существовать в реальной жизни, и даже если оно и существовало, то было с родни религии — просто заставляло людей почувствовать себя немного лучше.

Любовь.

Для меня это было фальшивкой.

И я почти закатил глаза. *Вот к чему ты пришел, Коннор. Вот оно, что-то чертовки*

реальное. Что-то исходящее из самого сердца.

— Роуз, — начал я. И она обернулась взглянуть на меня. И в ее взгляде были глубины ада. Ледяной холод. Горечь. Беспокойство и боль. Я хотел забрать это все. Но не мог открыть перед ней все свои карты. Я не мог впустить ее. Я проиграл эту игру первым. В самом ее начале. — Ты многого достигнешь.

И это правда было так.

Она ушла.

Через друга моего друга я узнал, что Роуз Кэллоуэй была принята в Программу Чести. Узнал, что она отказалась от возможности участия в Пенсильванской системе. По какой-то причине она избрала Принстон, наш конкурирующий колледж.

А через шесть месяцев я начал встречаться с Каролиной Хейверфорд. И вскоре после этого, она стала моей девушкой.

Это была жизнь, к которой я шел.

Это было то, к чему меня подготовили.

В ней не было ничего спонтанного или очаровательного.

В девятнадцать все было просто практичным.

Пять лет спустя.

ГЛАВА 1

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Вы, наверное, слышали истории, в которых сильный, мускулистый мужчина важно входит в комнату с высоко поднятой головой, его грудь вздымается, а коренастые плечи распрямляются — он король джунглей, значимый человек во всем кампусе, тот, перед кем раздвигаются девичьи колени. Этот мужчина неоправданно самолюбив, желая показать, что у него есть член, и он об этом прекрасно знает. Он ожидает, что девушка рядом с ним станет немой и согласится на каждое его требование.

Ну так вот, я переживаю подобную историю прямо сейчас.

Мужчина уселся на место во главе стола переговоров (вместо того, чтобы сесть ко мне поближе) и просто смотрит в моем направлении.

Возможно, он считает, что я стану одной из тех тупых девочек. Что съезжусь от взгляда его глубоких серых глаз и вида зачесанных с каким-то вонючим гелем светлых волос. В свои двадцать восемь лет он перепачкан элитаризмом Голливуда и самодовольством. Когда я впервые говорила с ним, он бросался именами актеров, продюсеров и режиссеров, ждущих меня с распростертыми объятиями, пребывая в полнейшем восторге.

— Я знаю, что и как. Я делала проект с позабытыми знаменитостями.

Тогда моему парню пришлось выхватить у меня из рук телефон, прежде чем я начала проклинать администрацию Голливуда, изливая на них все накопившееся во мне раздражение.

Наконец мужчина говорит.

— У тебя есть контракты? — его стул скрипит, когда он откидывается на спинку.

Я достаю стопку бумаг из сумочки.

— Подай их сюда, — он подзывает меня двумя пальцами.

— Ты мог бы присесть рядом со мной, — отвечаю я, вставая, обутая в свои туфли на платформе с латунными пуговицами и камуфляжной расцветкой из новой коллекции Кэллоуэй Кутюр.

— Но не стал, — говорит он так просто. — Подойди сюда.

Мои каблуки цокают о твердую древесину, и я иду, словно по узкому мостику, к Скотту ван Райту.

Закидывая ногу на ногу и опуская палец себе на щеку, он без капли стеснения внимательно изучает мое тело. Его взгляд следует вдоль моих стройных ног к подолу черного плиссированного платья с прямыми на три четверти рукавами и высоким воротом, обхватывающим мою тонкую шею. Он обращает внимание на мои накрашенные темной помадой губы, залитые румянцем щеки, при этом обходя десятой дорогой мой разгневанный взгляд. Скотт опускает глаза и сосредотачивается на мой груди.

Остановившись прямо возле него, я бросаю контракты на стол. Бумаги соскальзывают с полированной поверхности и приземляются на его коленях. Одна стопка, скрепленная скобой, падает на пол. Я улыбаюсь, представляя, что ему нужно будет неуклюже нагнуться, чтоб поднять ее.

— Подними, — говорит он мне.

И моя улыбка растворяется.

— Но они под столом.

Он наклоняет голову, посылая мне еще один долгий взгляд.

— И именно ты уронила их туда.

Он ведь не серьезно. Я скрещиваю руки на груди, не реагируя на его просьбу. А он просто сидит и ждет, что я подчинюсь.

Это проверка.

Я привыкла к ним. Иногда я даже создаю их самостоятельно, но эта, кажись, не приведет меня ни к чему хорошему.

Если я наклонюсь, он установит надо мной эту странную власть. У него будет возможность управлять мной таким же образом, как Коннор Кобальт, простыми словами заставляя людей танцевать под свою дудку.

Это дар манипулятора.

И я даже и близко не наделена им. Думаю, я слишком эмоциональна, чтобы уметь воздействовать на других людей.

— Поднимите это, — говорит он, его взгляд снова останавливается на моей груди.

Внутренне я понимаю, зачем мне нужен Скотт, и почему я хочу получить эту кучу камер и задокументировать каждый свой шаг. Я вдыхаю. Ладно. *Ты должна это сделать, Роуз. Все, что потребуется.* Меня передергивает, и я опускаюсь на колени. В платье. Это работа персонального ассистента, а не клиента.

Я слышу, как он щелкает своей ручкой, пока я поднимаю бумаги. На мне не одет топ с глубоким вырезом, чтобы было на что смотреть. Я не обладатель огромных грудей, чтобы заслужить вожделенные взгляды окружающих. По большей части, все, что он может сделать, так это шлепнуть меня по заднице и попытаться задрать платье, при этом непристойно оголяя мои бедра.

Когда я встаю и опускаю бумаги на стол, его губы изгибаются в улыбке.

Скотт ван Райт (мудак) 1 — Роуз Кэллоуэй (ничтожество) 0.

Я сажусь на ближайший стул, пока Скотт засовывает контракты в свой портфель.

Мой парень уговаривал меня взять с собой на встречу юриста, но мне не хотелось, чтобы Скотт подумал, будто я не в состоянии самостоятельно справиться с ситуацией. У меня не будет юриста во время съемок, потому что уже сейчас следует все взять в свои руки.

Не то чтобы я отлично справлялась с этой задачей.

Если бы я приказала Скотту что-либо сделать, он бы просто рассмеялся надо мной. Но с другой стороны, я посещала несколько курсов по праву во время обучения в Принстоне. Мне известны мои права.

— Просто чтобы прояснить ситуацию, напомню, ты работаешь на меня, — говорю я. — Я наняла тебя продюсировать шоу.

— Это мило. Но после того как ты подписала тот контракт, ты официально стала моим сотрудником. Ты эквивалентна актрисе, Роуз.

Нет.

— Я могу уволить тебя. А ты не можешь уволить меня. Это не делает меня твоим подчиненным, Скотт. Это делает меня твоим начальником.

Я ожидаю, что он признает свое поражение, но он качает головой так, словно это я неправа. Но я-то знаю, что права... верно?

— У моей продакшн компании есть право собственности на любое видео, снятое сестрами Кэллоуэй для сетевого телевиденья. Если ты уволишь меня, то из этого выйдет просто прецедент, а ты так и не сможешь перейти к другому продюсеру. Я твой

единственный шанс снять реалити-шоу, Роуз.

Я помню этот пункт в контракте, но почему-то никогда не задумывалась, что он станет проблемой. Я думала, что столкнусь с Скоттом максимум дважды за все время съемок. Но когда он зашел в конференц-зал, его первыми словами было:

— Мы будем видеться друг с другом часто.

Прекрасно.

Мои глаза пощипывает. И на этом я должна уступить. Он выиграл. Почему-то. Ненавижу это.

— Итак, хорошо, что мы это прояснили, — говорит он, медленно пододвигаясь ко мне вместе со своим креслом, — его колени почти ударяются о мои. Я полностью деревенею. — А теперь давай проясним еще несколько моментов в контракте, возможно, ты их тоже неправильно истолковала.

— У меня нет проблем с ошибочным пониманием написанного.

— Ну, очевидно ты задействовала не ту часть мозга, раз не поняла, что в данной ситуации работаешь на меня. И мы потратили на это... — он смотрит на свои часы, — ... пять минут моего времени, — он одаривает меня насмешливой улыбкой, словно я маленькая девочка.

— Я не идиотка, — отвечаю я. — Я окончила колледж с высокими отметками...

— Меня не волнует твоя чертова степень, — говорит он резко. — Сейчас ты в реальном мире, Роуз Кэллоуэй. Никакой университет не способен научить, как выкруливаться в этой области.

У меня возникает сомнение. Я не очень сведуща в реальном телевидении, но была погружена в медиа сферу достаточно долго, чтобы знать, что точно также как ТВ может помочь кому-то, так же оно способно и сломить человека.

А мне нужна именно помощь.

Я понимаю досконально, почему в сети возник интерес к продуктам Физзли. Бренд моего отца частично занимается продажами Физзли в течение последних пары лет, он работает, стремясь популяризировать содовую Физзли в южных штатах страны. Мы должны оставаться анонимными настолько же, как люди, стоящие за созданием Кока-колы, но с тех пор наша семья стала публичной, мы находимся под пристальным вниманием общественности, и все это из-за скандала, связанного с моей младшей сестрой.

Мой бренд должен был бы взорваться во всех средствах массовой информации, но вместо этого Кэллоуэй Кутюр связали с грязными тайнами Лили. И то, что когда-то было успешной коллекцией в Н&М, теперь сложено в коробки и складировано в моей Нью-Йоркской конторе.

Сегодня я нуждаюсь в хорошем экспонировании, которое бы вызвало желание у женщин купить единственное в своем роде пальто или уникальную пару сапог, доступную, но такую шикарную сумочку. И Скотт ван Райт предлагает мне реалити-шоу в прайм-тайм, которое склонит зрителей к покупке моих вещей.

Так что вот почему я соглашаюсь на это.

Я хочу спасти свою мечту.

Скотт говорит:

— В твоей гостиной и кухне камера будет находиться постоянно, даже после того, как трое из операторов уйдут. Ты единственная, в чьей спальне и ванной будет хоть какая-то уединенность.

— Я помню это.

— Хорошо, — Скотт щелкает своей ручкой. — Тогда, возможно, ты помнишь и о том, что каждую неделю я ожидаю тебя на интервью с участниками, включая трех твоих сестер...

— Не трех, — говорю я. — Только Лили и Дейзи согласились участвовать в шоу.

Моя самая старшая сестра Поппи не стала подписывать контракт, потому что не пожелала втягивать во все это еще и свою дочь. Моя маленькая племянница и так уже столкнулась с кучей папарацци со времени скандала с Лили.

— Ладно, в любом случае она была бы лишь скучным дополнением.

Я хмурюсь.

— Я просто честен.

— Я привыкла к менее откровенной честности, — говорю я ему. — Твоя честность граничит с грубостью.

Он смотрит на меня по новому, словно мои слова состояли из токсичных феромонов. Я не понимаю. В моей внешности нет ничего особенного. Я смотрю на него так свирепо, словно хочу оторвать ему пенис, а его это наоборот привлекает. С ним реально что-то не так.

Возможно, и с моим парнем тоже что-то не так.

На самом деле, с любым парнем, которому я нравлюсь, вероятно, что-то не так. Потому что я не уверена, что реально нравлюсь даже сама себе.

— Как я и говорил... — его колено касается моего.

Я откатываюсь назад, а он еще сильнее усмехается. Это не игра в кошки-мышки, что он себе возомнил? Я не мышка. А он не кот. Или наоборот. Я чертова акула, а он — одноногий человек в моем океане.

А мой парень, он такой же, как и я, мы с ним одного поля ягоды.

— Продолжай, — шиплю я.

— Я буду брать интервью у тебя, двух твоих сестер, парня Лили и его брата.

6 человек + 6 месяцев + 3 камеры + 1 реалити-шоу = бесконечная драма. Я учила математику.

Скотт будет проводить интервью, хотя... я мысленно прикусываю язык.

— Ты не упомянул моего парня, — говорю я. — Он — тоже часть шоу.

— О, верно.

— Не делай вид, что забыл, Скотт. Ты сказал, что стараешься быть крайне честным, а сейчас, ну, ты выглядишь лжецом.

Он игнорирует мое презрение.

— Каждый эпизод будет выходить в эфир через неделю после съемок. Премьера состоится в феврале, но снимать нам нужно уже сейчас. Как я и упоминал по телефону, мы постараемся сделать это шоу в реальном времени настолько, насколько это возможно. Прошло шесть месяцев с того момента, как твою сестру объявили сексуально зависимой. Нам нужно отделаться от шумихи вокруг этого инцидента максимально быстро.

Возле моего дома всегда есть по крайней мере пара толстых мужичков с направленными на нас объективами. Лили шутит, что они, вероятно, слоняются там, выжидая, пока она им отсосет. Возможно, я бы тоже посмеялась над этим, если бы не видела письма с фотками волосатых гениталий, которые ей шлют извращенцы — члены ее персонального, больного фан-клуба. Я читаю эти письма, перед тем как они попадают к ней.

— И наконец, — говорит Скотт, — у тебя нет права вносить правки в отснятый материал. Это моя зона ответственности.

То есть у меня столько же контроля над реалити-шоу, сколько и над папарацци, делающими неожиданные снимки.

На видео я могу вести себя, словно ангел, а никакая ни сварливая сучка, и Лили может стараться показаться девственницей-святошей. Но в конце дня, когда мы выдохнемся, камеры все равно поймают нас. Увидят наши изъяны и все остальное. И тут ничего не поделаешь. Это было соглашение, на которое пошли все мои друзья и сестры.

Чтоб сделать шоу, нам нужно не притворяться.

Я бы никогда и не попросила у них такого.

В этой ситуации мы словно бросаем игральные кости, не зная, повезет ли нам. Люди могут возненавидеть любого из нас. Сплетничая в блогах, они уже называют Лили проституткой. Но есть небольшой шанс, что зрители постепенно полюбят нас, и моя компания будет спасена. Мне просто нужна хорошая реклама, чтобы розничные магазины снова захотели закупать мою линию одежды.

И возможно, Физзли тоже оправится от нанесенного Лили ущерба. Возможно компания моего отца по газировке поднимется в продаже даже выше, чем была до скандала.

Вот на это я надеюсь.

— Ты согласна с этим? — спрашивает Скотт.

— Даже не знаю, почему ты об этом спрашиваешь. Я уже подписала контракт. Так что я либо принимаю все, что там написано, либо ты подашь на меня в суд.

Он коротко смеется и в третий раз внимательно осматривает мое тело.

— Не думаю, что твой парень знает, что с тобой делать.

— Потому что ты никогда не встречал его.

— Я говорил с ним. Он довольно гибок, — Скотт стучит ручкой по столу. — Если бы я сказал ему опуститься на колени и отсосать мне член, думаю, он бы так и сделал.

Мои ноздри расширяются. И я возмущаюсь:

— Это ты так думаешь, — я встаю. — А когда он ударит тебя ножом в пах, я буду той, кто станет на его сторону и будет улыбаться.

На это Скотт усмехается.

— Вызов принят.

Глупый ублюдок-интеллентишка.

Самое смешное в том, что встречаюсь я с таким же мужчиной.

Так что, кажись, я по собственной вине устроила этот бой под названием "у кого длиннее".

Я знаю, что выбирая парня, мне следовало немного опустить свои стандарты, начать встречаться с парнем, обожающим кататься на скейтборде и носящим футболку наизуворот. Я гримасничаю. Это я так просто шучу. У меня клевый парень в костюме и галстук. У него высокий IQ и острый юмор. Я просто надеюсь, что рвение Скотта потягаться с ним не разрушит реалити-шоу.

Но что я знаю точно, так это то, что мой парень любит выигрывать.

А проигрывать он ненавидит с неистовой силой.

ГЛАВА 2

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Я жонглирую коробкой со старыми счетами и пакетом с салатом из курицы с овощами, пытаюсь найти свои ключи в маленькой сумочке. В одной из ладоней зажат мой телефон, и я стараюсь сохранить идеальный баланс равновесия, чтобы не навернуться с собственного круглого крыльца на своих четырехдюймовых ботинках.

Я живу в студенческом городке: Принстон, Нью-Джерси. И у моего колониального дома с воротами и черными ставнями раскинуты акры зеленых палисадников и зимних цветников. Но прямо сейчас я не могу насладиться этой безмятежной атмосферой.

Слева от меня светится вспышка камеры, идет съемка. Оператор — парень приблизительно моего возраста, жилистый и худой. В течение двух дней Бен говорил ровно столько же, как и пара его других коллег, то есть реально немного. Они просто снимают.

Его присутствие отвлекает меня от моего жонглирования.

И из белого полиэтиленового пакета проливается соус, благо, он не попадает на мой плащ, но зато забрызгивает комбинезон. Я борюсь в отчаянии, пытаюсь сохранить хоть каплю достоинства, но коробка со счетами клониться в сторону, начиная выскальзывать.

И затем вдруг ее выхватывают прямо из моих рук, при этом оставляя меня в неловком сгорбленном положении, с отведенным в сторону капающим пакетом так, словно в нем содержится источник бубонной чумы.

Я оглядываюсь поверх плеча и встречаюсь взглядом с Коннором. Я быстро пробегаю по его чертам лица: его густым бровям, волнистым каштановым волосам, светлой коже и розовым губам, поразительно голубым глазам и самодовольной усмешке, которая, удивительно, но никогда не приносила ему неприятностей. Он носит свою уверенность, словно самый дорогой костюм — стильно и достойно, нереально обаятельно. Мне сразу же хочется соревноваться с ним: его улыбка против моей, усмешка против усмешки, его слово против моего. Но прямо сейчас его самолюбивый вид не утешает меня.

Однако я очень благодарна ему за то, что мои счета не оказались разбросанными по крыльцу. Мои заработки скудные, и я предпочла бы, чтобы Коннор не видел цифр в этих документах.

— Ты участвуешь в пробах на роль Квазимодо? — шутит он.

Я бросаю ему скупую улыбку.

— Очень смешно.

— Давай это сюда, — он указывает пальцами на пакет с едой.

— Я справлюсь, — говорю я. — Ущерб уже нанесен, — мой комбинезон нужно будет оставить в пятновыводителе не менее чем на час.

Но Коннор наклоняется и открывает дверь с помощью своего ключа. Не знаю, что именно в этой ситуации меня затрагивает. Возможно, тот факт, что у него вообще есть ключи от моего дома. Или то, что он живет со мной. Я все еще не могу поверить, что наши отношения достигли *такого* уровня. До сих пор в полной мере не могу осознать, что я и Коннор Кобальт встречаемся уже больше года.

Он очень сложен для понимания, и это исключительно по его же вине.

Но я бы никогда не признала этого факта перед Скоттом ван Райтом.

Я должна порадоваться, что мой парень спас этот день, подхватив мои вещи, но

собственная неуклюжесть наталкивает на мысли о том, что я плохо выгляжу: волосы спутаны, помада размазана, одежда помята, ну, и, конечно же, заляпана. И мой рот открывается до того, как я успеваю сообразить, что говорю.

— А ты хорош в этом.

Его бровь выгибается от понимания, к чему я клоню.

— Во всовывании моего ключа в скважину?

Его рука перемещается к изгибу моего бедра.

— Я ничего не говорила о замочной скважине, — отвечаю я.

— Нет, но я почему-то уверен, что ты прокомментировала *твою* замочную скважину и мой ключик.

— Если ты пытаешься завести меня с помощью сексуальных идиом, то скажу тебе честно — это не работает.

— Я и не рассчитывал на то, что это сработает, просто признайся, что ты первая подумала о замочной скважине, — это, словно он способен прочесть *мои мысли*. Мы одинаково думаем во многих случаях. — Ты проводишь слишком много времени со своей сестрой, — добавляет он и улыбается своим же словам.

Думаю, он прав. Лили бы быстро провела ассоциацию. Ключи. Скважины. Секс. В ее голове это — логичный вывод. Хотела бы я сказать, что мой мозг устроен не таким же образом, но я всего лишь человек.

Мой взгляд бросается к камере, и Бен качает головой, будто бы говоря мне: «*ты не должна смотреть в объектив*». Но я не смущаюсь от нашего с Коннором разговора. Я просто стараюсь привыкнуть к постороннему наблюдению, это как третий лишний неуклюжий наблюдатель на свидании.

— Дверь открыта, — говорит мне Коннор.

И это так. Я передаю ему свою сумочку и телефон. Затем я приношу в жертвы свои руки и закрываю ладонью дыру в пакете, чтобы избежать следов красного соуса на дубовом полу.

Я направляюсь на кухню и замечаю еще одного оператора — Бретта, он невысокий и коренастый, немного полноват, полная противоположность Бена. Его глаза расширены, и он снимает что-то на свою камеру, которая, как и у Бена, закреплена у него на груди.

У меня занимает всего пару секунд, чтоб найти причину, по которой он так удивлен. Лорен загнал мою сестру к шкафу и прижался к ней так сильно, что между их телами даже воздух не пройдет. Они глубоко и страстно целуются, словно никого больше нет во всей вселенной, кроме них самих.

Его руки скрыты под ее блузкой, но вполне очевидно, что он лапает ее грудь. А затем появляется одна его рука. *Слава богу*.

Он поглаживает ее ногу, обернутую вокруг его талии. *Или нет*.

Лили выпускает резкий вздох, ее пальцы зарываются в его каштановые волосы, по бокам они короткие, а на макушке длинные. По росту моя сестра еще ниже, чем я, и ее волосы светлее моих. Моя задница побольше, и груди, у меня более округлые бедра. Она же худышка.

Коннор откашливается, и Лили отлипает от Лорена (или Ло, в зависимости от моего настроения. Обычно я использую один из этих вариантов. Он предпочитает прозвище своему полному имени, но меня это особо не заботит). Лицо Лили заливается румянцем.

— Мы побеспокоили вас? — спрашивает Коннор вполне обыденно, опуская мои вещи на стол.

Ло вытирает рот и приподнимает брови.

— Вообще-то, да.

— Не груби, Лорен, — вставляю я, ставя пакет в раковину. Лили пытается прикрыться руками. Коннор и я в этой ситуации в более выгодном положении.

— Грублю? — говорит Лорен, посмеиваясь. — На прошлой неделе ты сказала мне, что если еще хоть раз увидишь меня с эрекцией, то прихлопнешь мой стояк дверью.

Коннор кивает Ло.

— В защиту Роуз скажу, никто, кроме Лили, не жаждет лицезреть твою эрекцию.

— Это не то, что ты сказал прошлой ночью, — шутит Ло.

Уголки губ Коннора приподнимаются.

— Шшшш, наша *любовь* должна остаться только между нами.

Я стреляю в него взглядом.

— Ты напрашиваешься спать на полу сегодня ночью.

Их дружба забавляет, но одновременно с тем она действует мне на нервы.

Коннор пододвигается ближе ко мне и наклоняет голову, шепча мне на ухо, в его глазах столько власти.

— Если ты правда считаешь, что так будет лучше, то чуть позже я докажу тебе обратное и уговорю вернуть меня в твою постель.

Его голос низкий и сексуальный, и от этого за секунду мое дыхание становится поверхностным. Я собираюсь ответить, но Ло щекочет бедро Лили, и она визжит. Они отвлекают меня, разрушая интимность короткого момента с Коннором.

Лорен — выздоравливающий алкоголик. Лили работает над своим сексуальным пристрастием. Они идут на поправку, но им нельзя жить поодиночке, потому что изоляция в первую очередь усиливает их зависимость. Так что они здесь. С нами.

И это почти также неудобно, как и кажется со стороны.

Я думала, что со снующими повсюду камерами они станут скромнее, но получилось наоборот. Лорен подняла свое ППЧ (*публичное проявление чувств — прим. пер.*) на совершенно новый уровень.

Некоторые таблоиды утверждают, что Лили наняла Лорена, чтобы исправить свою запятнанную репутацию в качестве секс-зависимой, ну и вот Лорен сует свой язык прямо в горло моей сестры (на камеру), тем самым пытаясь показать всему миру средний палец в ответ на сомнения в их любви. Его действительно особо не волнует, что общественность подумает по этому поводу.

Но меня-то это заботит.

Это первопричина, по которой вокруг меня снуют камеры.

Прежде, чем Лили успевает полностью освободиться из объятий Лорена, он притягивает ее к своей груди и игриво кусает за плечо. Она глупо усмехается и шлепает по его бицепсу. Его укусы переходят в поцелуи.

И обе камеры отворачиваются от меня, наводя ракурс на эту парочку.

Вообще-то я не возражаю. На Лили одето несколько вещей от Кэллоуэй Кутюр, которые могут понравиться зрителям, например, сливовая юбка и кружевная блузка (выдернутая из-за пояса юбки благодаря усилиям Ло). Обычно она носит лосины и мешковатые рубашки Ло при этом, не одевая под них лифчик, так что видно, что ей немного неудобно в этой одежде, но она старается сделать все как лучше.

Я нажимаю на смеситель запястьем, и Лорен отрывает взгляд от Лили, чтобы

посмотреть на то, как я смываю со своих ладоней красный соус.

— Чье сердце ты вырвала в этот раз?

Скотта ван Райта. Хотелось бы.

— Коннора, — говорю я, — но он остановил меня на полпути.

Коннор усмехается:

— У нее шустрые руки, но я быстрее.

Мои глаза прищуриваются. Ох, он нарывается.

— Когда придет медиум? — Лили настораживается, пробегая пальцами по спутанным волосам, она начинает ерзать, словно ей неудобно в собственном теле. Лорен обнимает ее со спины, складывая руки у нее на животе и упираясь подбородком в ее плечо. Она моментально расслабляется.

Его присутствие дарит ей уверенность, озаряя каждый уголок ее жизни. Если бы у нее не было Лорена, думаю, она бы влачила жалкое существование по подворотням, спя со случайными парнями, лишь бы удовлетворить свою сексуальную жажду. Потому я очень благодарна ему за помощь ей, больше, чем я когда-либо смогу это выразить.

— Она должна приехать в ближайшее время, — я выдавливаю мыло на руку и тру им под ногтями.

Коннор наклоняется к столешнице позади меня.

— Медиум на обеденной вечеринке, — говорит он, — а дальше ты знаешь, мы станем сыпать соль возле дверей и рисовать круги, вызывая духов.

— Это всего лишь на два часа, — напоминаю я ему, — и тебе не обязательно верить в это, чтобы присутствовать.

Он смотрит на меня очень внимательно, так что мое сердце начинает сильнее стучать. Мой взгляд скользит к его губам и снова подымается, встречаясь с его напряженным взглядом.

— Нет, — говорит он после длительного молчания, — я должен просто послушать немного ерунды, которая может взбаламутить разное дерьмо между нами.

Я наливаю еще немного мыла на ладонь.

— Этого не произойдет.

— Я могу поведать будущее лучше любого, кто войдет через ту дверь, и спорю на тысячу долларов, что этот медиум сегодня вечером заставит кое-кого всплакнуть.

— Ладно, — говорю я. — Если ты так хочешь потерять тысячу долларов, я приму твою ставку.

Ну, кто станет плакать? Никто из парней. И не я. Остаются Лили и Дейзи, и я ни разу не видела мою младшую сестру в слезах. А Лили — она непредсказуема. Но я бы поставила на ее стойкость.

— Без шансов, — встречает Лорен. Лили все еще обвита его руками. — Это хреновое пари. Вам нужен реальный приз.

— Это много денег, — говорит ему Коннор.

— Для кого? — спрашивает Лорен. — Ты наследник многомиллиардной компании, как и Роуз. Ваши родители срут брусками золота.

— Это отвратительно, — говорю я, скучая.

— Танец на коленях, — вдруг выпаливает Лорен. — Если Роуз проиграет, она должна подарить Коннору пятиминутный танец на его коленях.

Моя грудь сжимается, и я напряженно гляжу на Лорена, мои глаза начинают

пощипывать.

— Ты не обязана этого делать, — говорит мне Коннор. Он наблюдает за тем, как я задерживаю воздух в легких.

Я не похожа на свою сестру.

Когда дело доходит до интима, я как цыпленок. И я полностью признаю это. Вероятнее, я стану убегать от объятий, чем стремиться в них.

И Лорен знает о моей нерешительности. Часть меня задается вопросом, сочувствует ли он Коннору, зная что я не подпускаю того близко при том, что мы вместе уже довольно длительное время. Но возможно, Лорен просто пытается спровоцировать мою реакцию.

Так чтобы все смогли это увидеть.

— Думаешь, я не смогу это сделать? — спрашиваю я Коннора. Сомневаюсь, что смогу станцевать у Коннора на коленях. На публике. И при этом не ощутить унижение. Я довольно уверена в себе, но есть несколько направлений, в которых я неопытна: моя сексуальность, навыки в постели, моя *успешность* в сексе. Я искренне верю, что в сексе не можно стать ассом лишь за счет обучения. Нет, вы должны практиковаться.

А у меня абсолютно нет опыта.

Потому, у меня есть предчувствие, что после того, как однажды мы с Коннором переспим, наши отношения радикально изменятся. Все притяжение, существующее между нами, миг прервется по вине моих неумелых движений и незнания, как доставить ему удовольствие.

До сегодня он никогда не принуждал меня к сексу, но я жду того момента, когда он уйдет, когда ему осточертеет моя сверх индивидуальность и навязчивое компульсивное поведение в добавок.

Черт, иногда я сама хочу от себя уйти. Даже мой психотерапевт ненавидит меня. Она прописала мне Алпразолам, Пароксетин, Флувоксамин и Кломипрамин (*антидепрессанты и средства от тревоги — прим. пер.*), лекарства, которые я поначалу принимала, а потом выбросила. Под ними мне казалось, что я парю и могу плыть по жизни налегке, или же наоборот, мое тело казалось таким тяжелым, что могло провалиться в смертный ад.

Я не такая девушка, с которой вы захотели бы спать неделю за неделей. Я — добыча. Та, за кем вы гоняетесь, а потом отпускаете. И как только Коннор переспит со мной, то с него будет довольно. Он выиграет самый долгожданный приз всей своей жизни — девственность самой заостенелой девственницы.

Я знаю это. Это то, как со мной поступают все мужчины.

И я никогда еще не позволяла им выигрывать.

Но Коннор подошел к этому моменту гораздо ближе своих предшественников.

Он наблюдает, как я еще усерднее оттираю свою кожу от соуса, все мое тело напряжено и неподвижно, за исключением пальцев.

— Не отвечай ей, — предупреждает его Лорен. — Это уловка.

Коннор не отводит от меня взгляда.

— Я могу справиться с ней, Ло.

Да, возможно, единственный, кто может. Он медленно передвигается еще ближе и выключает кран.

Я включаю его обратно.

— Я не закончила.

Под ногтями остался еще незаметный тонкий слой соуса.

— Нам обоим известно, что ты не одаришь меня танцем на коленях. Так что давай вернемся к тысячедолларовой ставке, — его голос безэмоционален. Даже если он разочарован, то никогда не позволит мне увидеть это.

Я чувствую себя абсолютно разбитой.

— Я могу это сделать, — отвечаю я.

— Роуз, я не пытаюсь использовать на тебе обратную психологию. Я, правда, не считаю, что тебе следует это делать.

Он снова отключает кран, и когда я тянусь, чтобы включить его обратно, Коннор проскальзывает, становясь передо мной и блокируя доступ к раковине, секундой позже он оборачивает мои руки полотенцем.

— Они чистые, — говорит он.

Я мельком смотрю на свой комбинезон, все еще заляпанный красным.

— Мне нужно переодеться.

Лорен вставляет:

— Итак, мы решаем, состоится ли сегодня вечером шоу с танцем на коленях?

— Только если я проиграю, — говорю я.

Челюсть Коннора подергивается, единственный признак хоть какой-то реакции, которую я могу прочесть. Он, правда, не хочет, чтобы я делала это, и мне не нравится то, как он смотрит на меня. Словно я испуганная маленькая птичка.

Я не испугалась. Пока что.

— А если ты проиграешь, — говорю я, — что я получу взамен?

Коннор внимательно смотрит на мой рот, так же как и я на его. Он касается своим большим пальцем моей нижней губы и говорит:

— А что ты хочешь, милая?

Мое сердце выскакивает из груди. Я хочу быть превосходной в постельных делах. Я хочу порадовать его лучше, чем он делает это для меня. Я хочу превзойти его.

Но мне известно, что когда дело касается секса, мне не выиграть. Я в довольно невыгодном положении. Так что я говорю:

— Если ты проиграешь, то мне просто не нужно будет танцевать у тебя на коленях.

— Буууу, — говорит Лили.

Лорен кивает.

— Скукотень.

Но единственный человек, который для меня в этой ситуации важен, говорит:

— По рукам, — Коннор игнорирует мою сестру и ее парня. Он заканчивает вытирать мне руки. И только теперь я замечаю насколько моя кожа чувствительная и покрасневшая. Иногда меня заносит, а я даже не осознаю этого...

— А, кстати, чья идея была позвать провидицу? — спрашивает Лорен.

— Это продакшн-планирование, — напоминаю я ему.

Бретт и Бен посылают мне нервные взгляды в ответ на упоминание слова *продакшн*. Мы не живем. Это все *Старший Брат* (имеется в виду широко известное понятие "непрерывного наблюдения" и действий в соответствии с тем, как того требует это наблюдение — прим. пер.)

— О, прошу, — говорю я прямо в камеру. — Скотт, если ты слышишь это, то удали данную часть, — я смотрю на Бена. — Ну, вот и все. Он не отшлепает вас за плохое поведение.

И, как и подобает хорошим операторам, в ответ они молчат.

Какое-то время Лорен смотрит на невысокого коренастого Бретта. А затем наконец-то переключает свое внимание. И пробегает языком по затылку Лили, в то же время не отводя взгляд от объектива камеры, словно он соблазняет зрителей. Лили практически тает от его движений, ее дыхание переходит в стоны. Лорен зло усмехается, особенно когда Бретт спотыкается, отступая в шок.

А затем Лорен просовывает язык в ушко Лили.

Они играют с операторами.

А это всего лишь второй день съемки.

ГЛАВА 3

КОННОР КОБАЛЬТ

Многое изменилось со времен моего девятнадцатилетия. Но глобально, вещи остаются прежними. У меня есть девушка, правда не всецело. Если бы все было так просто, то было бы скучно, и меня бы давно уже здесь не было. Добавьте Скотта ван Райта в наши жизни — угрозу некого серьезного уровня, и удержать Роуз становится проблематично.

Но я собираюсь всполошить весь ад, лишь бы выиграть это гребаное сражение.

Скотт даже перенес эту "волшебную" вечеринку с медиумом, ссылаясь на какую-то чушь о времени, но в действительности он хочет увеличить стоимость продакшна всего этого реалити-шоу, просто я пока не понял, что именно он собирается для этого сделать.

Я смываю шампунь со своих волнистых каштановых волос, вода окутывает меня своим теплом. До этого я никогда не жил с другой девушкой. Никогда не делил с кем-то комнату, даже в школе-интернат.

Что мое, всегда оставалось моим.

Дорогие ароматизированные гели выстроены на душевой полке. Я делю ванную с Роуз. У нас совместная спальня. Многие годы мы стояли друг другу поперек горла, что в будущем помогло нам стать отличной командой.

Но в постели мы все еще в значительной степени соперничаем.

Я поворачиваю вентиль горячей воды, увеличивая напор, и подставляю свою грудь под струи. Опуская руку, я представляю Роуз в таком виде, который мне еще не доводилось лицезреть. Раздетой. Голой. Сгорающей от желания. Она не подпускает меня так далеко.

Пока нет.

Я кладу руку на ее согнутые колени, раздвигая их быстро и властно. Она резко ахает, крик удовольствия застревает в ее груди.

— Пожалуйста... — молит она.

В душе я поглаживаю свой член, напрягающийся от каждого ритмичного движения руки, твердеющий от вспышек моей фантазии. Ее тело сопротивляется. Я стискиваю ладонями ее полные груди и бедра. А она нападает на меня с таким же неистовством, но я грубо отталкиваю ее назад на матрас. И ее взгляд полыхает.

Я доминирую над ней и даю ей все, что как я знаю, она полюбит.

Есть прелесть в том, чтобы быть чертовски умным — я понимаю ее лучше, чем она понимает саму себя.

Мои мускулы сильнее напрягаются, и сильнее сжимаю свой член, двигая по нему вверх-вниз; произвольный стон слетает с моих губ. Я упираюсь рукой в покрытую плиткой стену и ускоряю свои движения. *Черт, да.*

И как только я уже готов кончить, дверь в ванную резко открывается.

Я вижу ее женственные формы через затуманенное стекло, так же как и она может видеть меня. Усмешка расплывается по моему лицу, и я наблюдаю, как она поворачивается к душе, опуская руки на свои бедра. Я могу почти почувствовать как горячий, неистовый гнев сочится из ее тела.

Иди ко мне.

Она стремительно подходит к душе и открывает стеклянную дверь.

Я не останавливаюсь.

Она стоит там, с широко распахнутыми глазами от одной лишь идеи того, что я кончаю в *нашем* душе. Но она спокойна, ее взгляд не опускается к моей эрекции, и, вероятно, Роуз даже не замечает, что приоткрыла рот. Она застыла в безмолвном удивлении и любопытстве, и я с радостью пользуюсь этим.

Я смотрю на нее, прослеживая линию ее шеи, скрывающейся под черным шелковым халатиком. Ее грудь высоко подымается и опадает от физического притяжения между нами. Но она слишком неуверенная в себе, чтобы что-то с этим сделать. Так что Роуз стоит, будто приклеенная к полу, даже не желая взглянуть на мою руку, которая двигается со знанием дела. Она не хочет доставить мне удовольствие и дать выиграть.

Я усиливаю хватку на своем члене и испускаю негромкий гортанный стон.

Она резко вдыхает.

А я лишь сильнее усмехаюсь. Даже несмотря на то, что она уверенная, наглая и высокомерная, она теряет все эти качества, когда дело доходит до *этого*. До секса. Ебли. Привязанности.

Я могу быть терпеливым, но я больше не собираюсь все упрощать для нее, не тогда, когда имеет место конкуренция со Скоттом ван Райтом. До того как я переехал к Роуз, я бы успокоил ее. Я бы перестал мастурбировать сразу же, как только она открыла дверь в ванную.

Сейчас же я не собираюсь быть настолько милым.

Мой взгляд опускается к изгибу ее бедер, виднеющихся из-под завязанного на талии шелка. Я блуждаю по ее телу напряженным взором; она переступает с ноги на ногу, сгибая колени.

Мое воздействие на нее столь же сильное, как и ее на меня.

Я быстрее потираю член, и через мгновение мое тело содрогаясь, освобождается.

Она смущенно пятится от душевой кабины и, стараясь не встречаться со мной взглядом, достает свой утюжок из тумбы под раковиной.

Я успокаиваю свое дыхание, опираясь левой рукой на стену. Мои мысли возвращаются от плотских утех в свое логичное рациональное русло. Мы с Роуз вместе уже целый год, и большую часть этого времени я мастурбировал.

Ожидать ее — это не самая сложная часть. Знать, что для нее лучше и наблюдать, как она от этого отказывается — вот что действительно сложно.

Я открываю душевую дверь. Роуз выдавливает зубную пасту на щетку и аккуратно ставит ее на место в шкафчик. Ее тело напряжено, и возбуждение явно переполняет ее, думаю, немного позже она доставит себе удовольствие и облегчит пульсацию между своих ножек.

Она бросает на меня взгляд и сразу же отворачивается.

— У нас есть полотенца, Ричард, — она направляет пальчик со свежесделанным маникюром в сторону стойки. — Махровые. Мягкие. Чудесные. Может ты попробуешь использовать одно из них.

Уголки моих губ приподнимаются.

— Это просто член, Роуз, — говорю я. — Тебе бы понравилось, будь он в тебе.

Она неестественно закатывает глаза, но ее шея краснеет.

Я понимаю, что она боится утратить свою власть надо мной. Мы равны с ней во многих вопросах, но когда доходит до секса, я для нее словно бог, тогда как она — простая смертная. И это сводит ее с ума. Не то, чтобы она вообще когда-то была абсолютно

нормальной.

Я просто иду ей навстречу.

— Итак, ты изучала политику, философию, французский, бизнес и моду в Принстоне, но очевидно, была немного непонятлива в своем постельном обучении. Пенсильванская система оказала бы на тебя более положительное влияние.

Она смотрит на меня.

— Почему это? Потому что в твоем колледже было полно малолетних писюнов?

Я перемещаюсь позади нее, и она наблюдает за мной в отражение зеркала. Приблизиться к Роуз Кэллоуэй — это как заигрывать со спящим тигром. Каждый раз есть шанс, что он укусит меня.

— Нет, — шепчу я, оттягивая ворот ее халата, обнажая кожу ее шеи. — Потому что я был там, — я легонько прижимаюсь губами к ее затылку.

И все ее тело дрожит. Прямо когда мои руки опускаются к подолу ее халата, она оборачивается ко мне и кладет свои руки на мою грудь. Обычно я бы отошел, но сейчас я стою неподвижно. Прямо здесь. Не реагируя на ее потребности.

Я поднимаю свои ладони вверх, а затем прячу руки за спину, показывая, что больше не буду ее трогать. Но если она решит сделать завивку волос, то ей придется делать это рядом со мной голым и находящимся прямо за ее спиной.

— Отойди, — говорит она.

— Если я поверю, что ты хочешь, чтобы я отошел, то отойду.

— Я хочу.

Но в ее желто-зеленых глазах мерцает любопытство, и впервые за все это время она опускает взгляд на мой член.

Она остается мужественной, на ее лице почти нет никаких эмоций, единственное, что выдает ее — это подымающийся в еле уловимой улыбке, уголок губ. Когда она снова встречается со мной взглядом, я наклоняю голову, довольно усмехаясь, эта усмешка лишь сильнее подстрекает ее.

Она поднимает палец в предупреждении.

— Ты бы еще спросил: *«нравится ли мне то, что я вижу?»* Я порву с тобой сразу же, прямо здесь, если ты произнесешь подобную херню.

Я смеюсь и отвечаю:

— Мне даже не нужно спрашивать тебя об этом, Роуз. Я уже знаю ответ.

Она слегка толкает меня в грудь, пытаюсь не засмеяться в ответ.

— Почему я вообще с тобой? Ты такой тщеславный, высокомерный...

— Самовлюбленный, — добавляю я, — привлекательный, приятный, ослепительный.

— Это не было приглашением для тебя сделать комплименты самому себе.

— Нет? Моя вина, я подумал, мы тут перечисляем мои лучшие качества.

Ее взгляд снова опускается.

— Да, мой член, несомненно, один из них.

Роуз скрещивает руки, от чего ее халатик съезжает, оголяя верхнюю часть груди. Мое тело разжигается от вида ее гладкой кожи, еще немного и моему взору откроются ее соски.

— Убери прочь свой член, — говорит она.

— Ты со мной, потому что я не тряпка, — напоминаю я ей. — Если ты хочешь вытирать ноги об людей, то тебе следовало бы выбрать Льюиса Джейкобсона.

Она хохмит:

— Боже, не становись таким, как он. Он глазел на задницу каждой девушки, пока бегал трусцой по двору.

Льюис был разыгрывающим защитником в Принстоне — тот тип парня, которому бы понравилось попасть под контроль Роуз.

— Просто запомни, что я не собираюсь подчиняться тебе.

— Но ты ждешь, пока я подчинюсь твоей воле? — шипит она.

— И сейчас мы достигли своей пятисотой мертвой точки, — я запускаю руки в свои мокрые волосы, отбрасывая их назад, и ее грудь снова начинает высоко подниматься от глубоких вдохов. — Два повара на кухне.

— Два доминанта, и не одного сабмиссива, — добавляет она.

Я качаю головой и пытаюсь смягчить свою усмешку, так сильно-пресильно возмущающую ее. Она выглядит так, словно собирается отвесить мне пощечину.

— Нет, — говорю я.

Она изумленно смотрит.

— Что ты имеешь в виду под этим *нет*? Моя метафора соответствовала твоей!

Роуз этого еще не осознает, но ей ни за что не удастся доминировать надо мной в постели. И это причина, почему она бьет по тормозам. Она так контролирует свою повседневную жизнь, и потому ожидает, что с мужчиной все будет обстоять аналогичным образом. Но если бы она, правда, хотела, чтобы ей подчинялись в кровати, то выбрала бы другого парня, а не меня, и к этому времени лишилась бы девственности, затрахав парнишку до потери сознания.

— Я думаю, нам обоим известно, что здесь есть лишь один доминант.

Ее глаза прищуриваются.

— Забери эти слова обратно, Ричард.

Я хочу заставить ее почувствовать себя настолько уверенной и сильной в спальне, как она ощущает себя вне ее. Это цель, которую Скотт ван Райт у меня не перехватит, даже если и попытается.

— Забрать назад правду? — хмурюсь я. — Это сделает меня лжецом. А я знаю, как сильно ты ненавидишь лжецов, милая.

Мои руки все еще за моей спиной, и я делаю шаг ей навстречу.

Она хватается за раковину за своей спиной и тянется, чтобы достать полотенце, после чего бросает его мне в грудь.

Но я еще не поиграл.

Я оборачиваю ткань вокруг своей талии. Она висит так низко на бедрах, что ее взору открывается отличный вид на определенные мышцы моего живота. Мы с Лореном и его братом ходим в спортзал, но глобально я всегда был в хорошей форме. Я рос, желая достичь пика физического и умственного совершенства. Но это, безусловно, недостижимая цель. Но вот, что я понял. Это то, к чему я стремлюсь.

Люди надеются прикоснуться к небесам.

Я же мечтаю поцеловать их.

Роуз отходит назад к раковине. Используя утюжок, она завивает свои прямые пряди волос. Большинство мужчин испугались бы ее, сжимающую горячее орудие пыток. А вот мой член начинает пульсировать от того, что я наблюдаю за ней в отражении зеркала.

Она тяжело дышит, пытаясь не обращать на меня внимания, но ей это дается с трудом. Мой рост почти что два метра. Я вдвое ее больше. Она маленькая и женственная по

сравнению с моим телом, которое могло бы с легкостью покрыть ее.

Она сглатывает и говорит:

— Думаешь, Лили и Лорен занимаются сексом чаще, чем обычно?

Как только всплывает тема о сексуальной жизни Лили и Лорен, Роуз закрывает дискуссию о нашей половой жизни. Эта уловка, простое отвлечение, хоть Роуз и правда волнуется о выздоровлении своей сестры. Она переживает. Я делаю так же, но Роуз для меня всегда на первом месте.

— Они касаются друг друга чаще, чем обычно, — говорю я. — Но думаю, что все это они делают по большей части на камеру.

— Он дразнит ее, а она регрессирует... после всего того прогресса, которого она добилась.

— Тебе следует доверять Ло.

Ее передергивает от идеи доверия Лорену Хейлу. Лорен и Роуз терпят друг друга исключительно ради Лили. Я оказался в трудном положении, потому что симпатизирую Ло, как другу.

— Мне нужно одолжение, — вдруг говорит она.

— Одолжение, — размышляю я вслух, улыбаясь. — Это будет тебе кое-чего стоить.

— Я знала, что, будучи твоей девушкой, у меня будет не так уж много привилегий. Я до сих пор тебе еще кое-что должна.

— У тебя есть множество привилегий, — говорю я ей. — Ты просто решила не наслаждаться ими, — я неспешно передвигаюсь к ней поближе и кладу руки на столешницу, медленно наклоняясь, я касаюсь ртом ее шеи. Она напрягается, когда моя рука скользит по ее бедру. — Что за услуга тебе нужна? — спрашиваю я, лаская ее кожу под халатиком.

— Я подумываю сжечь тебя, — говорит она, но не как угрозу. В ее голосе слышится страх. Она быстро отключает утюжок и откладывает его в сторону.

Я кусаю ее за мочку ушка и шепчу:

— Дыши.

И ей *едва* удастся выдохнуть.

— Мне нужно, чтобы ты поговорил с Ло.

Я еще сильнее наклоняюсь, на секунду опуская свой подбородок на ее плечо. Мое выражение лица остается самодовольным, сдержанным, — это выражение я ношу, словно маску в течение всего дня, Роуз называет его "фальшивкой".

— Думаю, мы уже проходили подобные разговоры, Роуз.

Она хмурится, все ее тело реагирует в соответствии с эмоциями. Ее глаза прищуриваются, поза становится оборонительной, а плечи распрямляются, от чего я тоже встаю ровно.

Мой член оживает снова.

— Не опекай меня, — говорит она. — Ло нечаянно возьмет и обрюхатит мою сестру. Он импульсивен и неосторожен. Так что тебе всего лишь нужно сделать то, что у тебя получается лучше всего — привить ему немного здравого смысла.

— Полагаю, данный разговор ему в одно ухо влетит и в другое вылетит, причем со скоростью урагана, — держа за талию, я покачиваю ее тело из стороны в сторону, так что она прислоняется к столешнице и разворачиваясь ко мне лицом. — И для тебя это будет иметь некую цену.

Она осматривает мое тело очень внимательно.

— Я готова заплатить.

Мои губы медленно расплываются в улыбке.

— Да неужели?

— Да.

Но ее глаза говорят мне об обратном, и моя улыбка блекнет. Роуз реально, действительно боится.

— Ты в безопасности со мной, Роуз, ты же знаешь об этом? — спрашиваю я ее. — Я никогда тебя не обижу.

Я всегда обращался с ней, словно она продолжение самого меня.

Более враждебная, порывистая сторона, но моя.

Это и есть причина, по которой я стал таким собственником по отношению к ней за все эти годы, даже когда мы еще не были вместе.

— Я знаю, — говорит она, расслабляя плечи.

— Я поговорю с Ло попозже.

— Что мне нужно сделать для тебя? — спрашивает она, слишком упрямая, чтобы сдаться, даже если неизвестность пугает ее.

— Перестань думать на минутку.

— Что...

Я целую ее, моя огромная ладонь прижимается к ее щеке, губы Роуз такие мягкие. Ее дыхание становится поверхностным, застревая в горле, а тело изгибается, требуя моих ласк. Она пробуждается, сжимая мои мускулистые предплечья своими руками. В ее поцелуе все еще чувствуется сомнение, колебания.

И я отрываюсь от нее.

— Выключи свою голову, — говорю я ей, моя рука опускается к ее попке. Я подвигаю Роуз к себе, так что ее таз врежется в мой пах. Ее халатик немного распахивается, открывая наготу бедер.

Стон срывается с ее губ. Я прижимаю Роуз к столешнице, только полотенце отделяет мой член от ее тела, а она со всех сил пытается не отдать мне весь контроль. Ее голова откидывается назад от возбуждения, и она отчаянно усиливает хватку на моих руках, вонзая пальцы в мои бицепсы. Роуз словно не понимает, что сделать со своими ногами, одну она оборачивает вокруг моей талии, а другая стоит на полу.

Я подымаю ее левую ногу к своему боку, вытягивая ее, и Роуз начинает учащенно дышать.

— Подожди, подожди... — начинает она, ее руки перемещаются на мою грудь. Она такая красивая, теплая на ощупь, но почему-то ей снова нужно прислушаться к голосу своей чертовой головы.

— Роуз, — реву я и роняю ее ногу.

Она упирается локтями на столешницу, в ее глазах читается замешательство.

Тебе нравится это. Это нормально, что тебе нравится то, что мы делаем, Роуз. Моя рука возвращается к ее челюсти, лаская ее щеку, пока она переваривает происходящее, а именно, мои доминирующие действия, превратившие ее в лужицу. *Мою лужицу.*

Я пробегаю большим пальцем по ее нижней губе.

— Je suis passionné de toi, — говорю я. *Я увлечен тобой.*

Ее грудь опадает, Роуз отлично понимает меня.

Я проскальзываю пальцем в ее ротик, и она издает гортанный звук. Она краснеет от

того, что слышит себя. Оставляя палец у нее во рту, я нежно целую ее в щеку, а затем аккуратно посасываю чувствительное местечко между ее воротником и щекой.

Она может оттолкнуть меня в любую секунду.

Но на удивление, Роуз смыкает свои губки вокруг моего пальца. Она не сосет его, не пробегает по нему своим языком. Не думаю, что ей действительно известно, что делать, но я обожаю ее еще больше за то, что она пытается. Я не позволяю Роуз сорваться с крючка и быстро заменяю свою руку губами, языком, пытаюсь раствориться с ней в этом моменте.

Сейчас ее движения более уверенные, ее руки перемещаются в мои волосы, тянут их, сжимают, взъерошивают. Ее позвоночник снова изгибается, и наши тела встречаются еще раз. *Вот оно, Роуз. У меня есть ты.*

Со мной ты в безопасности.

Целая минута проходит до того, как все исчезает, до того, как она снова отдает контроль своей голове, до того, как ее поцелуи прекращаются, до того, как ее губы смыкаются, а тело отклоняется назад.

Это было короткое, мимолетное мгновение, когда я почти что получил ее, уязвимую и голую. Но если я смог вложить свой палец в ее рот, и она не откусила его, то теперь лишь вопрос времени, когда я окажусь внутри нее полностью.

ГЛАВА 4

КОННОР КОБАЛЬТ

Ну, я узнал, к чему ведет увеличение стоимости продакшна.

Для меня это нечто новенькое.

Скотт ван Райт каким-то образом уговорил *мою девушку* покинуть свое убежище и переехать из *нашего* дома в Принстоне. Мне правда хотелось бы быть там и поучаствовать в этом споре, а не торчать в тот момент в лекционном зале колледжа. Я бы опровергнул каждый довод Скотта, начинающийся словами "*Реальный Мир*" и заканчивающийся "вы все живете вместе".

Мы все жили вместе в Принстон, Нью Джерси.

Разница сейчас лишь в том, что Рик Мэдоуз — сводный брат Лорена Хейла переехал к нам на шесть месяцев. И еще младшая сестра Роуз — Дэйзи. Так что теперь нас шестеро в одном доме.

Я стараюсь поддерживать Роуз, но мне нельзя допустить ошибку, пока я действую рядом со Скоттом. Мне категорически не по душе то, что ему удалось убедить Роуз в чем-то, и при этом она даже не посоветовалась со мной. Это меня нервирует.

Роуз смотрит на потолок в индустриальном стиле; микрофоны и провода болтаются на стропилах нашего нового дома. Ее лоб морщится от осознания необходимости жить в филиладельфийском таунхаусе, спроектированном для съемок. Три этажа. Пять спален. Одна общая ванная. Отсутствие двора. Отличное джакузи и зона патио. А еще большая столовая и кухня.

— Он обещал, что нас не будут снимать в ванной или спальнях, — говорит она, сжимая губы.

— Чьи-либо обещания, кроме моих собственных — для меня ничего не значат, — говорю я. — Он вышиб тебе все мозги?

Она смотрит на меня.

— Это прописано в контракте, умник.

— Ну, тогда мы с Ло проверим, точно ли нет камер в комнатах.

— И в ванной, — говорит она быстро.

— Ага, и там.

Она кивает, поднимает выше свой подбородок, стараясь казаться более уверенной в сложившейся ситуации, но я-то знаю, что для Роуз очень важна уединенность. А в этом доме все ее нарушает, даже больше, чем Роуз предполагала.

— Ты всегда можешь послать его нахрен, — напоминаю я ей. — У тебя есть отличный опыт в этом вопросе со множеством мужчин.

— Ну, ты-то еще здесь.

Я улыбаюсь. Правда.

Она тяжело выдыхает:

— Нет. Это нужно сделать.

— И почему это?

— Он сказал, если мы будем жить вместе, то у шоу будет больше зрителей. Богатые семьи и раньше снимались в своем природном окружении. А такого еще не было, — она делает паузу. — Кроме того для *Реального Мира*...

— Все, что я слышу от тебя — слова Скотта ван Райта, и скажу тебе, по правде, мне это не нравится.

Она смотрит на меня холодно и говорит:

— Мне приходится согласиться с ним. Я провела собственные исследования, и они подтверждают данную статистику.

— Ладно.

Скотт хочет создать максимально драматичные ситуации, некий хаос, все это поможет ему достигнуть того, чего он так сильно хочет. И если Роуз входит в пакет его желаний, то он нахрен проиграет эту чертову битву. Я просто не хочу, чтобы это стоило Роуз ее линии одежды. Если я погублю Кэллоуэй Кутнор, то автоматом потеряю и Роуз. Ее компания — вот причина, по которой мы оказались рыбами, плавающими в этом аквариуме. Я бы сделал практически все, что угодно, лишь бы помочь ей реализовать свои мечты.

— Плюс, — добавляет она, провоцируя меня, — у нас дома была плохая шумоизоляция. Так что нам бы пришлось переехать в любом случае.

— Верно, потому что иначе они бы потратили всего пару тысяч долларов на монтаж лучшего оборудования в Принстоне. А эта альтернатива с переездом стоит чертовски дороже.

— Ты позеленел. И к твоему сведению, тебе не идет этот цвет.

— Я не ревную, — говорю я. — Я ненавижу его по той же причине, что и ты — потому что он срет там, где ест.

— Ты даже еще не встречался с ним.

— Но я уже знаю.

Она сминает в руках свое черное платье свободного кроя и ходит кругами по всему пространству гостиной.

— Ты не исправим.

— А ты ходишь по кругу. Так на что еще нам следует обратить внимание?

Она бьет меня своей сумочкой, и я пытаюсь не рассмеяться.

Присаживаясь, Роуз говорит:

— Через шесть месяцев мы можем вернуться в Принстон.

Она может и перечисляет причины, по которым стоило переехать в Филадельфию: ее родители живут рядом, бизнес Ло по созданию комиксов находится в центре города, моя дорога к Пенсильванскому университету стала короче на целый час; но в конце концов мы переехали, потому что у Роуз не было выбора. Скотт *сказал* ей переехать. И она переехала.

Даже не так, он выбрал этот таунхаус. Он не пригласил Роуз взглянуть на это место, прежде чем установить в него всё продакшн оборудование.

Я смотрю на пурпурную скатерть с бахромой на журнальном столике, на белые огромные свечи, выстроенные в ряд. Они действительно наняли кого-то, чтобы украсить дом к прибытию медиума. Выглядит так, словно эта женщина тоже здесь живет.

— Только не проси меня быть вежливым с медиумом, — говорю я, только сейчас замечая спускающегося по лестнице Бена — тощего оператора. Он направляет на нас объектив.

— Меня не волнует, как ты будешь себя вести, — говорит она, — главное, что ты здесь, со мной.

Я стараюсь скрыть шок от ее заявления. Наше напряжение ослабевает, и я притягиваю Роуз к себе, растирая ей спину и шею. Она опирается на меня, и ее обычно такое зажатое

тело на короткий момент расслабляется. Я смотрю в ее горящие глаза, которые, кажись, всегда на стороже, даже если тело дает слабину.

— Но я думал, что ты смогла бы сделать все сама, дорогая.

— Я и могу, — говорит она, снова поднимая свой подбородок. — Но мне нравится, что ты помогаешь... иногда. — Ее неуверенный взгляд опускается на мои губы. Она ждет, что я сделаю ход.

Мои губы касаются ее щеки.

— И я могу помочь, я могу довести тебя до сумасшедшего экстаза, Роуз. Все твоё тело будет болеть от моего твердого члена, — она напрягается. — Ты кончишь еще *до того*, как я заполню каждый дюйм тебя.

Стон вырывается из ее горла, и она опускает руки мне на талию, нащупывая мой батарейный блок от микрофона, который мы носим под одеждой.

— Забудь о камерах, — говорю я ей. Бен использует этот момент, чтобы обойти вокруг нас, наводя камеру на лицо Роуз. Он — еще одно препятствие, марионетка Скотта. *Просто охренительно*. Я мог бы схватить и бросить камеру о стену, но сопротивляюсь этому желанию.

Поднося руку к ее затылку, я касаюсь губами ушка Роуз и шепчу:

— Тогда ты узнаешь, какой я большой. Представь себе, что я внутри тебя, всей своей длиной, жестко вколачиваюсь в тебя, пока ты не начинаешь задыхаться.

— Коннор, — предупреждает она, ее голос слабее, чем обычно.

Я пропускаю ее волосы между пальцами и тяну, от чего ее подбородок задирается.

Ее рот открывается, и она сдерживает звук, рвущийся наружу.

Одной рукой я упираюсь в ее спину и сильнее прижимаю наши тела друг к другу; ее щеки заливаются румянцем.

— Не бойся меня, — шепчу я тихо ей на ушко. — Возможно, я не всегда на твоей стороне, но я стремлюсь обеспечить тебя лучшим.

Когда я отпускаю ее, она отодвигается и потирает свое горло. Роуз поправляет висящую на руке сумочку, а затем говорит:

— Не думаю, что смогу простить Скотта за эту ванную.

Она полностью абстрагируется от того, что только что произошло. И Скотт — последний человек, к которому мне бы хотелось, чтобы обращались ее мысли, прямо после того, как я сказал ей о том, как жестко собираюсь ее трахнуть.

— Нужно отдать ему должное, — говорю я, сухо улыбаясь, — в ванной есть четыре раковины и две душевые кабины. Она не такая уж и маленькая. Каждая душевая кабина может вместить пятерых.

— Она *общая*. Не знаю, как было у вас в Пенсильванском колледже, но я делила ванную лишь с *одним* человеком — моей соседкой.

— Ага, в Пенсильванском мы все просто дикари. Тебе нужно увидеть еще, как живет футбольная команда. Они вообще обитают в пещерах, сделанных собственноручно.

Ее плечи отпусаются.

— Я знаю, что я испорченная сучка, но мне некомфортно уже от самой идеи, что кто-то войдет, когда я буду принимать душ.

— В душе непрозрачное стекло. Сквозь него ничего не видно, — это не совсем так. Я смог бы разглядеть ее тело довольно хорошо. — И три дня назад ты вошла, когда я принимал душ.

От упоминания момента в ванной, когда она увидела меня мастурбирующим, от того, как я ласкал ее ногу, обернув ее вокруг своей талии, все тело Роуз напрягается. Она скрещивает руки, прикрывая заливающую румянцем шею. Только упоминание о сексуальной жизни (или о ее отсутствии) может так взволновать Роуз.

— Это другое.

— Я знаю, — Ло, Лили, Дэйзи и Рик будут тоже делить с нами ванную. То, что она стала делить ее со мною, уже было нереальным скачком. Здесь же ситуация в глазах Роуз выглядит раз в пять хуже. — Но неудобно будет всем, не только тебе.

Она грустно стонет.

— Я не хотела ставить их в подобное положение. Не предполагалось, что реалити-шоу так сильно разрушит их жизненный устой.

Обычно я говорю то, что правильно. Сегодня же мне хреново дается эта задача. Медиум и Скот свели меня с ума.

Я обнимаю ее одной рукой за плечи.

— Лили хочет помочь Кэллоуэй Кутюр. Для тебя она бы сделала что угодно. Да и все остальные приспособятся к сложившимся обстоятельствам очень быстро.

Чтоб компенсировать Роуз нанесенный скандалом вред, Лили даже согласилась жить не так близко, как раньше, к колледжу. Она планирует посещать онлайн-классы, так что не отстанет от программы.

От моих прикосновений Роуз прекращает выстукивать ногой об пол. Бен снимает ее реакцию, наводя на нее фокус камеры. Она смотрит в мои голубые глаза и наклоняется ближе, ее нога прижимается к моей.

Я нежно убираю волосы с ее лица, и ее руки тянутся к моей талии в ответной реакции. Я спрашиваю:

— С этого момента станешь ли ты говорить о Скотте во время моих поцелуев? Или будешь говорить о нем только во время секса со мною?

Она сжимает в кулак ткань моей рубашки возле воротника и пытается задушить меня за этот комментарий, но я неподвижен, я слишком силен для нее, хоть она и старается меня расшевелить. Расстроившись, Роуз прекращает попытки.

— Однажды, — говорит она, — я по инерции ударю тебя в ответ на такие слова, от чего буду чувствовать себя куском дерьма.

В ее глазах я читаю другое: *возможно, нам нужно поссориться, чтобы это случилось. Возможно, нам не так уж и хорошо вместе.*

— Ты не почувствуешь себя подобно дерьму, — говорю я ей, — потому что я накажу тебя за подобную фривольность.

Ее губы медленно приоткрываются.

— Ты накажешь меня? — она задыхается от смеха. — И каким же образом?

— Просто поверь мне, тебе это понравится.

Она сильно сглатывает и качает головой.

— Не представляю, как мне может понравиться наказание.

— Оно не будет похожим на школьный нагоняй, Роуз.

Запомни, я всегда стремлюсь обеспечить тебя только лучшим.

Она глубоко вдыхает и снова смотрит на мои губы, безмолвно прося придвинуться к ней поближе. И как только я собираюсь ее поцеловать, из открытой кухни, переходящей в гостиную, раздается звенящий звук. Между этими двумя комнатами нет никаких стен.

Сэди, моя рыжая полосатая кошка, тащится к нам, по дороге звеня колокольчиками на своем воротнике. Роуз потратила около часа на то, чтобы надеть на кошку этот воротник, в то время как я был на занятиях. Роуз хотелось знать местоположение Сэди, чтоб легче было избегать ее. Моя кошка довольно часто царапает женщин. А когда я закрывал ее, чтобы устроить дома свидание, Сэди была крайне недовольна. В результате попыток Роуз надеть на кошку воротник, моя девушка проходила неделю с поцарапанными по периметру руками.

После этого я был готов продать Сэди, но Роуз не позволила. Я ценю ее попытки поладить с моим животным, но не хотел бы, чтобы подобное кровопролитие произошло еще хоть раз.

Роуз издает испуганный крик:

— У нас есть крысы! — она полностью освобождается от моих объятий.

Ей не так страшно, как противно от вида свисающего изо рта Сэди грызуна.

Я потираю губы, прикрывая улыбку.

— Сэди охотится, как чемпион, — подмигиваю я кошке.

Роза опускает руки на бедра и смотрит на меня, словно спрашивая, *ты это серьезно?*

— Ты только что ей подмигнул, — сердитый взгляд Роуз переходит в смех, но от одного взгляда на Сэди она снова мрачнеет. — У грызуна идет кровь... о боже, — Сэди опускает крысу на паркет. — Нет, нет...

— С тобой все хорошо, — говорю я, сжимая руками ее плечи. — Дыши.

Роуз обсессивно-компульсивна (*имеется в виду периодическая одержимость той или иной идеей — прим. пер.*), это свойство появилось у нее с тех пор, как папарацци взяли за семью Кэллоуэй.

Она медленно выдыхает.

— Я не могу жить в доме с грызунами, — она делает паузу. — Это ложь. Я жила с Лореном девять месяцев, но вот *это* для меня уже слишком.

— Так теперь мы возвращаемся назад в Принстон?

К счастью для меня. И да, пошел ты, Скотт.

Она медленно качает головой.

— Нет, нет... мне придется справиться с этим. Все будет в порядке.

Ладно.

— Завтра мы с Ло и Риком можем установить мышеловки, — но чтобы подразнить ее, я добавляю. — Есть привилегии жизни с тремя мужчинами под одной крышей.

На ее лице появляется выражение призрения.

— Мы с Лили и Дэйзи и сами можем это сделать.

Но видно, что ей спокойнее от мысли о живущих здесь троих парнях. Это дает возможность не находиться под постоянным контролем. Это хорошо для нее, не для меня.

— Разумеется, — говорю я, — установите их самостоятельно. Я очень ценю инициативу со стороны женщин, — я пододвигаюсь ближе, сокращая расстояние между нами. — Но вам придется устанавливать их в пыльных и грязных... — я провожу рукой по внутренней стороне ее бедра, — ... местах.

Передвигая руку к шее Роуз, я касаюсь большим пальцем ее нижней губы.

Она снова резко вдыхает, вспоминая о том, где был мой палец три дня назад.

Бен молча снимает нас, но я чувствую его нежеланное присутствие. Мой палец задерживается на ее мягкой, влажной губе. *К черту камеру.*

Я готов засунуть свой палец ей в рот еще раз, но в этот момент кто-то вламывается во

входную дверь.

Роуз мгновенно отскакивает от меня, снова включая голову и осозная, кто и что окружает нас. Я делаю спокойный вид, хоть и чертовски сержусь на того, кто бы там не вошел в дверь.

Сначала я вижу его светлые волосы, и мое раздражение взлетает до небывалых высот. Знаю, я эгоистичный осел. Но боюсь, в результате этого шоу я стану реальным злодеем.

Прямо сейчас я не очень хорошо справляюсь со всем этим дерьмом.

— Смотри, еще один грызун, — говорю я Роуз.

Она толкает меня в грудь, но улыбается.

Скотт шагает в дом так, словно он хозяин этого таунхауса. Хотя, я уверен, что аренда оформлена на его продакшн компанию. Следующим шагом он попытается повестить табличку *ван Райт* на всех моих девушек.

— Где все? — спрашивает он, раскидывая руки. — Медиум будет здесь через пять минут.

Я сосредотачиваюсь на большой спортивной сумке, перекинутой через его плечо.

Мне не нравится собственное предположение, но если в этой сумке окажется его одежда, зубная щетка и сменное белье — нас ждет чертовски важная проблема.

Роуз сжимает мою руку.

Думаю, по мне видна вся переполняющая меня злость.

А такого не было *никогда*.

— Они все обустроятся в своих новых комнатах, — говорит ему Роуз. Ее взгляд обращен на его сумку. — Уезжаешь куда-то, Скотт? Надеюсь, в Калифорнию, там ты на самом деле нужен.

Поворачиваясь к моей девушке, он не выглядит раздраженным ее оскорблением. Нет. Он *улыбается*. Его взгляд сосредотачивается на ее губах, тех, которые я только что трогал.

— Я нужен здесь, — говорит он ей. — Просто надо дать людям время на осознание того, что для них на самом деле хорошо, — он окидывает Роуз медленным взглядом с головы до ног, и моя кровь вскипает. — Хорошее платье, но было бы лучше, если бы вырез было поглубже. Демонстрация твоих сисек повысила бы рейтинги.

— Так же как и видео того, как моя нога врезается в твою задницу, — отвечает Роуз.

И мои губы расплываются в улыбке.

Получи, Скотт.

— Просто пытался помочь, — говорит он, растягивая слова. — Однако у меня есть вопрос. Твои сестры тоже будут одеты для съемок в эту коллекцию, потому что не хочется, чтобы все это имело вид, словно вы собираетесь в женский монастырь?

Роуз рычит и пытается наброситься на него.

Но я обвиваю ее руками за талию, удерживая на месте. Ненавижу, что ему удастся задевать ее так сильно. Это только мое чертово право.

Прислоняясь губами к ее ушку, я шепчу:

— Этим ты только дашь ему, что он хочет.

— Но он оскорбляет *мою* линию одежды.

Это словно сказать в лицо матери, что ее ребенок тупой. Я понимаю ощущения Роуз.

— Твоя одежда прекрасна. Она не так уж и скромна, как он утверждает. Женщины с удовольствием купят ее.

Мои слова моментально ее успокаивают, ее тело расслабляется, опираясь на мое. Я

удерживаю ее, пока Скотт машет Бену подойти к нам. А затем мы встречаемся с ним взглядами.

— Итак, — говорю я, — ты въезжаешь сюда.

Это предположение.

Но как только он бросает спортивную сумку на пол, это становится фактом.

— Ага.

Роуз игнорирует его.

— Что продакшн компания хочет на этот раз? — спрашиваю я. — Женоненавистничество? Или может натурального блондина?

— Любовный треугольник, — говорит он с каменным лицом.

Щеки Роуз втягиваются, словно она пытается всосать в себя весь воздух в комнате. Она угрожающе указывает на Скотта пальцем с ярко накрашенным красным ноготком, выглядящим очень сексуально. — Если ты попытаешься разлучить Лили и Лорена, я разрушу тебя изнутри.

Нет, Роуз. Он хочет тебя.

Взгляд Скотта практически полыхает от возбуждения, пока он следит за тем, как она отчитывает его.

— Я здесь ни для того, чтобы кого-то разлучать. Я буду представлен в шоу, как твой бывший парень. Мы встречались несколько лет в колледже, но решили расстаться друзьями, когда твоя линия одежды начала занимать все свободное время. А мне нравится, чтобы мои женщины... уделяли мне особое внимание. Мы все еще друзья, несмотря на то, что тебе нравится донимать меня.

Я отпускаю Роуз, и вставая, делаю шаг вперед.

— Мы формально не знакомы, — говорю я, протягивая руку. — Коннор Кобальт. Парень, чью девушку ты хочешь трахнуть. И просто для лучшего понимания, скажу, перспектива этого для тебя выглядит не очень оптимистично.

Он пожимает мою руку, и я сжимаю его ладонь так крепко, что ему приходится постараться, чтобы скрыть гримасу боли.

— Ты мне угрожаешь, — говорит он, не разрывая зрительного контакта. — Мне двадцать восемь лет и ты...

Мне пофиг, сколько ему лет.

— На двадцать четыре года умнее тебя, — заканчиваю я за него, наклонив в сторону голову. — И через десять лет я буду на тридцать четыре года умнее тебя. Понимаешь, как это работает?

Роуз вскакивает, становясь между нами, и протягивает руки, словно защищает нас друг от друга. Но я всего лишь хочу защитить ее от него.

— Ладно, хватит. Спрячьте свои члены. Я уже достаточно насмотрелась на них.

Мы оба смотрим на нее с неким желанием во взгляде.

— Ты еще даже не видела мой, — говорит Скотт, изогнув губы в усмешке.

Он это серьезно?

— Уверяю тебя, твой член никому не интересен, — говорю я ему.

— Стоп. Оба, — говорит Роуз, ее грудь вздымается, ее формы очевидны даже под платьем с высоким воротом. То, как она прерывает наш спор прямо в самом разгаре, вызывает пульсацию в моем члене. Я борюсь с желанием притянуть ее к своей груди подальше от Скотта и его пристального взгляда. Она бы не обрадовалась, сделай я так. Но

если он попробует забрать ее у меня, то вопрос лишь в том, как долго я смогу сдерживать себя от открытого нападения на Скотта ван Райта.

В любом случае, не думаю, что *ей* бы понравилось, если бы другая девушка добивалась меня подобным образом. По факту, я практически уверен, что Роуз порвала бы эту девушку на куски и ни за что бы ни отдала меня ей.

Роуз оборачивается к Скотту.

— Ты — исполнительный продюсер.

— И?

— И ты ответственен за продакшн. Ты создаешь правила. Так что в твоей компетенции отказаться от роли моего бывшего парня и уехать.

— Да, но у меня над душой нависает еще и продакшн компания. GBA ожидают определенных вещей от *Принцесс Филли* (сокращенное шутливое название города Филадельфия- прим. пер.) после того, как я представил им это шоу. Так что мое пребывание в доме — это гарантия, что шоу будет успешным.

Он спланировал это заранее?

Возможно, он и умнее, чем я считал.

У Роуз пар из ушей идет.

— Если компания хочет, чтоб ты был здесь, то ладно. Но если ты трахнешься с кем-то из моих друзей или разрушишь их отношения или мои, то *уйдешь* из шоу. Моя компания не стоит того, чтобы причинить боль тем, кто мне дорог.

— Ладно, — спокойно отвечает Скотт. — Но я не могу быть в ответе за твои чувства, Роуз. Если, в конце концов, я тебе понравлюсь, это будет абсолютно мне не подконтрольно.

Ну, он еще больший хрен с горы, чем я думал до этого.

Роуз фыркает и отступает назад, упираясь спиной в мою грудь. Она это делает специально. И мне хочется поцеловать ее за это. Но вместо поцелуя, я обнимаю Роуз за шею, и она откидывается на меня.

— Я лучше сгорю заживо, — говорит она ему.

Скотт просто улыбается, подходя к Бену, снявшему всю эту сцену.

— Позови всех в эту чертову гостиную. Нам нужно снять эпизод с медиумом.

Что ж, игра началась.

ГЛАВА 5

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

— А он милый, — говорит Дейзи, сидя на кухне и оценивая Скотта. Основной уровень таунхауса представляет собой сплошное открытое пространство, так что мы отлично видим четырех парней в гостиной, они сидят на различных предметах кожаной мебели. Кудрявая медиум восседает на оттоманке, тасуя свои карты Таро.

Лили и я бросаем долгий взгляд на свою младшую сестру. В моем взгляде таится предупреждение, а вот взгляд Лили более смущенный, словно у щенка на обочине дороги. Я бы не остановилась ради помощи грустной собаке, разве что если бы она была родной мне по крови. Возможно, это жестоко. Но выживает, черт возьми, сильнейший. Кровь гуще, чем вода. Насрать на все эти клише. Хотя, они и есть истина.

Дэйзи добавляет:

— Я имею в виду, в целом исходящие флюиды от блондина грязного альфа-самца, — она откусывает кусочек морковной палочки и криво усмехается.

— Ты имеешь в виду, исходящие флюиды от доминирующего мудака, — опровергаю я.

— Ну, или так, — говорит она. — Но не в обиду будет сказано, Рик — еще больший мудака — говорит она, улыбаясь еще шире. Да, она дружит с братом Лорена, ему вот-вот исполниться двадцать три. Это было бы странно, что они дружат, несмотря на такую разницу в возрасте, если бы она не слонялась вокруг моделей высокой моды еще старше, чем Рик.

Две мои сестры и я отвернулись от гадания по руке, чтобы приготовить пиццу и напитки. Но в действительности, я хотела оставить парней, чтобы допросить продюсера... или скорее — моего фальшивого бывшего парня. Мысленно я каждый раз даю себе пощечину, когда думаю слова *Скотт* и *мой парень* в одном предложении. Он вызывает этот отвратительный вкус перца чили с примесью соли у меня во рту. И если вдруг вы считаете эту комбинацию приятной на вкус, я дам вам номер Скотта. Он весь ваш.

Я наблюдаю за Коннором и Скоттом, они сидят на одном диване. Они оба высокие, от них исходит невидимая власть, но на диване их разделяет приличное расстояние.

На огромном кресле сидит Рик, он сердито наблюдает за медиумом, но ему хватает ума, чтобы оставаться спокойным и молчать.

Однако Ло восседает на диванчике на двоих и постоянно бросает какие-то реплики. И в то время, как другие парни понижают голос, его колкие фразочки *слышны* даже на кухне. Он жестикулирует руками, несколько раз указывая на Скотта.

— Я думаю, они все мудаки, — говорю я безэмоционально. — Просто у некоторых есть больше компенсирующих это качеств, чем у других, — в какой-то мере эта философия касается и нас с сестрами. Я — не самая симпатичная девушка в мире.

Саванна — рыжая женщина-оператор стоит возле плиты. Она примерно нашего возраста и обычно повязывает бандану вокруг головы поперек своих косичек. Она наводит объектив камеры на Лили, и это не к добру. Моя двадцати одно летняя сестра — единственный человек, у которого есть проблемы с тем, чтобы *не* смотреть прямо в объектив.

— Мне не нравится Скотт, — говорит Лили, ее взгляд обращается к камере с каждым сказанным словом. Лили наклоняется к Дэйзи, и складывая руки наподобие рупора,

шепчет. — Он смотрел на твои сиськи, кажись, целую минуту.

Дэйзи пожимает плечами и забирается на столешницу, при этом размахивая своими длинными ногами. Ее крашенные светлые волосы свисают, скрывая ее тело до уровня талии. Она бы обрезала их, если бы ее новое модельное агентство это позволило.

— В общем доступе есть мои фото в нижнем белье, — говорит она (как бы невзначай). Дэйзи берет с подноса с овощами кусочек брокколи и кладет его в рот. — Когда парни читают журналы, они могли бы делать что-то еще, а не просто пялиться на мои груди.

Лили краснеет и смущается.

Дэйзи хмурится в растерянности, а затем слегка смеется.

— Ты привыкла драть на журналы? Это охренительно, Лил.

Я делаю резкий вдох, беспокоясь о том, что сестра совсем не фильтрует свою речь даже перед камерами. Но я не ругаю Дэйзи за ее прямоту. Я не хочу, чтобы показалось, будто женский дроч — это что-то плохое. Я искренне одобряю это дело, но Лили сейчас как раз выздоравливает от своей секс-зависимости, плотно связанной с самовлюбленностью и порно, и злоупотреблением ими обоими. Самые трудные дни для нее уже позади. После них прошло уже несколько месяцев.

— Я не думаю, что девушка может драть, — говорит ей Лили, собирая воедино все свое терпение. Она старается выглядеть более уверенной, потому садится ровнее, выпрямляя осанку.

Дэйзи размахивает ногами, ударяя о шкафчики своими высокими ботинками на шнурках. Если бы это был мой дом, я бы уже волновалась о том, что она повредит дерево дверцы. Но это практически дом Скотта. *Так что вперед, Дэйзи.*

— Ты абсолютно права, — кивает она. — Я думаю, что больше подходит слово "потирать", а?

— Девушки могут мастурбировать, — говорит Лили.

— Что? — говорим мы с Дэйзи в унисон.

— Ну, вы знаете... — Лили снова заливается румянцем, только сейчас он больше похож на аллергическую реакцию. Красные точки покрывают ее руки и шею. Ее взгляд порхает от камеры к нам и обратно. — Джек и Джилл пошли на гору. Парни могут драть. Девочки — мастурбировать (*здесь игра слов Jack (Джек) — jack off (дрочить), Jill (Джилл) — jill off (мастурбировать) — прим. пер.*).

Дэйзи хохочет, ударяя ногою в такт своему смеху.

— Святое дерьмо... Это круто.

Я тоже улыбаюсь. Люблю своих сестер по многим различным причинам.

Я достаю из коробки с пиццей салфетку.

— Тебе шестнадцать, — говорю я Дэйзи. — А глядя на твои фото, мужчины думают о том, как трахнут тебя. Им следует знать, сколько тебе лет.

— Через месяц мне будет семнадцать, — говорит она. — Вероятно, подобная ситуация была и с Брук Шилдс (*американская актриса и модель, в свои 15 лет снявшаяся в откровенном фильме "Голубая лагуна" — прим. пер.*), так что... — она пожимает плечами, словно упоминание этой актрисы оправдывает ее ситуацию. Но это не так. Никому не нравится то, что СМИ называет Дэйзи секс-символом, лишь из-за того, что Лили — секс-зависимая. До всей этой шумихи Дэйзи была просто моделью высокой моды, снималась для рекламных фото нескольких мелких компаний. Подчеркну, не крупных, а мелких компаний. Сейчас же она — супермодель, ее тело выставляют напоказ, и каждый раз на ней остается

все меньше и меньше одежды.

Я даже не хочу думать о том, что произойдет, когда ей исполнится восемнадцать.

Тогда она сможет законно сниматься обнаженной.

Я хочу, чтобы это волновало ее немного сильнее, но она попала в модельную отрасль в таком юном возрасте, что я не уверена, воспринимает ли она свое тело, как что-то большее, чем просто объект для мужских взглядов.

— Девочки! — зовет Скотт. — У нас осталось только полчаса с медиумом. Так что вам лучше уже возвращаться.

Мы перемещаемся в гостиную, переноса с собою пиццу и напитки. Я передаю Коннору тарелку с тем, что он попросил, и сажусь рядом, но это *рядом* выходит как раз между Коннором и Скоттом. Я бы пнула Скотта пару раз, но не хочу, чтобы он пересел на место рядом с Лили (секс-зависимой девушкой с постоянным парнем) или Дэйзи (шестнадцатилетней моделью высокой моды с импульсивными тенденциями). Seriously, моя маленькая сестренка спускалась с сорокафутового утеса в Мексике — что это если не импульсивность?

Я бы хотела, чтобы это было всего лишь преувеличением.

Лили опускается на диванчик возле Лорена, и он притягивает ее поближе, так чтобы ее ноги оказались на его коленях, а все ее тело опиралось на него. Она наклоняется к его груди, пока он выбирает пепперони из своего куска пиццы.

— Можно я буду следующей? — говорит Дэйзи с лукавой усмешкой, плюхаясь на пол. Она прислоняется к ножкам стула Рика и протягивает руку мадам Чармейн. В рыжих волосах медиума поблескивает седина, они густые и кучерявые, словно она их только что расчесала. На ее коже есть пятна от солнца.

Рик кладет свои ноги на *мой* кедровый журнальный столик, который я специально привезла из принстонского дома. *По крайней мере, на нем лежит эта уродливая фиолетовая скатерть.*

Но я не могу удержаться от того, чтобы не сделать ему замечание.

— Рик, я вижу грязь на твоих ботинках.

Его брови поднимаются, и он запускает руку в свои каштановые волосы. Черты его лица более резкие и сложные, чем у Лорена, но тело такое же мускулистое и стройное. Не громоздкое, но невероятно подтянутое. Он кивает своему брату.

— Пожалуйста, скажи мне, что она не всегда такая.

— О, да, — Лорен крадет кусочек пепперони с тарелки Лили и сует его себе в рот. — Не оставляй стульчак унитаза поднятым, если не хочешь получить десятиминутную лекцию.

— Это называется уважение, — отвечаю я.

Лили поднимает свою руку.

— Тут я согласна с Роуз.

Ха! Выкуси, Лорен.

Но он игнорирует меня, игриво кусая Лили за шею. Ее лицо озаряет головокружительная улыбка.

И мое достижение мгновенно уходит в пропасть. Я просто чувствую себя... странно, когда лезу в верную безумно *слепую* любовь Лили и Ло. Вместо того чтоб анализировать их отношения, я задумываюсь о том, что есть у меня. Я поворачиваюсь к Коннору, почему-то зная, что все это время он наблюдал за мной, изучал и сейчас понимает все мои мысли. Я изучаю его черты: гладкость его совершенной кожи, волнистость его каштановых волос,

изгиб его мышц на руках и груди, его всепонимающие голубые глаза.

Он — сила и совершенство во всем и настолько, что я никогда не посмею признать это вслух. От этого факта его голова бы раздулась. Но когда я была младше, то часто думала о том, на чтобы бы была похожа физическая близость с ним.

Мне было шестнадцать, когда я впервые представила трахающего меня Коннора, в то время единственный контакт, который у нас был — это устные дебаты на конференциях модели ООН. Если быть точным, то максимально близкий контакт, который у нас тогда был — это споры в коридорах причудливых отелей, посвященные Эпикуру и его философии, различным нематериальным вещам по типу любви, счастья и Бога. Однажды, Коннор ударился в изучение *французского языка*, и я старалась не отставать. Я поклялась стать лучше него. И потому училась более усердно. Я читала больше книг. Хотела быть уверена, что говорю на французском довольно бегло, чтобы понять Коннора, а затем и суметь сбить его с толку. Последнее мне так и не удалось, но я по крайней мере не отставала от него.

Я умна только потому, что часами читала. Коннор умен потому, что одарен от природы, но он учится усерднее, чем среднестатистический человек. Я завидую ему — он может обладать всеми этими талантами и никогда не тяготиться неудачами и трудностями. Он просто продолжает двигаться вперед.

Коннор дает мне веру в то, что все возможно. Не думаю, что когда-нибудь смогу найти кого-то похожего на него.

Он прикладывает руку к моей шее и поглаживает большим пальцем чувствительное местечко, от этого вниз по моему позвоночнику распространяется озноб.

Я рада, что он есть у меня, даже несмотря на то, что до него мне было хорошо и самой. То, как мы оказались вместе, по-прежнему кажется мне неким вселенским замыслом. Абсолютно неожиданно, я узнала о том, что Коннор стал преподавать экономику у Лили в Пенсильванском Университете. Как потом оказалось, это была уловка, чтобы сблизиться со мной. В начале, он не имел ни малейшего представления о том, что она моя сестра, и Лили выбрала его предмет абсолютно случайно. В то время мы с Коннором виделись всего раз в год, когда Принстон и Пенсильванский Университет соревновались в турнире за Викторианский кубок, и то, что он стал преподавателем Лили, было шансом для него видаться со мной чаще. Это был наш шанс на воссоединение.

А Коннор не тот, кто упускает хоть один свой шанс.

Так что когда он увидел меня в старой квартире Лили, то пригласил на свидание. Я ответила ему согласием, и он бросил мне вызов, выйти из собственной зоны комфорта, по сути, он делал так все эти годы. Я задаюсь вопросом, если наш секс положит конец этим отношениям, то где наше путешествие потерь и обретений друг друга, в конце концов, закончится.

Я поворачиваюсь к Рику, который даже *не* сдвинул со столика свои ботинки. Мне нужно убедиться, что он заметит мой свирепый взгляд.

И замечая, он поднимает руки в знак капитуляции.

— Знаете, если мы собираемся жить вместе, то стоит установить некоторые чертovy правила.

Мадам Чармейн врывается в нашу дискуссию.

— Ты одинока сейчас, но очень скоро найдешь кого-нибудь, — говорит она Дэйзи.

— Ну, это неправда, — говорит Дэйзи, и все камеры поворачиваются к ней. — У меня уже есть парень.

Ботинки Рика наконец-то опускаются на пол.

— С каких это пор?

— С прошлой недели.

Мадам Чармейн поднимает палец.

— Ага! — восклицает она. — *Скоро*. Очень скоро.

— Так скоро, что события уже произошли, — иронично говорит Коннор. — Разве сегодня мы меняем определенные толкования? Можно я тогда позвоню в Мэрриам Вэбстер (*компания, которая занимается составлением и публикацией справочников и толковых словарей — прим. пер.*)?

Ло усмехается.

— Ты сегодня несносный, Коннор.

— У меня есть ограничения на восприятие всякой ерунды. Магия уже перегибает эту палку.

— Это не магия, — с легкостью опровергает его слова мадам Чармейн. — У меня есть *видение*.

Коннор перебивает ее:

— Об этом я и говорил.

— Почему никто из нас не знаком с твоим парнем? — спрашиваю я Дэйзи, стараясь сменить направление беседы, чтобы Коннор не выглядел еще большим хреном, чем он есть на самом деле. Но у меня все равно есть предчувствие, что в финальном варианте видео Скотт выставит его не в самом лучшем свете.

До того как Дэйзи успевает ответить, Рик шепчет ей что-то на ухо, и они оба одновременно встают. Мы все в замешательстве, пока Рик не садится на пол, занимая место Дэйзи, а она не садится на его кресло, скрепляя свои ноги.

У Рика есть хорошие манеры. Я признаю это.

— Дэйзи, — говорю я. — Ты меня слышала?

— Ага... гм... — она убирает волосы с лица. — На самом деле, он не из тех парней, которым нравится знакомиться и дружить.

— Так, по сути, ты просто трахаешься с ним, — выпаливает Рик.

Ну вот, его хорошие манеры исчерпаны.

По крайней мере я могу предположить, что он не полезет к Дэйзи, хотя бы по причине ее возраста. Думаю, он охотнее бросится под поезд, чем замутит с ней.

— Не перед камерами, — вставляет Коннор.

Рик показывает ему средний палец и сердито смотрит.

Я ощущаю, как вздымается грудь Коннора от раздражения.

— Даже не знаю, почему меня это заботит, — говорит Коннор. — В любом случае, не думаю, что кто-то вообще поймет тебя. Ты через слово материшься. Они буквально выкинут тебя из этого шоу.

— И это бы чертовски тебя порадовало, да, Коннор?

— Я был бы счастливее, если бы мог выкинуть тебя на крыльцо и оставить там. Я бы даже был так добр, что бросил кость от стейка, чтоб тебе было что грызть.

Ло не может перестать хохотать.

Глаза Рика темнеют и его взгляд обращается к брату.

— Где же твоя чертова лояльность?

Смех Ло стихает, и его губы вытягиваются в линию.

— Ты хоть сам-то слышал, что сказал Дэйзи? Правда, давай ты больше *никогда* не будешь касаться ее сексуальной жизни. И тогда, *возможно*, я подумаю о том, чтобы встать на твою сторону.

— Эй, ребята, — Дэйзи машет рукой, привлекая наше внимание к себе. — Я не трахаюсь со своим парнем. Я просто не хочу, чтобы кто-либо из вас с ним знакомился. Он в некотором роде туповат.

Челюсть Рика напрягается.

— Он тупой? Тогда нахрен ты с ним?

Дэйзи пожимает плечами и избегает взгляда его темных глаз.

— Он милый.

Скотт внезапно передвигается ближе ко мне, его бедро прижимается к моему. Я хочу медленно передвинуться к Коннору, но *не* хочу выглядеть в глазах Скотта испуганной девчонкой. Так что я остаюсь на том же месте, чувствуя тепло его дыхания на своем ухе.

— Ты следующая. Посмотрим, что сулит тебе твое будущее.

Я сжимаюсь от мысли, что услышу что-то по типу "тот, кого ты любишь, вскоре умрет" или "ты выйдешь замуж за тупицу." Коннор может презирать медиумов, но я в этом вопросе более суеверна.

— Мадам, — обращается к медиуму Скотт, и я не могу остановить его. — Роуз хотела бы быть следующей.

— А потом ты? — спрашивает Коннор. — Мы все хотели бы знать, когда ты умрешь.

Мышца на челюсти Скотта подергивается.

Мадам Чармейн подкрадывается к нашему дивану и опускается на колени передо мной. Она хватает мою руку и изучает линии на ладони.

— Ммм.

Мне не нравится это ее *ммм*. Оно звучит похоже на неразборчивое бормотание младенца, и этот звук эквивалентен втыканию в мое ухо острых иголок.

— Я думаю... что лучше прочитаю твое будущее с помощью карт, — она вытягивает из кармана перетасованную колоду. — Раздели ее пополам. И не переворачивай.

Я делаю, что она сказала, разделяя колоду на две произвольные части, на рубашке каждой карты нарисован пурпурный серп луны.

Медиум возвращается на свой табурет возле журнального столика и начинает переворачивать карты с правой колоды. Я не вижу ни одной из них, единственную которую замечаю — с белым единорогом, на что Коннор закатывает глаза.

Однако он переплетает наши пальцы и целует мои костяшки, словно знает, что я нуждаюсь в дополнительной поддержке, чтобы услышать, что она поведаст о моем будущем.

Она переворачивает последнюю карту.

— Я вижу, — говорит медиум и кивает. — Ты очень плодородна. Я чувствую присутствие двух духов сильных мужчин в твоей жизни, возможно, в будущем это будут мальчики-близнецы.

Она должно быть шутит.

Плачущий малыш — это мой персональный круг ада. Когда у моей старшей сестры, Поппи, появился ребенок, я не хотела иметь ничего общего со своей племянницей до тех пор, пока та не научилась говорить предложениями. У меня нет ничего общего с детьми. И никому даже не нужно говорить мне, что я стану ужасной матерью. Я и так знаю, что это правда. Вот почему я планирую *никогда* не заводить детей.

— Возьмите свои слова обратно, — кричу я.

— Я не могу вернуть то, что уже прочла.

— Это не кошелек, Роуз, — встречается Коннор, уголки его губ приподняты. — Это твое будущее, — он явно развлекается.

Я указываю на него пальцем.

— Заткнись.

Коннор хватается меня за руку и говорит:

— Я не поверю в это, если и ты не согласишься.

Кажется, он не расстроен моим заявлением (технически, я озвучила свое презрение по отношению к детям, и для него это должно было бы стать сюрпризом), но я продолжаю стоять на своем, стараясь добиться справедливого ответа. Честности от Коннора. Я знаю, что он не станет делиться своим мнением по этому поводу прямо сейчас, не тогда, когда вокруг нас снуют камеры, а Скотт сидит прямо рядом со мной.

— Договорились, — говорю я.

Медиум цокает языком.

— Думаю, я нащупала еще чью-то энергию. Она очень темная, очень мрачная, абсолютно нехорошая.

— Определенно, это Коннор, — говорит Лорен, подмигивая.

Коннор улыбается, и насколько я могу сказать, искренне.

— Нет, — говорит мадам Чармейн. — Это она, — медиум смотрит прямо на Лили. *Нет, нет, нет.*

— Ты скоро собираешься выйти замуж, верно?

Лили скользит ниже по дивану, ей неловко от подобного внимания, особенно учитывая то, что Бен и Бретт направляют на нее объективы своих камер.

— Да, — говорит она слабым голосом. Ло ставит их бумажные тарелки на журнальный столик.

— Ладно, — говорит Коннор, вставая и приближаясь к медиуму. — Думаю, для одного раза уже и так достаточно магии, — он кладет руку на локоть мадам Чармейн, и под давлением его руки она поднимается. — Это было действительно здорово, познакомиться с кем-то, кто имитирует драматическое искусство, но думаю, что вам уже пора уходить.

Лорен одними губами говорит Коннору "спасибо", а затем потирает спину Лили.

Но вставая, Скотт отправляет все к чертям.

— Я отвечаю за продакшн, Коннор. Так что я решаю, когда это мероприятие закончится, — он смотрит на часы. — И у нас еще есть десять минут.

На это, мадам Чармейн адресует свой следующий вопрос Лили.

— Эта свадьба, ты не хочешь проходить через это, верно?

— Что? — глаза Лили расширяются. — Нет... — она смотрит на Лорена. — Я имею в виду, да. Да, я хочу этого. Почему бы мне не хотеть? — она тревожно поглядывает на камеру. — Я... Я люблю Ло очень сильно. Он — мой лучший друг...

— Эй, — говорит Ло, притягивая ее к своей груди и усаживая на свои колени. — Тебе не нужно ничего отвечать этой старой ведьме.

Рик качает головой и бормочет себе под нос:

— Он, блять, только что назвал ее старой ведьмой?

— Ага, — говорит Дэйзи.

— Охренительная фантастика.

Лили выглядит нехорошо. Ее плечи опускаются, словно она дрожащий под дождем щенок. Я становлюсь рядом с Коннором.

— Ладно, мадам... — я даже не могу произнести ее имени, чтобы при этом не закатить глаза. — ... в любом случае вы уйдете рано... — я бросаю сердитый взгляд на Скотта, прежде чем он успеет возразить. — Или перестанете донимать мою сестру.

Но ее губы снова открываются.

— Почему вы женитесь, если так полны сомнений? — спрашивает она Лили.

Я собираюсь убить Скотта! Если он придумал эти вопросы... я начинаю рычать, и Коннор опускает руку на мое плечо. Я хочу своими ногтями выцарапать Скотту глаза. А потом раздавить их своим острым каблуком.

Я бросаюсь к нему, мои глаза пылают.

— Ты сказал ей задать эти вопросы?

Скотт изображает смущение.

— Почему ты думаешь, что это я?

Лили заикается.

— Я-я не сомневаюсь.

Но она сомневается.

После того как ее зависимость стала достоянием общественности, публицисты папиной компании предлагали лучшие варианты контроля над ущербом. В самом верху этого списка значилось замужество. Это бы показало, что Лили находится в серьезных отношениях. Это было бы свидетельством того, что она не так девиантна, как в это верит весь мир.

Так что мама и папа лишили Лили всякого финансирования до тех пор, пока она юридически не оформит свои отношения с Лореном. И наши родители хотели, чтобы они поженились в течение года, так чтоб это не казалось свадьбой по залету. Не многие люди знают, что это схема. Но несмотря на это, брак будет настоящим. Через шесть месяцев, Лили больше не будет Кэллоуэй.

Это не будет свадьбой по любви (даже несмотря на то, что они, скорее всего, в любом случае поженились бы через пять-шесть лет). Наши родители приняли это решение за них, так что свадьба будет основана на деньгах и видимости для окружающих. Не более.

И у Лили и у Лорена есть сомнения и оговорки по этому поводу. Я говорила об этом с Лили, и она сказала, что ей ненавистна сама мысль о том, что спустя годы, когда она будет смотреть на свои свадебные фото, ей будут видеться лишь фальш и холод. Я тоже хочу, чтобы их брак начинался с хорошего, но не вижу выхода из сложившейся ситуации.

На каком-то уровне я понимаю и соглашаюсь со своей матерью. Думаю, это поможет Физзли, потому что восстановит образ Лили в средствах массовой информации. Считаю ли я, что это того стоит? Это может сказать лишь Лили. Я знаю, что она согласилась на эту свадьбу по большей части из-за чувства вины за причиненный Физзли ущерб, чем из-за получения ею своей доли наследства.

Мадам Чармейн поднимает свои руки.

— Так много эмоций, — она прижимает свои пальцы ко лбу.

На сдержанном, обычно безэмоциональном лице Коннора проступает раздражение.

— Это не я! — вдруг восклицает Лили. Она вскакивает с дивана. — Я люблю Лорена. Посмотрите, — она целует Лорена в щеку, а затем в губы.

Он отшатывается, понимая, что сейчас это не самый правильный поступок для Лили. Но он пытается понять ее психическое состояние, которое в данный момент вышло за рамки

нормального. Моя сестра похожа на клубок бечевки, который может раскрутиться медленно или быстро, в зависимости от человека, который тянет за второй конец.

Лили вздрагивает, она не ожидала, что Ло прервет поцелуй. Отступая назад, она натывается на стол и сбивает зажженную свечу. *О, мой бог.*

— Ох, я не имела в виду... — слезы наполняют ее глаза, она правда думает, что разрушила все. Лили пытается поднять свечу, но Лорен обнимает ее за талию, притягивая к своей груди, прежде чем она успеет сжечь саму себя.

Пламя перебрасывается на бумажную салфетку и бумажную тарелку. Дэйзи подымает салфетку, словно это грязный подгузник, а не шар огня.

— Ву-ху, ребята, это реально горячо.

— Правда? — спрашивает Рик, хватая ее за запястье и стараясь опустить горящую салфетку.

— Ага, правда-правда. Хочешь попробовать? — она игриво улыбается, махая в его сторону салфеткой. Он не сдвигается ни на миллиметр.

— А ты веселая.

— Я думала, я просто горяченькая.

Хотела бы я сказать, что я единственная нормальная сестра, но нет, я истерично пытаюсь схватить кувшин воды, который стоит на журнальном столике. Так что я сбиваю еще одну свечу.

Просто супер.

Камеры двигаются за нашими спинами, в таком же диком ритме, как и пламя на столе.

Дэйзи бросает салфетку обратно на стол до того, как та начинает жечь ей руку. А медиум пронзительно что-то кричит о своих картах, валяющихся неровной стопкой на столе.

В этот момент пара рук оттягивает меня от набирающего обороты пламени, перебросившегося с салфеток на пурпурную скатерть.

— Вода, — начинаю я, но Коннор оставляет меня у стены и приносит огнетушитель.

В считанные секунды мой парень гасит огонь. И медиум вылетает из нашего дома со своей фиолетовой сумкой в роли буксира.

Воцаряется молчание, и все мы слышим бормотание:

— Мнетакжальмнетакжальмнетакжаль.

Мое сердце сжимается, и я думаю, что это Лили бормочет извинения в рубашку Лорена. Его рука лежит на ее затылке, а черты его лица стали резче. Когда он смотрит на меня, то говорит:

— Спасибо богу за Коннора, правда? — он пытается отшутиться, скрыв боль, которую так четко видно по его перекошенному лицу.

— У бога всегда есть способ украсть похвалу за мои заслуги, — вставляет Коннор.

Губы Лорена изгибаются в небольшой улыбке.

Думаю, в этот момент я люблю Коннора сильнее за то, что он может поднять мое настроение, чем за то, что он спас мой кедровый журнальный столик. Но я рада, что столик не сгорел.

Он антикварный.

Лорен берет Лили на руки так, что она оказывается вне поля зрения камер.

Скотт разворачивается ко мне.

— Похоже, в конце концов, мы увидим твой приватный танец.

— Прости, что? — насмехаюсь я.

Комната погружается в напряженное молчание. Скотт усмехается.

— Вы заключили сделку несколько дней назад. Я смотрел нарезку. Если кто-то расплатится во время сеанса с медиумом, то ты должна будешь своему парню танец на коленях.

Черт. Блять. Черт...

— На самом деле Лили не плачет, — говорю я, не медля.

Лорен сдвигает ее немного, и я вижу мокрую от слез Лили его футболку. Она быстро вытирает свои щеки, пытаясь скрыть печаль, но всем ясно, что она плакала. Я забыла, что Лорен в этом пари не на моей стороне. Черт, он тот, кто его предложил.

Я бросаю Ло:

— Тебе бы следовало ощутить вину от того, что ты используешь ее эмоции.

— Она присутствовала там, когда вы заключали это пари, — напоминает он мне. — Что, танец на коленях состоится тогда, не знаю когда? В любом случае у нас с Лили билеты в первый ряд.

Лили бормочет что-то, что похоже на *"только если она сама этого хочет"*.

— Ладно, — говорю я, в то время как рука Коннора скользит мне на талию. Я отступаю так, чтоб он меня не касался, тревога заполняет меня больше, чем когда тут пылал огонь. *Я должна крутиться и тереться об него. На публике. Еще и с миллионами зрителей, следящих за этим по ТВ. Ох. Черт...*

Единственная положительная сторона всего этого то, что первый эпизод выйдет только в феврале. Так что у меня останется немного времени до того, как люди станут свидетелями моей неспособности нормально потереться о парня.

— Думаю, мы пропустили что-то, — говорит Дэйзи Рику.

Он смотрит на нее.

— Очевидно, я недавно пропустил много охренительных вещей.

Она отводит от него взгляд и, замечая, что я за ней наблюдаю, просто улыбается мне. Думаю, Рик беспокоится о ней. Мы все беспокоимся. Есть небольшое опасение, что она может закончить, как ошалевшая от секса Лили. Внимание СМИ влияет на учебу Дэйзи черт знает как. Дэйзи не станет говорить с нами об этом. Но она могла бы выпустить пар не совсем верным способом.

Лорен несет Лили вверх по лестнице, ее ноги обернуты вокруг него. Худощавый Бен следует за ними.

Я немного поворачиваюсь и ударяюсь рукою о камеру. На лице толстяка Бретта расплывается самодовольная усмешка, словно это он выиграл чертово пари. Ну, я предполагаю, что тут все выиграли, кроме меня.

— Убери свою ухмылку, Бретт, прежде, чем я сотру ее с твоего лица, — моя угроза звучит серьезно (на самом деле нет), но я достаточно раздражена, так что чувствую, словно реально могла бы нанести кому-нибудь вред астрономического масштаба.

Я смотрю на журнальный столик. На белую пену. Обугленные салфетки. Обгорелые продукты. Грязные тарелки. Перевернутую оттоманку. Это что, пятно на ковре? Ох...

— Я уберу это, — говорит мне Коннор.

— Я помогу, — добавляет Скотт.

Коннор бросает на него взгляд.

— Что? — улыбается Скотт. — Я живу здесь сейчас. Так что могу подать руку помощи.

У меня есть ощущение, что его "рука помощи" это больше, чем я готова принять.

Шесть месяцев. Шесть месяцев.

Если я повторю так несколько раз, то возможно это не будет казаться вечностью.

ГЛАВА 6

КОННОР КОБАЛЬТ

Вот самый дерьмовый способ провести послеобеденное время.

Эта мысль прокручивается на повторе, пока я слушаю жужжание других членов совета Кобальт Инкорпорэйтэд о рекламе и бизнес инвесторах. Меня переполняет желание встать, и пусть все знают, что они успешно угробили этот разговор.

Но я так не поступаю.

Люди передо мной — наиболее значимые лица компании. Если есть хоть какая-то надежда на то, что у них не будет повода говорить, что я унаследую Кобальт Инк. незаслуженно, то мне стоит прикусить язык. Кобальт Инк. владеет такими брендами, как MagNetic, краски Smith&Keller и другие дочерние предприятия — это все упало в мои карманы еще в момент моего рождения.

Я симулирую интерес, как только могу, но войдите в мое положение, я сижу во главе этого длинного стола для переговоров, каждое место вокруг которого занято двадцатью мужчинами среднего возраста. Во время этих встреч я исполняю обязанности своей матери, эту должность она отдала мне два года назад. На самом деле, это не дает мне никакой власти.

На бумаге я все еще просто ее сын. Это просто тест.

Моя мать ни за что так просто не отпустит империю, которую построила с нуля. Для начала я должен стать членом совета, затем главным исполнительным директором, после — приобрести акции матери и проявить себя. В виде подобных встреч и определенных задач она дает мне возможность показать, чего я стою. Мой мобильник постоянно в моем кармане, он как потенциальная причина уйти отсюда под предлогом сделать звонок.

Но я продолжаю ждать от матери внезапной просьбы развлечь ее деловых партнеров или друга семьи. И я всегда благодарен, когда она оставляет меня в покое на ночь.

Сейчас я делаю заметки на небольшом планшете, что лежит у меня на коленях. На самом деле я структурирую задание, которое должен завершить сегодня вечером для одного из своих курсов в Уортоне. Может быть я и выпустился с Пенсильванского университета еще в прошлом году, но сейчас я в большой лиге. Аспирантура. Я хочу получить степень МВА (*Магистр делового администрирования — прим. пер.*). Она мне не нужна. Ну, правда.

Я стану исполнительными директором Кобальт Инкорпорэйтэд со степенью или без нее. Но уважение, которого я так сильно жажду, не дается столь легко.

Мой телефон жужжит в кармане брюк, достаточно громко, чтобы Стив Балм, главный операционный директор и наиболее уважаемый моей мамой член правления, прервал свою дискуссию на тему пальчиковых красок. Стив разглагольствует об основных цветах и детских сердечках. Он хочет обскакать Crayola (*бренд художественных изделий — прим. пер.*). Он конечно, не говорит этого, но я читаю между строк.

— Мы побеспокоили тебя, Коннор? — спрашивает Стив, его седые брови изгибаются, от чего на лбу появляются морщины. У нас со Стивом долгая история. Предполагаю, это началось с момента моего рождения, тогда, когда его удостоили чести стать моим крестным отцом.

Я не тянусь за своим телефоном.

— Разве я что-то сказал? — отвечаю я. Я жму на кнопку "беззвучно" до того, как

телефон сможет завибрировать снова.

— Ты не собираешься ответить? — спрашивает Гэри Холмс, крупно сложенный член правления, который сейчас сидит в нескольких креслах от меня. — Может быть, это из Голливуда. Разве ты не кинозвезда, нет?

Лайт посмеивается, пересекая комнату. Они шутят, потому что знают меня еще с тех пор, как мне было семь лет, и мама возила меня в тележке по этим коридорам.

Так что в их глазах я все еще мальчишка.

Мне не победить их ни спорами, ни даже если я буду бить себя в грудь кулаками, они все равно не станут воспринимать меня всерьез. Так что я поворачиваюсь к Стиву.

— Если вы хотите закопать эту компанию прямиком в землю, то конечно стоит потратить миллионы из нашего исследовательского фонда на поиск незапатентованной безвредной краски для пальчиков.

Стив не выражает никаких эмоций, его лицо настолько же не читаемо, как и мое.

— Катарина хочет расширяться, — Стив направляет свое заявление к собравшимся. — Она дает нам неделю на то, чтобы предложить *жизнеспособные* варианты, способствующие выведению Кобальт Инк. на новый уровень.

— Мы могли бы просто переспать с Физзли, — говорит Гэри, — Коннор преодолел уже 1/4 пути туда.

До того как комнату накрывает еще одна волна смеха, я спрашиваю:

— И что бы мы сделали с Физзли? Мы специализируемся на краске и магнитах. Или нам следует продавать магнитные банки с газировкой?

Все стихают, взгляды бегают от одного к другому. Я же удерживаю свой взор на Гэри, пока он краснеет и опускается ниже в своем кресле.

Я распрямляюсь, тем самым напоминая присутствующим о том, что здесь уже *нет* ребенка.

— Это была шутка, — говорит Гэри в свою защиту. Он смотрит на Стива в поисках поддержки, но мой крестный отец никогда не предложит ему спасательный жилет. Если вы тонете, то вы, черт возьми, пойдете ко дну.

— Если ваши шутки не содержат реальных решений по продвижению, то прошу держать их при себе, — говорю я резко. И только *сейчас* я вытягиваю из кармана свой телефон. Там сообщение...

Вирджиния Вульф, Джейн Остин, Энн Бронте — Роуз.

Мои губы стремятся расплыться в улыбке, но я сдерживаюсь изо всех сил. Я набираю ответное смс и в тоже время обращаюсь к членам совета.

— Катарина просто сообщила мне, что уже направляется сюда, — лгу я. Хотя, наспех прочитав сегодняшнюю электронную почту, знаю, что она приедет позже.

Трахнуть. Убить. Жениться.

Я нажимаю «отправить» и опускаю телефон обратно в карман.

— Есть еще какие-то сказочные идеи, Гэри? — спрашивает Стив. И на этом *все*. По его мнению, встреча окончена. Я встречаюсь с ним взглядом, и он мне слабо кивает, давая знать, что согласен с тем, что я говорил ранее. Я сдерживаю вздох облегчения. Это всего лишь одна из многих встреч.

Катарина приезжает только через пять минут, и после того, как Стив предлагает ей краткую обновленную информацию, члены совета уходят из конференц-зала. Оставляя меня с матерью наедине.

Ее глубоко окрашенные рыжие волосы волнами ниспадают на плечи. Она заняла место Стива по правую сторону от меня. Я знаю, что сейчас последует длинный разговор, хоть и говорил уже с ней ранее о реалити-шоу.

Я разложил все за и против и представил это в виде электронных таблиц, описав все причины, почему я должен принять участие в этом шоу. Главным образом это были преимущества для Кобальт Инк. Экспозиция. Привлечение внимания к нашему бренду. Это то, что хочет, но никогда не могла сделать моя мать.

Единственный риск — плохая пресса. Акции Физзли и Хейл сильно упали после того как в СМИ сообщили о сексуальном пристрастии Лили. Я временно дистанцировался от сестер Роуз, чтобы Кобальт Инк. не пострадал, но со временем все сильнее сближаюсь с Кэллоуэй. Моя мать высказала по этому поводу свое неодобрение. Ей не нравится идти на риск или марать руки. Но именно поэтому ей и нужен я.

— Ну и где же камеры? — спрашивает она, обводя взглядом зал.

— Есть всего лишь три оператора, — объясняю я ей еще раз. — Они не будут следовать за мной, если я не с кем-то из ребят. Так что если ты беспокоилась повстречать их, входя в это здание...

— Я не беспокоюсь, — она вынимает свой смартфон и одновременно с тем, как набирает письмо, говорит со мной. — Я боюсь, что эта девушка может погубить тебя.

— Ее зовут Роуз, и она не собирается меня *губить*.

Мама никогда не встречалась с ней, но они обе давят на меня, требуя организовать их знакомство за кофе или поздним завтраком. Я не думаю, что это реально хорошая идея. Поэтому извиняюсь перед мамой за то, что у Роуз вечно не находится свободного времени. А перед Роуз за то, что мама постоянно занята. Это дерьмово, но я уверен, что после знакомства они возненавидят друг друга. А еще я знаю, что Катарина попытается вытеснить Роуз из моей жизни, а мне бы этого очень не хотелось.

Мать кладет свой телефон в карман, и ее глаза темнеют от недовольства.

— Она могущественная девушка, начавшая свой собственный бизнес еще в подростковом возрасте. Она мотивированная, независимая и страстная.

И всеми этими качествами я восхищаюсь, но я прекрасно понимаю, что Катарина собирается обыграть каждое из этих вещей во что-то злое и превратное.

— У карьеристок нет мужчин. У нас могут быть отношения. Но женаты мы на своей работе, — она делает акцент на каждом предложении, словно забивает гвоздь в гроб реальности, внутри которого лежу я. — Дети, которых мы рожаем, отправляются в интернат, или же ими занимаются исключительно няни. Это жизнь, к которой я стремилась, принеся в жертву мужа и сына. Ты же не хочешь прийти к этому, Коннор. Ты умнее этого.

Я отказываюсь смотреть на стол и отводить взгляд от ее темно-синих глаз. Наши взгляды встречаются, оба полные власти. Ее слова в какой-то степени, возможно, и затрагивают меня, но я не собираюсь этого показывать.

Я говорю со своей матерью о наших с Роуз взаимоотношениях не слишком часто, потому что любое упоминание моей девушки вызывает у мамы пренебрежительное фырканье и полнейшее неприятие. Когда я сказал ей, что переезжаю к Роуз, она не говорила со мной в течение нескольких недель. Она бы предпочла, чтобы моя девушка переехала ко *мне*. А не наоборот. Я был готов перестроить свою жизнь ради Роуз, но, по словам Катарины Кобальт, любая девушка с радостью бы разрушила свою прежнюю жизнь, лишь бы войти в мой дом. По ее мнению, я выбрал путь, в котором для меня нет толку.

В то время мне приходилось использовать Стива Балма, чтобы просто поговорить с ней.

Наше общение возобновилось только после того, как я объяснил ей, что реалити-шоу может помочь Кобальт Инк., если я предприму правильные шаги.

— Тебе нужно нацелиться на девушку такую, как Каролина Хейверфорд, — говорит мама. Мысленно я морщусь, но внешне я не показываю того, что ее слова для меня подобны ножам, воткнутым в мой позвоночник. Я встречался с Каролиной. Я трахал Каролину. Но это был просто бизнес. Как мои отношения с матерью. Как моя жизнь.

Разве это так плохо, хотеть что-то реальное?

— Я с Роуз, — говорю я строго. — И это не изменится.

Она постукивает ногтями по столу, выдавая свое разочарование. Катарина Кобальт всегда получает то, что хочет, и это первый раз, когда я ударил по тормозам, не желая ей уступать.

— Каролина подойдет тебе. У нее будет для тебя время. А у Роуз времени нет. Ваши отношения станут полны обид и горечи друг на друга. И спустя несколько лет, ты поймешь, что спишь с незнакомкой.

— Мы все еще говорим о *моих* отношениях? — спрашиваю я, выгибая бровь.

Ее губы сжимаются в тонкую линию.

— Ты любишь ее?

— Любовь — иррациональное чувство, — говорю я. Я ненавижу то, что действительно верю в сказанное. — Она толкает людей на глупые поступки. Мои же отношения с Роуз — это... стимуляция.

Думаю, я социопат. *Черт*. Мне нужно встретиться с Фредериком.

— Ладно, — говорит моя мать, кивая. — Не нужно из этого делать трагический рассказ в стиле Шекспира. По крайней мере, она еще не повредила твой разум.

Мама поднимается со стула и поправляет свою узкую юбку.

— Я бы хотела с ней встретиться, — говорит она мне в тысячный раз. — Запланируй встречу у Марси, и если ты этого не сделаешь, я сама позвоню Роуз. Мы больше не нуждаемся в твоей лжи.

Ее каблуки стучат по полу, пока мама удаляется, оставляя меня представляющим картину встречи Катарины Кобальт и Роуз Кэллоуэй.

В этой картине много криков. Ора. Может даже кровопролитие.

Хоть Роуз и устойчива, я не уверен, что из этого поединка она выйдет победителем.

Моя мобильный звонит, и я смотрю на вспыхнувшее на экране имя. *Скотт ван Райт*. Прекрасно.

Когда я отвечаю на телефонный звонок, то говорю первым.

— Скотт, как мило, что ты звонишь, а то я уж было начал думать, что не нравлюсь тебе.

— И почему же ты так подумал?

Потому что ты хочешь трахнуть мою девушку.

— Потому что Роуз тебе нравится больше, чем я, — забрасываю я приманку, ожидая его реакции.

— О да, она мне нравится больше, — говорит он мне. — Она симпатичнее.

Я жду, что он еще что-то добавит по типу "и у нее есть киска", но он молчит. То ли я жил слишком долго рядом с вульгарными людьми, то ли он фильтрует свою речь.

— Многие люди не согласились бы с тобой, — говорю я расслабленно. — Так чем обязан твоему внезапному звонку?

— Я покупаю еду в продуктовом магазине. И подумал захватить любимые продукты Роуз. Не подскажешь, что ей нравится?

— Я.

Он выпускает смешок.

— Этот телефонный звонок вообще-то снимают, ну ты знаешь. Ты на громкой связи, — он говорит это так, словно поймал меня в паутину.

— Нууууу, еще она любит мой член, мои волосы, мой ум, мое тело...

— Ага, она любит тебя так сильно, что *все еще* девственница.

Вероятно, он нашел эту информацию в ее интервью. Или может быть, кто-то упоминал об этом, и Скотт узнал это из видео-нарезки. Роуз не стыдится своей девственности, так что могу предположить, что она сама могла сказать о ней на камеру.

— А ты ее бывший парень, — говорю я безэмоционально. — У нее проблемы с интимной близостью, и не нужно быть гением, чтобы понять, что они возникли по причине твоей импотенции.

Все это неправда, но я надеюсь, он вырежет это из финальной версии фильма.

Ладно, это сомнительно.

Он фыркает.

— О, и она любит черный шоколад, — говорю я.

— Я просто захвачу презервативы. Как насчет такого?

Я сильнее сжимаю телефон.

— Ты спрашиваешь у меня разрешение на то, чтоб трахнуться? Это мило. И ответ "нет". У меня уже есть.

Он сухо смеется.

— Ты чертов хрен.

— Меня называли и похуже, — говорю я своим обычным спокойным голосом. — Зато у меня есть девушка. И она не надувная.

— Увидимся в таунхаусе, — говорит он, игнорируя мой комментарий. — А ты, правда, вернешься очень поздно, да? У тебя же колледж и работа. Все это дерьмо. Но не волнуйся, приятель. Я составлю компанию девочкам.

Он кладет трубку, и я прокручиваю нашу беседу у себя в голове. Он нервирует меня больше, чем кто-либо еще, и тот факт, что мне не нужно его впечатлять, понукает меня не фильтровать с ним свою речь.

Он позвонил мне. Чтобы задеть меня за живое.

И это сработало.

ГЛАВА 7

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

— Ты не должна смотреть в камеры, — в сотый раз напоминаю я Лили. Она пытается игнорировать Бена и Бретта, пока те снимают нас с двух разных углов, но могу сказать, что дается ей это непросто.

По крайней мере без Лорена рядом.

Ее парень, кажется, оберегает разум Лили от всего остального, плавит ее нервы до жидкого состояния.

Лили следует за мной по всей кухне, пока я в спешке делаю салат Кобб, чтобы взять его с собой в офис Кэллоуэй Кутюр. Я стараюсь не слишком анализировать, почему сестра буквально приклеилась к моему боку.

Лили наклоняется ко мне и шепчет:

— Что если у меня козявка или что-то подобное в носу? — ее взгляд снова тревожно бросается к камере. — Или что делать, если я размажу соус, сыр или арахисовое масло по всему лицу? Я ем довольно неуклюже. Используют ли они подобное отснятое видео?

Я ставлю морковные палочки на стол, и когда оборачиваюсь, то практически врезаюсь в тело Лил. Она отшатывается, и я кладу руки ей на плечи.

— У меня нет никакого влияния на редакцию финального видео, — говорю я в *еще один* сотый раз. Мне также хочется ей сказать, что она не обязана вообще принимать во всем этом участие. Что если она хочет покинуть шоу, это будет нормально. Я буду в порядке.

Но это не совсем правда.

Успех Кэллоуэй Кутюр возложен на это шоу, а успех шоу основан на участии Лили и Лорена.

— Я справлюсь с этим, — говорит она мне, отлично читая мои мысли по выражению лица. — Это просто что-то новое. Все новое всегда поначалу ужасает, ты же знаешь? Ну, скорее всего ты, не знаешь, — она нервно смеется. — Ты ничего не боишься.

И это тоже не совсем правда. Недавно я испугалась. Даже ужаснулась. Кто-то, не будем называть его имени, вложил мне в рот свой палец. И думаю, мне понравилось.

Мой телефон жужжит на столешнице, я вытираю руки о полотенце и снимаю блокировку экрана. У меня два новых сообщения.

В первом: *5 месяцев и 20 дней до свадьбы* — мама.

В этот момент я даже не удивлена. Я получаю от нее ежедневный обратный отсчет, напоминающий мне, что следует взять на себя ответственность за планирование свадьбы Лили.

Я открываю второе смс, пытаюсь отвлечься от мыслей о том, что мне все еще следует сделать.

Принц Чарминг, Робин Гуд, Чудовище — Коннор.

Серьезно? Я написала ему в сообщении имена трех блестящих авторов женского пола, а он придумал мне персонажей Диснея на выбор? Ах, он начинает войну.

Я быстро нажимаю кнопки, даже не задумываясь дважды над своим выбором. *Убить. Жениться. Трахнуть.*

Менее чем через минуту я жму «отправить» и в ответ получаю еще одно сообщение.

Ты бы трахнулась с Чудовищем вместо Робин Гуда? Объясни.

Ты даже не позовешь меня помочь в убийстве Принца Чарминга?

Читать между строк — это мой профиль.

Оно и не удивительно. Я и сама успешно убью Принца Чарминга. Всегда верила в то, что каждую девушку нужно спасти из башни. Принц — мудака.

Я улыбаюсь, с волнением ожидая его ответ.

— Это Коннор? — спрашивает Лили, подозрительно глядя на мою улыбку.

Мои губы выравниваются, и она заглядывает через мое плечо, пытаясь прочесть сообщение. Я прижимаю телефон к груди и в ее глазах появляется задор.

— Ты пишешь непристойные смски? — спрашивает она, веселясь.

А мне следует? Как вплести непристойности в убийство Принца Чарминга? Если серьезно оценить наши с Коннором отношения, то они будут ближе к отметке "странные", чем "нормальные".

Мой телефон снова жужжит, но я не отнимаю его от своей груди.

— А о чем вы с Ло переписываетесь?

Ее лицо искажает гримаса задумчивости.

— Ну, я пишу ему о том, что хотела бы сделать. А он обычно отвечает свое универсальное *ОК*, даже если оказывается, что порой он огромный лжец, и мы никогда не сделаем того, о чем я спрашивала, — она пожимает плечами. — Он лаконичен в смсках, — ее улыбка становится шире от другой пришедшей в голову мысли. — Но *иногда* он случайно шлет мне сообщение как это... — Лили поднимает палец, прося подождать, и открывает свой раскладной телефон. Древнее устройство даже нельзя подключить к Интернету или установить на него какие-то приложения. Чем меньше соблазнов для нее смотреть порно, тем лучше. — Вот это он прислал мне на прошлой неделе.

Она подносит телефон к моему лицу. Бретт и Бен стараются увеличить изображение экрана. Но в ответ Лили закрывает его ладонями с обеих сторон.

А я быстро читаю сообщение.

Скучаю по твоей киске. — Ло.

Как красноречиво. Лили практически светится.

— Он не занимается прелюдией по смс, — объясняет она. — Так что когда он шлет мне что-то грязное, это словно Рождество.

Она тянется к моему телефону.

— А твой, что пишет?

— Просто всякие штуки по работе, — отвечаю я уклончиво.

Я набираю в ответ: *Робин Гуд — блядун. Я бы хотела присоединиться к его веселым мужчинам, но не желаю становиться еще одной зазубриной на его кровати. А Чудовище, вероятно, девственник.*

Как только я отправляю сообщение, мой желудок опускается. Что за херню я только что сделала? Я виню Лили, которая заглядывала мне через плечо, пока я набирала, она отвлекла меня от повторного чтения сообщения.

По сути я призналась, что хочу заняться сексом с девственником.

А Коннор *не* девственник.

У меня нет времени на размышления. Дверной звонок звенит. Я шагаю через кухню и гостиную, чтобы открыть двери, оставляя при этом Лили стоять у холодильника. На секунду я оборачиваюсь назад, чтобы убедиться, что она не развалится там без меня на части. Она сосредоточена на нарезке огурца для моего салата, так что я расслабляюсь.

Бен идет за мной со своей прикрепленной к груди камерой, и когда рядом нет постоянно таращащейся в объектив Лили, я с легкостью могу притвориться что операторы — невидимки.

Когда я открываю дверь, мое настроение резко меняется. Надеюсь, по моему взгляду ясно видно, что я скорее бы убила целый тюк морских черепах, чем оказалась рядом с этим человеком. Скотт ван Райт растягивает губы в самоуверенной, лицемерной улыбке.

Наверное, мой взгляд не возымел должного эффекта.

— Большинство девушек, открывая дверь, говорят "*привет*", делает он мне замечание.

— У тебя что, нет работы?

— Ты — моя работа, Роуз.

Здорово. Я все еще никак не вобью себе в голову, что Скотт живет с нами. Я проснулась сегодня в пять утра вместе с Коннором просто для того, чтобы принять душ, пока все остальные (в особенности Скотт) не встали, чтобы подсматривать за очертаниями моего обнаженного тела. Я *знаю*, что через полупрозрачное стекло двери все видно. Я — не идиот.

И вот сейчас он здесь.

Я осознаю тот факт, что Скотт всегда будет где-то рядом. Просто, блин, не могу с этим смириться.

Он держит полные продуктов пакеты.

— Я пришел с миром.

Его глаза опускаются к моей темно-синей блузке с золотыми пуговицами на плечах. Вырез немного глубже, чем на платье, в которое я была одета в вечер встречи с медиумом, но из-за скрывающегося между моими грудями ожерелья в виде цепочки, мои груди третьего размера кажутся больше.

— Вижу, ты изменила гардероб. Закончился период женского монастыря, ура, начальной школе. Неидеально, но уже ближе к истине.

Я стараюсь захлопнуть дверь обратно у него перед носом. Так как он удерживает в руках продукты, то вынужден использовать бедро, чтобы удержать ее в открытом положении.

— Еще раз ты заговоришь о моей одежде, — вскипаю я, — и мы узнаем, как сильно моя нога врежется в твой зад.

— Достаточно справедливо, — говорит он с легкостью, не используя колких выпадов. Думаю, он просто пытается выиграть время и не пролить молоко на пол.

Я выдыхаю сквозь зубы и открываю дверь шире, пропуская его на кухню.

Лили поднимает взгляд от салатницы с немым вопросом. Она не хочет находиться дома со Скоттом и без Лорена. Но было лишь вопросом времени, когда подобное произойдет. Каждый из нас куда-то уезжает в течение дня.

Я: Офис Кэллоуэй Кутюр в Нью-Йорке. Такое расстояние до работы убивает меня, потому я арендовала офис в Филли. Но один раз в неделю я все же езжу в главный офис, чтобы проверить там все.

Коннор: Он ездит в Пенсильванский Университет или в Кобальт Инкорпорейтед в Филли.

Лорен: Его офис по созданию журналов с комиксами в Филли.

Дэйзи: Подготовительная школа в Филли.

Рик: Ну, я не совсем уверена, куда он, черт возьми, девается. Может, возле стенки для скалолазания в спорт зале. Он, как и я, выпустился из университета в прошлом году, но после этого даже не пытался сделать хоть что-то со своей степенью в журналистике. Он

даже перестал работать для *Филадельфийской Летописи*.

И еще есть Лили.

Сейчас, когда она берет онлайн занятия в Принстоне, то постоянно остается дома одна. Я волнуюсь о ней и о том, что ей придется проводить много времени со Скоттом. Может быть, я могла бы убедить ее поехать со мной в офис Кэллоуэй Кутюр.

Скотт ставит пакеты на кухонную стойку, и Лили отодвигается, чтобы он ее не задел; она избегает его взглядов, касаний, чего угодно, что принадлежит ему.

— Я не кусаюсь, — говорит ей Скотт.

— Знаю, я просто... — ее взгляд устремляется в пол.

Морщинки пересекают ее лоб, пока она хмурится.

Уверена, Скотт думал, что моя сексуально-зависимая сестра окажется уверенной и не стеснительной девушкой, которая падает на колени перед каждым имеющим член мужиком. Большинство людей так ее себе и представляет. Но вам хватит и пятиминутного разговора, чтобы понять, что она и близко не такая. Она застенчивая, нервная и страдает от социальной тревожности. Единственное, в чем она уверена — это секс.

Иногда, мне кажется, что мы с ней полные противоположности.

— Она стесняется, — говорю я за Лили. — Не воспринимай это на личный счет.

— Застенчивая секс-зависимая? — он смотрит на Лили, словно она вообще не существующий вид. — Ты надо мной издеваешься?

Она почти мгновенно краснеет, а я хмурюсь.

— Оставь ее в покое.

Лили поднимает руки.

— Нет, все в порядке. Я хочу объясниться... — ее взгляд порхает от одной камеры к другой.

— Не смотри в объектив, — ругает ее Скотт, будто она малое дитя. — Это не супер сложно понять, милая.

— Ты можешь хоть что-нибудь сказать, не выглядя при этом свиньей? — спрашиваю я.

Он усмехается, словно я предложила ему сделать минет. *Arppp*. Он бросает мне вызов, ладно. Я сучка, которую он желает заманить в ловушку. Но мои оскорбления к его желаниям реально ни при чём. Даже если бы я начала делать ему комплименты по поводу и без, он все равно не стал бы резко незаинтересованным во мне.

Лили обращает все свое внимание на Скотта.

— Я хочу, чтобы у зрителей было настоящее честное представление о секс-зависимости. По крайней мере основанное хоть на одном реальном примере. На моей истории. Так что возможно, какая-то девушка, как я, услышав эту историю, почувствует себя не такой одинокой.

— Хорошо, — говорит Скотт, кивая. — Я понял. Но почему, черт побери, ты выглядишь такой испуганной рядом со мной? Разве ты не должна желать опуститься на свои коленки передо мной прямо сейчас? — он открывает холодильник и ставит на полку сметану и молоко.

— Я сейчас прохожу процесс восстановления, — поясняет Лили. — У меня есть парень. И я не хочу заниматься сексом ни с кем, кроме него. Так что, нет, я не имею ни малейшего желания опускаться перед тобой на свои колени. И я всегда была застенчивой. Просто не... во время... *этого*.

Она рассказывала мне, что во время секса чувствует себя абсолютно другим человеком:

доверчивой и сильной. Лили верит, что из всего возможного, она хороша только в сексе, и принимает это близко к сердцу. После секса ее переполняет стыд, ей кажется, что она утратила всю свою значимость и превратилась в шлюху, единственный талант которой — умение профессионально трахаться. Поэтому она стремится совершить еще один половой акт, чтобы почувствовать себя лучше, но в итоге лишь сильнее усугубляет свою болезнь. Успешная в сексе женщина, у которой его в пять раз больше, чем у среднестатистического мужчины, не бросает направо и налево вожаемые взгляды. Не в обществе, которое так легко навешивает на нее ярлык шлюхи.

Образ жизни Лили полон унижения. В нем нет места торжеству.

Я бы хотела защитить ее, но невозможно защитить девочку от мира, не забрав ее из него.

— Ты не можешь даже сказать слово *секс*? — говорит Скотт, посмеиваясь. — Господи Иисусе.

Она убирает прядь волос за ухо и поворачивается ко мне, стараясь игнорировать Скотта, но по ее лицу я вижу, что ей больно.

— Мне нужно сделать кое-какое домашнее задание, — говорит она тихим голосом.

— Эй... — я вытираю руки о полотенце и касаюсь ее плеча, прежде чем она уйдет. — Не слушай его, — шепчу я. — Он отвратителен.

— Я знаю. Коннор сказал мне то же самое сегодня утром.

Я хмурюсь.

— Правда?

— Ага, сказал, что Скотт захочет надо мной поиздеваться, а мне просто нужно помнить, что все здесь ненавидят Скотта и любят меня, — она смеется, но ее глаза полны слез. Лил вытирает их до того, как они смогут пролиться. — Не хочу плакать на этой неделе так много, честно. Думаю, это какой-то очередной период выздоровления. Я ведь могу использовать это как оправдание, верно?

Я обнимаю ее, не смотря на то, что сама безумно напряжена. Мое сердце разбивается на части, когда кто-то осуждает ее зависимость. Как будто это глупая шутка. Это не так. И моя сестра не отвратительная и не странная, и не жалкая хоть и считает себя такой. Если бы каждый день в социальных сетях на меня клеветали люди со всего мира, я была бы в гораздо в худшем состоянии, чем она.

— Ты собираешься звонить Ло? — спрашиваю я. Хотя он и раздражает меня, но, кажется, Лорен всегда знает, что сказать, чтобы поднять ей настроение.

— Ага, думаю, можно, — она еще раз меня обнимает и уходит в свою комнату. Оставляя меня наедине со Скоттом.

Злость закипает во мне, и меня посещает мысль отыскать в ящиках самый огромный зубчатый нож для хлеба и провести им по его члену. Я бросаюсь к двухстворчатому холодильнику и замечаю, что Скотт уже практически разобрал все кульки с продуктами.

— Ты подлый человек, — говорю я ему холодно, — и я могла бы разорвать тебя на части прямо сейчас, но на самом деле мне тебя жаль.

— Почему это? — он прищуривает глаза и закрывает дверь кладовки.

— Потому что ты только что оскорбил единственную девушку, над которой тебе никогда не стоило бы издеваться. Теперь же ты в списке дерьма Лорена Хейла, а это значит тебе несдобровать.

— Парень с острыми скулами, верно? — размышляет Скотт, словно он ни разу не видел

этого двадцати двух летнего парня в новостях, не *встречался* с ним и не живет с ним в одном доме. — Он не выглядит таким уж угрожающим.

— Поверь, он превратит твою жизнь в ад, — говорю я, улыбаясь, — ад на шесть *долгих* месяцев.

— Ну, пока ты тут прославляешь мою кончину... — он тянется к последней сумке и достает оттуда шоколадный батончик. — Я купил тебе это. Слышал, это твой любимый.

Моя улыбка становится еще шире, пока я верчу черный шоколад в руках. *Коннор*. Мой взгляд поднимается к Скотту.

— Я презираю черный шоколад. Но хорошая попытка.

Он стискивает челюсть, когда я сую шоколадный батончик ему обратно.

Направляясь к лестнице, я чувствую его прожигающий взгляд на своей заднице в течение всего моего недолго пути.

Но я так и не оборачиваюсь, чтобы убедиться в этом.

Он не сможет украсть мою победу.

ГЛАВА 8

КОННОР КОБАЛЬТ

Съемочная группа ушла на обеденный перерыв, потому нас снимают только стационарные камеры, закрепленные на стенах и потолке. Это небольшое облегчение, когда тебе не нужно игнорировать того, кто с тобой в одной комнате.

Мы с Риком и Ло на самом нижнем уровне таунхауса. Несколько дней назад Дэйзи нашла двух крыс, пищащих в ее гардеробной, а еще их фекалии внутри своих ботинок. Если бы подобное случилось с Роуз, дом бы уже перевернули вверх дном. Но Дэйзи умолчала об этом инциденте, упомянув о нем лишь Рiku. Она хотела решить этот вопрос, не беспокоя своих сестер.

Так что я прислоняюсь к стене, пока Ло, присев, разглядывает корзину для мусора. Рик скрылся в подвале, высота которого не больше трех футов (*91 см — прим. пер.*), вместо пола там коричневая почва, а из-за входной квадратной маленькой двери исходит сильный запах плесени и грибка.

Мы ждем Рика, чтобы проверить ловушку для крыс, которую ставили накануне.

— Ты выглядишь дермово, — говорит мне Лорен столь красноречиво.

Он прав. Темные круги обрамляют мои глаза, и если бы я не опирался всем весом о стену, то наверное бы свалился. Сегодня ночью я спал всего пару часов. Сегодня суббота, и этим утром я планировал выспаться, но получил сымпровизированное задание от матери. Мне нужно было вывести главную команду рекламщиков Кобальт Инк. на завтрак и обсудить с ними продакт плейсмент (*продакт плесмейнт — приём неявной (скрытой) рекламы, заключающийся в том, что реквизит, которым пользуются герои в фильмах, телевизионных передачах, компьютерных играх, музыкальных клипах, книгах, на иллюстрациях и картинах — имеет реальный коммерческий аналог. Обычно демонстрируется сам рекламируемый продукт, либо его логотип, или упоминается о его хорошем качестве — прим. пер.*) наших продуктов.

Наверное, я мог бы лечь поспать прямо сейчас, но вместо этого потягиваю кофе. Лучше бы я пропустил *это*.

Наблюдая за тем, как Рик медленно передвигается по подвалу, стараясь уклоняться от паутины, в поисках дохлой крысы, я улыбаюсь. *Да пошел этот сон*. Вот такие маленькие вещи и являются наиболее важными в жизни.

— Я — аспирант, пытающийся управлять многомиллиардной компанией, — говорю я Ло. — Если бы я не выглядел так дермово, то подсел бы на препараты.

Я слышу, как Рик ударяется головой о трубу.

— *Трахните мне*, — матерится он.

— Прелюбодействуешь с крысами? — спрашиваю я, сжимая в ладонях теплую кружку.

— Да пошел ты, Кобальт, — ворчит он, двигаясь дальше. — Сюда должен был лезть самый невысокий из нас.

Ло сразу воспринимает это на свой счет и начинает обижаться.

— Если бы я знал, что ты будешь вести себя, как сучка, то сделал бы это сам, и я только на один дюйм ниже тебя, *братан*.

Рик снова ударяется головой о трубу и издает рычащие звуки.

— Я все еще шесть, бля, три (*1,92 м — прим. пер.*).

Ло упирается локтями в бедра и, приседая, наблюдает через дверцу за своим братом.

— Ты так долго там только потому, что такой гигант, или есть и другие причины? Ты ставил ловушку. Так что должен знать, где она.

— Вероятно, крыса утянула ловушку с собой.

— Так воспользуйся своим носом, — предлагаю я. — У собак обоняние получше моего.

Ло смеется, тогда как я делаю еще один глоток кофе.

— Отвали, — орет Рик, и это звучит реально угрожающе, даже через стену.

Мой телефон вибрирует в кармане. Вытащив его, я быстро читаю сообщение.

Ты уже поговорил с Лореном? — Роуз.

Я не удивлен, что Роуз снова сосредоточилась на проблеме Лили и Лорена. Ей нравится заботиться о своих сестрах, но думаю, то, что она сосредотачивается конкретно на Лили и Ло отвлекает ее от собственных проблем.

В ответ я пишу: *Делаю это прямо сейчас.*

Одной проблемой меньше в ее списке переживаний — одним стрессом меньше в ее жизни. Я кладу телефон в карман и поворачиваюсь к Ло, чтобы сформулировать к нему вопрос Роуз, будто он мой собственный.

— У Лили сейчас больше секса, чем обычно?

Роуз это неизвестно, но Ло в вопросах секса на удивление откровенен. Он мотивирован страхом, что может позволить Лил снова погрузиться в зависимость, плюс Ло доверяет моим советам.

— Она не стремиться к сексу последнее время вообще, не хочет, — он встает, по-прежнему удерживая корзину для мусора в руках. — Все это чертово реалити-шоу доводит ее до предела. А она лечит свою тревогу с помощью секса, это означает, что в следующую неделю мне не светит ничего, кроме секса с помощью пальцев, — он смотрит на камеру, закрепленную в углу потолка, и машет пальцами в сторону объектива. А затем еще и подмигивает.

И *вот* почему это шоу реально будет популярным. Нефильтрованные разговорчики и делают хорошее телевидение.

— Так у вас нет секса? — говорю я, стараясь, чтобы в моем тоне не было намека на неверие, хоть внутренне я и сомневаюсь в истинности его слов. Они практически всегда трахаются ночью и утром. Несложно услышать это через тонкие стены.

Лорен потирает затылок, вероятно, пытаясь решить, солгать мне или сказать правду. Опуская руку, он говорит:

— Нет, я имею в виду... — он вдыхает, и я терпеливо ожидаю. — Мы трахались пару дней тому назад. После этого она была немного компульсивна, так что я хочу, чтобы она воздержалась от секса три-четыре дня, посмотрим, как Лил справится с этим.

— И вы использовали презерватив? — спрашиваю я.

На секунду он затихает, а затем резко ударяет кулаком о стену.

— Рик, поспеши, черт тебя побери.

— Ло, — говорю я.

Он разворачивается ко мне, его глаза горят.

— Этот разговор окончен.

— Я просто пытаюсь представить, как будет выглядеть Лили беременной, — говорю я невзначай. — Будет ли у нее полнеть все тело, или только округлится живот?

— По крайней мере я не дрочу, — говорит Ло, и его голос пропитан чистой

злостью. — Как давно ты *трахался* с кем-то, кроме своей руки?

Сказав это, он сжимает челюсти, сдерживаясь, чтобы не скривиться. Ло свойственно быть грубым с окружающими, но с момента нашего знакомства, он использует резкие слова все реже. Раньше он был пьяным мудаком. Просто и понятно. Сейчас же он — трезвый мудака, который сожалеет, когда не может удержаться от колкостей.

К счастью для него, меня сложно разозлить.

— Моя рука и член — старинные друзья, — говорю я равнодушно и даже немного усмехаюсь.

Кажется, что он тоже расслабляется, понимая, что пресек мои расспросы.

— Я не твой брат, — я заглядываю в эту кроличью нору, где фактически исчез Рик. — Я не собираюсь ругать тебя за то, что ты совершил какую-то глупость. Но я встречаюсь со старшей сестрой твоей девушки, так что в этой ситуации мои собственные яйца тоже на линии огня.

Он кивает, как будто понимая, о чем я.

— Это последствия того, что ты лег в кровать с дьяволицей.

— И она мне чертовски нравится, — опровергаю я, — так что упрости мне жизнь и используй презерватив.

Я не говорю ему о том, что он сам еще не готов стать отцом, и о том, что идея о беременной Лили ужасает всех нас. Не говорю о том, что алкоголизм наследственен или о том, что Ло сейчас слишком занят, чтобы уделять ребенку должное время. Он и так знает все это. Он слышал это тысячу раз от Роуз и своего брата.

Но что Роуз и Рик не понимают, так это, что от постоянного повторения человеку чего-нибудь, он может стать к этому нечувствительным. Энди Уорхол использовал эту теорему, создавая свою картину с электрическим стулом. Он накладывал одно и то же изображение раз за разом, пока не добился того, что глядя на картину, вы можете увидеть на ней нечто ужасное.

Смысл первоначального изображения теряется.

Так что я стараюсь не повторять то, что уже было сказано ранее. Я хочу, чтобы мои слова несли первоначальный, вложенный мной в них, смысл.

Потому я выдал Ло свою эгоистичную причину.

Я — мудака, который заботится только о себе.

Я — тот, кем ему нужно, чтобы я был.

Ло смотрит в пол какое-то время, обдумывая мои слова.

— Я буду внимательнее, — бормочет он себе под нос.

Шум, доносящийся из кроличьей норы, прерывает наш разговор. Рик должно быть снова ударился о трубу. Он кашляет и говорит:

— Здесь так много чертовой плесени. Никто не должен жить на нижнем этаже, пока мы не найдем кого-то, чтобы убрать ее.

Ло наклоняется к дверце.

— Если таким образом ты пытаешься переселиться в одну комнату с Дэйзи, то можешь *забыть* об этом. Я и так с трудом терплю вашу дружбу.

— Ты, блин, издеваешься надо мной? — отвечает Рик. — В *ее* комнате были крысы, она живет недалеко от плесени, и твое первое предположение, что я хочу ее трахнуть?

Глаза Лорена прищуриваются.

— Я не сказал ни слова о том, чтоб трахнуть ее.

Рик стонет.

Дэйзи — видимо, болезненная тема для братьев. С тех пор как Рик и Лорен возобновили свои отношения — просто встретившись полтора года назад — между ними есть некая напряженность, связанная с сестрами Кэллоуэй. Лорен вырос вместе с ними. А Рик нет. Естественно, что Ло защищает Дэйзи, но проблема в том, что постоянная забота о Лили отнимает у него все время, и он просто не успевает позаботиться еще об одной девушке, даже несмотря на то, что воспринимает ее как свою маленькую сестренку.

Так что, хоть Ло и считает, что защищает Дэйзи от своего сводного брата, в действительности он создает барьер между Дэйзи и единственным здесь человеком, который позаботится о ней в первую, а не в последнюю очередь.

И тем не менее, я не могу сказать ему об этом вслух. Я должен позволить этому идти своим естественным путем. Мое вмешательство не принесет ничего хорошего. Мои слова не нашли бы отклик у Лорена, как бы я того не хотел. Так что я держу при себе свое мнение по этому вопросу.

— Я блин разделю комнату со Скоттом, — говорит Рик так громко, чтобы мы могли его расслышать. — Дэйзи может занять мою комнату. Или я останусь здесь внизу, просто поменявшись с ней комнатами. Меня не волнует. Никто из девочек не должен жить рядом с этим подвалом.

— А что если она услышит через стены, как мы с Лили трахаемся? Есть причина, по которой ее поселили на самом нижнем уровне.

Рик ничего не говорит, но я практически чувствую, как он закипает. Ло смотрит на меня поверх своего плеча, безмолвно спрашивая о моем мнении относительно того, прав он или неправ.

— Вы не можете ограждать от всего девушку, которой вот-вот исполнится семнадцать, и особенно если она модель высокой моды, — говорю я Ло, мои слова не резкие, как его и не грубые, как слова Рика. Я на сто процентов уравновешен, спокоен. Спокойствие. Оно позволяет Ло немного расслабиться. — Она уже видела и слышала все, что вы делали, если не больше. Я вызову работников, чтобы они обследовали кроличью нору, а пока, думаю, Роуз хотела бы, чтобы ее сестры жили там, где чисто.

Около минуты Ло переваривает мои слова, а затем вздыхает и забывает о своей аргументации.

— Рик, ты согласен делить комнату со Скоттом?

— Я уже сказал, что да.

— Ладно. Чем больше мы присматриваем за этим хреном, тем лучше, верно?

Рик говорит что-то, соглашаясь со мной, но я не могу разобрать его слов. Он ударяется о трубу несколько раз подряд.

— Черт возьми, — проклинаят он, его голос на этот раз гораздо громче. Он пытается протолкнуться в крошечный проем дверей.

Ло хватается Рика под руки и тянет наружу.

Оказавшись в коридоре Рик показывает нам ловушку сдохлой крысой, ее хвост изуродован, так как видимо его придавило ловушкой, а крыса попыталась потащить ее за собой.

— Это станет твоей новой профессией? — спрашиваю я, улыбаясь.

— По крайней мере я могу запачкать свои руки, принцесса, — он машет ловушкой (и свисающей с нее крысой) перед моим лицом.

Я даже не вздрагиваю.

Рик закатывает глаза и идет выбросить крысу в мусорную корзину.

— Подожди, — зовет его Ло. — Может мы можем с этим еще что-то сделать.

— Нет, — говорим мы с Риком хором. Я кривлюсь. Даже учитывая то, что Рик один из самых умных людей в этом доме, меня не радует сойтись с ним во мнениях. Это как встать на сторону собак в войне против человечества.

— Вы даже не позволили мне закончить свое предложение, — говорит Лорен сердито.

— Ты хочешь использовать ее против Скотта, — отвечаю я.

— Он чертов продюсер, — напоминает ему Рик. — Ты начнешь войну со Скоттом, и он может выставить тебя в этом шоу настоящим психопатом. Так что просто нахрен успокойся.

— Он заставил Лили плакать! — орет Ло. — Я не собираюсь сидеть здесь шесть месяцев и игнорировать все то дерьмо, что он говорит. Это отличается от простого прочтения медиа и блогов со сплетнями. Мы живем с этим ублюдком.

Со стороны лестницы слышатся чьи-то шаги, и мы с ребятами подозрительно замолкаем. Из-за угла выныривает тучное тело Бретта, он тяжело дышит от того, что только пробежал спринт длиной в один лестничный марш.

— Скотт хочет... чтобы все вы поднялись в гостиную... для танца на коленях, — выдыхает он.

Скотт ван Райт диктует все. Когда. Как. Где.

Я, блять, его ненавижу.

Ло смотрит на меня, ожидая чтобы я кивнул в знак одобрения его выходки с крысой.

Я может и ненавижу Скотта, но пока не до такой степени. Я не сделаю ему что-то столь злобное и жестокое, от чего он может двинуться так, что закончит в психушке, с разорванным на куски сознанием.

Наши с Лореном методы борьбы разнятся. Возможно, мои не так быстры и эффективны, но зато не нанесут вред моим друзьям.

ГЛАВА 9

КОННОР КОБАЛЬТ

Поднявшись по лестнице на первый этаж, я натываюсь на негромко разговаривающих Роуз и Дейзи, они стоят возле камина. Дэйзи передвигается заслоня сестру так, чтобы ходящий вокруг в попытках снять Роуз Бен, не имел такой возможности.

Я сжимаю губы и внимательно наблюдаю за своей девушкой. Она задерживает дыхание и замирает, слушая свою сестру.

На ней одет черный свитер от Кэллоуэй Кутюр и узкие джинсы какого-то другого бренда. Роуз боится вспышек камер, и по ее словам все, что она умеет в танцах — это танцы для котильона. Вальс и фокстрот.

Эротические танцы — вне ее репертуара.

Откуда-то появляется Лили и ударяет кулаком в плечо Ло.

Ло насмешливо передергивается.

— Ой, за что это?

— За то, что затеял это глупое пари, — шипит Лили, понижая голос, когда Бретт наводит на нее объектив, с присоединенным к его стедикаму (*носимая система стабилизации съёмочной камеры для кино- или видеосъёмки в движении — прим. пер.*) микрофоном. Но не важно, снял ли он ее слова или нет. На всех нас закреплены микрофоны, так что ее голос был записан в любом случае. Да и по всему дому полным полно звукового оборудования.

Скотт сидит на кожаном диване. Его взгляд встречается с моим, и он самодовольно улыбается.

Я скрываю все свои эмоции, в особенности злость, которая так и рвется наружу.

— Что делает Дэйзи? — спрашивает Рик.

Лили берет Лорена за руку.

— Дает Роуз советы.

Брови Рика морщатся.

— Ты чертова секс-зависимая. Почему советы даешь не ты?

— Эй, — предупреждает Ло, глядя на Рика сердито.

Тот разводит руками.

— Это честный вопрос.

— А еще грубый.

— Ну тогда давайте я спрошу более мило, — он поворачивает голову к Лили. — Ты очевидно опытнее своей младшей сестры. Так почему, черт побери, тогда не проведешь инструктаж для Роуз?

Ло качает головой.

— Жалко.

— Это лучшее, что я могу сказать.

Лили касается своей груди.

— Я люблю клубные танцы, но никогда не танцевала приватный танец на коленях.

— А Дэйзи танцевала? — спрашивает Рик в недоумении.

— Говорит, что танцевала однажды, — Лили расслабляется, прижимаясь к груди Лорена.

Рик со злостью выдыхает.

— Вы хоть понимаете, что девяносто процентов танцев на коленях, это все равно что секс с девушкой сверху? Ну знаете, *объездить* парня.

— Не думаю, что Роуз хочет перевести танец на коленях на подобный уровень, тем более перед камерами.

Наш разговор прерывает какой-то скрип. Я смотрю на Скотта, который тащит стул из столовой в гостиную, ножки стула скребут по древесине.

Установив его посреди комнаты, Скотт слегка постукивает по спинке.

— Садись, Коннор.

Мне не нравятся приказы, если их отдаю не я. А это как раз такой случай.

Взгляды всех присутствующих и объективы камер направлены на меня, интересуясь, последую ли я простому приказу Скотта ван Райта. Роуз стоит неестественно ровно, ее тело напряженное и онемевшее. Я вижу в ее глазах страх, и отчаянно хочу забрать его у нее.

Поворачиваясь к Скотту, я прерываю молчание несколькими словами.

— Садись, Роуз.

Мой взгляд не отрывается от Скотта, даже тогда, когда все веселье испаряется с его глаз.

— Этого не было в пари, — говорит Скотт.

— Я изменил условия.

Каблуки Роуз стучат о твердую древесину, когда она уверенно идет к стулу. Садясь на него, она откидывается назад и скрещивает свои ноги, словно только что заняла свой чертов трон.

Мое тело возбуждается просто от того, что я смотрю на нее.

Я сосредотачиваюсь на Ло, обнимающего Лили за плечи.

— Вы все еще желаете увидеть приватный танец. Ничего если все будет так?

— Это будет круто.

— Подождите, — Дэйзи подымает руки, а затем указывает на меня. — *Ты* подаришь Роуз приватный танец?

— Да, — я расстегиваю верхнюю пуговицу на своих черных слаксах.

Она широко улыбается.

— Ладно, мы должны это снять на видео, — она оборачивается так, словно собирается забрать у кого-то камеру, и ее локоть ударяется о камеру Саванны. — Ох... правда... не обращайтесь внимания, — только Дэйзи, девушка, которая постоянно работает среди камер, может забыть, что нас здесь постоянно снимают.

— Это, блин, стоит увидеть, — говорит Рик, садясь на диван рядом со Скоттом. Все занимают свои места, готовые к шоу.

Но я встречаюсь взглядом с Роуз и направляюсь к ней. Она сжимает руки по бокам деревянного стула так, что костяшки белеют, видно, что ей страшно, тревожно, но главное — она возбуждена.

Ее взгляд скользит по моему телу, а дыхание становится глубже, когда я расстегиваю пуговицы на своей рубашке.

Неизведанное страшит ее.

Это может стать самым диким, бурным переживанием, которое у нее когда-либо было.

Так что приготовься, детка. Это может вскружить тебе голову.

ГЛАВА 10

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

О.
Мой.
Бог.

Коннор медленно расстегивает последнюю пуговку на своей черной рубашке, пока фоном по всей комнате из динамиков раздается клубная музыка. Он возвышается надо мной уверенно и властно, словно доведенная до совершенства мраморная статуя, его взгляд ни на секунду не отрывается от меня.

Я не хочу съеживаться и зажиматься, превращаясь в испуганный ком нервов. Поэтому просто неподвижно сижу и жду, пока он приблизится ко мне. Жду сама не знаю чего. Не имею ни малейшего представления, что Коннор Кобальт планирует дальше делать.

— Потряси попкой, дорогуша! — орет Лорен, перекрикивая басы музыки.

Коннор не реагирует на пожелания Ло, но я ощущаю на себе пристальный взгляд Скотта, наблюдающего за мной со своего места на диване.

В следующий момент ноги Коннора касаются моих коленей, весь воздух покидает мои легкие, от чего грудь будто сдавливают тиски. Он ставит ноги по сторонам от моего стула, все еще стоя и возвышаясь надо мной. Мой взгляд пробегает по нему, впитывая этот образ, и сердце пускается в свой собственный пляс, сжимаясь и переворачиваясь в некоем подобии ритма. Но чаще всего оно просто замирает. Мое сердце безостановочно продолжает свой идиотский танец, будоража при этом все мое тело.

Через мгновение Коннор берет меня за подбородок и поднимает мое лицо вверх так, чтоб я посмотрела в его бездонные голубые глаза.

Его неподвижная поза излучает власть и силу.

По моей шее распространяется жар, когда Коннор берет мои руки в свои, и разжимая мою хватку на стуле, направляет их к своему прессу. Проводя ладонями вдоль его мышц, я ощущаю его так, как никогда прежде, его изгибы, мощь и рельефность. Мое тело наливается теплом, пока руки шарят по его голой коже. Я так много думала об этом раньше. О том, на что похоже оказаться прижатым чьим-нибудь телом, таким же сильным как его. Я просто никогда не позволяла себе уступить в этом вопросе Коннору, опасаясь, что как только он победит, то выбросит меня из своей жизни.

Сейчас же я осознаю, что нахожусь буквально напротив его промежности. Мои лодыжки напрягаются до боли, когда я еще сильнее сжимаю их в скрещенном положении, от чего бедра еще плотнее прилегают друг к другу.

Мои трусики уже влажные. И все это из-за того, что он просто стоит надо мной.
Серьезно, Роуз?

Я жду, когда же он начнет трясти своей задницей перед моим носом или делать танцевальные движения у меня на коленях. Но он не делает ничего такого.

Скотт прочищает горло и смеется.

— Коннор, ты хоть знаешь, что делаешь?

Коннор смотрит прямо мне в глаза и говорит:

— Je sais toujours ce que je fais, — *я всегда знаю, что делаю.*

Он расстегивает ремень на своих слаксах. И мое сердце переходит на новый уровень

бешенного ритма. Seriously, моему сердцу нужно отойти в сторонку и передохнуть.

— Ты расстроишь меня, если пошевелишься. Так что сиди, блядь, неподвижно.

Вообще-то даже если бы я и хотела пошевелиться, то не смогла бы. Меня словно приморозило к стулу.

Коннор выуживает свой кожаный ремень из петель брюк, и я концентрирую на этой вещице все свое внимание. Тем временем Коннор опускается ко мне, но не садится, он опирается руками на мои колени и разводит их в стороны, оставляя меня открытой. Таким образом он освобождает немного пространства на стуле между моих ног и садится. Музыка все еще звучит довольно громко, раскрывая мои чувства с невиданной интенсивностью.

Мои глаза расширены, а руки сжимают его бицепсы. Стараюсь дышать размеренно, но губы непроизвольно сжимаются, запрещая любим звукам вырваться наружу. Наслаждение и страх смешиваются воедино.

Вдруг он хватается меня за талию, ремень обернут вокруг его руки. Другой рукой он толкает спинку стула так, что тот наполовину отклоняется назад. Но он перехватывает его не давая упасть. Спина Коннора перекрывает доступ камер к моему лицу, в такой позиции он в полной мере доминирует надо мной.

Разматывая пояс, он сводит вместе мои запястья за спиной. После чего туго связывает их с помощью ремня, кожа к коже. Закрепив ремень, Коннор прижимает ладонь к моей щеке. Его тело покачивается в такт музыке.

Он толкается своим пахом в мой центр в одном ритме с басами песни, так что стул покачивается под нами. О, да, он дарит мне приватный танец, и это нереально чувственно, это гораздо больше того, что я могла бы подарить ему.

Я стараюсь не сводить с него глаз. Но так сильно переживаю, что в комнате столько людей и камер, а он прямо *верхом* на мне, в добавок ко всему мои ноги обвиваются вокруг него.

От того, что его твердая плоть вонзается в меня через тонкую ткань нашей одежды, мои нервы накаляются, а пальчики ног поджимаются. *Ох ты ж божечки...*

Неужели это происходит на самом деле? У всех на виду? А вскоре и на национальном ТВ.

Во что я себя втянула?

Его губы касаются мочки моего уха.

— *Ne pense pas, — не думай.*

Это немного трудно осуществить, Ричард. Но я даже не могу открыть рот, чтобы сказать хоть слово. Его движения ускоряются вместе с ритмом музыки, становятся жестче, и я еще сильнее стискиваю зубы, сдерживая рвущийся на свободу стон. *Ох... Господи...* Это не должно было так сильно меня возбудить. Не тогда, когда все наблюдают.

На секунду я закрываю глаза, откидывая голову назад. Он все еще удерживает мое лицо своей сильной и властной рукой. Его губы приближаются так близко к моей щеке. Не нужно даже смотреть, я и так чувствую его пристальный взгляд, он видит меня насквозь, все мои желания и потребности. Он знает меня слишком хорошо.

Трение между нашими телами нарастает, и с моих уст все же срывается резкий стон. *Черт.* Прежде чем я могу осознать, что только что случилось, он убирает руку со спинки стула и скользит ею вверх по моему бедру, прямо к моей попке. Мои глаза резко распахиваются, и я дергаю руками, но они связаны накрепко его ремнем.

Я смотрю на него, и его улыбка становится еще шире — такое знакомое высокомерное

выражение лица.

Мое беспокойство нарастает. Я заглядываю за него, пытаюсь разглядеть своих сестер. Рот Лили приоткрыт, но Ло закрывает ей глаза своей рукой. Поэтому можно предположить, что она наслаждалась выступлением Коннора, этим столь завораживающим зрелищем. Обычно он позволяет себе подобное поведение только наедине.

Дэйзи сидит на подлокотнике дивана и широко улыбается. Рик и Ло просто любопытно наблюдают. А Скотт... как только я поворачиваю голову к нашему продюсеру, Коннор хватает меня за подбородок и разворачивает к себе.

— *Lui donneriez-vous ce qu'il veut?* — *хочешь дать ему то, чего он жаждет?* Его брови выгибаются, и через секунду он опускает свои губы на мой подбородок, его поцелуй нежен, его рот движется вдоль линии моей челюсти, покусывая, посасывая и лаская мою кожу.

Весь воздух вырывается из меня. И в тот момент когда наши взгляды вновь встречаются, я говорю:

— *Il ne peut pas m'avoir,* — *он не может заполучить меня.* На этом мне следует и остановиться. Не стоит больше ничего добавлять. Но я не хочу проиграть эту битву. Не желаю упрощаться все для Коннора. Потому бросаю ему вызов, которого от так сильно жаждет. — *Aucun homme ne peut,* — *никто не может заполучить меня.*

Его губы вновь касаются моего уха.

— Еще посмотрим.

И затем он заводит свою руку мне за спину, притягивая мое тело к своему, а его другая рука зарывается в мои волосы.

Прежде чем я могу все осмыслить, он целует меня в губы, сплетая наши языки в страстном танце, пока его тело ритмично трется о мое. Между ног нарастает неистовая пульсация, отдающаяся тянущим напряжением мышц внутренней поверхности бедра. *Господи милостивый...*

Музыка прерывается. И я осознаю, что Коннор перестал раскачиваться напротив моего тела. Но мы все еще страстно целуемся, этот поцелуй самый страстный из всех, что у нас когда-либо были, рукой он тянет мои волосы, мои запястья связаны, и от этого так отчаянно хочется коснуться его снова, ощутить его кожу и мышцы под своими пальцами.

— Ладненько, — говорит Скотт. — Этого достаточно.

Его голос возвращает меня с небес на землю. Я отрываюсь от Коннора и поворачиваю лицо так, чтоб он не мог меня еще раз поцеловать. Мое тело разгоряченное и потное, а сердце никак не успокоится.

— Вау, — говорит Дэйзи, хлопая, — это было горячо. Твердая 10.

— Как много я пропустила? — стонет Лили, пытаюсь убрать от своего лица пальцы Ло.

— Это было слишком скандально для твоих красивых глазок, любимая, — говорит Ло, усмехаясь. Он опускает свои руку и целует ее в висок.

Я же все еще пытаюсь отдышаться. Коннор внимательно наблюдает за мной, все еще сидя на стуле и развязывая мой ремень. Я прищуриваю свои глаза и смотрю на стену. *Что только что произошло?*

Коннор встает, и я сажусь ровнее, но мышцы не желают меня слушаться.

— Предполагалось, что мы увидим танец на коленях, — говорит Скотт. — А не порно.

— Я смутил тебя, Скотти? — спрашивает Коннор своим обычным невозмутимым голосом. Заправив рубашку обратно в брюки, он начинает застегивать ее на пуговицы. Но он все еще стоит близко ко мне.

Скотт ничего не отвечает.

— В следующий раз побереги свои чувства, — говорит Коннор. — Вон дверь. И если тебя так смущает происходящее, то можешь переждать по ту сторону.

Гигантская ухмылка Лорена явно выражает неуважение, но как только он переводит взгляд на сердитого продюсера, улыбка тает.

Скотт чешет свою покрытую щетиной челюсть и просто кивает. А затем он удаляется на кухню. Я задаюсь вопросом, кто же по сценарию выйдет самым большим мудаком.

Рик встает и говорит:

— Кобальт, а ты случайно не стриптизер, или может был им раньше

— Никто бы не смог позволить себе заказать мой приватный танец.

— Это было как в *Супер Майке* (фильм о стриптизерах "Magic Mike" — прим. пер.), правда? — спрашивает Лили. — Вы же видели этот фильм, — она поворачивается к Ло и смотрит на него умоляюще. — Давай посмотрим его еще *разочек*. Это же не порно.

— Пресс Ченнинга Татума можно включить в перечень порнографических материалов, — вставляет Дэйзи.

В ответ Ло просто целует Лили в макушку.

Она разочарованно вздыхает и окунается в собственные мысли.

— Мне нужен душ после этого шоу.

Ее щеки сразу же заливаются краской, а глаза бросаются к камере с микрофоном. Я практически слышу ее мысли: *Разве я сказала это вслух?* Да. Да, ты сказала это вслух, Лили.

Дэйзи толкает ее в бок и улыбается.

— Чур я иду следующей.

Рик и Ло стонут, но Лили расслабляется от понимания, что не одна она возбудилась от выступления Коннора. Черт, я не могу пошевелиться, не выдав того, насколько я влажная и жаждущая. Коннор буквально зажарил меня на этом электрическом стуле, потираясь об *меня* через ткань своих брюк.

Рик встает с дивана.

— Я в спортзал. Кто-то хочет со мной?

Дэйзи ахает.

— Ты мастурбируешь в спортзале?

Он бросает ей в лицо подушку, и Дэйзи ловит ее, игриво усмехаясь.

Лорен поворачивается к Лили.

— Ты реально хочешь принять душ? — его голос переполнен неверием. Они спорят о ситуации с ванной с тех пор, как мы сюда въехали. Принимая душ Лили постоянно переживает, что в любой момент может войти Скотт. Я бы попыталась успокоить ее страхи, но правда в том, что у нас они общие, и из-за этих страхов я сама встаю и принимаю душ в пять утра.

Лили замолкает, и Лорен понижает голос.

— Ты пахнешь, словно секс, — шепчет он, но я стою достаточно близко, чтобы все слышать. — И кстати, он тебя вскоре ожидает.

Она смотрит на свои руки.

— Мы можем пойти в душ вместе? Я не буду ничего делать, обещаю. Просто так я чувствую себя... в безопасности.

Ло выдерживает паузу, а затем говорит:

— Только если ты оденешь купальник, а я плавки. Я просто не хочу стать причиной

твоего срыва в течение всех этих шести месяцев, Лил.

Ее лицо озаряется, и он обнимает ее за шею.

Я потираю все еще ноющие запястья, в этот момент у меня нет уверенности ни в чем. Коннор вдруг хватает меня за руку и с легкостью поднимает на ноги.

Он смотрит на меня и я осознаю, что могло бы сегодня случиться, не поменяйся Коннор со мной местами. Я бы неловко терлась вокруг него. А мой позор потом бы еще и по национальному ТВ показали. Вместо этого Коннор подарил мне ощущение жгучего желания и спас от огорчения и стыда.

Мой взгляд полон благодарности ему, и на кончике языка так и вертится "*спасибо*".

Но он проводит своим большим пальцем по моей щеке и очень мягко говорит:

— Пожалуйста, милая.

Я выдыхаю, радуясь, что не нужно больше стараться подобрать правильные слова.

Кухонные шкафчики громко дребезжат, когда Скотт открывает и закрывает их в поисках чего-то.

— Ты изгадил все его планы, — шепчу я.

— Он утрет свои слезы и возьмется за них позднее, — я не оптимист.

— Или же он найдет другой способ обойти тебя в этой борьбе.

ГЛАВА 11

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

На улице еще не рассвело, когда мой телефон гудит на прикроватной тумбочке. Потирая свои сонные глаза, я смотрю на часы. *4:30 утра*. В полнейшей темноте я тянусь к телефону, походу сбивая баночку с аспирином. Она стучит о пол, и я оглядываюсь через плечо, проверяя не проснулся ли Коннор.

Но он лежит неподвижно на своей половине кровати.

У нас нет секса. Мы просто спим вместе, как друзья, не делая ничего больше, чем то, что я хочу, хотя, это не совсем так. Скорее, я точно не уверена чего хочу, когда дело касается секса. Я колеблюсь в том, чтобы отдаться Коннору физически, эту часть меня он может воспринять как своеобразный триумф, который следует забрать и исчезнуть.

Осторожно я снимаю блокировку с телефона и прикрывая ладонью экран, стараюсь скрыть его свечение.

5 месяцев и 12 дней до свадьбы — мама.

Спасибо тебе, мама, — я набираю ответ, хоть и знаю, что она не уловит мой сарказм.

Вчера, когда она прислала мне смс с текстом "*5 месяцев и 13 дней*", его открыла и прочла Лили. В результате ей понадобился бумажный пакет, чтобы подышать в него и успокоиться. Лил так сильно хочет жениться, как собака жаждет быть сбита машиной. Планирование свадьбы для нее — смерти подобно, потому-то я и вызвалась сделать это за нее.

Спланировать. Организовать. Подготовить. Это те вещи, в которых я хороша. Я даже стала посредником между запросами матери и пожеланиями Лили. Лили старается минимизировать любые контакты с нашими родителями. Вина за причиненный Физзли ущерб гложет ее, потому она не любит теревить эту тему слишком часто. Таким образом я взяла на себя роль посредника Лили Кэллоуэй, вечно убеждая наших родителей, что она не злоупотребляет частыми встречами с членом Ло.

Хотя, если бы я сказала такое матери, ее бы хватил сердечный приступ.

Но каждый раз, когда я спрашиваю у сестры о музыке или приглашениях на свадьбу, она бледнеет и бормочет что-то о том, что мол *выбери сами*. Так что я не приблизилась ни на йоту к планированию свадьбы Лили. И это бесит нашу маму. Уверена, сегодня днем она перезвонит мне с лекцией о тайм-менеджменте.

— Все хорошо, а?

Мое сердце подпрыгивает от звука голоса Коннора. Перекатываясь на другой бок, я вижу его сонное лицо, голова упирается в согнутую руку.

— Это просто мама, — говорю я шепотом. — Прости, что разбудила.

Я собираюсь откатиться на свою сторону матраса, когда телефон снова жужжит.

Вышли мне отчеты Кэллоуэй Кутюр за прошлую неделю. Я бы хотела, чтобы их просмотрел мой финансовый консультант, — мама.

Я испускаю раздраженное рычание.

— Она же знает, что я больше не хочу ее вмешательства в свою компанию, — говорю я больше самой себе, чем Коннору. — Почему она не может просто отступить?

Я не отвечаю на это ее сообщение. Из опыта мне известно, что лучше не начинать спор по телефону. Особенно, когда на часах четыре тридцать утра.

— Так ты хочешь поговорить, — говорит Коннор, приподнимая брови.

— Нет, — я моргаю и качаю головой одновременно. — Прости. Сейчас очень рано... — я собираюсь повернуться, но Коннор ловит мою руку.

— У меня есть для тебя время, — говорит он. Я наблюдаю за тем, как он садится, взбивает свою подушку и прислоняется к изголовью кровати. После чего жестом приглашает меня к себе. — Рассказывай.

Я немного приподнимаюсь, подтягиваю ноги и натягиваю поверх коленей свою ночную рубашку из синего королевского шелка.

— Когда я сказала ей, что хочу организовать реалити-шоу и помочь таким образом Физзли и Кэллоуэй Кутюр, первое что она ответила было *"лучше бы это сработало, иначе после этого шоу у меня будет не одна, а две дочери, погубившие славное имя Кэллоуэй"*, — я смотрю на простыни и качаю головой. — Кто говорит такое своей собственной дочери?

Коннор молчит, позволяя мне выговориться. Обычно я жду до сеанса терапии, и уже на нем разряжаю свое раздражение. Но в конце этих сессий врач всегда назначает мне анти-тревожные препараты, тогда как Коннор после таких разговоров успокаивает большую часть моих беспокойств.

Я продолжаю, размышляя о ее смсках.

— И даже несмотря на то, что я сто раз ей говорила, что свадьба Лили у меня под контролем, она все равно настаивает на своем вмешательстве в этот процесс. *"Ты не сможешь найти нормальный торт Красный бархат, Роуз. Сделай основным цветом свадьбы золотой, такой как в логотипе Физзли, Роуз. Это помещение слишком маленькое для проведения банкета, Роуз. О, а это слишком большое"*, — я поднимаю руки, после того как спародировала маму. — Я не могу сделать ничего правильно.

— Ты пыталась игнорировать ее? — спрашивает Коннор.

Он знает, что я не прибегала к этой тактике. Я рассыпаюсь на части от маминой настойчивости. И от того, что знаю, что даже когда она становится властной и доводит меня до края, какой-то части меня, все еще нравится, что она беспокоится о своих детях. Она же тратит время, думая о своих дочерях, а не на всякие ненужные переживания.

— Я люблю ее, даже если ненавижу, — говорю я, не совсем отвечая на его вопрос.

— Парадокс, — размышляет вслух Коннор. — Я люблю такое. Они делают жизнь интереснее.

Мой взгляд поднимается к нему. Подобные разговоры по душам для нас не так уж частые. Обычно мы весело спорим о сексиских теориях Фрейда. Но пару раз мы обсуждали отношения Коннора с его матерью. Ей не свойственны холодность или материнский инстинкт. Она просто такая как *есть*. По крайней мере именно то, как Коннор описывает всегда Катарину Кобальт. Словно она просто его босс.

Я бы хотела познакомиться с ней, но в течение последнего года Коннор постоянно лжет мне, что она занята. По какой-то идиотской причине он не желает нас знакомить, и хоть он и не говорит мне почему так, я все равно уважаю его мнение. Так что когда она позвонила мне пару дней назад, я отшила ее, используя то же оправдание, что и Коннор. *Я слишком занята для кофе и, безусловно, слишком занята для позднего завтрака.* Это было грубо, но если она прислушается к сплетням светских львиц и всяким домыслам, то узнает, что я немного сука.

— Все матери слегка безумны, — говорит Коннор, слабо улыбаясь. Он просто процитировал Селинджера. И теперь ждет моего ответа. Но я сжимаю губы, словно мне

нечего сказать. Улыбка Коннора гаснет. — Д.Д. Селинджер.

— Серьезно? Большинство матерей — интуитивные философы, — выпаливаю я.

Он снова усмехается.

— Гарриет Бичер-Стоу. И я не могу не согласиться.

— Я не пытался сбить тебя с толку, так что не злорадствуй, — я хочу услышать правду, а не просто чьи-то слова. — Скажи мне что-то настоящее.

И в одну секунду он хватается меня за лодыжку и тащит по матрасу так, чтоб я оказалась лежащей плашмя. Ночная рубашка поднимается к животу, выставляя на обозрение мои черные хлопковые трусики. До того как я успеваю ее поправить, Коннор поражает меня, упираясь руками по бокам от моего тела и нависая надо мной. В его взгляде таится вызов. Остаться неподвижной. Не бояться его.

Я вдыхаю, и внутри меня вспыхивает пламя. Я не ерзаю, не тянусь к своей рубашке; сужая глаза, я обращаюсь к своей воинственной стороне.

— Ты не ответил мне.

Его взгляд порхает по чертам моего лица.

— Тебе все равно не понравится то, что я скажу.

— Это не имеет значения. Просто скажи мне что угодно.

— Хочешь что-то настоящее?

— Да.

Он улыбается.

— С чего бы мне начать? — его рука скользит по моей голой коже от колена к бедру. — Знаешь, я хотел бы сделать с тобой кое-что настоящее прямо сейчас и завтра, и до конца своей жизни, надеюсь, когда-то это произойдет, а еще надеюсь, что стану свидетелем того, как ты будешь крулеть... — он целует мой живот чуть ниже пупка, в опасной близости от линии моих трусиков. — ... и я буду держать тебя в своих руках... каждую... — он прокладывает дорожку из поцелуев поверх ткани, — ...каждую... ночь.

Меня так сильно поглощают его слова, что я реагирую именно так, как он предугадал. Я толкаю его грудь обеими руками, вынуждая занять положение сидя.

Его бровь выгибается.

— Да?

— Ты хочешь детей? — я в полнейшем изумлении. Не уверена в том, чего он на самом деле хочет. Но от самого факта, что он не собирается бросать меня, не собирается *разрывать наши отношения*, мое сердце начинает биться чаще, чем сто пять ударов в минуту. Я думала, что Коннор — это мужская версия меня. Но сейчас осознаю, что все это время встречалась не сама с собой. Я встречаюсь с абсолютно другим человеком. И в любом случае *хорошо*, что я это поняла.

— Я уже говорил, что тебе не понравится мой ответ. И ты сказала, что тебя это не беспокоит. Один из нас солгал.

Я хмурюсь.

— Ты хочешь детей.

— То, что ты скажешь это дважды, делает данный факт более реальным? — спрашивает он, касаясь пальцами своего подбородка. Коннор улыбается, и я люблю то, как он это делает, так сильно.

— Почему ты хочешь детей? Ты — это... ты.

— Ты права. Я — это я. И я хочу восемь орущих детишек, которые будут прыгать на

нашу постель по утрам, которые будут умолять тебя заплести им косички, у которых будут твои красивые глаза и блистательный ум. Я хочу все это, Роуз. И в один день дети буду иметь все это тоже.

— *Восемь* детей?! — я сосредотачиваюсь на этом. — Я не могу представить, что выношу хотя бы *одного* ребенка, а ты хочешь, чтобы я родила целый род? Я не королева Англии, производящая потомство, чтобы защитить свои империю и обеспечить ей наследника.

Его улыбка переходит в смех, да такой сильный, что я могу видеть почти все его идеальные зубы. Он прижимает меня к матрасу и целует в щеку.

— Но разве ты не хочешь иметь сына и дочь, которые бы унаследовали твои гены, — спрашивает он, — которых ты бы взрастила, передала бы им свое наследие и знала, что оно не будет утеряно еще долго, после того как ты уйдешь с этой земли?

— Это все скорее о тебе, — говорю я, осознавая сейчас все по-новому. — Ты мог бы любить своих детей?

Его улыбка снова угасает, и он натягивает на себя это типичное невозмутимое выражение лица — лицо игрока в покер.

— Я бы любил их.

Мне бы хотелось больше всего, чтобы он *попытался* не лгать мне. Это злит меня сильнее, чем могла бы разозлить правда.

— Ты любишь лишь самого себя.

— Я люблю тебя, — он практически передразнивает меня.

Я снова отталкиваю его и подтягиваю к груди свои колени. Я тянусь к его уху и, касаясь мочки губами, говорю одновременно пылким и ледяным голосом:

— Я тебе *не* верю.

Я сдвигаюсь на край кровати, собираясь встать. Но он снова хватает меня за руку.

— Я имел в виду именно то, что сказал, — говорит он серьезно, — до того момента, как ты привнесла любовь в это уравнение.

— Это важно, Коннор, — я освобождаюсь от его захвата. — Любовь всегда должна быть в уравнении, в котором есть дети. Тебе просто повезло, что в уравнении со мной она не обязательна.

Я отхожу от кровати и поправляю свою ночную рубашку.

— Куда ты собралась? — спрашивает он, и его брови сходятся на переносице. Мы часто спорим. А миримся еще больше. Но обычно я не покидаю поле боя.

— Принять душ.

— Сейчас пять утра. Возвращайся в кровать.

— Нет, — говорю я. — Я хочу принять душ, прежде чем кто-то придет в ванную, — я направляюсь к двери.

— Роуз... — начинает он, но останавливает себя от того, чтоб сказать что-то лишнее. Чувствую себя, словно мне снова восемнадцать.

А Коннор — тот девятнадцатилетний мальчик, который одолжил мне свой блейзер.

Я жду, пока он заговорит, но как и тогда, он просто смотрит на меня своими глубокими суровыми глазами, за синими озерами которых скрыта истина.

Так что я говорю:

— Я не против того, что ты не любишь меня так, как я люблю тебя, — я убираю волосы за ухо. — Спасибо, что ты хотя бы пытаешься.

И я уйду.

Но он знает, что я вернусь.

В течение десяти лет, которые мы Коннором знакомы, кажется, мы всегда возвращались друг к другу, даже когда оказывались на расстоянии в тысячи миль, на двух различных плоскостях существования, даже когда казалось, что наше будущее предопределенно.

Он может не верить в судьбу, но я верю.

И я знаю, что мне суждено быть вместе с ним.

ГЛАВА 12

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

5 месяцев и 10 дней — мама.

Я опускаю телефон в свою сумочку и собираюсь в офис Кэллоуэй Кутюр. Саванна остается поблизости, держа в руках свою мобильную камеру. Как только я подхожу к двери, та открывается, и в дом заходит Дэйзи, держа в руках свой белый мотоциклетный шлем.

— Эй, Роуз, — она опускает шлем на кожаный диван и собирает волосы в нетугой пучок на макушке.

Но даже после моего ухода, она не останется дома одна. С ней остается Бретт со своей стэдикам и Рик, который прямо сейчас заходит и закрывает за собой двери, его черный шлем болтается на руке. Рик опускает его на диван рядом со шлемом Дэйзи и пробегает пальцами по своим растрепанным густым волосам.

— Хорошо, что я перехватила тебя, — говорю я Дэйзи, на секунду откладывая свои планы. — Хочу кое-что тебе отдать, пока не забыла, — мне правда следует позвать еще и Лили в гостиную. Но ее намного сложнее переспорить. — Оставайся здесь, — я направляюсь в кладовку возле коридора и возвращаюсь с пакетом для покупок.

Прежде чем передать ей пакет, я замечаю, как Рик и Дэйзи обмениваются загадочными взглядами. Она качает головой, и он стискивает зубы, от чего его челюсть напрягается.

— Все в порядке? — спрашиваю я почти что выходя из себя. Не люблю, когда от меня что-то скрывают. Тем более если это включает моих сестер; я хочу быть в курсе дела.

— Все превосходно, — говорит Дэйзи, ослепительно улыбаясь. Я не верю ей, и подозреваю, что Рик хочет выйти сухим из воды, потому что прямо сейчас он качает головой. Дэйзи выхватывает пакет у меня из рук, чтобы отвлечь.

Я позволяю ей уйти от ответа, потому что сегодня не в настроении копаться в грязном белье. Мне нужно добраться в офис и поработать, а если я сконцентрируюсь на своей младшей сестре, то буду переживать, пока не узнаю всю правду. Возможно, все не так уж плохо. Уверена, она просто превысила скорость, едя по шоссе на своем Ducati и почти что убила саму себя. В мире, где Дэйзи Кэллоуэй заряжается исключительно за счет получения адреналина, эта ситуация подобна восходу и закату солнца.

— Ооох, — говорит она. — Который из них мой, то что в стиле хиппи или с леопардовым принтом?

Рик хмурится.

— Что ты, блин, ей дала?

Я одариваю его сердитым взглядом.

— Не то, о чем ты подумал.

— Трусики, — говорит ему Дэйзи.

— Это именно то, о чем я, черт возьми, и подумал.

Она улыбается.

— Я знаю, — и она вынимает полиэтиленовую упаковку, в которой *нет* никаких трусиков. — Перечный спрей, — она смотрит на меня. — Думаю, что выберу этот, — она берет упаковку в стиле хиппи.

— Поскольку ты и Лили отказались от телохранителей на время съемок шоу, я подумала, что было бы хорошо, если бы у вас была хоть какая-то защита, — для съемок

фильма, Скотт потребовал, чтобы Дэйзи и Лили остались без своих телохранителей, которые охраняли их от папарацци с тех пор, как наша семья вышла из тени и стала известна. — А еще я записала нас на занятия по самообороне.

— Тебе не надоело посещать эти занятия, пока ты была в Принстоне? Почему ты хочешь пройти через это еще раз?

— Потому что вам, девочки, нужно научиться этому.

— Даже не знаю, если ли у меня на это время, — признается Дэйзи. — У меня назначено реально много съемок на этой неделе.

— А я думаю, что это хорошая идея, — вмешивается, сидящий на диване, Рик.

Мои брови подсакивают.

— Серьезно?

— Конечно, — говорит он, его взгляд суров. — И если у Дэйзи нет на это чертового времени, то мы с Ло и Коннором поможем ей освоить самооборону прямо здесь. Мы можем отодвинуть мебель к стене и освободить немного пространства для занятия.

Я бы хотела выбить немного дерьма из Лорена. Но еще более привлекательна идея попытаться пригвоздить к полу Коннора. Я бы упивалась этой победой в течение нескольких месяцев.

— Ты хочешь помочь? — спрашиваю я Рика.

— Почему всем так чертовски сложно в это поверить?

— Это не так, — говорю я. — Я просто удивляюсь, почему ты вдруг стал так обеспокоен этим.

— Я всегда обеспокоен. Просто не кричу о своем мнении каждые пять секунд, как это делаешь ты.

— Ты такой мудака, — говорю я ему.

— А ты — такая сучка.

— Спасибо, — я хватаю свой телефон из сумочки. — И, кстати, я принимаю твою помощь. Лили действительно нужно научиться защищать себя без помощи Ло.

— Ага, — говорит Рик. — Но вам, девочки, нужно, блин, признать тот факт, что вы не можете защитить себя от толпы грозных злых парней с помощью маленькой бутылки перечного спрея или удара, от которого расколется разве что орех. Будет лучше, если мы будем рядом с вами.

Я набираю номер Лили.

— Я не согласна, — говорю я. — Острие моего каблука нанесет тебе непоправимый ущерб, если его вонзить в твои яйца.

— *Толпа* чертовых парней, — подчеркивает Рик. Он намеренно опускает свои грязные ботинки на мой журнальный столик.

Я сдерживаюсь, решая не сворачивать ему шею. В этот раз.

Дэйзи открывает пластиковую упаковку и достает баллончик.

Я прикладываю телефон к уху, не прекращая звонить.

Дэйзи трясет своим перечным спреем.

— Можно попробовать? — она усмехается и направляет баллончик на Рика.

— Отойди, извращенка!

Лицо Рика мрачнеет, ему вовсе не смешно.

Я опускаю руку и подхожу к дивану, плюхаясь рядом с Риком. Они с Дэйзи интенсивно о чем-то перешептываются, Бретт пытается уловить их разговор, медленно пододвигаясь к

моей сестре. Рик фактически опускает свою руку на объектив, отталкивая камеру и Бретта подальше, увеличивая расстояние между оператором и Дэйзи.

Бретт сердится.

— Ты не можешь касаться камер, Рик. Сколько раз тебе нужно это повторить?

— Отойди от меня на хрен, и я не буду касаться камер.

Бретт качает головой, но делает пару шагов назад.

Я сосредотачиваюсь на своем телефонном звонке, набираю еще раз и слушаю длинные гудки. Через минуту я снова щелкаю по кнопке "отбой".

— ЛИЛИ! — кричу я. Я знаю, что она наверху, и хочу отдать ей баллончик перечного спрея до того, как уйду.

Оборачиваясь к своей младшей сестре, я внимательно изучаю то, как она наклонилась к Рикку и что-то ему нашептывает. Ее взгляд скользит по его чертам лица с неким любопытством и импульсивностью, и мое сердце начинает биться быстрее.

Похоже на то, что она собирается его поцеловать.

И в тот момент, когда ее губы прекращают двигаться, Рик кладет на щеку Дэйзи руку. И отодвигает ее лицо от своего. Это нежный толчок, но в ответ Дэйзи пытается завалить его на диван, при этом смеясь. То, что они делают, граничит с флиртом, даже несмотря на то, что в выражении лица Рика читается раздражение.

Он пытается удерживать ее в неподвижном положении, пока она проскальзывает ему под руку и хватается шлем Рика. Дэйзи быстро одевает его на голову, а Рик пытается стянуть его, его губы медленно расплываются в улыбке. Она освобождается от его объятий и в считанные секунды уже сидит у него на коленях. Рик ударяет по козырьку своего шлема, поднимая стекло и сурово смотрит на нее, пытаясь скрыть свою явно равнодушную улыбку.

Я переживаю, что камеры могут заснять *любое* их взаимодействие. А моя мать не одобрит отношения между Риком Медоузом и Дэйзи Кэллоуэй. По множеству причин.

— Вы оба, остановитесь.

Рик первым приходит в себя и отталкивает тело Дэйзи. Ее спина ударяется о подушки дивана.

Взгляд Рика мечется от меня к лестнице.

— Ло! — кричит он. — Лили! Тащите сюда свои задницы! — его голос гораздо громче моего.

Наверху раздается топот ног, но затем звук меняется на тихое шарканье, словно они успокоились и решили спуститься в мир людей как взрослые, сознательные создания. Ло и Лили обычно скрываются в своем собственном туманном мире зависимости. А здесь, в реальном мире, им немного страшно.

— Лорен чертов Хейл! — зовет Рик.

Тишина.

Дэйзи поднимается с его коленей и хватается за спинку дивана. После чего заглядывает на лестницу за моей спиной.

— Ло! Лили! Вам прислали по почте новый журнал комиксов! — она снимает мотоциклетный шлем Рика.

Заманивать Ло чем-то, чего *здесь нет* на самом деле, означает сильно подпортить ему настроение.

Но это срабатывает.

Ло и Лили сбегают вниз по ступеням.

— Мое! — кричит ему Лили. — Я заказал новые комиксы про *Людей X*, — она пытается оттолкнуть его к стене, и они начинают бороться прямо посреди лестницы.

— А я заказала последний номер *Новых Мутантов*, — Ло вырывается вперед, и она прыгает перед ним.

— Ты уже читала это! Мой более значим, — Лил бросается к входной двери.

В это время Дэйзи приседая, прячется за диваном.

Прежде чем Лили успевает достигнуть последней ступени, Ло хватает ее за талию и перебрасывает через свое плечо.

— Так нечестно! — отвечает она, пытаясь высвободиться из его сильных рук.

Он несет ее к двери, даже не глядя на нас. Когда дело касается комиксов, секса и выпивки, у них на двоих один ум.

Бен сбегает следом за ними, с камерой подмышкой. У него немного испуганный вид после тет-а-тета с этой парочкой, это видно по его дезориентированному взгляду и дрожащим ногам.

Вероятно они были в кабинете, а не в спальне, раз он мог их снимать. И уверена они вытворяли нечто погорячее, чем мартовский кот, нечто погорячее, чем просто сказать на камеру "*трахнись*". Они сдерживались всю неделю. Чем дольше Ло приходилось мириться со Скоттом, тем сильнее усугублялась ситуация.

Лили рассказала мне, что целенаправленно пыталась увеличить дистанцию между Ло и продюсером и найти способ держать их как можно дальше друг от друга. Думаю, это замечательная идея.

Бен чуть не роняет камеру.

— Твердые руки, — говорит ему Саванна.

Бретт закатывает глаза. (Вообще-то я не большой фанат Бретта.)

Бен нервно смеется. Снимать Лили и Лорена подобно тому, чтобы стать вуайеристом, это словно ты заглядываешь за закрытую дверь, наблюдая за их близостью. Готова поспорить, что после всего этого Бен почувствовал себя немного грязным и отвратительным. Даже читая о сексуальной жизни Лили в интернет источниках, у меня было ощущение, словно я пересекаю черту дозволенного. Полагаю, для Лили это в десять раз хуже.

— Подожди... — говорит Лили, когда они наконец-то подходят к двери. — Здесь ничего нет.

Я хватаю пакет для покупок и направляюсь к ним.

— Это тебе, — говорю я Лили. Она улыбается, думая, что я дала ей комикс. Но как только она заглядывает в пакет и видит его содержимое, улыбка на ее лице тает. — Перцовый спрей?

— Для защиты.

— А то она подумала, что это для смазывания сковороды, — отвечает Лорен.

Я сердито на него смотрю.

— Ты относишься к нам, как к идиотам, — говорит он, — так не удивляйся, что получаешь идиотские ответы.

Тише.

— Я ухожу.

— Ты только посмотри на это, Лил. Королева объявила о своем уходе. Нам следует отвесить ей поклон?

— Ло, — предупреждает Лили, посылая ему резкий взгляд, для нее такие взгляды не свойственны.

Он закрывает рот, но видно, каких невероятных усилий ему это стоит.

— Иди и сядь рядом со своим братом мудаком на диване, — говорю я Ло. — И просто, чтобы ты был в курсе, этот мудака мне нравится больше, чем ты, а я знаю его на 15 лет меньше, — я сухо улыбаюсь Лорену. — Увидимся завтра.

Обычно Лорен оставляет за собой последнее слово, но в этот раз я захлопываю за собою дверь, не давая ему такой возможности. Пререкания с Ло делают мой день полноценно нормальным. Плохие дни — это те, в которые мы не ссоримся. Так что пока все хорошо.

* * *

Я сама себя сглазила.

Знаю, Коннор не верит в подобные вещи, но *я-то знаю*, что, черт возьми, сделала что-то не так. Я сказала *"так что пока все хорошо"* И КОНЕЧНО ЖЕ что-то пошло не так.

Скотт здесь.

В моем офисе.

Он просто объявился, как раз когда я была увлечена инвентаризацией своего запаса пластиковых контейнеров. Я распределяла их в соответствии с временами года, пытаюсь откопать весенние и летние коллекции, которые нам вскоре понадобятся для того, чтобы носить на шоу. Я разрешила сестрам носить их собственную одежду какое-то время только потому, что у меня не хватало одежды на все шесть месяцев, даже если некоторые вещи одевать по два раза. Хочется верить, что Скотт выберет те моменты, когда мы все одеты в Кэллоуэй Кутюр, а не Old Navy, к которому так сильно тяготит Лили.

— Ты слишком усердно работаешь, — говорит мне Скотт, ставя полиэтиленовый пакет на мой белый стол. Бумажные и пластиковые коробки выстроены в ряд вдоль всего огромного пространства лофта. Кроме этих коробок, моего стола и этого нахала, здесь практически больше ничего нет. О, подождите, есть еще снимающий нас Бретт.

Доброта Скотта должно быть вызвана снимающими его камерами и задачей получить хоть какое-то видео, где он белый и пушистый. Для него это должно быть непросто.

— Это не так, — говорю я. — Люди, которые работают усердно — это те, кто посвятили себя защите нашей страны, они гораздо лучше меня. Я всего лишь дизайнер одежды.

Я закрываю крышку на защелку на одном из пластиковых контейнеров и вытираю руки о свое плиссированное черное платье, которое еле прикрывает мои бедра (это не к добру) и полностью закрывает мои ключицы (слава богу). По крайней мере на мне одеты прозрачные черные колготки.

— Я купил для тебя обед.

С небольшим интересом я наблюдаю за тем, как он достает из пакета *два* пенополистероловых контейнера на вынос. Я игнорирую свой желудок, грозящий вот-вот заурчать.

Скотт открывает контейнеры, и я вижу выстроенные в ровные линии роллы/суши, маленькую порцию васаби и кучку лепестков из имбиря. Мне едва удастся расслышать, как он говорит название моего любимого суши ресторана в Нью-Йорке. Я близка к тому, чтобы признать факт, что Скотт сделал что-то правильно. Возможно, я была к нему слишком

сурова, слишком стервозна и критична просто потому, что он из Калифорнии и говорит немного подлые вещи.

Я кривлюсь и пытаюсь сделать над собой усилие и тоже быть с ним *милой*. Прокашливаясь, я выпрямляю спину.

— У меня только одно кресло.

Я приближаюсь к столу и заглядываю в принесенный им пакет, вынимаю оттуда палочки и соевый соус.

— Все в порядке. Ты можешь сесть мне на колени.

Я сердито на него смотрю.

— Просто пошутил, — смеется он. — Я посижу на твоём столе.

Ладно. Я сажусь на свое кресло на колесиках и поднимаю контейнер с радужными роллами, моими любимыми. Коннор обычно привозит мне обед из города, и тот факт, что сегодня его роль взял на себя Скотт, беспокоит меня.

— Так кто тебе сказал, что я люблю суши? — спрашиваю я его.

Как и обещал, он сидит на половине моего стола, свесив ноги в непосредственной от меня близости.

— Я всегда знал, что тебе нравится, малышка.

Я останавливаюсь, мои палочки замирают возле кучки имбиря. Итак, он решил поиграть в наши *поддельные* старые отношения. Что ж, в эту игру могут играть двое.

— Я никогда не ела с тобой суши, — отвечаю я. — Ты сказал, что ненавидишь их, и потому я всегда ела в одиночестве.

Его губы подергиваются, но он отлично скрывает свои подлинные эмоции. Опуская контейнер на колени, он отвечает:

— Все меняется.

— Сейчас тебе нравятся суши?

Он подносит ко рту кусочек, жуёт и глотает.

— Сейчас я *люблю* суши.

Он улыбается, и я изучаю его черты лица, его зализанные светлые волосы, по какой-то причине уложенные так, словно они грязные. И светлые бакенбарды на его скулах, из-за которых он выглядит немного старше своего возраста.

Ненавижу то, что он не уродлив. Было бы проще, если бы у него была тысяча бородавок и волосатый нос. Но вместо этого, он мог бы стать актером в дневном мыльном шоу, а не быть продюсером.

— Ты скучаешь по мне? — вдруг говорит он.

Мои глаза расширяются.

— Ни на секунду.

Мой телефон звонит.

Скотт хватается его со стола, прежде чем я успеваю даже поднять руку.

— Это невероятно грубо, — говорю я ему, пока он открывает мое сообщение.

Он выпускает смешок.

— *Мерлин Монро, Пол Ньюман, Джеймс Дин.* Твой парень охренеть какой страстный, — он бросает телефон, и мне еле удается словить его, при этом я роняю палочки.

— Иногда страстно лучше, чем нормально, — говорю я. — Нормальность скучна.

Он прикладывает руку к груди.

— Я не скучный, милая.

Почему он говорит все с таким несносным высокомерием?

— Я засыпала всякий раз, как ты хотел заняться сексом. Что ты скажешь на это?

— Твои личные проблемы.

Я закатываю глаза и быстро отвечаю Коннору. *Трахнуть. Жениться. Убить.* Для меня более комфортна идея секса с женщиной, чем с мужчиной, каким бы странным это не казалось. Коннор скорее всего поймет это, но меня данная вероятность особо не заботит. Нажимаю отправить и кладу телефон обратно на стол, подальше от загребущих рук Скотта.

— Вчера виделся с твоей матерью, — говорит он.

— Правда?

Я стараюсь не выглядеть удивленной, но на секунду мое сердце подпрыгивает до уровня гортани. Зачем ему встречаться с моей матерью?

— Мы обедали и случайно пересеклись. Это было прям как в старые времена, — он передает мне бутылку воды и затем делает глоток своей вишневой содовой. — Она сказала, что хотела бы, чтобы Дэйзи вернулась домой, так как дом слишком тихий без всех вас, девочки.

— Стоп, — говорю я ему, вставая и ставя суши на стол. Эта еда словно некая ловушка, пища дураков, что-то, что вы даете трехглавой собаке, перед тем как она приведет вас к бухте с сокровищами.

Он хмурится. А я не могу понять, что правда, а что выдумка. Что истина, а что ложь.

— Что не так?

— Ты не знаешь меня, — опровергаю я. Я возвращаюсь к коробкам с одеждой, но не хочу присаживаться возле них.

— Я знаю тебя, — лжет он.

Я оборачиваюсь и вижу, что он расслабленно опирается о край моего стола.

— Не мог бы ты уйти?

— Я не понимаю. Я просто упомянул твою мать, и ты впадаешь в истерику.

Я бросаю взгляд на камеру. Не хочу очернять мою мать на глазах у всей страны. Не хочу причинить ей боль. Она — хорошая женщина, даже если иногда и совершает плохие поступки. Но чем больше он тычет мне это в лицо, тем сильнее мысли и чувства накачивают на меня, и тем более вероятно, что я не промолчу в ответ. Это специализация Коннора. Он — река, которая праздно течет между скалами. Я же — вулкан, который рушит деревни.

— Что с тобой? — дразнит Скотт, его голос снова добрый. Но на лице играет неприветливая улыбка. — Она не купила тебя бриллиантовое ожерелье? Или забыла о твоём восемнадцатом дне рождения?

— Моя мать никогда не забывала о моих днях рождения, — говорю я ему. — Она всегда поддерживала меня.

Скотт пожимает плечами, словно я невменяемая. Может так и есть. Возможно, мои чувства иррациональны. Может быть, я потеряла весь здравый смысл со всеми этими стрессами в моей жизни.

— Она была расстроена, что ее гнездышко опустело. Это нормально, Роуз.

— Я не хочу, чтобы она забрала к себе Дэйзи, — выпаливаю я вдруг.

Скотт снова хмуриться.

— Почему нет? У тебя есть какая-то больная фантазия, в которой ты видишь себя матерью Дэйзи, потому что Коннор не может сделать тебе собственных детей?

— Иди нахуй, — матерюсь я. Я хватаю свою сумочку и неуклюже поднимаю один из

контейнеров с одеждой. Скотт не предлагает мне помочь (не то, чтобы я приняла его помощь). — Надеюсь, ты сам себя проводишь.

— С удовольствием.

Я пытаюсь открыть двери. И на этот раз рядом со мной нет Коннора, чтобы перехватить коробку и помочь. Сначала у меня все выходит. Я бросаюсь через двери и направляюсь вдоль коридора, при этом делая резкие вдохи, от которых в мое горло будто вонзаются крохотные ножи.

Но когда я достигаю лифта, то коробка вываливается у меня из рук. Крышка открывается и все содержимое рассыпается на пол, я поспешно складываю каждую вещь назад в коробку.

Не хочу копаться у себя в голове, но чем дольше я собираю одежды с пола, тем сильнее слышу шепот прошлого, словно знакомый призрак нашептывает мне в затылок свои холодные слова. Я вижу свою старшую сестру Поппи, которая выросла раньше всех нас, покинула дом, вышла замуж и забеременела, и это все практически одновременно.

Когда она уехала, моя мать сосредоточила все внимание на мне, давя на меня, чтобы я продолжала занятия балетом, посещая каждый урок и концерт, переполняя свой график обедами и обязательствами. А я хотела вызвать у нее гордость. Как еще вы можете отблагодарить кого-то, кто подарил вам *все*, что вы так хотели? Того, кто засыпал вас блестящими вещами? Вы становитесь тем, над кем они тайно злорадствуют, их наибольшим призом.

Коннор прав. Он говорит о денежном эквиваленте. О преимуществах. Альтернативной стоимости. Это цена, которую вы платите, чтобы расти в роскоши. Вы чувствуете себя так, словно не заслужили все то, что вас окружает. Потому вы пытаетесь найти способ *быть* достойным всего этого: стать умным, талантливым и успешным.

Создать собственную компанию.

С помощью Кэллоуэй Кутюр я могла бы вызвать гордость своего отца, могла бы показать ему, что последовала по его предпринимательскому пути. Неудача моей компании — это не просто провал моих мечтаний, это провал меня как члена собственной семьи. Провал моего права на все эти прекрасные вещи.

Но мне нужно помнить о том, что еще эта компания означает. Чем она была для меня. Как она спасала меня. Это было местом, где я могла самовыразиться, не слыша при этом постоянные ворчания матери. Я привыкла приходить домой, и растерев затекшие после пуантов пальцы ног, сидеть на кровати и втайне рисовать наброски одежды. Мне было тогда двенадцать. А затем тринадцать. Четырнадцать. Таким образом я нашла в моде свое утешение. Я отыскал свой мир и счастье.

Это было что-то лично для *меня*. Мать не смогла бы принять мою тягу к дизайну. Она не могла бы принять ее как собственную. Я создала множество платьев, блузок и юбок. Они были глиной, из которой я могла формировать свои творения, в то время как мать пыталась формировать саму меня.

А потом мне исполнилось восемнадцать, и я уехала в Принстон. Моя мать потеряла меня, дочь, с которой она возилась больше всего, но лишь потому что я была единственной, с кем она вообще говорила, той, кто проводила ночи за прослушиванием ее лепета, той, кто слушала ее советы, даже если потом не применяла их в жизни. Мне нравилось то, что она меня любила. Но я просто хотела, чтобы мама хоть иногда позволяла мне свободно дышать.

После моего отъезда у мамы осталась Лили. Но она с ней особо не заморачивалась,

мама верила, что Лил была создана для жизни с Лореном Хейлом, наследником многомиллиардной компании, которая почти настолько же прибыльна как и Физзли.

Так что по сути у нее осталась только Дэйзи.

Я знала, что случится с моей младшей сестрой, как только я уеду в колледж. Знала, что Дэйзи займет мое место, как идеальная дочь, которая готова сказать моей матери "да", как только за мной закроется дверь. Но я будучи подростком боролась с матерью на каждом шагу. Я была злобной и упрямой.

Моя сестра не была наделена этими качествами.

Я плакала, распаковывая свои вещи в комнате общежития. Я была достаточно умна, чтобы понять, что произойдет. Но не могла ничего с этим поделать. Дэйзи согнулась под желаниями моей матери, под ее эгоистичными методами воздействия. Мама записала Дэйзи на множество занятий, которые только могла найти. Она выбирала за сестру, с кем та должна встречаться. Мама одевала ее в причудливые бальные платья с огромным количеством рюш и кружева. Она обращалась с ней словно с куклой без голоса и мозгов. Сколько раз я ни пыталась достучаться до Дэйзи, умолять ее прислушаться к моим словам и не погружаться в это гору ложного оптимизма, мне так и не удалось изменить ход вещей.

Я думала, что Дэйзи станет принимать наркотики.

Я думала она слишком сильно увлечется разгульным образом жизни, пытаюсь насытиться воздухом, который моя мать высасывала из нее.

Когда я была в том доме, то моим воздухом был альбом с набросками. Этот путь был не для Дэйзи. Я видела вокруг нее только тьму. И потому никогда не прощу себя за то, что случилось, за то, что была столь слепа.

Я была сосредоточенная не на той сестре.

Лили пошла по наклонной дорожке, кормя пристрастие, которое многие люди не могут понять.

Дэйзи же даже близко к этому не была.

Но я все равно боюсь, что повторю свою ошибку — не помогу Дэйзи, и станет слишком поздно, как это было с Лил. Не хочу, чтобы мама использовала Дэйзи с ее карьерой модели, как простой повод похвастаться перед друзьями по теннисному клубу. Хочу, чтобы моя сестра участвовала в ночных марафонах просмотра фильмов, ходила на ночные вечеринки, съела слишком много мороженого. Ее детство и так уже полно вечеров, когда она с уставшими от ночных съемок глазами приплеталась домой, дней, когда ее талию раз за разом измеряли и называли сестру жирной.

Это моя цена, которую я плачу за свое богатство.

Я в этом уверена.

Не важно, как сильно я хочу уберечь моих сестер и просто держать их поблизости, кажется, что я заранее обречена смотреть на их падение.

ГЛАВА 13

КОННОР КОБАЛЬТ

Я посмотрел на часы. 4 утра. Стационарные камеры на кухне снимают меня, но вероятнее всего, что прямо сейчас никто не станет смотреть это видео. От мысли о том, что Скотту придется просмотреть несколько часов метража моих похождений и выполнений однообразных задач, уже доставляет мне удовольствие. Я даже разок показываю в камеру средний палец, ну и что, что это по-детски.

Рик обязательно бы сделал так же.

И если я могу сказать Скотту "иди на хуй" в 4 утра, то с радостью так и сделаю. Просто пиздец, какое отличное дополнение утра.

Я наливаю в огромную кружку черный кофе и ставлю емкость с остатками назад в кофемашину. Как только я оборачиваюсь, то почти что проливаю горячую жидкость на свои домашние брюки.

— Твою мать, Роуз.

Она одета в черный шелковый халатик, но я сосредоточен на ее руках, упертых в бока.

— Ты не пришел спать.

Я делаю глоток кофе и налегке прохожу мимо нее, направляясь к кухонному столу, на котором стоит мой ноутбук в окружении множества документов.

— Мне нужно доделать бизнес отчеты на завтра. Нет времени на сон.

Она идет за мной следом, и как только я оказываюсь возле своего стула, Роуз пинает его ногой, и он с дребезгом опрокидывается на пол.

Мои брови ползут вверх, когда я смотрю на Роуз, ее руки скрещены на груди, а стул валяется на полу.

— Ты пытаешься что-то этим сказать? — я бы улыбнулся, если бы мои глаза не были налиты свинцом. Виски пульсируют, словно кто-то треснул меня битой прямо в лицо. У Роуз есть множество способов воздействия на меня, когда я в таком истощенном состоянии.

— Давай я помогу тебе с отчетом, — говорит она.

— Нет.

Я ставлю свою кружку на стол так, чтобы не облить свою девушку или себя. Ее раздраженная поза и прищуренные желто-зеленые глаза говорят мне о том, что она собирается сделать. И это не будет деликатно с ее стороны.

— Ричард, ты не можешь нормально жить, притом, что спишь всего 2 часа в сутки. Так что или я помогу тебе, или ты закончишь свой отчет позже и попытаешься отстрочить дедлайны (*крайний срок — прим. пер.*) по сдаче.

Последний вариант — вообще не вариант, и хотя Роуз способна мне помочь с отчетом, ей сон нужен еще больше, чем мне. Нет смысла нам обоим страдать, пока я пытаюсь получить степень MBA.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Иди в кровать.

— Ты упрям.

— Я непреклонен, — опровергаю я. Я самодовольно улыбаюсь, и от этого ее грудь поднимается в раздражении.

Она с силой толкает меня, и я покачиваюсь, но скорее от усталости, чем от силы ее удара. Но в этот момент Роуз застаёт меня врасплох — она бросается к столу и собирает все мои бумаги. А затем начитает быстро читать.

— Роуз, — предупреждаю я. — Ты мне не помогаешь.

Я пытаюсь забрать у нее документы, но Роуз поднимает их над головой так, словно это может сработать. Благодаря своему росту, я с легкостью вырываю из ее рук пару листов.

— Я могу вычислить эти цифры, — говорит она, глядя на экран компьютера.

— Я и не сомневался в том, что ты можешь. Вопрос в том, что ты не станешь.

Она пытается дотянуться до моего ноутбука, но я ни за что ей этого не позволю, устал я или нет, я без особых усилий блокирую ее посягательства с помощью своего тела, и с силой отталкиваю ее к стене.

Роуз зевает, а затем сжимает свои губы.

— Ты постоянно говоришь мне, что нужно научиться время от времени принимать помощь. Ты такой...

— Хорошенько подумай, прежде чем закончить это предложение, дорогая.

В ее глазах вспыхивает вызов.

— Лицемер.

Вот оно. Я обхватываю ее вокруг талии, и в ответ она бьет меня кулаками в грудь.

— Отпусти меня, Ричард!

Я несу Роуз к кухонной раковине, сжимая рукой ее задницу, в то время как она молотит меня. Когда она кусает меня за предплечье, я начинаю смеяться.

— Хочешь играть грубо? — я опускаю ее ноги на пол, и прежде чем она успевает сориентироваться, с силой толкаю ее тело к кухонному острову.

Запуская руку в ее волосы, я сильно дергаю. Она ахает и быстро моргает.

— Позволь мне помочь тебе.

— Нет.

Ее ноздри расширяются. И она снова ударяет кулаками мне в грудь, заставляя сделать шаг назад.

— Я сделаю половину твоего отчета, — она готова броситься к кухонному столу, но я опять ее хватаю. Прижимаясь губами к ее уху, я притягиваю попку Роуз к своему члену.

— Нет, — говорю я уверенно, — единственное, что ты сейчас сделаешь, так это пойдешь спать.

Мое горячее дыхание касается ее кожи, и я еще ниже опускаю свою голову. Ее аромат похож на запах белых роз и плюща — запах, вызывающий у меня головокружительное опьяняющее спокойствие. Я люблю каждый вдох этого аромата. Сначала мои губы скользят по коже ее шеи, а затем я глубоко всасываю ее плоть себе в рот.

Она издает стон удовольствия и снова разворачивается в моих руках, бросая взгляд на ноутбук.

— Нет, — говорю я ей.

— Да.

Когда мы не согласны друг с другом, то обычно не разговариваем в течение пары дней, пока кто-то из нас не признает свою неправоту. Не хочу, чтобы подобное произошло сегодня, не тогда, когда рядом ошивается Скотт, пытаюсь вторгнуться на мою территорию. Я наблюдаю за тем, как Роуз ерзает от злости, а ее халатик поднимается чуть выше середины бедра. Адреналин курсирует по моим венам, когда ее горящие глаза исследуют мое тело.

Я потираю свои чувствительные губы и принимаю сознательное решение. Я снова толкаю ее к кухонному островку, и она издает резкий вскрик. Поначалу Роуз пытается бороться со мной, но я прижимаю ее сильнее, вдавливая свой пах ей в живот так, что ее позвоночник изгибается напротив столешницы.

Сжимая ее подбородок, я одариваю Роуз взглядом, говорящим, что она была охренеть какой плохой девочкой; этот взгляд она получает от меня крайне редко. Все ее тело дрожит. Я чувствую эту дрожь своей грудью, ногами, руками, пахом. Ее губы приоткрываются, и протяжный стон удивления вырывается на свободу. От этого звука мой член твердеет, и я тоже стону. Мне так сильно хочется быть глубоко внутри Роуз. Я хочу ласкать ее между ног, пока ее веки не начнут трепетать, а конечности не расслабятся в полнейшем изнеможении.

Она тяжело дышит, впрочем, как и я, и мой взгляд скользит по ее губам, румяным щекам и прищуренным глазам.

— Я помогу тебе, — говорит она хриплым голосом.

— Нет, — говорю я прежде, чем прикусить ее губу. Она снова стонет, и я проскальзываю языком в ее рот, насильно целуя. Роуз отвечает на это невероятной страстью, она сжимает мои волосы с таким отчаяньем, которого я давно от нее не видел.

Усаживая ее на столешницу, я притягиваю к себе ее ноги. Я быстро оборачиваю их вокруг своей талии, не давая ей времени на сомнения. Мои руки перемещаются под халатик, поглаживая наготу ее бедер. Продолжая ее целовать, я опускаю ее плечи на холодную поверхность островка. Мои губы отрываются от ее лишь для того, чтобы пройти вдоль линии ворота ее халатика, от шеи к груди. Одной рукой я медленно развязываю ее пояс, но в этот момент ее взгляд натывается на камеры, закрепленные на потолке.

Роуз резко вскакивает и упирается обеими руками в мою грудь.

— Подожди... — ее взгляд снова мечется к камерам. Я не хочу, чтобы Скотт увидел Роуз голой так же сильно, как и она, но с другой стороны, это самый простой способ отплатить ей за мои мучения.

В нашем сценарии я отнюдь не победитель. Мой член ненавидит меня, он умирает, так хочет оказаться между ее ножек, даже не знаю, сколько мы с ним еще сможем продержаться.

— Позволь мне помочь.

— Либо я трахну тебя прямо сейчас. Либо ты пойдешь в постель.

Она осознает, что альтернативы попросту нет. На самом деле я не лишил бы ее девственности посреди кухни с направленными на нас камерами. Может быть я и заносчив, но в этом вопросе точно знаю, каким будет наш первый раз. И он явно не таков.

— Ладно, — соглашается она. — На этот раз я пойду в постель, но если ситуация повторится, то я помогу. Или же ты будешь просыпаться с синяками.

— Это просто угрозы, — я целую ее в щеку, задерживаясь губами у ее кожи.

Держа меня за руки, она тяжело сглатывает. Я немного отстраняюсь, удерживая руку у нее на колене, пока Роуз неподвижно сидит на столешнице островка. Неожиданная мысль посещает мою голову. Это вопрос, который я хотел задать ей ранее.

— Какое место я занимаю в твоей жизни?

Она хмурится и растеряно качает головой.

— Хочешь, чтобы я сказала, какое место ты занимаешь?

Я киваю. Я хочу знать, как далеко нахожусь от первой позиции. Готов упорно работать, чтобы достигнуть этого первого места, но мне нужно знать, кто стоит на моем пути к ее сердцу, и смогу ли я когда-нибудь превзойти их.

— У меня есть сестры, — говорит она.

Ее сестры опережают меня. Все трое. Я так и думал.

— У меня почти что были братья, — говорю я ей, честно.

Ее лицо хмурится.

— Что?

— Близнецы. Сейчас им бы было по 14 лет.

Я пробегаю по ее колену пальцами.

— Как ты можешь говорить об этом так? — спрашивает она.

— Как так?

— Бесстрастно.

— Не я носил их в себе девять месяцев.

Она шлепает меня по предплечью.

— Перестань быть таким засранцем. Это серьезно.

— Я знаю. И поэтому рассказал тебе об этом. Не уверен, сделало бы меня наличие братьев другим человеком.

Я часто думаю об этом событии, и о том, могло ли оно изменить мою жизнь, но все слишком сложно, чтобы понять точный ответ на этот вопрос. Они были бы младше меня на 10 лет. Сейчас бы они учились в интернате и были десантированы от моей жизни в Пенсильванском Университете. Защищал бы я их так же рьяно, как Роуз своих сестер? Не знаю. Мне так и не представился шанс это узнать.

— У моей матери были осложнения во время родов. Они оба не выжили, не знаю, как она с этим справилась. Казалось, что она... в порядке. Возможно, она такая холодная, какой и кажется всем окружающим, а может, мама просто спрятала ото всех свое горе. Я не знаю.

— Через два года после этого твои родители развелись?

Я киваю.

— Но думаю, их брак трещал по швам, еще когда она была беременная. Я редко видел их вместе.

— Думаешь...? — она замолкает, не в силах закончить свой вопрос.

— Она изменяла ему? Что эти дети были не от него? — я пожимаю плечами. — Возможно. Но все это уже не актуально. Это все... в прошлом.

Она медленно выдыхает.

— Это сложно принять, Ричард.

— Никто не знает, кроме Фредерика. Я не думал, что это важно.

— Это важно, — говорит она.

Все еще не понимаю почему, но подсознательно я верил, что это важно, иначе бы не стал делиться этим с Роуз.

— Так ты любишь своих сестер больше всего?

Она проводит руками по своим блестящим каштановым волосам.

— Не могу представить, что полюблю кого-то сильнее, чем их.

— Ты же осознаешь, что Лили любит Лорена сильнее, чем кого-либо на планете Земля? Если бы им пришлось выбирать между кислородом и друг другом, уверен, они бы выбрали задохнуться, но вместе.

На секунду она задумывается об этом, ее брови приподнимаются, и я практически слышу, как вертятся колесики у нее в голове.

— Я не прошу тебя любить меня, — говорю я ей. — Думаю, мы оба достаточно умны,

чтобы выбрать кислород.

Не поминаю, какие выгоды может принести мне любовь.

Ее взгляд опускается, а губы кривятся. После минутного молчания, она говорит:

— Я бы умерла, если бы это означало, что мои сестры выживут. Ты считаешь, что это глупо, но иногда любовь стоит каждого сделанного тобой безумного выбора, — она прыгивает со столешницы. — О, и ты мой номер три.

— Я превзошел Поппи? — я сильно стараюсь не улыбнуться.

— Я вижу ее реже, чем тебя.

В ответ я обнимаю Роуз за талию.

— Не разрушь это, — выдыхаю я, нежно целуя ее в шею. Моя рука опускается по ее хрупкой спине, и я оставляю последний поцелуй у нее на лбу; почему-то он чувствуется более подлинным, чем все предыдущие. — Ты околдовала мои тело и душу.

Она смотрит на меня.

— А *ты* разрушил все с помощью цитаты из *Гордости и предубеждения*.

Я усмехаюсь.

— Что? Я думал, мы специально постоянно используем клише.

— Попробуй в следующий раз процитировать книгу, а не фильм.

Выгибая бровь, я театрально декламирую:

— Ты пронзаешь мне душу. Я нахожусь между мукой и надеждой, — я качаю головой. — У меня нет того самого кольца для всего этого, дорогая.

Смех срывается с ее уст.

— Возвращайся к работе. Увидимся утром. О, подожди, — она имитирует удивление, — уже утро. Увидимся, когда наши пути снова пересекутся.

Я провожаю ее взглядом до лестницы, ее прекрасная круглая попак подпрыгивает под тканью шелкового халатика.

— Откуда ты знаешь, что они вообще пересекутся? — спрашиваю я, прежде чем вернуться к своему компьютеру. Она гипнотизирует меня своим взглядом, замораживая на месте.

Глядя поверх плеча так, что ее шелковистые волосы обрамляют красивое лицо, Роуз говорит:

— Потому что они всегда пересекаются.

ГЛАВА 14

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Я не пошла спать. Вместо этого решила принять душ, пока остальные еще не проснулись. Ванная — мой персональный ад. Думаю, это третий или второй круг. Скотт ван Райт — дьявол в маске, уверенно занимает первый ярус.

Две душевые кабинки разделены покрытой плиткой стеной, которая *едва ли* достигает уровня груди. Как будто мы должны давать друг другу "пять", пока моем голову.

Я быстро моюсь, но у меня есть некий повседневный ритуал, включающий в себя тщательное внимание к грязи под ногтями, полоскание, мытье шампунем и кондиционером; эту рутину я повторяю дважды. С этими пунктами я уже закончила. Но есть еще несколько других.

Я поднимаю свою ногу к смесителю и, упираясь ступнею, бреюсь. Бритва медленно скользит по коже, так как я стараюсь не порезать себе лодыжку или колено.

И в этот момент дверь в ванную комнату открывается.

Я опускаю ногу, пока теплая вода из душа льется на мое голое тело. *Пожалуйста, пусть это будет Коннор.*

Меня пугает собственное желание; я реально надеюсь, что из всех живущих в доме людей, в ванную зашел сейчас именно он. Даже если это означает, что он оторвался от своей работы над отчетом.

Ненавижу, что меня так сильно тянет к человеку, который считает любовь всего лишь слабостью. Но одновременно с тем, я обожаю тот факт, что на всем белом свете, нет никого подобного Коннору Кобальту.

И я та, у кого он есть.

Заглядывая через стенку, я вижу, что это отнюдь не Коннор, это *Скотт*, и он направляется к одной из раковин. Кажется, он не замечает меня, просто включает кран и начинает чистить зубы. Я неподвижна, словно статуя. Единственное, что я сделала, это прикрыла руками грудь, но глобально я все еще голая, стою здесь под струями теплой воды.

Мне следует игнорировать Скотта и просто вернуться к бритью ног, но я не могу расслабить свои напряженные мышцы.

А еще мне не следует наблюдать за ним, но я внимательно изучаю черты его лица. Прилизанные с помощью геля белокурые волосы, щетину на щеках и покрасневшие от раннего подъема глаза.

Он сплевывает в раковину и встречается со мной взглядом в тот момент, как вытирает полотенцем свой рот.

— Да?

— Я ничего не сказала, — мой голос даже немного добр. Не знаю, куда исчез холод, с которым я должна была бы произносить каждое адресованное Скотту слово.

— Ты смотришь, — этот факт, словно дает ему разрешение проследовать взглядом ниже моего лица, на запотевшее стекло душа.

Я не отвожу взгляда. Не хочу казаться испуганной птичкой.

— Знаешь, я задавался вопросом, относишься ли ты к типу фигуристых девушек. Теперь я знаю ответ, — заканчивает он, с полуулыбкой на устах.

Я сжимаю губы. Ему однозначно не видно *так* много деталей через стекло.

— Ты — свинья.

Он забрасывает свою зубную щетку в шкафчик под раковиной и прислоняется к краю фарфора.

— А Ло назвал меня — мистер Голливуд. У вас у всех есть мания давать другим прозвища?

— В том же предложении Лорен сказал тебе жрать дерьмо, так что я бы на твоём месте не кичилась данным прозвищем.

Его усмешка не дрогнула, она даже стала немного шире.

— Ты забываешь, что каждое матерное слово, каждое "свинья" и оскорбление повышает рейтинг хотя бы на один пункт. Потому продолжай в том же духе, дорогая.

Ему нравится провоцировать Лорена, нравится создавать повсюду драму. Скотт хотел бы, чтобы и я тоже его проклинала. Так что возможно, мне стоит закрыть рот, и пусть он имеет дело с тишиной. У нас могут быть высокие рейтинги и без матерщины. Но что сложнее в этом всем — так это быть с ним милой. Даже еще ужаснее, чем кажется.

Скотт подходит ближе к душевой кабине, и мои глаза сужаются, напряженно наблюдая за ним. Я все еще прикрываю рукою свои груди, но все остальное обнажено. Я могла бы потянуться за полотенцем, но капитуляция — не та улица, по которой я привыкла идти. Если поступлю так, то буду выглядеть глупой и напуганной, и это будет камнем давить на мой желудок.

Скотт *медленно* снимает свои штаны и вышагивает из них.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

Он наклоняет голову.

— Собираюсь принять душ, Роуз, — он подходит к соседней с моей душевой кабинке и останавливается возле двери, так близко к простенку, что мы могли бы дать друг другу это самое "пятю". — Мне нужно твое разрешение?

— Да, — я распрямляю плечи. — И ты его *не* получишь.

Он смеется.

— Я был таким придурком, когда спросил об этом. На самом деле меня не ебет твое разрешение.

На самом деле меня не ебет твое разрешение. Его слова проедают дыру в моем мозге. До этого я его ненавидела. Но думаю, что это была начальная стадия, сейчас я испытываю к нему *отвращение*.

Скотт снимает свою белую футболку, и мой взгляд задерживается на его прессе секунды на две. Его кубики в порядке... определенно в порядке, но они больше похожи на "я тягаю слишком много тяжестей и пью херову тучу протеиновых коктейлей", чем на "это мое тело, и я охренеть, какой горячий парень". Все трое других парней в доме однозначно обладают именно горячими сексуальными телами (недаром же они все вместе *ходят в спортзал*).

Так что моя лояльность однозначно не на стороне Скотта ван Райта, даже простой комплимент его телу для меня подобен поцелую со срущей в моем дворе свиньей.

Я опускаю взгляд на его красные трусы.

И там не все в порядке.

Да ну нафиг. Где мое полотенце?

Я иду к стеклянной двери, чтобы снять его с крючка, но Скотт тянется и выхватывает его прямо у меня из рук.

Да, вы, наверное...

— Это *мое* полотенце, — это *ненормально*.

— Сейчас оно стало моим, — Скотт ведет себя как скромняга и завязывает полотенце у себя на талии, прикрывая свое нижнее белье.

Я возмущена. И не скрываю этого. У меня из ушей почти что валит пар.

— Неужели нет ничего более скандального для шоу этим утром?

— Мы сохраним момент моей наготы для спальни, — говорит он. И подмигивает. Он *подмигивает* мне. Мои внутренности съеживаются от отвращения. Думаю, Скотт отравил мою матку.

Он снимает свои трусы, одновременно с тем придерживая полотенце на талии, а затем отбрасывает свое белье в сторону. Его взгляд не отрывается от меня, а улыбка не сходит с уст. Да, он абсолютно голый под полотенцем.

И да, я прямо сейчас голая и без полотенца.

Не уверена, что может быть хуже.

— Прости, этот телефонный звонок занял так много времени, дорогая, — доносится голос Коннора со стороны входной двери. — Партнеры не переставали говорить о пальчиковых красках.

Внезапная волна облегчения накатывает на меня. Мой союзник прибыл и сейчас вытащит меня из этой катастрофы. Каким-то образом он увидел или услышал Скотта в ванной и пришел мне на выручку. Или может он наконец-то понял, что я могу помочь *ему* закончить этот проект.

Спасибо. Я только за.

Но в этот момент Коннор говорит:

— Мой шампунь у тебя?

И все мое облегчение сменяется тревогой. Наконец-то я понимаю. Он хочет войти ко мне в душ. В этом раунде он собирается обскакать Скотта таким образом, подтолкнуть наши отношения на тот уровень, где они должны были бы уже давным-давно находиться. Я пытаюсь распрямить грудь и выглядеть более уверенно, но он все еще собирается зайти ко мне в душ. И чтобы Коннор мог выиграть, я должна не выглядеть шокированной от его действий. Я не могу его оттолкнуть и показать, что он представляет для меня нечто меньшее, чем мой парень. Мне нужно быть рядом с ним расслабленной настолько, насколько должно быть комфортно девушке рядом со своим парнем. Я не могу сказать "подожди", как сделала это раньше на кухне. Мне нужно позволить ему войти. Причем на полной скорости. На хрен тормоза. *Где твои яйца, Роуз Кэллоуэй?*

Соберись, ты можешь это сделать.

Я смотрю на полку со всякой косметикой для волос. И через секунду нахожу черную бутылку, которая явно стоит дороже моего шампуня, кондиционера и геля вместе взятых.

— Твой драгоценный шампунь здесь, — говорю я своим обычным едким тоном.

— Тебе не следует оскорблять мой шампунь. Мне говорили, что мои волосы это второй пункт в списке лучшего в Конноре Кобальте, — Коннор игнорирует тот факт, что Скотт все еще стоит возле второй душевой кабинки, опираясь рукой на стеклянную дверь, и неподвижно наблюдая за происходящим.

Я вижу его с помощью периферического зрения. Он ждет, что кто-то из нас признает его присутствие. Но я отказываюсь обдумывать его ехидные комментарии.

Несмотря на то, что для меня реально оскорбительно принимать душ в общей ванной комнате. Знаю, Лили уже проделывала такое... однако, она была в своем купальнике. И не

удивлюсь, если Дэйзи тоже принимала душ со своим новым парнем (с которым никто из нас еще даже не встречался).

Мне хочется не волноваться и просто "плыть по течению", но я никогда реально не была на это способна.

Коннор быстро расстегивает пуговицы на рубашке и бросает ее в сторону, оставаясь в одних только черных слаксах. Когда он приближается к моей душевой кабине, становится *очевиден* тот факт, что он значительно выше Скотта.

Коннор запускает руку в свои волосы.

— Они упругие и совершенные — есть за что ухватиться.

Он все еще говорит о своих волосах? Мои брови приподнимаются в немом вопросе, и он посылает мне усмешку на миллион долларов. Я смотрю на его промежность, почему-то сейчас, абсолютно не стесняясь.

— А какой первый пункт в этом списке? — бросаю я ему вызов. *Несомненно, это твой член.*

— Моя задница, — улыбается он еще шире. И на этом он разом снимает с себя брюки и боксеры. Полностью охренительно голый Коннор.

Стеклянная дверь все еще разделяет наши тела, а Коннор просто сбросил всю свою одежду *прямо* перед Скоттом. И его это даже не волнует. Он ведет себя так, словно продюсер не заслуживает и капли нашего внимания, словно он такое же ничтожество, как и сорняки в надтреснутом тротуаре.

Сейчас Коннор сексуальнее, чем когда-либо.

Уверенно он открывает дверцу душа, и я стараюсь не сторониться его. Ни один мужчина раньше не видел меня *настолько* голой, и это может все изменить.

И дабы показать Скотту средний палец, я не должна быть нервной, когда голое тело Коннора коснется моего голого тела.

Слишком много полностью обнаженных людей во всей этой ситуации.

Нет места для страха.

Бесстрашная нагота. Мне нравится, как это звучит.

Я распрямляю плечи и опускаю руки от груди, как только Коннор входит внутрь, при этом он старается действовать так, чтоб собой перекрывать вид Скотту на мое обнаженное тело. Коннор закрывает за собой дверь.

Его тактика по большей части состоит в том, чтобы пренебрегать третьим лишним. Скотт по-прежнему стоит у своей душевой кабинки и *наблюдает* за нами с любопытством, словно рассматривает возможность сбежать за видеокамерой. Если он это сделает, я отрежу ему чертовы...

Мои мысли прерываются, как только Коннор оказывается в опасной близости. Его взгляд опускается и внимательно следует по траектории от моих голых ног и выше. Когда его взгляд на секунду замирает между моих бедер, клянусь, на его устах играет еле уловимая улыбка. Те места моего тела, которых никогда не касался ни один мужчина, начинают болеть, желая ощутить давление. И все из-за его глупой улыбки. И этих глаз.

Во мне разгорается пламя, пока его нереально синие глаза следуют еще выше и останавливаются на моей груди. Я тоже опускаю взгляд, проверяя, как выглядят мои соски. Они торчат. *Ну, конечно же.* Мой пульс зашкаливает в сумасшедшем ритме, а каждая капля воды опаляет мою кожу.

И, тем не менее, я не хочу двигаться. Я хочу стоять прямо здесь и сгорать от этого огня.

Коннор приближается и проводит своей жесткой длинной поперек моего живота. Я ощущаю себя такой низенькой без своих обычных высоченных каблуков. Поднимая взгляд, я смотрю на него. Вода стекает по его телу, ручейками струясь вдоль линий и впадин его твердых мускулов, стекая прямо к его пенису. От самого *его* вида внутри меня что-то сжимается, от жара его тела мой мозг отключается.

Мной овладевает сильнейшая *потребность*, тот тип нужды, когда вам нужен реальный, а не резиновый член, тот, которым я пренебрегала уже слишком долгое время. Тот, о котором я фантазировала в своей спальне с 16 лет. Коннор Кобальт вошел в эту душевую кабинку, словно доминирующий бог, со своим интеллектом, который заводит меня уже долгое время.

Он тянется рукой к полке за моей спиной и достает свой дорожный шампунь, одновременно с тем касаясь своим предплечьем моего плеча. Моя грудь опадает. Так просто.

Я не могу дышать.

Не могу пошевелиться.

Я удивлена тем, что мой мозг *абсолютно* отключился. Словно я сильно пьяна. Никогда раньше мой ум не покидал меня на произвол судьбы, и что за хрень, впервые это случается именно из-за вида пениса Коннора.

Бесстрашная нагота. Верно. Я шумно втягиваю воздух и приказываю своей уверенности вернуться.

— Твой проект, — шепчу я Коннору. Ему же нужно было сейчас работать, а не охранять меня от мерзкого продюсера. Обычно я бы запротестовала против такой защиты, но сейчас, я как никогда хочу, чтобы Коннор оставался прямо здесь.

— Я его закончил, — говорит он, и его выражение лица как всегда нечитаемое. Вполне возможно, что это ложь, но я не хочу начинать с ним спорить.

Через секунду, я слышу, как включается еще один душ, и вода ударяется о кафель плитки. Скотт решил сделать данную ситуацию еще более неловкой. Я уж было собираюсь посмотреть на него и одарить его одним из своих убийственных фирменных взглядов. Но Коннор опускает руку на мое бедро, привлекая мое внимание только к нам двоим. Коннор стоит между мной и Скоттом, а перегородка между кабинками еще немного добавляет дистанции между нами и продюсером. Я убираю мокрую прядь волос со своих губ. Несмотря на то, что меня прикрывает почти что двухметровый мускулистый мужчина, ярость по отношению к Скотту плещет в моих жилах.

— Было бы мило с твоей стороны подождать хотя бы 10 минут, Скотт. Если сейчас у меня закончится горячая вода, то я...

— Что? Что ты сделаешь? — весело говорит Скотт, скорее всего *ухмыляясь*. — Атакуешь меня своими ногтями? Исцарапаешь? Давай. Только не забудь завернуться в полотенце, когда будешь идти в мою кабинку.

Гм... *блядь*. И вдруг я осознаю, что обращать внимание на Скотта эквивалентно дать под зад Коннору.

В большинстве ситуаций мой парень ведет себя очень зрело. Я же более склонна к кривой дорожке.

Коннор не позволяет своему раздражению отобразиться на его лице. Но я замечаю, как его челюсти сжимаются, и когда он смотрит на *меня*, в *его* взгляде *пылает жар*. И в момент, когда я задаюсь вопросом, станет ли он меня наказывать, как однажды обещал, Коннор возвращается к мытью своей головы.

Разочарование разливается, переполняя всю меня. Разве плохо, что я желаю его наказания? Предполагаю, мне стоит вернуться к своему ритуалу мытья... Я кусаю себя за щеку, пытаюсь отвлечься, пока тянусь за бритвой. Но мой взгляд снова натывается на член Коннора, и я удивляюсь, как он может поместиться внутри меня, а ведь у него сейчас всего лишь полу эрекция.

— Так и какую же ты должность занимаешь в Кобальт Инк.? — спрашивает Скотт у Коннора.

— Промежуточный главный исполнительный директор, — отвечает он вежливо. Думаю, Скотт сейчас попытается спровоцировать Коннора.

— Так это временная должность?

— Временная, переходящая, недолгая, — перечисляет Коннор довольно легкомысленным тоном. — Поищи синонимы на слово промежуточный, если тебе это нужно.

Скотт фыркает, но видимо не найдя ничего, что можно бросить в лицо моему парню, затыкает рот.

Я сосредотачиваюсь на процессе купания. Мне все еще нужно побрить ноги. А это означает наклониться *перед* Коннором. Он по-прежнему загораживает меня от Скотта, так что я толком его не вижу, к счастью. Не желаю видеть задницу Скотта. Пусть он смотрит на задницу Коннора, это как никак его *пункт номер один*, ну вы знаете.

Может быть мне пропустить бритье.

Я дрожу.

Да пошло оно все. Я и так зашла уже слишком далеко. Голая, в душе с голыми мужчиной. Могу же я немного наклониться. Я намыливаю себе ноги и затем наклоняюсь, чтоб закончить бритье. Моя попка трется о член Коннора, и я уж было собираюсь выпрямиться и немного отодвинуться вперед, но Коннор кладет руку мне на спину, надавливая так, чтобы я оставалась в согнутом положении.

Другая его рука нежно ласкает кожу на моей попке. А затем он с силой сжимает мою плоть, и в этой хватке словно слышится подтекст, что он *не отдаст Скотту ничего своего*.

Я морщусь, но не могу не улыбнуться, мне нравится, что его заботят посягательства другого мужчины. Его рука движется, сжимая и разжимая, потирая и лаская, все сильнее приближаясь к моей промежности. Но все еще не касаясь меня там. Мои руки дрожат, пока я пытаюсь побриться, особенно когда между своими ласками он вставляет шлепки. *Ахх... охуеть...*

Почему это ощущается так хорошо?

Он убирает руку у меня со спины, позволяя мне подняться, но его пальцы скользят в опасной близости с моими складочками.

Коннор все сильнее опускает свою руку. И я всхлипываю — это звук, который *никогда* прежде не срывался с моих уст. Я чертовски боюсь за свой гребаный *мозг*. Пиздец... Я резко падаю на свои коленки, кровь приливает к лицу, я быстро собираюсь и распрямляюсь, от чего рука Коннора отлетает в сторону.

Скотт смеется. Он, блядь, *смеется*, и от этого шок и чувство вины накрывают меня еще сильнее. Я отказала Коннору прямо на глазах у Скотта — именно так выглядит данная ситуация? Я медленно поворачиваюсь и встречаюсь с самодовольным выражением лица Коннора, и что самое главное, я все еще *не могу прочесть* его эмоции. Потому я просто пытаюсь своим выражением извиниться перед ним. Я использую мышцы лица, которые

находились в неподвижном состоянии все 23 года моей жизни.

Фыркание Скотта все еще жжет мои барабанные перепонки. Неспешно, я поворачиваюсь к продюсеру и мысленно проклиная его, хоть и знаю, что ему не понять, что дело совсем не в Конноре. Если бы кто-то другой попытался проделать со мной подобное, то получил бы точно такую же реакцию.

Коннор берет меня за подбородок и поворачивает лицом к себе. Наши взгляды встречаются, но совершенно по-новому. Мир сужается.

Больше нет Скотта.

Нет душа.

Нет никакого ощущения воды или наготы.

Есть просто я. Просто он. Просто мы.

Снова вместе.

Желание окутывает меня и пульсирует, накрывает своим пьянящим одеялом. Мы оказываемся в коконе желаний и потребностей, чувств, которые держали в узде с момента переезда в таунхаус. Это все побуждает к жизни, и я вижу, как жажда бурлит в голубых омутax его глаз.

Какое-то время мы сдерживали себя. Я не мастурбировала в нашей постели, так как боялась издавать звуки, которые могли бы уловить вмонтированные в стены микрофоны. Коннор же привык это делать в душе, а здешние коммунальные условия не очень способствуют данному занятию.

Мы оба заведены до предела. *Особенно* после того, как возбудили друг друга на кухне.

И затем Коннор проводит большим пальцем по моему подбородку, касаясь контура нижней губы и проскальзывая пальцем мне в рот.

Я громко стону в знак согласия, томления и удовольствия.

Но из-за звука воды этот стон почти что неуловим.

ГЛАВА 15

КОННОР КОБАЛЬТ

Она смыкает губы вокруг моего пальца. От удовольствия ее щеки заливаются румянцем, а тело придвигается к моему, вызывая еще более сильную пульсацию в моем члене, желание, оказаться там, куда она не впускала еще ни одного мужчину.

Мне хочется напомнить Роуз, что это я именно тот, благодаря которому ее тело дрожит, я — не чертов олигофрен в соседней душевой кабинке. Ее гнев по отношению к Скотту лишь заводит его и позволяет верить, что у него есть над нею власть. Бросать едкие комментарии и подколки — это движущая сила *наших* отношений в стиле любовь-ненависть.

Это не его отношения.

Но как только Роуз громко стонет с моим пальцем во рту, Скотт выключает душ. Я наблюдаю за тем, как он оборачивает полотенце вокруг талии и смотрит на меня ледяным раздраженным взглядом, а затем наконец-то выходит из кабинки. Меня не смущает эта ситуация, но видимо стон моей девушки от *моих* прикосновений к ней, довел его до предела.

Свободной рукой я скольжу по шее Роуз, притягивая ее еще ближе к себе. Наклоняясь, я шепчу ей на ухо:

— Я намерен вложить в твой ротик кое-что еще, Роуз.

Ее глаза встречаются с моими, и я вижу в них невысказанный вопрос. Мой взгляд отвечает ей без слов.

Со мной ты в безопасности.

Она может уйти. У нее есть полное право снова ударить меня в грудь и наказать за то, что я толкнул ее ранее на колени. Роуз не из застенчивого десятка. Она не слабая или незащитная. Если она хочет что-то, то даст мне об этом знать.

Она — девственница, напоминаю я себе. И нуждается в том, чтобы я дал ей все, чего она жаждет, все, что она полюбит, но от чего пока что так отчаянно отказывается; да, это займет время, но я подожду, не важно, насколько мое тело протестует против этого затянувшегося ожидания. Однако если она все-таки может принять это, может начать подчиняться мне в постели, то мы наконец-то сдвинемся с мертвой точки.

Пока она осмысливает сказанное мною, ее тело уже отвечает, изгибаясь и прося о большем. В этот раз она хочет отпустить контроль. Я знаю. И она это тоже знает. Ей просто нужно решить, позволит ли она себе это удовольствие или окажется от него по какой-то нелепой возвышенной моральной причине.

Ее пальцы скользят по моему запястью, и я убираю свой палец у нее изо рта. Довольно медленно и бесшумно она опускается на свои колени, так что ее глаза оказываются на одном уровне с моим членом. Я хочу поместить его к ней в ротик и трахнуть его так, словно это ее киска. *Она — девственница.*

Терпение, Коннор.

Я захватываю горсть ее мокрых волос и сжимаю в кулак, ее тело так красиво под струями воды. Ее дыхание глубокое, а взгляд направлен на мой полутвердый член. Я поднимаю вторую руку и опираюсь о стену.

Роуз берет мой ствол в свои руки, очень нежно и бережно, так, словно она не уверена, как его держать.

— Положи его в свой рот, — настаиваю я низким, собственническим голосом.

Она бросает на меня резкий взгляд, он в десять раз жестче, чем ее захват на моем члене. Тело реагирует на этот взгляд, разжигая мою жажду в ее охренительно чистом виде. Я наслаждаюсь тем, как трудно ей все это дается. Глядя на Роуз, я наблюдаю, как ее рот приоткрывается настолько широко, чтобы моя головка могла пройти между губ.

Она преодолевает меньше, чем половину разделяющей нас дистанции и останавливается. Ее руки снова падают на бедра, а в глазах мелькает неуверенность.

Она пытается отодвинуться, но я сильнее сжимаю ее волосы. В ответ в ее взгляде возрождается еще более сильное неистовое пламя. Это однозначно не взгляд, говорящий мне "*стоп*". Этот взгляд полон страсти, неприятных и прекрасных матерных слов. "*Трахни меня*" плюс "*мудак*" и "*хуесос*" и "*о да, блядь, пожестче*".

Она непростая. Все, как я люблю.

— Я собираюсь трахнуть твой рот, дорогая, — говорю я прямо. Я сильнее натягиваю ее волосы, и ее руки бросаются к моему запястью.

Стон застревает в ее горле, и я проскальзываю головкой члена ей в рот. В ее взгляде читается смесь удивления и внезапного откровения. Откровения, состоящего в том, что она вообще сейчас во всем этом учувствует.

Я отодвигаюсь, и мой член выскальзывает у нее изо рта. По-прежнему упираясь рукой о стену, я разжимаю кулак и опускаю вторую руку на шею Роуз.

— Я сделала это неправильно, — говорит она. — Знаю, я, наверное, ужасна.

— Ты еще ничего не сделала, — говорю я ей с улыбкой. — И ты не можешь быть ужасна в чем-либо.

— Не относись ко мне, как к ребенку, — вставляет она. — Если ты научишь меня, то я с удовольствием сделаю все правильно. Я хочу быть лучшей.

Она несколько раз моргает и опускает взгляд на мою талию, это взгляд в котором читается вызов и еще больше наслаждения.

И от этого взгляда я становлюсь еще более твердым... *черт*. По мере того как нарастает моя эрекция, ее глаза расширяются, вероятно, ее интересует, как этот размер поместится в ее ротике.

— Ты станешь лучшей, малышка, — говорю я. — Возьми его.

Я хочу сделать это комфортным для нее. Но все-таки это должно быть *по-моему*.

Она сжимает руку у основания, так же аккуратно как делала это и прошлый раз.

— Это странно, — говорю я.

— Что? — она хмурится.

— Ты грозишься кастрировать мужиков по десять раз ко дню, но при этом держишь мой член, словно собираешься уложить его в кроватку.

Ее захват мгновенно усиливается, и мои губы приоткрываются от внезапно нахлынувших ощущений. Говоря следующее, я смеюсь.

— Пока что ты отличница.

— Я окончила все учебные заведения с отличием, — говорит она. *Да, я знаю*. Я был на ее выпускном. Я видел, как она выходила на сцену, как ей вручали диплом. У меня была возможность стать свидетелем ее окончания и освобождения от четырех лет тяжелого труда и образовательного рабства. Эти воспоминания всегда при мне.

— Ты самолюбивая маленькая почетная выпускница.

— Маленькая? — ее глаза расширяются.

— Ты ниже меня, — напоминаю я ей. — И сейчас самое время тебе заткнуться и

вложить мой член обратно в свой милый ротик.

Ее взгляд вспыхивает лишь от моих слов, но остальное ее тело реагирует иначе. Бедра Роуз сжимаются сильнее. Желая. Ее киска готова принять меня.

Роуз снова берет меня в рот, медленно, не останавливаясь на одной только головке; она втягивает член до тех пор, пока не начинает задыхаться. Удерживая ее голову одной рукой, я поправляю ее и передвигаю свои бедра в более удобное для нее положение. Под этим углом нам обоим гораздо комфортнее; глядя на меня снизу вверх, она заглатывает мой ствол еще немного глубже. Ее действия не ужасны, но и пока что не фантастические.

По тому, как она отводит взгляд, ясно, что Роуз смущается.

Роуз снова слушает свой прекрасный ебнутый мозг. Не хочу, чтобы она размышляла о своих действиях, о том, правильные они или ошибочные. Хочу, чтобы ей удалось просто почувствовать.

— Убери свои руки.

Глядя на меня, она пытается отодвинуться, чтобы возразить. Я знаю, что Роуз хочет сделать — доказать мне, что способна на большее, но это не то, что должно случиться. Я крепко удерживаю ее затылок на месте.

— Ты хочешь доставить мне удовольствие? Тогда сделай, что я сказал.

Ее глаза прищуриваются, но руки отпускают мой член. Используя одну руку и свои бедра, я направляю себя дальше в ее рот. *Блядь*. Ощущения превосходные.

Один раз она давится и тянется руками к моей заднице, крепко хватаясь.

— Роуз, — стону я. Мои толчки поверхностные, но со временем они станут глубже... настолько глубокими, что в уголках ее глаз выступят слезинки, а тело начнет дрожать.

Ее ноги медленно сгибаются, пока спина не упирается о теплую плитку стены, в то время как вода оmyвает наши тела. Я вхожу в нее, раскачивая свой таз, полностью контролируя то, насколько глубоко моя длина скользит между ее губами.

Ее бедра извиваются, пальчики ног поджимаются, а грудь все выше вздымается, по мере того, как я ускоряю свой темп.

— Вот так, дорогая, — говорю я, тяжело дыша. — Со мной ты в безопасности.

Через несколько минут я кончаю и быстро выскальзываю из ее рта.

— Сплюнь, — говорю я ей, опускаясь на колени.

Она поворачивает голову и делает, как я говорю. Тяжело дыша, Роуз вытирает губы. А я обнимаю ее и удерживаю у груди, пока она переваривает произошедшее.

Ее руки поднимаются, обхватывая меня за шею, и она прижимается лбом к моей ключице.

Так мы и сидим какое-то время, пока я потираю ее спину, а вода становится еле теплой. Когда она забирается ко мне на колени, что-то сжимает мое сердце, словно тиски. Никогда еще я не был настолько во власти другого человека. Она поглотила мое тело и разум так, как я не мог себе даже представить.

Пальцами я расчесываю ее мокрые волосы, убирая их с лица.

Прямо сейчас мне безумно хочется поцеловать местечко между ее ножек, чтобы она смогла понять, каково это. Мне хочется попробовать ее, наблюдать за тем, как изогнется ее спина в момент экстаза. Увидеть, как она достигнет пика, и знать что это благодаря мне. Через пару минут, я отнимаю ее от груди и усаживаю так, чтобы ее ноги были разведены по разные от меня стороны.

Она кладет руку мне на грудь и почти что ударяется попкой о плитку стены.

— Нет, — говорит Роуз, пытаясь освободиться от моего тела. Она встает.

Но я остаюсь стоять на коленях и хмурюсь из-за того, что она снова сменила тактику поведения. Я запутался, а это происходит не часто.

— Ты не можешь отрицать, что твое тело реагирует на меня. Тебе это понравилось, и это хорошо, Роуз.

— Я знаю, — она кивает более уверенно. — Мне просто не нужно, чтобы ты давал мне что-либо взамен. Это было для тебя.

— Я хочу довести тебя до оргазма, — и я, *пиздец, как собираюсь это сделать*. Удерживая Роуз за лодыжку, я оставляю поцелуй на ее колене. — Ты полюбишь это. Верь мне.

— Меня это не волнует, — она отталкивает мою руку от своей ноги.

И вот сейчас я встаю, резко глядя на нее.

— Зато *меня*, блядь, волнует.

— Это не квипрокво (*недоразумение — прим. пер.*). Я отсосала тебе не ради того, чтобы ты от меня отцепился.

Она перепрыгнула на следующую страницу нашей книги, и теперь я должен догадаться на которую.

— Ты возбуждена, — говорю я ей. — Солги мне, сказав, что не собираешься вернуться в нашу спальню и ласкать себя.

Она поднимает выше голову, не собираясь отступить.

Я могу прижать ее к стене, наблюдая за тем, как воздух вырвется из ее уст, как ее тело ответит на греховный голод. Она позволила бы мне удовлетворить себя. Но я не хочу давить на нее, не разобравшись в том, что внезапно переключилось в ее голове.

Делая шаг ко мне, Роуз говорит:

— Мне не нужно, чтобы ты доставил мне оргазм, — на поверхности ее глаз плещется страх.

Он и есть тем самым переключателем. Так просто. Я знаю, что под ее словами скрывается более глубокий смысл. Потому мои руки скользят вокруг нее, крепко обнимая. Меня не волнует, что ее конечности все еще напряжены.

Роуз пытается оттолкнуть меня, но я еще сильнее прижимаю ее к своей груди. Губами касаясь ее уха, я уверенно говорю:

— Vous avez tort, — *ты ошибаешься*.

Лицо Роуз заливается румянцем, и я внезапно отпускаю ее, выключаю воду и тянусь к полотенцу. Пока я оборачиваю вокруг нее мягкий хлопок, Роуз пристально смотрит на меня, словно хочет спросить, не собираюсь ли я конкретизировать.

Не выдержав молчанки, она наконец-то говорит:

— Я не ошибаюсь.

— Ты думаешь, что твоя девственность — это приз, который я жажду заполучить и свалить куда подальше. Я прав?

— Не манипулируй мной, — она качает головой. — Мне не нужно, чтобы ты говорил все то, что я так жажду услышать лишь для того, чтобы облегчить себе получение выигрыша.

Она сумасшедшая, раз верит в такие чертовски ужасные вещи. От этого мне хочется держать ее в объятиях еще дольше и крепче, успокоить ее своими словами.

— Я не манипулирую тобой, Роуз. Ты достаточно умна, чтобы понять меня. А если ты правда веришь в то, что я манипулирую женщиной просто ради того, чтобы трахнуть ее, то

увы, ты не знаешь меня хорошо.

— Не *ври* мне, — она указывает на свою грудь, а в ее глазах появляется некое безумие. — Я для тебя всего лишь пит-стоп. Я — остановка на половине твоего пути, по дороге, в конце которой ты найдешь женщину, преклоняющуюся пред тобой в спальне и за ее пределами.

— Если бы я хотел желтофиоль (*Дама, оставшаяся без партнёра на танцах, вечеринке и т. п. Слово "желтофиоль" можно отнести к любому человеку, который испытывает трудности в общении на вечеринках, предпочитая сидеть тихо и застенчиво в углу — прим. пер.*) вне своей гребанной спальни, то никогда бы даже не заговорил с тобой, Роуз.

Что меня заводит, так это способ, которым сильная женщина может преподнести себя, просто входя через двери в комнату, то, как за минуту, я могу перебороть эту женщину в порыве страсти. И то, как после этого, мы снова можем бороться за главенство. Зачем мне хотеть кого-то, кто не равен мне? Какое в этом удовольствие?

Она качает головой, не веря мне. Почему она, *блядь*, не может мне поверить? Это же гребаная истина!

— Тебе нужен кто-то, кто будет рядом с тобой 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, — говорит она. — Та, у которой нет никаких отвлекающих ее от тебя обязательств. Я же была для тебя погоней длиною в десять долгих лет, Ричард. Ничем большим.

Я стараюсь не проявлять свою боль, но слезы буквально вырываются из глаз, вызывая злость на самого себя. Из-за ее слов, внутри меня что-то ожесточается и леденеет.

— Нет, — выдавливаю я. — Нет, Роуз. Ты, пиздец, как ошибаешься.

Она делает глубокий вдох, крепче прижимая полотенце к груди.

Приближаясь к ней, я прижимаю свои огромные руки в ее щекам и смотрю в эти желто-зеленые глаза.

— Ты не пит-стоп. Ты моя *финишная черта*. Нет никого после тебя, — я неистово целую ее, проскальзывая языком между ее губ, и она отвечает. Но не так, как я на то надеялся. Потому я отстраняюсь и добавляю. — Я хочу тебя навечно, а не на короткий отрезок времени.

Не понимаю, почему каждый раз, когда я произношу это, слова похожи на пустую череду кокетливых фраз.

Я не могу потерять ее.

Не из-за *этого*.

Я пытаюсь представить жизнь без Роуз, и все предстает в серых тонах, как что-то замершее — мир без времени, места и цвета. Этот мир приземистый, скучный и тусклый.

Я не могу потерять ее.

Ни за что.

Она оставляет поцелуй на моей щеке.

— Я хочу тебе верить, и я буду тебе доверять, но просто предупреждаю, что в будущем для этого может понадобиться чуть больше слов, — на этом Роуз открывает двери души и оставляет меня с новым вызовом. Но я бы был с ней даже без всех этих тестов и препятствий, через которые она заставляет меня перепрыгивать. Я наслаждаюсь ими.

Но ею я наслаждаюсь гораздо больше.

ГЛАВА 16

КОННОР КОБАЛЬТ

Я опаздываю.

А я чертовски ненавижу опаздывать. Даже имея законное оправдание — пять часов лекций в Уортон и еще два часа деловых встреч в Нью-Йоркском ресторане — я все равно расстроен. Время неумолимо, постоянно и неоспоримо навязчиво. Неважно, как сильно я пытаюсь, время не подчинится моей воле.

Трафик на пути из Нью-Йорка в Филли лишь усиливает мое разочарование. Мужчина на зеленом грузовике слева от меня ложится на свой руль и гудит так, словно шум — это волшебная составляющая каждого перегруженного шоссе. Я борюсь с желанием опустить стекло и напомнить ему, что он не Моисей, а магия не существует.

Пощипывая переносицу, я перечитываю последнее сообщение Роуз.

Уже скоро. Запишу его на всякий случай. — Роуз.

Первый рекламный ролик реалити-шоу выйдет в эфир сегодня вечером. И Роуз уже готова к тому, что я пропущу его. Для большинства людей опоздать на какой-то дурацкий тридцати-секундный телевизионный промо-ролик не было бы столь важным событием. Они бы проигнорировали его.

Но это не хорошо.

Все случается лишь однажды. Один единственный момент, на который я опаздываю на 10 минут, мог бы все изменить. Подобные *а что если* в жизни не невозможны. *А что если* параллельные пути все же могут пересечься — что тогда. В один момент, это *а что если* может стать фактом.

Скотт ван Райт — мое "а что если".

Если бы я не услышал, что кто-то включил душ, звук сливных труб через тонкие стены и потолок, то никогда бы не пошел наверх. Если бы я не хотел сказать Роуз вернуться в кровать и принять душ попозже, то никогда бы не услышал голоса Скотта и Роуз за дверью ванной.

Что если бы я никогда не зашел в эту ванную и не прервал происходящее, что бы тогда случилось?

Пристающий к Роуз Скотт — образ, который выносит мне мозг — это то, что делает мое пребывание сейчас в машине, а не с моей девушкой, таким болезненным.

Еще один гудок прерывает мои мысли. Я ускоряюсь и преодолеваю небольшое расстояние, чтобы успокоить мудака в следующей за мной машине. Мой взгляд обращается к знакам съезда с шоссе, и слова размываются настолько, что я почти что не могу их прочитать. Я моргаю и пытаюсь сфокусироваться, но это практически не помогает.

Не волнуйся. Блядь, не волнуйся, Коннор.

Я начинаю ощущать последствия 36 часов без сна. Ночь — это моя ночная смена. Проекты для занятий. Деловая переписка по Кобальт Инк. Все, что угодно, что требует моего внимания. Я и раньше использовал ночное время, бодрствуя, но у меня есть правило — никогда не превышать лимит в 36 часов без сна. Нехватка сна снижает эффективность мозга.

Вот, что я получаю, отказавшись от своего лимузина. Я бы мог поспать на заднем сидении, пока бы Гиллиган вез меня в Филадельфию. Но с момента начала съемок, я решил пользоваться серебристым седаном. Может я и был окружен роскошью, но и работал тоже

упорно. А если бы меня сняли для шоу, катающимся в лимузине, то все бы сочли меня ленивым сукиным сыном.

Веки опускаются, и я ощущаю, как истощение давит на мои мышцы. Я принимаю сознательное решение свернуть на следующем съезде на парковку перед аптекой.

Вытянув свой телефон, я направляюсь в здание.

— Мне нужно, чтобы ты прописал мне Аддерол (*Препарат стимулирует центральную нервную систему за счет увеличения содержания определенных веществ в организме. Это приводит к учащению сердечного ритма, повышению кровяного давления — прим. пер.*), — говорю я в трубку. Мои мокасины стучат о плиточный пол, и сотрудник бросает на меня прищуренный взгляд. В своих черных брюках и белой рубашке на пуговицах я выгляжу более подходящим для Уолт Стрит, чем для придорожной аптеки.

— Нет, — Фредерик даже не колеблется. — И следующий раз, когда позвонишь, можешь начать с "*привет*".

Я скриплю зубами, останавливаясь перед стойкой с противоотечными препаратами. Фредерик стал моим врачом со времен развода родителей. Моя мать сказала, цитирую: *Я могу нанять кого-то, если тебе нужно поговорить*. Так что я провел недели прочесывая ряды потенциальных психиатров, в поисках того, с кем бы мог "поговорить".

Фредерик ускоренно окончил колледж, и я встретил его как раз, когда он выпускался из медицинской школы, на тот момент ему было всего двадцать четыре. В нем был этот воздух. Он жаждал знаний, и был полон страсти, которую частично потеряли другие тридцати и сорока летние врачи, с которыми я встречался. Так что я выбрал его.

На данный момент он был моим психиатром уже 12 лет. Я бы даже назвал его своим лучшим другом, но он постоянно напоминает мне, что друзей не купить. Каждый год он зарабатывает на мне кругленькую сумму, и я доплачиваю за некоторые моменты: за то, что могу позвонить ему в любое время суток, и он уделит мне свое пристальное внимание.

На последней нашей сессии мы обсуждали Скотта ван Райта, и я пытался (относительно плохо) не называть имени продюсера, словно мне снова 7 лет, и я подкалываю мальчика-задиру. Но кажется, я использовал фразу "сомнительный, тщеславный человек-бактерия", когда Фредерик спросил меня, что я думаю о Скотте.

К счастью, у психиатров есть этический долг хранить тайну пациента.

— *Привет*, Фредерик, — говорю я, стараясь сохранить тон своего голоса ровным. Он — единственный человек, кому известны мои худшие стороны. Нарушения. Неприемлемые качества. Но я стараюсь проявлять подобные слабости, как можно реже. — Ты можешь позвонить в ближайшую аптеку в Филадельфии. А я заберу их там.

— Я могу, но не стану этого делать.

Я выпускаю протяжный выдох и изучаю полки.

— Это не то время быть таким непреклонным. Я очень опаздываю.

— Во-первых, успокойся, — говорит он, и я слышу шуршание на другом конце. Может быть он перекладывает документы. Ему нравится делать заметки.

— Я спокоен, — говорю я, излучая самоуспокоение одним своим голосом, подтверждая тем самым сказанные слова.

— Ты только что употребил слово *непреклонный*, — опровергает Фредерик. — Обычно ты просто называешь меня упрямой свиньей. Есть же разница?

— Не относись ко мне снисходительно.

— Тогда ты тоже не относись ко мне таким образом, — возражает он. Нормальный врач

не должен быть таким сварливым, но я тоже не совсем нормальный пациент. — Ты помнишь нашу беседу прямо перед твоим первым годом в университете?

— У нас было много бесед, Рик, — говорю я невзначай. Мои пальцы скользят по двум различным брендам назальных средств. Я рассматриваю этикетки, проверяя состав.

— Это был разговор о Аддералле, Коннор.

Я сильнее сжимаю челюсти, так что мои молярные зубы начинают болеть. Перед учебой в колледже, я говорил Фредерику, что если когда-то приду к нему за Аддераллом, чтобы он отказал мне. Не важно по какой причине. Я хотел добиться успеха в колледже благодаря своим достоинствам. Без стимуляторов или усилителей. Я хотел доказать самому себе, что был лучше всех других, что не нуждался в гребаных таблетках, чтобы достичь высот.

— Вещи меняются.

— Ага, так и есть, — соглашается он. — Ты сейчас на первом курсе аспирантуры. У тебя есть постоянные отношения с девушкой, и твоя мать готовится передать тебе Кобальт Инк. А еще ты должен иметь дело с реалисти-шоу. Я полностью признаю, Коннор, что ты способен совмещать работу со стрессом лучше, чем 99 % населения этой планеты. Но возможно, все это невозможно пережить даже такому человеку, как ты.

Это впервые он говорит мне, что я беру на себя слишком много, но у меня попросту нет выбора. Я хочу *всё*. И если я буду достаточно усердно работать, то получу это все. Таковой всегда была моя жизнь, я отказывался верить, что может быть по-другому.

Я хватаю противоотечное средство с самой высокой дозировкой миллиграмм псевдоэфедрина и иду дальше по проходу, к стеллажам с кофеиновыми добавками.

— Согласен, это по-человечески невозможно. По крайней мере без жертвования несколькими часами сна. И прожив сегодняшний день, когда мое тело не могло использовать мозг, а глаза закрывались сами по себе, могу сказать, что у меня особо не осталось вариантов. Мне нужны стимуляторы.

— Что случилось с никогда не ведущимся на трюки студенческого братства мальчиком?

— Обвиняешь меня? Серьезно, Рик? Разве это не низко для тебя?

— Ты — тот, кто просил меня использовать любые предлоги, лишь бы отговорить тебя от этого, — говорит он. — Было в твоей жизни время, когда ты скорее бы прыгнул с моста, чем принял Аддералл. Я знаю, что все меняется, но просто подумай об этом с моей точки зрения, ладно?

Я смотрю на кофеиновые добавки, пытаюсь придумать альтернативные решения проблемы. Но ничего не приходит в голову. Чтобы иметь все, мне нужно принести что-нибудь в жертву. И это *что-нибудь* начинается со сна.

— Если ты не пропишешь мне Аддералл, то я куплю в интернете чистый эфедрин, — угрожаю я. Покупать таблетки через интернет опасно. Я могу себе представить все другие неизвестные непроверенные ингредиенты, входящие в их состав исключительно по воле случая.

Я умнее Фредерика, и ему об этом известно. Как-то давно, он принудил меня быть с ним всегда честным. Никогда им не манипулировать.

Я и не поступаю так. И по этой же причине, мои слова — не блеф.

— Что ты принимаешь прямо сейчас? — тон его голоса кардинально изменился. Он смягчился, словно с осторожностью произносит каждый слог. Фредерик обеспокоен, и я даже не спрашиваю, откуда он знает, что я хватаю с аптечной полки.

Он провел двенадцать лет в моей голове.

— Противоотечное и Энергия пяти часов, — я несу медикаменты к прилавку, и женщина фармацевт медленно их пробивает. Для покупки противоотечного средства мне нужно предъявить удостоверение личности, вместе с этой просьбой она бросает на меня долгий сердитый взгляд. Да, это немного подозрительно, покупать данные медикаменты вместе. Но, мне двадцать, блядь, четыре года. Я не ребенок.

— Это трюк, который используют подростки, чтобы кайфануть, ты осознаешь это? — говорит Фредерик по телефону, все еще стараясь убедить меня одуматься.

Я беру бумажный пакет у сотрудницы аптеки и ухожу, когда прохожу через двери, звенит дверной звонок.

— Я за рулем, — возражаю я. — Выбор прост — принять стимуляторы или стать причиной аварии. Ты хочешь иметь на своей совести четыре угробленные машины?

— Сколько ты не спал? — спрашивает он.

— С этого вопроса тебе следовало начать наш разговор, — я открываю банку с таблетками и забрасываю парочку себе в рот, запивая их глотком Энергии пяти часов.

— Начни отвечать мне прямо, или я доложу на тебя, — говорит он строго. Я закатываю глаза. У Фредерика есть свои границы, даже со мной. Я откидываюсь на сидение машины, ожидая, пока препараты подействуют, и мои веки станут не такими тяжелыми, как свинец.

— 37 часов.

— Значит, ты нарушил сегодня два своих правила.

— Я все еще не купил Аддералл.

— Нет, но ты уже принял *кое-что*.

Я не отвечаю ничего. Я жду обязательный совет Фредерика, который должен прибыть с минуты на минуту.

— Ты должен отказаться от чего-то, — говорит он мне. — И это не должно вредить твоему здоровью. Так что пересмотри вещи в своей жизни и найди среди них необязательные.

— И что же это может быть? Кобальт Инк. — это мое первородное право. Единственное стремление, которое у меня когда-либо было — получение степени MBA в Уортоне. Разве моя мечта — это необязательное?

Остается Роуз и реалити-шоу. Они взаимосвязаны. Чтобы иметь одно, нужно смириться с другим. Конечно, надобность для меня Роуз можно поставить под сомнение. Вам не нужен партнер, чтобы жить. Чтобы преуспевать. Но Роуз — не то, с чем я когда-либо готов расстаться. Необходима она мне или нет. Но она моя.

— Моя жизнь заполнена только необходимыми вещами, — говорю я Фредерику.

Следует долгое, напряженное молчание на другом конце. Я ожидаю.

Когда Фредерик наконец-то начинает говорить, его голос звучит немного угнетенно, не так спокойно, как мой.

— Я закажу Аддералл, но лекарство по рецепту отпускается только на следующий день. Можешь написать или позвонить, когда доберешься до Филли? — он, вероятно, представил себе, описанную мной, аварию четырех машин.

— Конечно.

— Ладно, здорово, — не похоже, что он в восторге.

После пары фраз, мы прощаемся. И я оцениваю свой уровень сознания. Твердые руки. Ясное зрение. Полное внимание.

Я наконец-то проснулся.

* * *

Ко тому времени когда я поднимаюсь по кирпичным ступеням таунхауса, промо ролик уже прошел. Так что я готовлю себя к тому, что меня ожидает внутри. Наихудший сценарий: Скотт соблазнил каким-то образом Роуз — его руки обнимают ее в момент слабости.

Мой адреналин уже шкалит от противоотечного коктейля. Добавьте к этому неестественный страх, и моя рука дрожит, когда я поворачиваю ручку на двери.

Как только двери открываются, мой страх дезинтегрируется в самоуверенность. Скотт и Роуз не переплетены телами на диване. Она не плачет у него на руках.

В гостиной царит полнейший беспредел. Перевернут стул. Диванные подушки валяются на древесном полу по всей комнате. Роуз держит в руках свои туфли и ударяет каблуками в Скотта, словно кинжалами. Лили и Дэйзи удерживают ее за талию и тянут назад.

Я ненавижу, что сомневался в себе и Роуз, и рад, быть уверенным на 100 %, что ничего из придуманного мной не случилось.

Я закрываю двери за собой, но никто не слышит того, что я вошел. Ло слишком занят тем, что извергает острые оскорбления, от которых у меня могут начать кровоточить уши. Роуз яростно ругается трехэтажными матами, по типу: *хуесос, сукин сын, бабник, хрен с горы, ублюдок, ничтожество*. Я слышу слово *кастрация* пять или шесть раз.

Скотт поднял руки в оборонительной позиции, его спина буквально прижимается к противоположной от телевизора стене. Но тем ни менее, на его лице играет небольшая самодовольная усмешка.

Это драма, которую затеял он.

Камеры кружатся по всей гостиной. Возле Рика, который сжимает и разжимает кулак, а другой рукой придерживает за плечо своего брата. Еще одна камера находится возле моей девушки, которая абсолютно слетела с катушек.

Все орут друг на друга.

Я же спокойно направляюсь прямиком к этому дурдому. Роуз вырывается из рук своих сестер и, пользуясь возможностью, бросается на Скотта со своими туфлями. Я становлюсь между ними, и острое ее каблука вонзается в мою грудь.

Моя челюсть напрягается, и это единственный признак того, что мне, пиздец, как больно.

Ее глаза расширяются от ужаса, и в эту секунду она роняет свои четырехдюймовые туфли, они с цоканьем ударяются об пол. А затем, ее взгляд снова становится бешеным и раздраженным. Она обвинительно указывает пальцем на Скотта.

— Он...

— Мудила? Свинья? Долбоеб?

Она упирает руки в боки и закипает. Я потираю ее плечи, и она начинает расслабляться. Но в ее глазах все еще плещет ненависть.

Мой взгляд пробегает по лицам всех друзей. Их тела начинают расслабляться, когда я смотрю на каждого по отдельности, напряжение медленно покидает мышцы их тел. Ло наконец-то закрывает рот, и Рик неосознанно разжимает кулак.

Люди верят, что у меня есть некая *магия* влияния на других. Что я могу заставить толпу разойтись, не сказав при этом ни слова. Все, что мне нужно сделать — это стоять на краю

скопления народа, и они медленно и без усилий пойдут по выбранному мною пути. Я могу успокоить неприкаянную душу, если так решу, и это только потому, что одарен какой-то глупой сверхъестественной способностью.

Моя сила в моей самоуверенности.

Это так просто.

И только потому, что люди верят, что это нечто большее — нечто великое и сверхъестественное — создается более сильное впечатление. Они хотят, чтобы я был их прочной несокрушимой крепостью.

Так что вот я.

— Дайте посмотреть ролик, — говорю я. *А затем мы уже сможем решить, заслуживает ли Скотт получить каблук прямо в глаз.*

Я поднимаю обувь Роуз, пока Лили берет пульт дистанционного управления. Роуз тянется за своими туфлями, и носочки ее ног скрипят о твердую довольно чистую древесину пола. Но для Роуз поверхность недостаточно чиста.

В ее чертах лица проступает чистейшая злоба. Я представляю, как она втыкает каблуки туфель в глаза Скотта. И как бы я его не ненавидел, но не хочу чтобы Роуз оставила парня слепым. Так что я убираю туфли подальше от нее и крепко держу их.

— Я передумал.

Она изумленно смотрит.

— Отдай их, Ричард! — она не желает расхаживать по таунхаусу босиком. Ладно. Я хватаю ее в объятия и отрываю от земли, от чего она делает резкий вдох. Но вместо того, чтобы начать со мной спорить, Роуз крепче хватается за мой бицепс. Мой взгляд опускается ей на грудь, наблюдая за тем, как та высоко поднимается и опадает, это вызывает у меня внутреннюю улыбку.

У меня есть девушка.

В моих руках. Испытывающая головокружение от одного моего прикосновения. Я мог бы оказаться в гораздо худшем положении.

Я бережно опускаю ее на диван и усаживаю в углу. Она поджимает свои ноги в сторону, от чего платье поднимается к бедрам, независимо от ее попыток натянуть его на колени. И когда уже следовало бы сосредоточиться на телевизоре, я до боли желаю увидеть свою девушку снова во *всей* красе. Изгибы ее талии, торчащие розовые соски, голая попа и широко открытый, скользящий по моему члену рот.

На секунду наши взгляды встречаются, и нам не нужно произносить даже слова. Ей и так известно, что у меня на уме. Она может видеть в моих глазах огромное желание, даже если никто больше этого не замечает. Роуз опускает взгляд на мой ремень, и мои губы сами по себе расплываются в улыбке, пока я занимаю место рядом с ней.

Я сажусь так близко, что практически слышу бешеный стук ее сердца. Наклоняясь, я беру у Лили пульт дистанционного управления, и пока я тянусь к Лил, мой рот приближается к уху Роуз. И я шепчу:

— Я планирую снова связать тебя, — я улыбаюсь Лили. — Спасибо.

Ее сестра возвращается к взгромоздившемуся на кресле Ло и садится, опираясь на его тело.

Роуз замерла, но это отнюдь не от страха. Ее бедра с силой прижимаются друг к другу, я опускаю руку на ее колени и кладу ладонь на голый участок ее ноги. Когда я включаю ТВ, Роуз передвигается ко мне поближе и наклоняет голову к моему плечу, пытаюсь

расслабиться, но я-то знаю, что она представляет мой ремень, свои запястья и нашу постель.

Я хочу сделать ее настолько влажной, чтобы она умоляла меня, чтобы мое имя было единственным, что было у нее в голове и на языке. Я хочу слышать ее дикие крики от сумасшедшего экстаза. Хочу, чтобы она увидела, насколько идеально мы подходим друг другу — разумом, телом и душой. И на этот раз не понадобятся никакие слова. Просто действия.

— Тебе нужно перемотать, — говорит мне Роуз. Она пытается дотянуться до пульта, но я убираю его подальше от ее рук.

Она смотрит на меня.

— Vous devez toujours avoir le control, — *Ты всегда должен все контролировать.*

Я пытаюсь сдержаться от рвущейся на поверхность усмешки.

— Vous aimez quand j'ai le control, — *Ты любишь, когда я все контролирую.*

Ее губы напрягаются, но она продолжает смотреть на меня так же внимательно, как и я на нее.

— C'est encore à prouver, — *Это еще нужно доказать.*

Я поглаживаю шелковистость кожи на ее ноге.

— Ne t'inquiètes pas. Bientot ça sera un fait, — *Не переживай. Вскоре я сделаю это неоспоримым фактом.*

— Эй, — перебивает нас Рик. — На хрен французский.

— Ага, — говорит Ло, — Лили хочет слышать ваши грязные фразочки друг другу на английском, — он посылает улыбку своей девушке.

А она становится свекольно-красной от его взгляда и замечания.

— Ты не должен был говорить им это, — шепчет она недостаточно тихо, так что все в комнате ее слышат. Но кажется, что она даже не догадывается об этом. — Это был секрет.

— Ау, любимая, он был слишком хорош, чтобы скрывать его в тайне, — Ло целует ее в губы и в это же время смотрит в объектив камеры, а руками проскальзывает под ее майку, под которой, кажется, даже нет лифчика. Не то чтобы у Лил там сильно выпирало. У Роуз груди побольше, чем у ее сестер, более округлая попка и бедра. Я мог бы смотреть на нее хоть весь день, и у меня не возникало бы проблем со стояком.

Я перематываю видео на начало и нажимаю проигрывание. Все резко стихает, как только начинается реклама реалити-шоу с изображения всех нас на фоне большого белого задника. Это видео мы недавно сняли в студии в Филли.

Нам сказали вести себя естественно, пока вокруг сновали камеры, и после 30 минут, в течение которых нас игнорировали гримеры и осветители, мы все влились в свои роли. Не нужно было ничего делать. Все было по-настоящему, даже для меня.

Промо-ролик начинается с демонстрации нас семерых, Скотт стоит в самом конце. Кадры сменяются на крупный план, начиная со стоящего справа.

Это Дэйзи, она стоит на руках, так что ее белая футболка задирается, открывая плоский живот и зеленый кружевной бюстгальтер. Она высовывает язык и игриво улыбается. Прямо на ее груди появляется надпись.

Сорвиголова .

*В это время Рик толкает сзади ее ноги, и она падет, смеясь. На его груди прокручивается еще одно слово: **Мудак .***

Так они именуют нас.

Мысли стихают, когда кадры быстро сменяются.

Следующие в очереди Ло и Лили. Он обнимает ее и целует в губы, голодно и страстно, с настолько неистовым желанием, что на это практически неудобно смотреть. Это слишком личное и интимное.

*В этот же момент слова **Сексуально-зависимая** и **Алкоголик** появляются поверх их тел.*

А затем доходит до меня, Роуз и Скотта. Роуз слегка отводит сердитый взгляд, ее глаза горят — это ее нормальное состояние. Но она поворачивается ко мне, и наши тела притягиваются друг к другу с магической силой, и в ту секунду, когда я наклоняюсь и шепчу ей что-то на ушко, ее лицо разглаживается, начинает светиться.

Я даже не могу вспомнить, что сказал. Я мог не согласиться с одной из ее любимых феминисток или мог сказать ей, что у нее красивые волосы.

На видео она толкает мою руку. Дважды. Ожидая, что я рассержусь. Она желает спровоцировать меня.

Но я просто усмехаюсь.

*Слово **Умник** быстро зажигается поверх моего тела на экране.*

На диване же я сижу и сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, боясь, что никто не поймет. Но мне кажется это все чертовски забавным. А как они собираются назвать Скотта? Бабником? Нет, это чересчур ласково. Может что-то вроде Продюсер Подонок Ублюдок (и еще Лжец).

На видео рядом с Роуз стоит Скотт, его взгляд опускается ей на грудь.

Я не заметил этого раньше, сейчас же все веселье, которое я ощущал секунду тому назад, испаряется. Как я мог не заметить этого? А еще я не заметил реакцию Роуз...

Она бросает на Скотта быстрый взгляд. Достаточное количество внимания, чтобы Скотт наклонил свою голову и вздохнул.

Прошу вас, что за хрень..

*И затем появляется его подпись. **Сердцеед**.*

У меня приступ смеха. Это пятый уровень нелепости. Итак, он — белый рыцарь, скачущий к башне Роуз. Герой. И я уверен, что он же и запер ее там. Это неправильно. Но нет необходимости все менять — я не герой.

Я — король моей королевы Роуз.

И затем объектив обращается к Роуз, медленно приближая на передний план ее лицо, пока мы со Скоттом смотрим на нее — вырисовывается любовный треугольник, которого

так хотел Скотт.

Подпись Роуз всплывает большими белыми буквами поверх ее груди.

Девственница .

Я хмурюсь. Почему это так расстроило ее? С 14 лет она никогда не стыдилась этого факта. Она всегда хотела, чтобы другие женщины не чувствовали себя *обязанными* потерять свою девственность к 20 годам, не хотела, чтобы кто-то считал, что закончить колледж будучи девственницей позорно. Она гордилась тем, что ждала. Стыдиться этого сейчас не имеет никакого смысла. Разве что, ее больше расстроили надписи над другими ребятами.

Это кажется более правдоподобным.

Ролик заканчивается логотипом Принцесс Филли и лозунгом:

Узнайте сестер Кэллоуэй изнутри в феврале этого года .

Довольно коротко. Всего тридцать секунд. Но этого достаточно, чтобы возродить негативные эмоции. Так что я спокойно встаю, прежде чем кто-то снова начнет кричать.

Лили ерзает на коленях Лорена и говорит:

— Я единственная, кто считает этот лозунг пошлым, да?

Она абсолютно серьезна. И это немного поднимает всем настроение.

Ло кивает Роуз.

— Прикольно то, что ты отшиваешь обоих парней, будучи при этом двадцати трех летней девственницей.

— Это не проблема, — говорит она. Я знаю ее хорошо. Ее взгляд встречается с моим, когда я становлюсь перед телевизором, висящим над камином. — *Он* предвзято отнесся ко всем нам, навесив на нас бирки с *одним* лишь словом, словно мы посмешище, — она боится выглядеть, как дура. Но люди и так относятся предвзято к сестрам Кэллоуэй, сплетничая о них в интернет блогах в течение последних нескольких месяцев. Так что это особо ничего не меняет.

— И что? — говорю я ей.

Ее рот приоткрывается. Она думала, что я займу ее сторону. Когда она неправа, я не боюсь ей об этом сказать.

— Люди и так навешивают на тебя ярлык в момент знакомства, — говорю я ей. — Ты — ледяная холодная сучка. А ты — ненавидящий недотрог, богатый самодовольный мальчишка. Они лишь сказали долю правды, и если вы позволяете этому досаждать вам, то автоматически позволяете им выиграть.

Все оседают. Никто не желает соответствовать чужим стереотипам, и думаю, ребята начинают поминать, что если будут реагировать столь истерично, то тем самым создадут себе двухмерный образ, а это именно то, к чему стремится Скотт. Им всем отлично известно каково это, когда тебя воспринимают как "богатого ребенка сноба". Этот образ обидел многих из моих друзей.

Губы Роуз сжимаются в линию, а лицо выражает открытую ненависть. Это все еще гложет ее. Я почти сожалею, что упомянул ее в своих объяснениях.

— Ты — самонадеянный мудака, — говорит она мне.

— Ты любишь меня.

Она качает головой, но уголки ее губ приподнимаются вверх.

— Перестань.

— Перестать что?

— Быть правым, — она рычит и обиженно откидывается на спинку дивана. — Мне ненавистно то, что мы все так расстроились из-за этого, а тут пришел ты, сказал несколько слов, и все снова встало на свои места.

Ло встает, держа Лили на руках.

— У него дар.

— Данный *мною* самому себе, — говорю я. Я забыл о том, что в комнате есть камеры, пока не услышал, как Саванна наводит ракурс на меня, в то время, как камера Бретта сфокусирована на Скотте. Блондинчик продюсер так и стоит возле стены, наблюдая за нами.

Я пришел и сделал именно то, чего он так не желал.

Я успокоил каждого чертового человека.

Мне удалось прихлопнуть его ладью и слона и защитить свою королеву.

Своим поведением я говорю: *Не доебывайся ко мне*. Это пять человек значат для меня больше, чем могут выразить любые слова. Я никогда не чувствовал, что у меня была *настоящая* семья.

Но с ними я знаю, что делать.

ГЛАВА 17

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Мои родители сняли в аренду лофт шикарного отеля в Нью-Йорке, в комплекте с 30 широкоэкранными плазмами, закусками и двумя сотнями своих самых близких друзей. Они называли это вечеринкой по случаю показа первого эпизода.

Я же называю это кошмаром.

Давайте все проясним. Это *реалити*-шоу. Мы не выглядим похожими на чопорных, порядочных женщин Филадельфии. Я объясняла это матери, но она попросту отмахнулась.

— Я знаю, что такое реалити-шоу, Роуз, — сказала она. — Но таким образом мы будем смеяться с вами, а не над вами.

Я не уверена, что лучше.

4 месяца и 25 дней до свадьбы. — мама.

Я засовываю телефон в сумочку и хватаю бокал шампанского у ближайшей официантки, которая одета в плиссированное черное платье с надписью Кэллоуэй Кутюр. Еще одна причина, по которой мы пригласили сюда больше сотни людей, пристально наблюдающих за нашими действиями — у них есть толстые чековые книжки. Они могут захотеть инвестировать или купить одежду, которую мы с Лили и Дэйзи носим на шоу.

Я в миллионный раз прокручиваю интернет страницы в телефоне, проверяя сайт Кэллоуэй Кутюр. Не дай бог ему навернуться во время шоу. Вот это было бы везение.

На большом плоском экране в передней части комнаты идет обратный отсчет времени до начала шоу. 10 минут. *10 гребаных минут.*

Где, мать его, Коннор?

Моя нервозность достигла нового уровня, но я сдерживаюсь, чтобы не достать телефон и не проверить сайт еще раз.

Обведя толпу быстрым взглядом, я замечаю Лорена и Лили, они стоят в стороне, возле посаженного в горшок большого растения. Это их первое событие семьи Кэллоуэй с того времени, как сексуальная зависимость Лили стала достоянием общественности. Половина людей в комнате бросает в их сторону любопытствующие, предубежденные взгляды. Другая половина сплетничает шепотом.

Лили и Лорен выглядят, словно им неудобно: они переминаются с ноги на ногу и избегают зрительного контакта. Ло обнимает Лили за плечи, успокаивающе касаясь и разворачивая ее тело каждый раз, когда камера слишком приближается.

Сегодня здесь работают 12 операторов. Только для того, чтобы каждое мгновение было запечатлено.

Я хочу подойти к Лили и оказать ей моральную поддержку, но едва делаю шаг, как к ним подходит Рик. Он протягивает Лорену банку содовой Физзли, а Лили тарелку со шведскими фрикадельками. Чтобы Рик там не говорил им, но Ло улыбается впервые за весь вечер.

Два года назад Ло и Лили стояли бы несчастные в углу. Зависимые и безвольные. Несколько месяцев назад никто не смог бы уговорить мою сестру покинуть дом, по причине давления сплетен и насмешек.

Сейчас же они здесь.

Улыбаются.

Обычно я не сентиментальна. Но наблюдать, как моя сестра прошла путь от сломленной рухляди до половины нормального состояния, невероятно трогательно.

Легче родиться сильным, чем найти в себе силу, которой, как ты думала, никогда не существовало. Поэтому я считаю, что у Лили больше мужества и отваги, чем когда-либо было у меня.

Мой взгляд задерживается на них, а затем снова начинает бегать в поисках Коннора. Сначала я нахожу Дэйзи, она развлекает нашу маму, кивая по несколько раз головой. В то время как Лорен ворует фрикадельки с тарелки Лили, Рик наблюдает за Дэйзи в другом конце комнаты, его улыбка угасает, а черты лица приобретают признаки беспокойства.

Никому из парней не нравится, когда мы с сестрами слишком долго находимся в обществе нашей матери. Мне правда не хочется, чтобы Дэйзи была с ней рядом больше часа или двух. Мама способна высосать из человека энергию досуха, все дело в ее резком и всепоглощающем характере. К этому невозможно привыкнуть, но все же постоянно приходится иметь дело.

Когда я наконец замечаю Коннора, то все остальное уходит на задний план, теплые (как правило чуждые мне) чувства сменяются на раздражение.

Я наблюдаю, как Коннор приветствует более молодого парня, притягивая его к своей груди и похлопывая по спине в типичных братских объятиях. Это *так* не типично для настоящего Коннора Кобальта, которого я знаю и люблю.

Мои каблуки громко стучат о мраморный пол, когда я, высоко задрав подбородок, иду к нему навстречу. Я выпиваю залпом остатки шампанского в своем бокале и ставлю пустое стекло на поднос прежде, чем подхожу к нему.

— Ричард, — говорю я, бросая на него пылающий взгляд. Меня не волнует, выгляжу ли я в данный момент как сука. Это не важно. Я та, кто я есть. Почему он не может позволить людям увидеть настоящего себя? Кого волнует, что он может кому-то не понравиться?

— Ах, вот ты где, детка, — говорит Коннор, обнимая меня за талию и притягивая к себе. Он кивает своему другу. — Патрик, ты знаком с Роуз, верно?

— Нас никогда официально не представляли, — говорит Патрик. Он протягивает руку. — Патрик Ньюбелл.

Я нежимаю ее.

— Как в Выпечке Ньюбелл?

В этом есть смысл. Коннор никогда и ни с кем не треплется попусту. У него должна быть причина, чтобы уделить вам свое время. Деньги и престиж — два важных фактора. Ньюбелл расположен прямо за Крафт (Орео) и Киблер (*всемирно известные торговые марки печенья, выпечки и сладостей — прим. пер.*) на рыночной площади. Однако выпечка Ньюбелл более органическая и менее аппетитная.

Патрик смеется и опускает свою руку, осознавая, что я не собираюсь ее пожимать. Он не кажется оскорбленным. Может быть, он слышал о моей репутации. В этих социальных кругах меня часто называют снежной королевой.

— Ага, это компания моего пра-прадедушки, — объясняет он. — Тебе вероятно известно, каково это. Люди постоянно спрашивают у тебя, какой из напитков Физзли тебе больше всего нравится. Ну, я предполагаю, что *ты предпочитаешь нугу или корицу*.

Я стою молча, и это дает Коннору возможность сказать:

— Безусловно, мужик, — он кивает так, словно восхищается этой нугово/коричной беседой.

Конечно, я наверное, могла бы относиться к Патрику с определенным уровнем уважения, но сейчас не время, чтобы налаживать связи. У меня есть... — я проверяю часы — четыре минуты до начала эфира шоу. И мне нужны ободряющие слова. Предпочтительно от Коннора Кобальта, а не от уёбища, которым он сейчас притворяется.

— Можешь дать нам минутку, Патрик? — спрашиваю я.

— Ага, конечно, — он уходит в толпу, вероятно на поиски кого-то моложе, чем он сам.

Когда я поворачиваюсь к Коннору, его глаза пробегают по мне.

— Это не доставляет мне удовольствия так же, как и тебе, — говорит он сразу же. — Поверь мне, я должен использовать слова "убийца" и "чувак" в одном гребаном предложении.

— Ты не *должен* ничего делать, — отвечаю я. — Даже называть меня *деткой*, серьезно, — я ударяю его по предплечью. — И ты заключил его в эти ваши братские объятия, Коннор. Кто ты? — я не даю ему времени на ответ, потому что знаю, что это будет чем-то безумно раздражающим. — И что же ты делаешь с Выпечкой Ньюбелл? Хочешь с ними сотрудничать? Это выглядит немного фантастично. Положите магниты в печенье, и всех стошнит.

Я заканчиваю свою тираду, и он смеется надо мной по полной. Но на этот раз все иначе.

Его улыбка, будто говорит мне, что каждое сказанное мною слово было особенным. Словно оно принадлежало ему и мне.

— Что? — кричу я, но мой голос смолкает, когда я вижу взгляд, говорящий, что все, о чем мне нужно думать — это он.

Коннор переплетает наши пальцы и притягивает меня к своей груди:

— Ничего, дорогая, — его теплое дыхание касается моего уха, когда он наклоняется ближе. — Ты выглядишь роскошно в этом платье. Оно твое?

Оно твое? Он спрашивает о том, я ли разработала его. Я киваю.

Коннор убирает мои волосы от лица, перекидывая их через плечо, и я шумно втягиваю воздух. Его пальцы пробегают по черной ткани с шипами на воротнике и легонько скользят по голой коже шеи.

— Оно так роскошно, что... — говорит он, — я с величайшим удовольствием собираюсь снять его сегодня ночью с тебя, — Коннор целует меня в щеку, и я оглядываюсь, пробегая взглядом по лицам собравшихся, и вспоминая, что мы на публике.

С сотнями других людей.

Мои эмоции внезапно успокаиваются, и когда Коннор сжимает мою руку, я понимаю почему.

Ло прав. У Коннора есть дар.

На экране идет обратный отсчет десяти последних секунд.

Десять секунд.

Это все, что осталось, чтобы понять, потерпит ли это шоу неудачу.

Десять дурацких секунд.

* * *

Ролик длится тридцать минут, и все выглядит не слишком хорошо.

Я стою рядом с Лили, которая прикрывает рукой глаза, время от времени подглядывая, пока мы наблюдаем за тем, как поезд нашей жизни терпит крушение. Шестеро из нас

собрались в знак солидарности возле чертового растения в горшке, ожидая окончания этого шоу. Скотт предпочел стоять возле моих родителей, нашептывая что-то моей матери, а она над этим искренне смеется.

Взгляд Коннора маячит между экраном, моими родителями и Скоттом. Могу сказать, что Коннор хотел бы встрять в их разговор и разбить вдребезги все уловки Скотта, подружиться с моими мамой и папой, но он стоит здесь. Со мной. И я ценю это больше, чем он думает.

Мы уже наблюдали сюжет о визите медиума, и затем я пережила пятиминутный ролик, в котором Дэйзи вытворяла трюки, едя на заднем колесе своего Ducati. Она разогнала мотоцикл слишком сильно, а затем соскользнула со спинки сидения и свалилась с него. Но вместо того, чтобы заорать или расплакаться, она подняла свой уехавший без нее мотоцикл и попробовала снова.

После увиденного, наша мать выглядела готовой броситься к нам и отругать Дэйзи на глазах у всех. Единственное, что ее остановило — две сотни зрителей.

Я допиваю второй бокал шампанского и хватаю еще один до того, как официантка успевает отойти. Сегмент с интервью — самая интересная часть шоу *Принцессы Филли*. Никто из нас не видел метраж с другими участниками. Скотт проводил эти интервью в кабинете, где книги создавали дополнительную звукоизоляцию; он стоял за спиной Саванны и задавал вопросы. Он просто диктовал их оператору, а она уже задавала их вслух, так чтобы на видео не был записан его голос. Не дай Бог, кто-нибудь узнает, что он дирижирует этим шоу.

*— Лили и Ло еб**ся много, — говорит Рик, каждое матерное слово соответствует пищащему звуку. Он сидит в коричневом кожаном кресле. — Если бы нам нужно было дать оценку по мере того, у кого больше всего секса, то первое место занял бы мой брат, затем его девушка, далее, наверное, Коннор и его рука.*

Рядом со мной Коннор усмехается и потягивает свое вино, находя комментарии Рика более забавными, чем они кажутся мне.

Взгляд Рика обращается к открывающейся двери.

Внутрь заглядывает Дэйзи, а затем и вовсе заходит в кабинет.

— Ты мне нужен на пару секунд, — говорит она. — О чем был последний вопрос? Если это важно, то я могу зайти за тобой попозже.

Рик встает.

— Нет, все в порядке.

Мне не нравится то, на что намекает это видео. Зачем это вообще показали?

Мы слышим голос Саванны, но не видим ее.

— Он оценивал людей, предполагая, у кого в доме больше всего секса. А как бы ты оценила всех ребят? — спрашивает Саванна.

Лицо Дэйзи светится, и она улыбается.

— Не спрашивай ее, — говорит Рик.

— Лили и Ло, — игнорирует его Дэйзи, игриво усмехаясь. Она подпрыгивает так,

*словно перепила кофеина. — Они тра*ются реально много.*

Рик закатывает глаза.

Стоя возле комнатного растения, Дэйзи извиняется перед Лили:

— Мне очень жаль, — а затем ее взгляд начинает бегать между Риком и Ло. —

Пожалуйста, не расстраивайся, — по большей части она обращается к Ло.

Ло поворачивается к брату и просто сердито смотрит на него.

— Сколько оттенков неуместного мы сегодня увидим?

— Пятьдесят, — шутит Рик, и его губы растягиваются в улыбку, мы все начинаем хохотать, не обращая внимания на продолжающуюся трансляцию шоу. Люди смотрят на нас, словно они пропустили что-то на экране. Но они ничего не пропустили. Просто лучше смеяться над моментами нашей жизни, чем искать негатив.

— А кто дальше? — спрашивает Саванна Дэйзи.

Рик смотрит на Дэйзи сердито.

— Не отвечай ей.

— Ты же ответил.

— Я не заходил так далеко.

Дэйзи усмехается так, словно рада быть первой, кто поведает миру сию информацию. Она разворачивается и смотрит прямо на зрителей (в камеру), а Рик обхватывает ее вокруг талии, останавливая. Но Дэйзи все равно говорит:

— Я точно поимела больше задниц, чем Рик Мэдоуз.

Она смеется, пока Рик пытается оттянуть ее от камеры.

— Она не имела больше задниц, чем я, — говорит он. Он пытается притянуть ее в объятия и отвернуть от камеры. Но Дэйзи снова быстро отворачивается и упирается руками в его грудь.

— О, правда? У меня есть парень. А у тебя что есть?

— Упаковка презервативов и оху*нный чл*н.

Толпа начинает громко обсуждать этот момент. А убийственный взгляд Лорена метает в брата кинжалы. Рик же просто качает головой.

Коннор не может перестать смеяться.

Дэйзи пытается бороться с Риком и от этого ее футболка задирается до талии, открывая взору фиолетовый синяк на бедре. Рик удивленно смотрит на нее, и Дэйзи замирает, глядя на то, как напрягаются его мышцы.

— Ладно, — говорит она быстро. — Идем, ты мне нужен на улице.

Мы все поворачиваемся к Дэйзи, которая опустилась на корточки и закрывшись ото всех, пишет сообщения. Она сознательно нас игнорирует. И я задаюсь вопросом...

Когда я давала Дэйзи перечный спрей, казалось, что у них с Риком есть секрет. Я абсолютно об этом забыла и поэтому никогда не донимала их этим, выпытывая информацию. Но сейчас, думаю, что собираюсь получить пару ответов. И никакая работа не остановит меня от допроса с пристрастием. С такой точки зрения, у шоу есть еще один плюс. Кто бы мог подумать?

— Эй, — Ло подталкивает Дэйзи в спину своей ногой. — Что, блядь, происходит?

— Об этом позаботились, — говорит она уклончиво, при этом не отрываясь от своего телефона.

Ло смотрит на Рика.

— Почему ты ничего не сказал?

— Просто, нахрен, смотри, — говорит Рик. — Сейчас это не имеет значения. Они выпустили это в эфир.

Коннор потягивает свое вино.

— Очевидно, что вы надеялись на обратное.

— На самом деле часть меня реально на это надеялась. Но я защищал того... — Рик наклоняется к своему брату и указывает на Лили, чья голова покоится на плече Ло. — Так что дай мне чертов перерыв.

— Что? Я? — Лили смущенно тычет пальцем себе в грудь. — Я в порядке, — но ее голос слаб. Ей сегодня пришлось увидеть собственные страстные объятия и поцелуи с Ло, и все мы пылко спорили в течение трех минут о том, имело ли это видео порнографический характер или не совсем, разрешено ли Лили его вообще смотреть.

А затем Дэйзи призналась, что тоже посматривает порно, и тем самым уберегла Лили от самобичевания и стыда. Ло же кривлялся, делая вид, словно кто-то всадил ему в уши нож для колки льда.

Я сразу же возвращаюсь к просмотру шоу, как только слышу восклицание своей сестры:

— Он бросил в меня кое-что.

Рик тяжело дышит.

*— Это похоже на то, что он бл*н тебя схватил.*

Она останавливается.

— Ты можешь выйти за двери, пожалуйста, и я объясню.

Пока Рик следует за Дэйзи к гостиной, а дальше к входной двери, его плечи напряжены. Выйдя на улицу, они направляются к припаркованному Ducati Дэйзи. Передняя фара и задний фонарь разбиты. Руль изогнут и покорежен.

*— Что за нах*й? Твою еб***ю мать, кусок пиз**** ***** ты издеваешься надо мною? — Рик сердито смотрит. — Кто, бл*дь, это сделал?*

*— Какой-то мудила в центре города. Я вышла от Лаки, а он бил мой мотоцикл своим ботинком. Он сказал, цитирую: "Убирайтесь отсюда, вы испортили Филли в пи*ду."*

Рика передергивает от одного матерного слова, которое лично я никогда не слышала, чтобы он употреблял.

— Это был не твой парень?

— Нет, — говорит она. — Он бы не обидел меня. Я просто... я пыталась забрать свой мотоцикл у этого мудака, и у нас получилось небольшое столкновение, результатом которого и стал этот синяк. Ничего серьезного. Я просто рада, что папарацци не засняли это.

Лили изумленно ахает.

— Они так сердиты на нас за то, что мы снимаем это шоу? — страх появляется в ее глазах. Если местные ребята из Филли сделали такое Дэйзи, то хрен его знает, что они собираются сделать моей младшей сестре, которая по словам всех национальных новостей

сексуально-зависимая.

Я раньше вообще не задумывалась о возможности подобного негатива по отношению к нам.

— Все было не так плохо, — говорит Дэйзи нам обоим.

Но напряженная челюсть Рика свидетельствует об обратном. Как на видео, так и рядом с нами.

Рик проверяет повреждения на мотоцикле, качая головой снова и снова.

— Нам нужно выдвинуть обвинения.

— Я не знаю его имени.

— Но ты можешь описать его полиции.

Она молчит.

— Этот хр*н напал на тебя, Дэйзи. Ему не должно сойти с рук это де**мо.

— Я не хочу вызвать еще больше проблем, правда. Давай просто об этом забудем.

— Ты хочешь, чтобы я, бл*дь, забыл об этом? — его взгляд опускается на ее талию, туда, где он видел синяк. А затем Рик встает и пытается приподнять футболку Дэйзи.

Коннор давится вином. На полнейшем автомате, я тру его спину. Я правда хочу треснуть Рика по голове, но сдерживаюсь, очевидно, что Рик не может чего-то сделать.

— Я оказал тебе слишком большое доверие, — говорит ему Коннор. — Думал, ты достаточно умен, чтобы не творить подобного перед камерой.

— Перед камерой? — вставляет Ло. — Как насчет того, чтобы вообще такого не творить?

Дэйзи машет нам рукой, все еще сидя на корточках и набирая смски.

— Я прямо здесь, ребята.

Рик раскидывает в стороны руки.

— Чего вы от меня хотите? Она просто сказала, что сцепилась с каким-то чертовски злым идиотом на улице, Дэйзи не говорила мне, насколько хреново все было.

— Кстати, это не было так уж хреново.

— Это было охренеть как хреново, Дэйзи. — Рик смотрит на нее. — Весь твой бок был поврежден.

— Что значит *поврежден*? — спрашиваю я с беспокойством. — Тебе нужно к доктору, Дэйзи?

— Я уже была у врача, — говорит она. — Я в порядке. Нет никакого внутреннего кровотечения...

— Я тебя придушу, — говорю я Рiku. Я делаю к нему шаг, но Коннор хватает меня за руку и притягивает к своей груди. Моей сестре было *так* больно, а никто даже не подумал сообщить мне об этом?!

— Почему ты, блядь, на меня орешь? — кричит Рик. — Я — не тот, кто толкнул ее на землю.

— Ты должен был мне сказать!

— Дэйзи не хотела, чтобы ты знала, — отвечает Рик. — Разве это так сложно понять? Ты реагируешь, словно обезумевшая истеричка, Роуз. Ты прямо сейчас так нервничаешь, что практически задыхаешься.

Это не так.

Но затем я понимаю, что моя грудь вздымается и опадает в странном, неровном ритме. Ладно, может я и ненормальная. Но мне ненавистно то, что Дэйзи ранили, и это целенаправленно удерживали от меня в секрете. Я должна была помнить, что они скрывают от меня что-то в тайне. Мне следовало быть рядом с ней, когда она ходила к доктору. Это — моя вина. Если бы не это реалити-шоу, Дэйзи бы не наткнулась на этого враждебно настроенного парня, не разгуливала бы без своего телохранителя.

— Ты ходила к врачу одна? — спрашиваю я у Дэйзи.

— С Риком.

По крайней мере она была не одна. Но Ло смотрит на Рика так, словно считает, что это не совсем хорошая замена. Однако, он лучше, чем никто.

Я снова бросаю взгляд на экран.

Рик и Дэйзи перестают бороться друг с другом. Он удерживает ее руки, а она смотрит в его карие глаза.

— Я в порядке, — говорит она.

— Чем больше ты об этом говоришь, Кэллоуэй, тем меньше я тебе верю. Что он сделал, бросил тело сто двадцати фунтовой девушки на чер**ву землю?

— Нет, мы боролись. В грязи. Там также была группа поддержки.

— Заткнись, бл*н.

Она усмехается.

— Было забавно.

— Тебя ранили, и это крайне не забавно, самая незабавная вещь, на всем еб***м свете.

— А это наибольшее преувеличение, которое мне доводилось слышать.

Они просто смотрят друг на друга в течение трех долгих секунд. Рик пытается развеять напряженную атмосферу, отворачиваясь в сторону первым. Он говорит:

— Я отвезу твой мотоцикл в магазин. Можешь взять мой, если тебе нужно будет поехать на съемки.

Люди снова бормочут что-то, и грудина матери выпирает, когда она делает вдох; ее тело слишком тощее. В связи со скандалом она стала есть все меньше и меньше. У нее не занимает много времени, чтобы отыскать в толпе мишень для своего полного ненависти взгляда — Рика. Прямое попадание.

— Мама Кэллоуэй собирается надрать твою задницу, — говорит ему Ло. Он сильно ударяет его по спине и сжимает плечо. — Удачи, братан, — Лорен улыбается.

— Ты наслаждаешься моими непростым положением чертовски сильно.

— Это делает мою жизнь более яркой и насыщенной.

На экране начинается рекламная пауза, и я удивлена тем, что мама находит в себе силы оставаться на месте. Она могла наброситься на нас за допущенные ошибки и тупость, прочитать нам нотацию, что и как нужно делать. Но вместо этого мама улыбается и машет своим светским друзьям из высшего общества, при этом абсолютно не выказывая стыда за своих дочерей. Она либо первоклассная актриса, либо научилась игнорировать нашу недостойную натуру.

Мне бы очень хотелось думать о маме лучше, но люди не меняются так быстро, особенно если это касается упрямых женщин среднего возраста, глубоко убежденных в своей правоте.

Но возможно, это реалити-шоу поможет ей простить и принять нас, а не ненавидеть.

К тому времени, как реклама заканчивается, моя голова кружится от бесконечного жужжания окружающих нас голосов. Я хватаю еще один бокал шампанского, и Коннор становится у меня за спиной, обнимая за талию. Он откидывает мои волосы через одно плечо так, что прохлада касается голой кожи шеи.

Мы оба вдруг отвлекаемся на видео на экране — это момент, в котором Лили была одна дома.

Она ерзает на кожаном диване. Лили подтягивает под себя ноги и страдальчески морщит лоб. Ее руку начинает опускаться к джинсам. Но она одергивает их практически мгновенно, при этом ее щеки заливаются румянцем. Лили смотрит вокруг, проверяя, видит ли ее еще кто-то. И когда ее взгляд встречается с камерой, глядя прямо на нас, она прижимает подушку к своему лицу, скрывая унижение.

Но на этом все не заканчивается. В связи с посещением ею онлайн-занятий, ей снова возобновили доступ в интернет. И все мы надеялись, что Лил воздержится от посещения грязных сайтов.

Она лежит на диване, с ноутбуком на коленях. Оглянувшись через плечо, она моментально закрывает компьютер, борясь со своей опасной навязчивой манией. Ее руки опускаются к джинсам, но остаются поверх ткани, касаясь места между ее ног.

— Как они могут показывать это в прямом эфире? — спрашиваю я сердито.

— Родительский Комитет по вопросам Телевиденья завтра на это пожалуется, — говорит спокойно Коннор. — Просто дай им время.

Родительский Комитет по вопросам Телевиденья — я уверена, что они будут махать вилами в сторону соц. сетей и продюсеров, но это будет лишь дополнительным информационным поводом для развлекательных новостей и блогов, в результате еще больше людей увидят данное видео.

Лили закрывает руками свои глаза, а Ло наклоняется, касаясь губами ее уха и нашептывая ей что-то очень быстро, пока по ее щекам катятся безмолвные слезы.

Ролик продолжает транслироваться в быстрой последовательности.

Лили бессознательно трется о стул на кухне. Когда она осознает собственные действия, то краснеет.

Лили трется об угол кухонной столешницы.

Руки Лили скользят вниз по телу к молнии брюк, и так трижды в разные дни и в различных обстановках. Но она всегда останавливает себя прежде, чем зайдет слишком далеко.

Меня не смущают подобные вещи, но я ощущаю, как присутствующие на вечеринке люди бросают на Лили довольно странные взгляды. Я практически чувствую, как моя сестра сжимается, при этом даже не глядя на нее.

Лили поворачивается к груди Ло и хватается за его черный свитер. Она пытается опустить свою голову так, чтобы скрыть свое лицо, буквально притягивая к себе ткань.

— Я не хочу, чтобы меня видели, — говорит она. — Не заставляй меня смотреть на них, Ло.

Лорен касается ее волос.

— Оставайся в таком положении столько, сколько пожелаешь, любимая, — когда он поднимает глаза, то бросает устрашающий взгляд каждому в комнате, кто в данный момент смотрит на них. Его взгляд не похож на мой или Рика. Его взгляд заставляет вас опасаться, словно Ло сейчас вытащит бензопилу и поубивает ваши гребанные семьи. Это взгляд садиста, говорящий "*мне нечего терять*", думаю, Ло научился ему у своего отца.

К счастью, этого взгляда достаточно, чтобы все любопытствующие вернули свое внимание к экрану.

Видео сменилось, сейчас идет трансляция интервью с Дэйзи, Лили и мной. Я помню что вопросы были на тему секса. Ничего удивительного. Лили — секс-зависимая, ее жизнь привлекает зрителей больше всего в этом шоу *Принцесс Филли*.

Поскольку интервью бралось у каждого по-отдельности, то после вопроса следует нарезка наших ответов.

— *Кто из знаменитостей тебя привлекает?* — спрашивает Саванна.

Дэйзи широко улыбается.

— *Джеймс Дин.*

Мои глаза прожигают дыру в объективе камеры.

— *Одри Хепберн.*

Лили погружается в себя.

— *Гммм...* — она краснеет. — *Лорен Хейл.*

Ло смеется и смотрит на Лили, которая все еще прячется в его свитере.

— Правильный ответ, любимая.

Она шмыгает носом и обнимает его за талию, пряча руки под его одеждой.

— *Ты читала Пятьдесят Оттенков Серого?*

— *Ага,* — говорит Дэйзи, — *одной рукой,* — она хитро изгибает брови.

Я говорю:

— *Каждый патриархально настроенный ху*с*с, который заставляет женщину стыдиться прочтения этой книги, должен получить по лицу своим же...*

Лили краснее.

— *Гммм...*

— *Сверху или снизу?*

— *Моя мать убьет меня,* — говорит Дэйзи. — *Оба варианта. Прости мама!*

Люди на вечеринке смеются, и даже мама немного улыбается. Думаю, мы все забываем, какая еще молодая Дэйзи, потому что она выглядит более зрело, нежели Лили... и она однозначно вызывает симпатию.

Но каждый раз, когда видео переключается на мои ответы, я выгляжу по сравнению с ней королевой сучек.

— *Я — девственница,* — говорю я. — *Зачем задавать мне такой глупый вопрос?*

— Гмм... — глаза Лили расширяются.

— Задняя дверь или передняя?

— Ни один чл*н не был рядом с моим ан*с*м, простите, — Дэйзи пожимает плечами после своего грубого ответа.

Ло бросает на нее взгляд.

— Ты проводишь слишком много времени с моим братом.

Она просто смеется.

Я наклоняю голову в сторону:

— Серьезно?

— Гмм... — глаза Лили становятся больше после каждого следующего вопроса.

— Что ты носишь в постели?

— Я сплю голой, — отвечает Дэйзи.

— Ночную рубашку, — отвечаю я, не конкретизируя, шелковое мини это или хлопковая рубашка длиной до лодыжек.

— Гмм.... — Лили поворачивает голову и смотрит на двери. — Ло!

— Кнут или наручники?

— Оооох, — усмехается Дэйзи. — Мне нравится идея с кнутами. Но знаете, я увертываюсь от них. Превращая это все в игру, — смеется она.

Клянусь, мужики в этой комнате громко похрюкивают от желания.

Должно быть у меня на лице выражение полного отвращения, потому что Коннор сжимает мои бедра и шепчет:

— Не все мы свиньи, Роуз.

Он прав. Знаю, мне не стоит обобщать всех особей мужского пола в одну гнусную кучу, желающих сделать грубые и гнусные вещи с моей шестнадцатилетней сестрой.

И в тот момент, когда я только начинаю чувствовать приступ вины за подобные мысли, как замечаю парня с *явной* выпуклостью в его штанах.

— Что ты скажешь на это? — шепчу я в отвращении.

— Это — эрегированный член.

Я качаю головой.

— Ты — такой... — я замолкаю и улыбаюсь. — Умник.

Он насмешливо касается своей груди.

- Ça fait mal, — *Это больно.*

— Je suis content, — *Я рада.*

Его усмешка становится еще шире.

— Они могли бы выбрать для меня другое нарицательное, ну, ты знаешь. Я бы выбрал что-то по типу Гений.

— Показушник, — спорю я.

— Или мистер Популярность...

— Мистер тщеславие, — продолжаю я.

Он еще раз улыбается.

— Красавчик.

Мои глаза опускаются к его белой рубашке, так идеально сочетающейся с голубизной

его глаз.

— Возможно.

Он делает глоток вина и машет мне, чтобы я продолжала нашу перепалку.

— *Я почти что* получил от тебя комплимент, почему ты остановилась?

Наша шутливая ссора разжигает внутри меня пламя. Я могла бы поцеловать его. Но вместо этого поворачиваюсь обратно к большому экрану. Я осознаю, что пропустила свой ответ на вопрос о *кнутах* или *наручниках*; в любом случае мой ответ был довольно уклончивым. А Лили скорее всего промывчала в ответ свое *гмммм*.

Сейчас на экране транслируется аналогичная сессия вопросов для парней.

В кадре появляется лицо Лорена, он выжидающе смотрит в камеру.

— *Блондинки или брюнетки?*

Взгляд Ло становится сердитым.

— *Брюнетки.*

— *Да, мне пох*й на цвет волос,* — говорит Рик, упираясь локтями в колени и восседая в кожаном кресле.

Коннор сидит так, что его лодыжка покоится на колене, а все тело расслабленно откинута на спинку кресла — очень в стиле главного исполнительного директора многомиллиардной компании. Его пальцы касаются челюсти, создавая задумчивый образ.

— *А что случилось с рыжими?*

Саванна прочищает горло.

У нее рыжие волосы.

— *Или рыжие?*

— *А как насчет седых волос?* — его глаза немного подрагивают. Он явно смотрит на Скотта, стоящего за спиной Саванны. — *А еще вы забыли о черных волосах. И фиолетовых, синих, оранжевых...*

На экране снова появляется лицо Ло.

— Вау, — говорит Ло, его рука покоится на голове Лили, все еще прячущейся у него на груди. — Они обрезали твою маленькую тираду, Коннор. Каково это?

— Это разбивает мне сердце, — говорит Коннор.

— Подойди сюда, я утешу тебя и подотру тебе попку.

Коннор улыбается и снова отпивает вино. Но должно быть его раздражает тот факт, что Скотт может вырезать неловкие для себя моменты посредством простого редактирования. Я вижу это раздражение по его напряженным мышцам и сжимающимся челюстям.

— *Кто из вас самый развратный?*

— *Рик.*

— *Я.*

— *Рик.*

— *Вы когда-нибудь были с мужчиной?*

Ло наклоняет голову в сторону. Он усмехается горькой, сухой улыбкой, не отвечая ничего, что они бы хотели услышать.

— Нет, — говорит Рик.

У Коннора на лице не отражается ни одна эмоция.

— Возможно, люди хотят быть со мной. Я могу дать им все свое внимание, но я выберу из них лишь небольшую горстку людей, а из этой горстки мне окажутся приятны лишь несколько человек.

— У кого из девушек самые красивые ноги?

— Лили, — говорит Лорен. — Но она мне не верит, когда я говорю это.

Рик сжимает губы и погружается в раздумья.

Лорен смотрит на него так, словно пытается сказать "тебе лучше, блин, не называть ее имени", но думаю, мы все прекрасно знаем, что у него в голове крутится имя Дэйзи.

— Роуз, — гримасничает Рик.

Я смеюсь, делая глоток своего шампанского.

— Роуз, — говорит Коннор. — На втором месте — мои ноги, конечно.

— Сверху или снизу?

Ло сердито смотрит в камеру.

— Сверху.

Рик пожимает плечами, раздраженно.

— Мне пофиг.

— Сверху, — усмехается Коннор. — Всегда.

— Ты думаешь, Дэйзи так же сексуально активна, как и Лили?

Во взгляде Ло появляется леденящий холод. Он встает.

— Я закончил с этим дер***м.

— Что за еб****е вопросы? — спрашивает Рик. Он поднимается и бросает в камеру подушкой.

— Нет, — финализирует ситуацию Коннор. Он встает и застегивает пуговицы на своем пиджаке. — На сегодня достаточно.

Пока идет рекламная пауза, Дэйзи наконец-то решает встать, ее телефон по-прежнему зажат в руке. Она пытается не смотреть никому из ребят в глаза. Очевидно, что СМИ хотят определить, пойдет ли Дэйзи по стопам Лили.

И осознание этого факта заставляет Лили продолжать прятаться в свитере Ло, скрывая не только свой стыд, но и вину.

Моя грудь болит за обеих сестер, но не в моей власти изменить случившееся. Быть может, моя одежда не стоит всего *этого* внимания.

Я достаю свой телефон. Мои продажи... за время шоу поднялись на 10 %. Маленькое доказательство того, что реклама должно быть помогает. В рекламе, следующей за шоу говорить:

Покупайте одежду, которую носят сестры Кэллоуэй прямо сейчас!

И затем следует ссылка на сайт Кэллоуэй Кутюр.

Мне бы хотелось не так сильно радоваться этому маленькому успеху. Часть меня желает, чтобы это реалити-шоу провалилось, так я бы с легкостью могла поставить на первое место благополучие моих сестер, а не собственную мечту. Мне следует так и поступить. Два года назад, я бы так и сделала. Но я задаюсь вопросом — а простила бы Лили себя когда-то за то, что угробила мою компанию. Думаю, ей нужно знать, что мое дело тоже в порядке, что она не уничтожила все, к чему прикасалась.

Телефон Дэйзи выскальзывает у нее из рук и с треском ударяется об пол. Она наклоняется поднять его, забывая, что на ней черное платье от Кэллоуэй Кутюр с открытой спиной и довольно коротким подолом. Платье сразу же подымается, открывая половину задницы Дэйзи и ее трусики-шортики.

Моя сестра довольно сильно разозлилась на толпу.

Рик ближе всего к Дэйзи.

— Твою мать, — прокликает он, быстро становясь за ней. Он хватается подол ее платья и тянет вниз.

Трое парней оглядываются на ближайшую камеру.

— Они видели ее...? — Ло смолкает, не в силах говорит о попке Дэйзи, не содрогаясь при этом.

— Вот тот кажись видел, — указывая на парня в очках с роговой оправой, и жестами приглашая того подойти к нам, говорит Коннор. Когда фотограф кивает и приближается, Коннор вытягивает свой телефон и делает звонок.

Дэйзи пытается поднять с пола свой мобильник.

— Дэйзи, да, возьми ты уже эту хреновину, — говорит ей Рик, одергивая ее платье в третий раз.

Она наконец хватается телефон и поворачивается к Рику, широко улыбаясь.

— Получилось!

Рик смотрит на подол ее платья, проверяя не задралось ли оно. Это мне следовало одергивать ее платье, но я немного пьяна и боюсь, что могу оступиться на своих четырехдюймовых каблуках. Я уже слегка покачиваюсь. Если бы рука Коннора не лежала у меня на талии, давая дополнительную точку опоры, я бы свалилась прямо сейчас.

— Ты проверяешь мою задницу? — спрашивает Дэйзи, приподнимая брови.

— Ага, так же как и все присутствующие на этой чертовой вечеринке.

— Ну, и что ты думаешь? По шкале от одного до десяти, — они игриво улыбаются.

— Я не стану оценивать твою попку.

— Но ты бы хотел ее объездить?

— Дэйзи, — прерываю я. — *Остановись*, — говорю я одними губами. Дэйзи толкает Рика с силой, но он не тот, кто дает задний ход в таких беседах.

Улыбка Дэйзи увядает.

— Прости...Я просто пошутила, — она вертит в руках свой телефон. — Я наверное, пойду... пообщаюсь.

Теперь я чувствую себя хреново.

— Нет, — говорю я ей, резко. — Оставайся.

— Нет, все здорово. В любом случае мне нужно поговорить с мамой, — она избегает Рика, который смотрит на нее напряженным взглядом, полным чистейшей озабоченности. Странно, что такой бескомпромиссный парень, как он, так сильно переживает о других. Но я замечала, как он проявляет это качество уже несколько раз.

Коннор говорит по телефону.

— Грег, видите фотографа рядом со мною?

Итак, он звонит моему отцу.

Коннор продолжает:

— У него есть фото задницы вашей дочери. Я заберу у него камеру, если вы не пришлете кого-то сделать это вместо меня.

Я слышу, как отец говорит:

— Которой из дочерей? И я уже отправляю к тебе кое-кого. Спасибо.

— Дэйзи.

Мой отец выпускает длинный вздох.

— Это в конце концов меня доконает.

Уголки губ Коннора опускаются, и в его глазах появляется безудержная грусть. Она сильная, но едва ли заметна другим. Эта эмоция появляется и исчезает, мимолетно.словно затмение солнца.

Он действительно хочет детей.

Он хочет все те вызовы, которые будет бросать ему каждый из них.

Коннор улыбается так, будто не может дождаться того дня, когда столкнется с непростым выбором отцовства, дилеммами, хаотическими ситуациями, которые ему нужно будет разрешить.

Он правда хочет.

Но боюсь, что я не смогу дать ему это.

ГЛАВА 18

КОННОР КОБАЛЬТ

Вечеринка по случаю выхода в эфир первого эпизода шоу проходит относительно хорошо, пока я не становлюсь свидетелем того, как Саманта Кэллоуэй внимает всей чуши, исходящей из рта Скотта. Он хвалит ее волосы три чертовых раза, и мама Роуз близка к тому, чтобы растаять у ног продюсера. По крайней мере ее отец на моей стороне.

Он присылает мне сообщение: *Мне он не нравится.* — Грег

В точку и с хорошими намерениями. Никакой чепухи. В стиле Грега Кэллоуэй. Его жена далека от доброжелательной, умной и непредвзятой леди. У нее типичный элитарный менталитет сноба, от которого моя мать мысленно закатила бы глаза.

Хотя обычно именно родители Роуз вызывают у меня нервное напряжение. Потому что хоть меня и показали всего дважды за весь эпизод шоу, отредактировав так, что я выглядел абсолютно незаинтересованным в собственной девушке, именно мнение ее родителей имеет для меня значение — не общественности, не незнакомцев — меня интересуют, только те люди, которых я хочу впечатлить. Потому что в один гребаный день я планирую жениться на этой девушке, и я хочу, чтобы они осознали, что я лучший мужчина для Роуз. И что никто другой не смеет к ней приближаться.

Тревога Роуз усыплена пятью бокалами шампанского, она расслабилась у меня на груди, пока я удерживаю ее за талию. С момента, когда были показаны кадры, главным образом высвечивающие наличие в шоу "любовного треугольника" прошло около 15 минут, Лили наконец-то удается справиться со своими эмоциями и выпутаться из свитера Ло, повернув к нам свое заплаканное розовое лицо. У меня есть предчувствие, что Ло придется нести ее на руках с этого места до самого дома. Наиболее вероятно, он подхватит ее под попку, а она обернет вокруг него ноги и руки.

Вот-вот начнутся последние пять минут эфира. Я было думаю, они закончили уже с видео о Лили и Ло, но буквально через секунду на большом экране появляется лицо Скотта ван Райта, с подписью под ним — *Сердцеед. Бывший парень Роуз* — и я осознаю, что они собираются продолжать использовать этот надуманный любовный треугольник.

Ну, Скотт. Что ты приготовил для меня?

— *Я думаю о ней все время, — говорит он с неестественной, ностальгической улыбкой. — Она — огненная буря, которую я никогда не захочу погасить. Я — тот, кто воспламеняет ее, кто возмущает ее с новой ошеломляющей силой. Она — моя идеальная спичка.*

Я опускаю лицо. И нехотя позволяю всем увидеть мой шок. Я не могу скрывать его прямо сейчас.

Потому что последние строки его слов — мои. Я сказал их на интервью.

А он украл их у меня.

— Я ненавижу его, — говорит Роуз себе под нос, прищуривая глаза. Она не видит мою реакцию, так как стоит ко мне спиной, и я удерживаю ее в таком положении.

— Что не так? — спрашиваю я.

— Он занимается плагиатом с тебя.

Я облегченно выдыхаю.

— Comment peux-tu le dire? — *Откуда ты знаешь?*

— *Кто возмущает ее с новой ошеломляющей силой?* — повторяет она. — Только ты мог такое сказать... и может быть еще я.

Я целую ее в щеку и сильнее прижимаю к себе. Она откидывается на меня. Скотт не может встать между нами.

— *Я все еще в нее влюблен, — говорит Скотт. — И я не могу ничего поделать со своими чувствами, они просто здесь. Я люблю Роуз так, как она заслуживает, чтобы ее любили. Я просто... — он качает головой так, словно полон беспокойства. — Я просто не вижу, что Коннор — это реально лучший для нее вариант. Он слишком поглощен собой, чтобы заботиться об этой девушке так, как мог бы это сделать я. И я надеюсь, что в скором времени она осознает, что нам с ней суждено быть вместе.*

— Убийства все еще не законны в Пенсильвании, верно? — спрашивает Роуз.

— И в Соединенных Штатах, и во всем мире, — говорю я ей.

— Проклятье.

А затем на экране появляюсь я.

Снова в кабинете, сидя на рабочем кресле:

— *Что ты думаешь о Скотте?* — спрашивает Саванна.

У меня на лице незыблемое самодовольное выражение.

— *Я считаю его схожим с маленьким мальчиком подростком, пытающимся взломать замок на моем доме с помощью обычного лома, — я смотрю прямо на Скотта, стоящего вне поля зрения камеры, за спиной снимающей меня Саванны. И добавляю. — Он никто иной, как просто мелкий воришка, пытающийся взять мое. Это достаточно честный ответ для вас?*

— *А что насчет Роуз?*

— *А что Роуз?*

В этот момент я на самом деле сказал те слова, что украл у меня Скотт. Я назвал ее идеальной спичкой, но это было полностью вырезано из финальной версии шоу.

— *Ты ее любишь?* — спрашивает Саванна.

Из-за такой нарезки видео, я выгляжу более бесчувственным, чем есть на самом деле. Более бесчеловечным и жестоким, чем хотел бы быть.

Довольно долго я смотрю в сторону, обдумывая свой ответ, тщательно подбирая слова. Сказать правду. Или солгать.

— *Любовь неуместна для некоторых людей.*

Большинство людей эта фраза останавливает от дальнейших расспросов. Они не стремятся все еще сильнее усложнить.

Но Саванна говорит:

— Это относится и к тебе?

Я держу пару пальцев на подбородке и улыбаюсь, но на экране эта улыбка выглядит пустой и бездушной.

— Да, — говорю я. — Любовь в моей жизни не имеет значения.

Шоу заканчивается, и экран темнеет. В полнометражном же интервью, я добавил:

— Но Роуз — эпицентр моего мира, независимо от того, позволяю ли я себе любить ее.

Все это было обрезано.

Все в зале аплодируют и начинают обсуждать между собой шоу, Ло и Рик поворачиваются ко мне с сердитыми лицами. Роуз хватает еще один бокал шампанского с подноса и снова откидывается мне на грудь, ее абсолютно не затронули мои слова в отличие от ребят.

— Итак, это был настоящий Коннор Кобальт? — спрашивает Ло, он обнимает Лилии смотрит на меня, насупив брови. Она же смотрит на свою сестру с большим беспокойством во взгляде. Они на стороне Роуз. Как и должны быть.

— Я ответил честно, — говорю я. — И это не впервые, когда я так сделал.

— Так ты никогда никого не любил? — спрашивает Ло. — Ни другую девушку, ни свою мать, отца или друга?

Он хочет знать, считаю ли я его чем-то большим, чем просто знакомый по типу Патрика Ньюбелла. Использую ли я Лорена Хейла в целях сотрудничества с компанией его отца, мультимиллиардной франшизной компанией, специализирующейся на детских продуктах? По началу, да. Сейчас, нет.

Ло мой *настоящий* друг. Может быть первый за все время.

Но люблю ли я его так, как друзья любят друг друга? Не думаю, что я устроен таким образом.

— Нет, — говорю я. — Я никогда никого не любил, Ло. Прости.

Роуз указывает на Ло, ее бокал с шампанским зажат между пальцами.

— Отстань от него, Ло. Меня все устраивает.

— Почему, — спрашивает Ло, — потому что вы оба холодные роботы-андроиды?

Роуз награждает его взглядом, который был бы более суров, если бы она не пила сегодня столько. Мне нужно отвезти ее спать, пока она не свалилась без сознания.

— Он такой, какой есть. Если бы ты смог понять хотя бы половину убеждений Коннора Кобальта, твоя голова пошла бы кругом.

— Роуз, — говорю я, беспокоясь о том, что она собирается разрушить наши отношения с Лореном. Несмотря на то, что он не знает меня так хорошо, как она, я никогда ему не лгал. Я просто не показываю ему всего себя. И это неплохо. Некоторые люди по натуре довольно скрытны. Я такой.

Она пытается защитить меня, делая шаг к Ло и сумев при этом остаться в вертикальном положении. Я придерживаю ее за талию, чтобы стабилизировать ее движения.

— Нет, Коннор не делает ничего неправильного.

— Он не *любит* тебя, Роуз, — насмехается Ло. — При том, что вы вместе уже больше года.

— Ло, — предупреждает Лили.

— Нет, — говорит Ло, — ей это нужно на хрен услышать — он осуждающе указывает на

меня. — Какой, мать вашу, парень станет проводить с девушкой столько времени, при этом не получая ничего взамен? Если он тебя не любит, то значит просто ждет, чтобы трахнуть.

Он задевает наиболее уязвимую область наших с Роуз отношений.

— Она не нуждается в твоей защите, — говорю я Ло, пытаюсь сохранить свой голос уравновешенным, но Роуз начинает дрожать в моих руках. — Она знает, какой я.

— Так тебя все устраивает? — спрашивает ее Ло. — Он собирается трахнуть тебя, а потом свалить на хрен. А тебя это не смущает, Роуз? Ты ждала чертовы двадцать три года, чтобы расстаться со своей невинностью, и собираешься отдать ее этому парню, который даже не может, блядь, признаться, что любит тебя.

— Я не могу признаться в чем-то, чего не чувствую, — говорю я ему. Он открывает рот, но я перебиваю его. — Ты бы хотел, чтобы я усадил тебя и наполнил твою голову цифрами, фактами и соотношениями? Ты не можешь переварить, что я хочу сказать, потому что не понимаешь этого, и я знаю, что причиняю тебе боль. Но я не могу ничего изменить в этой ситуации. Я — продукт матери, которая отделилась от меня кирпичной стеной, и поверь мне, когда я говорю, что ты не хочешь знать больше, чем я позволяю тебе знать о себе. Чтобы быть моим другом, этого должно быть достаточно, Ло.

Он обдумывает это, а затем говорит:

— А что насчет тебя, Роуз, тебе этого достаточно?

Лили протягивает руку и касается ее плеча.

Роуз сухо кивает и сжимает руку Лили своей.

— Мне нужно в уборную. Встретимся в машине.

Лили поддерживает свою сестру за талию, пока они направляются через расступающуюся толпу.

Я наблюдаю за ней, чтобы убедиться, что она благополучно дойдет до уборной, а затем снова поворачиваюсь к Ло. Взгляд, который он бросает на меня — этот взгляд вызывает удушье, более чем на несколько секунд.

Он смотрит так, словно сорвал с меня облачение супергероя и сбросил на землю, в смертный мир.

— Просто хочу, чтобы ты знал, — говорит Ло, — я утратил по отношению к тебе сегодня всякое уважение. И тебе не удастся так просто его снова заработать.

Рик ничего не говорит. У него просто тревожное и мрачное выражение лица.

— Конечно, — говорю я. — Я понимаю.

Ло сжимает губы, его челюсть напряжена, когда он кивает Рику. А затем они направляются к машине, без меня.

Я стою неподвижно, пытаюсь привести в порядок свои, пришедшие в состояние хаоса, чувства.

Какой человек нуждается в психологе, чтобы тот сказал ему, что он чувствует?

Может я не так умен, как сам считаю, или же я просто человек?

ГЛАВА 19

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Я не могу приехать. Мне очень, очень, очень жаль! Просто убедись, что это будут не лилии, ладно? И помни, что мне твой вкус больше нравится, чем мамин. СПАСИБО! — Лили

Я получаю сообщение, как только приезжаю к флористу, чтобы выбрать свадебные цветочные композиции.

4 месяца и 2 дня — Мама

Это похоже на отсчет до Апокалипсиса.

Я отвечаю сестре, что все в порядке. По крайней мере на этот раз она не стала использовать дурацкие оправдания. Ее "желудочные боли" за последний месяц были напрямую связаны со страхом встретиться лицом к лицу с нашей крайне критично настроенной матерью.

Лили предпочитала игнорировать нашу маму и ее комментарии насчет "широко разведенных ног" моей сестры. Использования ею светло-розового блеска для губ (хотя, Лили практически вообще не использует макияж). Прически Лили, которая по мнению мамы всегда выглядит, словно после секса.

Мама зачастую высмеивает Лили. Мы с сестрой знаем, что это не от нелюбви к нам, а скорее от желания защитить репутацию семьи.

Я быстро осматриваю цветочный магазин. Бретт со своей стэдиком сегодня следует повсюду за мной, избегая остальных покупателей в магазине и стараясь, чтобы в кадр попадала только я. Я приехала на двадцать минут раньше, чтобы понять, что мне нравится, и не поддаваться на давление мамы в смене моего мнения.

Во-первых, я выбираю розовые и кремовые розы для центральных элементов. Я с нетерпением ожидаю, пока флорист продемонстрирует предлагаемые дополнения по композициям. У нее есть блестящая ткань, чтобы обрамлять букеты.

— Попроще, — настаиваю я. — Просто цветы. Мы расположим их в одну длинную линию вдоль стола. Никаких отдельно стоящих ваз, это должно выглядеть, как один большой центральный элемент, — я оглядываюсь и замечаю стол с белыми розами. — Вот эти для букета. И мы можем обернуть стебли жемчугом, — не уверена, утвердит ли это Лили, но в данный момент, кажется очевидным, что ее это особо не заботит.

Единственное пожелание, исходившее от нее за последние два месяца, так это чтобы *не было лилий*. В остальном я выбираю в слепую.

Пока я ожидаю маму, то захожу на Твиттер и кликаю #ПринцессыФилли. Появляется список твиттов.

@RaderBull595: *Девчонки Кэллоуэй горячие, но та высокая — такая сучка. Хотя, я бы присунул Лил.*

@TVDFan70008: *Вы видели то, как Ло смотрит на Лили? *обморок**

@thefieryheart: *Давайте построим алтарь для Рика и Дэйзи!*

@RealityXbites4: *Я люблююююблю это шоу!! #КомандаСкотта*

@SlightlySpoiled: *Не могу дождаться, когда Роуз бросит Коннора. Отрежь ему на хрен член! #пожалуйста*

Чудно.

Отзывы о шоу гораздо лучше, чем все мы могли ожидать. Хоть нас и называют

"сквернословящими, богатыми и тщеславными", большинство статей отмечает, что мы настоящие. Они хвалят нас за попытку не притворяться кем-то другим перед камерами. Дэйзи делает отрывку, Лили говорит сексуальные комментарии в случайных ситуациях, а я угрожаю кастрировать мужчин. Некоторым людям мы нравимся именно из-за наших недостатков. Другие же все еще видят в нас карикатуры. Но я стараюсь не позволять этим комментариям беспокоить меня.

Вы не можете нравиться абсолютно всем.

@Fashion4Goddesses: *Только что получила платье от Кэллоуэй Кутюр! Оно роскошное!*

Мое сердце неимоверно радуется этому твитту. Вскоре после выхода в эфир первого эпизода шоу, мои продажи небывало выросли. И они продолжают расти в геометрической прогрессии с выходом каждого последующего эпизода. Даже у Физзли есть определенный скачок продаж. Хочется надеяться, что успех будет иметь длительный эффект.

Звенит дверной звонок, и я быстро кладу телефон в карман сумочки. Моя мать важно входит через двери так, словно она только что купила весь этот магазин. Ее нос поворачивается в сторону вазы полу увядших маргариток.

— Ты рано, — говорю я ей. Если быть точным, то она приехала раньше на 10 минут.

— Также как и ты, — отвечает она. — Где твоя сестра?

— Она не придет, — я не использую повод о желудочной боли, так как уже перестаралась с ним ранее. Вместо этого я пытаюсь быть честной. — Ей не нравится то, как ты с ней разговариваешь.

— У Лили есть свой собственный голос, — возражает моя мать. — Если ей не нравится то, как я с ней разговариваю, то пусть скажет мне об этом сама.

Я ничего не отвечаю. Я не говорю ей, что она довольна сложная в общении женщина, и что нужны практика и навыки, чтобы поговорить с ней; даже я рядом с ней становлюсь более нервной и взвинченной.

— Я уже выбрала цветы, — говорю я ей.

Она не кажется удивленной.

— Значит нам нужно выбрать между твоими и моими, потому что я уже звонила насчет цветочных композиций сегодня утром.

Ну, конечно. Она надменно идет к шкафу, где стоят белые и оранжевые лилии перевязанные сине-зеленой лентой.

— Она настаивает на том, чтобы *не было* лилий, — говорю я сердито. — Я уже говорила тебе это миллион раз, — не только это, но и насчет *оранжевого* и *сине-зеленого*. Серьезно? Может быть для Дэйзи эти цвета бы и подошли, но Лили более... сдержанная.

Моя мать вздыхает и касается жемчужного ожерелья у себя на шее. Это маркер. Когда она очень раздражается или нервничает, то трогает это ожерелье, словно это бусины четок, и она молится Святому Отцу о своих заблудших дочерях, прося его ниспослать на нас послушание и довольство.

— Что не так с лилиями? — спрашивает мама. — Дочь Оливии Барнс использовала их на своей свадьбе, и все выглядело просто великолепно.

— Ее имя Лили (*Lily* — с англ. "лилия" — прим. пер.), — говорю я. — Она считает этот каламбур не таким забавным, каким он видится тебе. И если она увидит повсюду лилии, то расстроится, — не говоря уже о том, что мы получаем по почте букеты лилий от фанатов каждую неделю. От мужчин, фантазирующих о моей сексуально-зависимой сестре. В ее голове эти цветы ассоциируются с грязными вещами.

— Я уже заказала их, так что ты хочешь, чтобы я сделала? — говорит она. — Я же не могу просто взять и отметить заказ, верно?

— Нет, ты можешь.

— Я не понимаю, почему ты так упрямишься в вопросе выбора цветов.

Но я стою на своем.

— Я знаю Лили лучше, чем ты, — напоминаю я ей. — Мы должны учесть ее мнение и ту единственную просьбу, что она выразила.

Моя мать бормочет что-то по-типу *"но она даже не явилась, чтобы сказать об этом вслух."* Ее взгляд порхает по комнате, и она снова вздыхает.

— Какие у тебя есть альтернативы?

Я показываю ей белые и розовые розы, выбранные мной ранее.

И она смотрит на меня.

— Не заказывай цветы под себя, Роуз (*Rose — с англ. "роза" — прим. пер.*).

Мои губы сжимаются в тонкую линию, а ноздри расширяются.

— Мое имя и цветы — это не синонимы, мама.

У Поппи (*Poppy — с англ. "мак" — прим. пер.*) никогда не возникало проблем в общении с мамой. В основном она просто соглашается с ней во всем, тем самым избегая лишних споров. Такая же ситуация и с Дэйзи (*Daisy — с англ. "маргаритка" — прим. пер.*)

Я же не могу принять чью-то точку зрения, если считаю ее неправильной, даже если она принадлежит моей матери. Не уверена, когда последний раз у меня хватало мужества сказать маме "нет". Но она до сих пор не понимает, что мое мнение имеет такой же вес, как и ее, потому что я уже не ребенок. Мне 23 года. Может быть она все еще видит во мне маленькую девочку, прячущуюся у нее за спиной на концертах танцев и обращающуюся к ней за советом о других девочках в школе, но сейчас я взрослая.

Я все еще ценю ее советы, но имею полное право не согласиться с ними. И тем ни менее, она этого не понимает, от чего и возникают споры и ссоры. Никто из нас не может выиграть, если мы в одинаковом положении.

Моя мать смотрит на розы прищуренными глазами. Я вспоминаю совет Дэйзи, который она мне дала, когда я не могла уговорить маму перестать со мною спорить.

— Скажи ей, что ты ее любишь, — сказала сестра. — Это всегда срабатывает, когда я хочу чего-нибудь.

Я пускаю это в ход.

— Я люблю тебя, мама...

— Ох, даже не начинай, Роуз. Я ни разу не слышала, чтобы ты это говорила с твоих пяти лет.

Предполагаю, она права. Так как я редко демонстрирую свою любовь матери, есть смысл в том, что *"Я тебя люблю"* Дэйзи кажется более искренним и значимым, чем мое.

Она поворачивается на каблуках и хмуро смотрит мне в глаза. В ее взгляде нет ни намека на нежность.

— Ты можешь отменить мой заказ, — говорит она. — Но я еще не закончила обсуждать цветы или центральную композицию. Видит бог, мы обе можем подобрать что-то получше, чем ледовый лебедь.

Я пытаюсь улыбнуться.

— Звучит неплохо.

— Как поживает Дэйзи? — спрашивает она.

— Хорошо, — я не конкретизирую. Она и так достаточно общается с Дэйзи. Всякий раз, как сестра говорит по телефону, она разговаривает именно с мамой. И у меня нет никаких прав удерживать Дэйзи рядом после окончания реалити-шоу. Я не могу ничего поделать, кроме как ожидать, пока Дэйзи станет старше, чтобы посмотреть, захочет ли она жить с нами и дистанцироваться от матери немного больше. Чтобы наконец-то получить свободу, к которой, насколько я знаю, она так стремится. Это будет долгим ожиданием, но я готова его выстрадать.

— Хорошо, — кивает она.

Я было думаю, что последует еще один вопрос, но нет.

— Ты забыла о еще одной своей дочери.

— Лили уже двадцать один, — опровергает она. — Она лежит в постели, которую сама для себя постелила.

Мне не следует ничего говорить.

— Как ты можешь планировать ее свадьбу, если все еще злишься насчет скандала? — спрашиваю я с отвращением.

— Просто эта свадьба — единственное событие, способное вернуть ей репутацию и стереть пятно, клеймящее имя Кэллоуэй. Это важнее моей злости. Потому свадьба должна быть идеальной.

Она смотрит на меня, будто напоминая, что это самое *идеальное* в этой свадьбе — моя работа.

— На выходных нам нужно определиться с местом проведения мероприятия. Я вышлю тебе мои лучшие варианты. Будь на связи.

Она крепко автоматически меня обнимает и покидает магазин. Оставляя меня еще в более подавленном состоянии, чем до встречи.

Столько дерьма еще нужно сделать. Типа планирования девичника. Я бы наняла стриптизеров, но для восстанавливающейся секс-зависимой это не самый умный ход. Думаю, Лили и Ло в любом случае хотели бы совместный мальчишник и девичник.

Когда я направляюсь на улицу к своему припаркованному у бордюра Escalade, то снова начинаю думать о случившемся с Коннором. О его большом пальце. Душе. Любви.

Лорен может и считает, что Коннор не будет со мной до конца, но в ту ночь, на вечеринке по случаю первого эпизода, я осознала, как сильно ему доверяю. Как хорошо я его знаю. Ло был неправ насчет многих аспектов, и я знаю это, потому что Коннор позволил мне увидеть свою жизнь со множества сторон.

Говорит Коннор это или нет, но он любит меня достаточно, чтобы подпустить к себе больше, чем на половину. И я знаю, что пришло время и для меня сделать тоже самое, но в другом аспекте.

Я достаю телефон и быстро набираю сообщение Коннору.

Принеси сегодня вино.

Так как Ло не пьет, то мы стараемся не держать алкоголь на виду, но у меня в спальне есть сундук, в котором мы храним наш с Коннором запас. Я останавливаюсь, обдумывая свой выбор алкоголя. Вино? Мне вероятно понадобится что-то посильнее.

И текилу.

Я делаю вдох и жду ответное смс.

Есть причина, по которой сегодня будем пить? — Коннор

Сюрприз, — отвечаю я.

Не могу дождаться,) — Коннор

ГЛАВА 20

КОННОР КОБАЛЬТ

Последние 10 минут Фредерик использует терапию посредством тишины. Он сидит за своим столом и притворяется читающим *Нью-Йорк Таймс* на своем компьютере. Он раздражен тем, что я все еще принимаю Аддералл. Но пока что я не могу без него нормально функционировать.

Я заканчиваю переписываться с Роуз и откидываюсь на спинку кожаного кресла. Фредерик по-прежнему не поднимает на меня свой взгляд.

— Я плачу не за то, чтобы ты меня игнорировал, — говорю я ему.

Его глаза все еще втуплены в монитор.

— Ты прав. Ты платишь за мой совет, в котором очевидно не заинтересован, — он начинает что-то набирать на клавиатуре, при этом довольно сильно стуча по кнопкам пальцами. У него квадратная челюсть, растрепанные каштановые волосы и широкие плечи — в свои 30 лет, он выглядит довольно хорошо, но Фредерик никогда не был женат. Его работа — его жена.

Я прижимаю пальцы к своим губам и размышляю.

— И тебя даже немного не интригует, что мне написала Роуз? — пытаюсь я.

Его пальцы на секунду останавливаются, но он снова начинает набирать. Фредерик наслаждается нашим общением, признается он в этом себе или нет. Я — его самый интересный пациент.

— Она просит меня принести домой вино и текилу, — я не говорю ему больше ничего.

Я наблюдаю, как в глазах Фредерика появляется осознание, а затем он выпускает вздох и откидывается на спинку своего кресла, при этом все еще сидя ко мне под углом.

— Ты слишком спокоен.

— Итак, скажи мне, — он делает паузу. — Как далеко вы с ней зашли?

Я стесняюсь рассказывать об этом, и это удивляет даже меня самого. Обычно я открыто обсуждаю все с Фредериком, но произошедшее с Роуз вызывает у меня желание сохранить каждый момент только нашим, так, чтобы никто не мог поделиться им или обсудить. Так что с минуту я молчу, прежде чем наконец-то ответить:

— Она сосала мой член.

Брови Фредерика подымаются от удивления.

— Ты заставил ее сделать тебе минет?

— У Роуз был выбор, — я не хочу, чтобы кто-то из нас двоих проигрывал в сексе. Нам обоим нужно быть успешными и соответствовать друг другу.

— Насколько все было извращенным? — спрашивает Фредерик.

Я вздыхаю и смотрю в потолок.

— Мы все еще не на месте, — я наклоняю голову. — Дай ей время, Рик. Она — девственница.

— Я удивлен, что ты не подталкиваешь ее сильнее. Несколько лет ты говорил о том, как сильно хочешь...

— Я подтолкну ее настолько далеко, насколько считаю, что она готова зайти, чтобы в последствии не сбежать от меня. Один раз она уже упаковывала чемодан, помнишь? Она оставалась в отеле в Хэмптонсе целую неделю, просто чтобы доказать свою точку зрения. И

тогда мы даже не жили еще вместе.

Фредерик смеется.

— Я помню. Вы оба спорили о теории релевантности.

— Ей нравится не соглашаться со мной.

Мы много спорим о теориях, потому что о них легко спорить, но в конце спора мы всегда почему-то целуемся. Когда она наконец-то вернулась в Принстон, я провел с ней целый день в постели, мягко подталкивая ее продвинуться дальше. Она же была слишком напугана и не готова к большему. Но думаю, что в этот раз она хочет двинуться дальше.

— Во время минета ты не позволял ей использовать свои руки? — вдруг спрашивает он.

— Нет, — этот вопрос раздражает меня сильнее, чем должен.

— И ей это понравилось?

— Весьма.

— Ты очень собственнический по отношению к ней, — заявляет он, вынимая свой блокнот.

— С чего ты взял?

— Ты кажешься раздраженным.

Прекрасно.

— Ты сделал ей кунилингус после минета?

— Нет, — я сжимаю челюсти, пытаюсь формулировать свои слова так, чтобы не показаться чертовски грубым.

— Потому что у тебя на это не было времени?

— Нет, — *я почти что* кричу на него. Я откашливаюсь, пока Фредерик делает какие-то записи.

— Потому что она не позволила это.

Я молчу, так как он сформулировал фразу не как вопрос, а как утверждение.

— Она испугалась, что может позволить тебе коснуться ее. Алкоголь, который она просит купить, должен уменьшить ее комплексы и запреты. Если страх стоит у нее на первом месте, то возможно, она не сабмиссив, Коннор.

Мои глаза сужаются, чувства внутри меня закипают.

— Она отвечает так, как ответила бы сабмиссив. Она дрожит от удовольствия, когда я беру на себя полный контроль над ней. Но да, признаю, она все еще ужасна в подчинении. Я просто пытаюсь довести ее до момента, когда она сможет принять то, что привлекает ее, — я делаю паузу. — Хотя, за пределами спальни, ты прав, она — не сабмиссив. И никогда ею не станет.

— И тебе это нравится? — спрашивает Фредерик, его ручка висит над блокнотом.

— Да.

— Почему это так сильно привлекает тебя?

— Ты знаешь почему.

— Но я хочу, чтобы ты сам услышал это снова.

Я издаю раздраженный вздох и прочищаю горло во второй раз.

— Мне нравится состязания вне спальни. Это постоянная игра, в которую весело играть. Она держит меня в постоянном напряжении, — слова выходят, словно я репетировал их, но это только потому, что я прежде повторял их самому себе множество раз. — Но мне нравится та часть, где я могу дать Роуз все, в чем она нуждается в плане секса, и получить это же в ответ. За дверями спальни, я снова беру все под контроль и могу раскрепостить ее.

Эта динамика никогда не надоест и не устареет.

Я часто думал о Роуз, пока учился в Фаусте и в Пенсильванском университете, вспоминая разговоры, которые мы провели на соревнования по завоеванию академического кубка и конференциях. Я никогда не верил, что она так просто отдаст контроль над собой в постели. Но чем дольше она уклонялась от привязанности, отталкивая других мужчин, тем больше я думал, что Роуз просто страшно. Вот только, как такая властная и беззастенчивая женщина, как она, могла вообще испугаться секса? И тогда меня осенило. Она не хотела доминировать над мужчиной в постели. *Она* желала, чтобы ею управляли. Но не знала, как попросить о подобном и при этом не ощутить себя слабой. Так что она подумала, что быть одинокой и сексуально неудовлетворенной — лучший вариант. Но теперь я рядом, чтобы сказать ей, что подобный вариант вообще никогда не представлял собой хреновое решение.

Фредерик кивает.

— Но есть нечто большее, — мне нужно быть честным, в отношении недавно произошедших событий. — Она считает, что если отдаться мне, то я ее брошу, считает, что наши отношения — всего лишь игра, потому что я не позволяю себе никого полюбить.

— А почему ты не любишь ее, Коннор? — его кресло скрипит, когда он откидывается на спинку, а на губах Фредерика появляется едва заметная улыбка.

Он ведет себя так, словно понимает мою неспособность любить, но заставляет меня начать противоречить самому себе. Он годами выслушивал мои убеждения на тему любви, но это не останавливает его от регулярных вопросов.

— Люди связывают любовь с насекомыми, дрожащими, бегающими и порхающими внутри их пищеварительной системы. У меня же никогда не было подобного недуга.

Его улыбка угасает.

— Это метафора.

— Я знаю, что это метафора, Рик.

— Тогда перестань быть умником и передай эту роль мне.

Я выпрямляюсь на стуле и становлюсь более серьезным.

— Я видел любовь, которая калечит. Взять хотя бы Лорена Хэйла и Лили Кэллоуэй — когда эмоции одного зашкаливают, другой это ощущает. Если ты разделишь их друг от друга, то каждый по отдельности будет уже чем-то меньшим, чем полноценным Лореном и Лили. Если это и есть любовь, то я не хочу быть к ней причастен.

Я хочу быть целостным. Я хочу быть лучшей возможной версией самого себя, не рискуя быть раненным или сломленным.

— Ты можешь сопереживать Роуз? — спрашивает он у меня.

— Да, но любовь — это слабость, которой я не поддаюсь.

— Иногда, Коннор, ты не можешь контролировать все, — говорит он мне. — Даже весь твой ум не имеет власти над некоторыми вещами. Любовь, смерть — ты не можешь их предсказать. Они просто происходят.

— И ты считаешь, что это уже случилось? — я отказываюсь от этого исхода. Он не поддается вычислению.

— Почему ты с ней?

— Притяжение.

— И?

— Притяжение.

— Что еще?

— Удовольствие — это просто слова, Фредерик.

— Любовь — это просто слово.

— Я не могу ее любить, — говорю я ему решительно, пока встаю и кладу в карман свой телефон.

Он остается сидеть, и тем ни менее я ощущаю, что у него надо мной есть некое преимущество. Он все еще видит то, что я не могу.

— И почему это?

— Умные люди совершают глупости, когда они влюблены. Я же пока не делаю ничего глупого.

Фредерик усмехается.

— Дай себе немного времени.

Я подавляю желание закатить глаза. Махнув ему на прощание рукой, я направляюсь к двери.

— Увидимся на следующей неделе.

— Жду этого с нетерпением.

— Конечно, ты ждешь, — бросаю я в ответ. — Сможешь послушать о том, как я отшлепал мою девушку.

— Убирайся из моего офиса, Коннор, — он возвращается к своим бумагам, но пока я ухожу, то замечаю, как его ухмылка становится все шире и шире.

* * *

Я заезжаю в винный магазин после сессии с Фредериком, и когда я наконец-то доезжаю домой, уже поздно. В гостиной выключен свет, и через стены не слышно кульминационных моментов Ло и Лили.

Поднявшись на второй этаж, я останавливаюсь у двери нашей спальни и стучу. Я не был таким вежливым с тех пор, как мы стали жить вместе. Есть некоторые препятствия, которые я хочу уничтожить ради Роуз.

Как только дверь со скрипом открывается, я вижу Роуз, она сидит на кровати, листая последний выпуск *Vogue*. Ее взгляд поднимается, и она роняет журнал на колени.

— Ты принес?

Я поднимаю коричневый бумажный пакет.

— Вино и текила, все, как ты просила, но я бы посоветовал тебе их не смешивать. Если ты конечно не хочешь завтра умирать от головной боли.

— Вино для тебя, — говорит она коротко.

Мои брови приподнимаются. Значит текила для нее. Она довольно нервная.

Роуз похлопывает по матрасу.

— Садись, Ричард. Ты похож на испуганного котенка. Сэди поцарапала бы тебя за твою трусость.

— Моя кошка любит меня безоговорочно, — отвечаю я. Кровать покачивается, когда я забираюсь на нее и опускаю между нами бумажный пакет. — И я в порядке, возможно, это ты проецируешь на меня свой страх, — я улыбаюсь, замечая, как в ее глазах на секунду появляется презрение.

— Я не боюсь, — она выпрямляется и отводит плечи назад. — Я знаю, что именно мы будем сегодня делать. Но не могу сказать того же о тебе.

— Та что же мы делаем сегодня ночью, а? — спрашиваю я. — Кроме того, что планируем напиться.

Она тянется к бумажному пакету и достает бутылку Patron. Я наблюдаю за тем, как она открывает крышку и начинает потирать губы подолом своей ночной рубашки длиной до середины бедра. Рубашка шелковая и похожа на сорочку, которую обычно одевают под платье.

Я немедленно начинаю представлять, как медленно приподнимаю тонкую ткань по ее телу, оголяя его для своих прикосновений. Я хочу Роуз голой. Сейчас.

Терпение.

Я кладу руку на гладкую кожу ее ноги, ее кожа такая же шелковистая, как и ночная рубашка, но намного теплее. В секунду, одной рукой я притягиваю ее ближе к себе, и ее грудь вздымается. Но она сосредотачивается на вытирании горлышка своей бутылки Patron.

Роуз собирается пить прямо с бутылки. Она сильно старается развить наши отношения, раз отказывается от стакана. Это большое дело в мире Роуз Кэллоуэй. Ее усилия не проходят незамеченными с моей стороны.

Когда горлышко достаточно чистое для ее губ, Роуз делает глоток из бутылки. Она кивает в сторону пакета.

— Бери свое вино. И затем мы сыграем в игру.

— Что за игра?

— Правда или вызов.

Она говорит это с невозмутимым видом, почти что бросая мне вызов засмеяться. Мое выражение лица все еще самодовольное, но я не могу сдержаться от рвущегося наружу вопроса.

— В том числе мы планируем провести семь минут в раю?

Она бросает на меня пылкий взгляд.

— Мы играем. Не вынуждай меня тебя связывать.

Я смеюсь и потираю губы, не в силах сдержать свое веселье.

— Дорогая, если кто-то и будет связан, — говорю я, моя рука опускается к ее попке, — c'est toi.

То это ты.

ГЛАВА 21

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

— Не будь таким неженкой, — говорю я Коннору. — Если я не смогу чего-то сделать, то это придется делать тебе.

Хотя, после самоуверенного заявления о том, что он *попытается* меня связать, мое наглое поведение — это скорее защитный фасад, чем что-либо еще.

— Ругательства не приведут тебя никуда в этой жизни, — непринужденно опровергает он. — И просто, чтобы ты знала, я планировал пить из стакана только в том случае, если бы пролил вино на твое одеяло. Но ты проиграла.

Он делает вид, словно *случайно* собирается опрокинуть бутылку вина на мое белое ажурное одеяло. Мое сердце подпрыгивает к горлу, а страх наполняет глаза.

Коннор усмехается и затем подносит бутылку к своим губам, делая огромный глоток. Вино и текила — это стратегия. Мне нужно больше жидкого мужества, чем ему, и пусть даже я опьянею. Мне никогда не доводилось видеть Коннора пьяным, но предполагаю, он с легкостью мог бы превратиться в пьяного мудилу. Того, с кем я бы не хотела играть в правду или вызов. Но тем ни менее я пойду на этот риск.

— Правда или вызов? — спрашиваю я, сделав еще один глоток текилы. Спиртное скользит вниз по моему горлу, но я слишком нервничаю, чтобы переживать о жжении. Нормальные пары, которые делят друг с другом постель, чувствовали бы себя хорошо, играя вместе в правду или вызов. Еще одно свидетельство моей ненормальности. *Мы* оба — ненормальные.

Коннор даже не моргает.

— Правда.

Я не хочу делать эту игру легкой.

— Какая твоя любимая позиция в сексе?

— Я не хочу тебя обидеть, — говорит он, видя насквозь мой вопрос. — Я знаю, ты переживаешь насчет секса, но обещаю, что буду... — он улыбается собственным мыслям, — ... нет, это не совсем так.

— Ты собирался сказать *нежным*, не так ли?

Его губы растягиваются в еще более широкой улыбке, тем самым подтверждая мое предположение.

Во рту стоит послевкусие текилы, а голова идет кругом от мысли, что Коннор может быть *вовсе* не нежным. Я не самая мягкая девушка, так что один образ нежного обращения со мной какого-нибудь осторожного мальчика заставляет содрогнуться.

— Обещаю, что буду самым собой, — говорит он, усмехаясь и делая еще один глоток вина.

— Это хорошо, ты мне нравишься, — мой голос все еще холоден. Алкоголь пока что никак на меня не повлиял.

— Я *направляюсь*? Qu'en est-il de l'amour? — А как же любовь?

— Ты же не веришь в любовь, — отвечаю я. — Так что ты потерял право быть любимым с моей стороны, — я уверенно киваю, подтверждая свою новую позицию. — Но ты мне все еще нравишься. Не волнуйся.

— Я никогда не волнуюсь, — говорит он. — И я верю в любовь. В детстве я думал, что

она нереальна, но со временем увидел, что для некоторых людей любовь существует. Просто не для меня.

Верно. Он не может никого полюбить. Предполагаю, Коннор слишком аналитический. Я пришла к тому, что это просто нужно принять как данность, но часть меня все равно очень сильно желает стать его первой любовью, так же как он стал моей. Его рука продолжает двигаться вниз, сжимая мою попку поверх шелковой ночной рубашки. Я снова опрокидываю бутылку Patron, делая небольшой глоток текилы.

— Ты не ответил на мой вопрос, — говорю я.

— Какова моя любимая позиция?

— Да.

— У меня есть множество фаворитов.

— Выбери одну, Ричард, — возмущаюсь я.

Он улыбается.

— Миссионерская... с некоторыми изменениями.

— Что за изменения?

Его губы сильнее изгибаются в улыбке, словно у него есть некая отдельная тайная шутка на этот счет. Мне хочется врезать ему за эту улыбку, но одновременно с тем я жажду, чтобы он поцеловал меня. Эта странная смесь сводит с ума.

По крайней мере Коннор не хочет, чтобы я объездила его член, подобно сексуальной госпоже. Не думаю, что смогла бы выкинуть что-то подобное. Это явно не то, что я себе представляла, мечтая о сексе. Хотя, предполагаю, что при знакомстве со мной, эта картинка нередко всплывает в головах у людей. Я в туфлях, с приставленным к горлу мужчины каблуком. Все эти годы я тоже верила в этот стереотип. Верила, что будучи сильной и уверенной женщиной за пределами спальни, мне придется в равной степени доминировать и внутри нее. Именно по этой причине во временна учебы в колледже, я редко приглашала ребят к себе в комнату. Потому что я бы попросту разочаровала их. Для меня было предпочтительнее вышвырнуть парня за двери и услышать, как он назовет меня ледяной сучкой, чем быть высмеянной за несоответствие его фантазиям.

Все мы представляем собой что-то большее, чем кажемся другим.

— Правда или вызов? — его вопрос прерывает поток моих мыслей.

— Правда.

— Какая твоя самая странная фантазия?

— Я передумала. Я выберу вызов, — говорю я быстро.

Он смеется.

— Играй по правилам, дорогая.

— Вызов, — повторяю я, не отступая.

— Ладно. На этот раз я позволю тебя обмануть меня.

Обмануть. Это *гнусное* слово, но я все же не подаюсь и стою на своем.

— Я вызываю тебя... — его взгляд окидывает пространство комнаты, в конечном итоге останавливаясь на мне. — Ответить на мой вопрос, — он широко усмехается.

— Ты ужасен, — невозмутимо отвечаю я.

— Ты любишь меня. Даже если отныне не собираешься говорить об этом вслух.

— Возможно.

Гм. Я смотрю на свою предательскую бутылку Patron, от содержимого которой мой мозг уже довольно затуманен, а губы онемели.

Рука Коннора спускается еще ниже по моей попке и подтягивает меня так близко, что я оказываюсь буквально у него на коленях, с разведенными в стороны ногами. Коннор убирает волосы у меня с шеи и оставляет легкий поцелуй на моей шее. Он наблюдает за тем, как мое тело реагирует на это касание в сочетании с теплом от алкоголя и головокружительной близостью наших тел.

— Ты хотела сыграть в эту игру, — напоминает он мне. — Значит, где-то глубоко в своем сердце ты жаждала, чтобы эти вещи стали раскрыты.

Так и было. И по этой же причине, я пью алкоголь. Чтобы усилить свое мужество. Я делаю еще один маленький глоток, смачивая губы текилой. Коннор медленно проводит по ним своим большим пальцем. И когда мое дыхание замирает, он отнимает свой палец от моих губ и засовывает его себе в рот, пробуя алкоголь.

— Моя самая странная фантазия? — повторяю я, пристально глядя на Коннора так, словно он наиболее интересный экземпляр мужчины во всей Вселенной. Для меня он определенно является именно таким. В этот момент ответ на его вопрос настигает меня, и кровь отливает от моего лица. Я еще даже и близко не *так* пьяна, чтобы осмелиться рассказать ему это. Но с другой стороны, я не могу солгать. Я неистово сильно ненавижу обман. — Спроси меня о чем-нибудь другом.

— Нет, — говорит он, не желая сделать эту игру для меня немного проще. Он опускает ладонь мне на затылок, и мы оказываемся так близко, что моя грудь касается его груди. Коннор делает глубокий вдох, и мое тело оказывается еще ближе. Напряжение во всем теле нарастает до предела, между ногами начинает пульсировать от желания прикосновений. Коннор целует меня в уголок губ. — Ответь мне, — бормочет он низким хриплым голосом.

— Дай определение странности, — выдыхаю я.

В его руках нет винной бутылки, и я даже не представляю, куда он ее дел. И что странно, меня это даже не волнует.

— Что-то выходящее за рамки нормального, по традиционным стандартам, общества.

Да, моя фантазия несомненно аномальная. Я думала о ней несколько раз до этого, и если честно, сама не понимаю, чем именно она меня так возбуждает.

— Это не должно возбуждать меня.

— Я не буду тебя за это судить, — он снова убирает волосы от моего лица, пока его взгляд скользит по каждому дюйму моего тела, согревая его сильнее, нежели алкоголь.

— Я думаю, моя фантазия странная даже по твоим стандартам.

Коннор прекращает поглаживать мою кожу и приподнимает брови в выражении чистейшего любопытства.

— Сейчас ты просто обязана мне рассказать.

— Я представляю тебя, — мои голосовые связки деревенеют.

— Хорошо. Продолжай.

Я в шутку ударяю его по руке.

— Я представляю тебя тоже, — говорит он. — С того времени, как мне было 17.

— Правда?

— Это несправедливо по отношению к другим людям, с которыми я был, но ты меня всегда восхищала больше всех. И в моей голове с тобой никто не мог сравниться.

Я перефразирую его слова, слыша — *я люблю тебя*. Даже несмотря на то, что *он* не говорит этого. Это заявление придает новые силы моему мужеству. И я распрямляю спину, сидя на его коленях. Облизывая губы, я продолжаю:

— Я представляю тебя и меня.

— Я подозреваю, мы подобрались уже достаточно близко.

Я сердито на него смотрю.

— Мы можем пропустить это, если тебе не интересно.

— Роуз, — говорит он ласково, — я готов сидеть здесь еще хоть восемьдесят лет, слушая тебя. Я люблю звук твоего голоса и каждое сказанное тобой слово.

— То есть ты любишь мой голос, но не любишь меня?

Он сильно сжимает мою попку, от чего у меня перехватывает горло.

— Может быть, это *тебя* следует переименовать в умника после того, как мы трахнемся.

Я искренне смеюсь над этими словами Коннора.

И он улыбается вместе со мной.

— Расскажи мне, — шепчет он, щекоча своими губами мое ухо. — N'ai pas peur. — *Не бойся.*

Я сглатываю.

— Возможно, мне это не понравится, даже несмотря на то, что я не раз представляла себе данную фантазию.

Он стонет, наполовину разочаровано, наполовину возбужденно. Его дыхание более затрудненное, шумное и частое, нежели ранее.

— Ты меня убиваешь.

Я ощущаю, как подо мной начинает твердеть его член. И мне очень, очень сильно нравится эта власть.

— Может быть, мне следует накалить твое напряжение и так *никогда* и не рассказать тебе об этой своей фантазии.

— *Нет*, — он крепко сжимает мое лицо в своих ладонях. — Если бы ты могла жить у меня в голове прямо сейчас, то поняла бы, как сильно сводишь меня с ума.

— Я хочу быть в твоей голове, — говорю я честно, алкоголь делает свою работу, так как я опускаю руку ему на грудь, расстегивая пуговики белой рубашки.

— Ты практически на пути туда.

Эта фраза — мой спусковой крючок. Я глубоко вдыхаю и рассказываю ему.

— Я всегда сплю, когда это происходит, — я не отрываю от него взгляда. Остаюсь сильной. Я могу рассказать ему свою фантазию. Могу сделать это, не отлынивая подобно трусихе. — И я просыпаюсь от того, что ты толкаешься... внутрь меня... — я смолкаю, пытаюсь разгадать его реакцию по выражению лица, но оно остается пустым.

Я не могу сказать, считает ли он меня странной или нет.

Его рука скользит по моей шее к затылку, а затем Коннор целует мои неподвижные, застывшие от испуга губы, после чего шепчет:

— Я сделал много странных вещей, Роуз, — в его словах я слышу улыбку, и немедленно расслабляюсь. — Твоя очередь, — говорит он. И вот так просто он отбрасывает это, позволяя мне не беспокоиться о рассказанном.

Я ощущаю себя хорошо от того, что поделилась этим, более сексуально открытой. Думаю, я могла бы делиться с ним такими вещами чаще. Это не так трудно.

— Правда или вызов? — спрашиваю я, мои суставы побелели от того, как сильно я сжимаю бутылку Patron, стараясь сдержать реакцию тела на прикосновения Коннора.

— Правда.

— Что тебя больше привлекает: мое тело или ум?

Его взгляд устремлен на мою грудь, а рука скользит вверх под ночную рубашку, останавливаясь на моей попке, чуть выше линии трусиков.

— Оба, в одинаковой степени.

Если бы я не была столь пьяна от его присутствия и алкоголя, то вероятно заставила Коннора дать мне однозначный ответ, но в данной ситуации я спускаю этот на тормозах.

— Правда или вызов? — спрашивает он.

Последняя правда была довольно непростой, и я знаю, что в этот раз Коннор не станет упрощать эту игру. Так что говорю:

— Вызов.

Он глубоко вдыхает, словно очень сильно возбужден. И в ответ некоторые местечки на моем теле, которые раньше никогда не сжимались, сейчас сжимаются в напряжении и жажде.

— Я вызываю тебя, — говорит он, — снять твою ночную рубашку.

И прежде, чем я успеваю кивнуть, руки Коннора полностью проскальзывают под шелк, и он медленно поднимает ткань у меня над головой, так что моя грудь становится видна его пылкому взгляду. Мои соски уже стоят по струнке.

Мне нравится, как он смотрит на меня. Этот взгляд вызывает ощущение того, что я для него не просто красивая, а нечто большее. Я чувствую себя так, словно я всецело принадлежу ему. Слово никто другой не может сравниться со мной. Ему даже не нужно ничего говорить. Я вижу все это в его глазах. Я практически могу прочесть это в его сознании.

Сидя на его коленях, в одних только трусиках, в то время, как он полностью одет. Я хочу его раздеть, но когда пытаюсь расстегнуть пуговицы его рубашки, Коннор крепко хватается за запястья, выражая протест. Все верно, мы по-прежнему играем в игру.

— Правда или вызов? — спрашиваю я его.

— Правда.

Мои глаза прищуриваются.

— Предполагалось, ты выберешь вызов, — я бы с удовольствием еще раз увидела его член, но он все еще остается скрыт под его брюками. Один лишь взгляд на огромную выпуклость под тканью делает меня влажной.

— Но я не сделал этого.

— Ладно. Если бы ты мог отрезать любую часть моего тела и сохранить ее в банке, чтобы ты выбрал?

— Твои глаза, — он даже на секунду не задумывается над ответом.

Я сердито на него смотрю.

— И они бы смотрели на меня совсем, как сейчас, — его пальцы скользят по моему бедру, но он нарочно избегает возможности коснуться моей груди. Я никогда так сильно не хотела его прикосновений. — Правда или вызов?

— Вызов, — *я сделаю все, что угодно.*

— Позволь мне поиграть с тобой... — он проверяет свои угольно-черные Rolex. -...десять минут, — это звучит так двусмысленно, как вероятно, он и хотел. И прежде, чем я могу спросить или согласиться (с чем бы то ни было), он толкает меня на спину и прижимает сверху.

Его губы касаются моих, одновременно с тем Коннор делает глубокий вдох, от чего мое тело оживает, готовое к встрече с его телом.

А затем его рука опускается к моему животу, а губы движутся от моего подбородка к груди. Он посасывает мой сосок и немного прикусывает, сдавливая так, что я начинаю задыхаться.

Я хочу, чтобы он надавил мне на шею, но из-за кома в горле не могу говорить, чтобы попросить об этом.

Я потеряна в ощущениях.

За секунду Коннор садится на колени. А затем раздвигает мои ноги в стороны. Одним быстрым движением он насильно подтягивает меня к себе, мой центр жара ударяется о его твердость под тканью брюк.

Святое дерьмо...

Я не хочу закрывать глаза, но мои веки трепещут от накаляющихся нервов. Его рука исчезает под моими трусиками, и через секунду два его пальца проскальзывают внутрь меня и начинают двигаться в заданном темпе.

— Ты невероятно влажная, дорогая, — говорит он, тяжело дыша. — Ты была очень плохой девочкой, не давая своему телу то, чего оно так сильно жаждет, — Коннор приподнимает меня немного выше, доводя до грани, в то время как сам все еще полностью одет. Ощущения чертовски хороши. Коннор шлепает меня со стороны бедра.

Трахни меня.

Мои конечности зажаты в его захвате, и я изо всех сил стараюсь сдержать крик. Все рвущееся наружу звуки застревают у меня в горле. У меня есть практика по сдерживанию своих стонов; все те разы, когда я ласкала сама себя было довольно сложно сдерживаться.

— Дай мне услышать тебя.

Он сильнее проникает в меня пальцами. И я желаю, чтобы на Конноре не было его брюк. Желаю иметь возможность видеть, как напрягаются мышцы его задницы, пока он толкает пальцы внутрь меня.

Коннор снова шлепает меня, но в этот раз ближе к попе. Я издаю резкий вскрик, удивляющий даже меня саму.

— Тебе это нравится, — говорит он.

— Боже... да...

— В этой спальне нет бога, Роуз.

Моя рука тянется к лицу и прикрывает глаза. Я практически не слышу его голос.

— Блядь... — мои губы приоткрываются в безмолвном крике. Второй рукой я сжимаю ткань одеяла, ощущая, как влажность сочится под мою попку. Я приподнимаю голову и вижу, что текила расплескивается по всей кровати.

Но меня это вообще не заботит.

— Коннор, — говорю я на выдохе. — ...Коннор... жестче.

И вижу, как по его лицу расплывается улыбка. Коннор делает, как я попросила, ускоряя движения своих пальцев, врезаясь ими в меня еще сильнее. А затем его рука накрывает мою шею. Я открываю глаза, когда его пальцы надавливают и сжимаются вокруг моего горла.

Я не могу вздохнуть.

Вся кровь приливает к голове. Его захват не настолько силен, чтобы причинить мне боль, но достаточный, чтобы подарить головокружительные ощущения. Это именно то, чего я хотела всего минуту назад. Тот факт, что Коннор смог понять мое желание без слов или просьб становится последней каплей, доводящей меня до новой вершины, новой кульминации, оргазма неведанной мне ранее силы.

Меня накрывает волна бурного блаженства. Я чувствую собственные пульсации вокруг его пальцев, пока он все еще держит их внутри меня. Тонкий слой пота покрывает мое тело, и когда Коннор вытягивает свои пальцы, то хватает меня за подбородок, вынуждая взглянуть на него.

Он заставляет меня смотреть на то, как опускает свои пальцы в рот, слизывая влажность моей киски. Из-за увиденного, мое едва успокоившееся дыхание снова становится рваным.

Когда он отнимает руку ото рта, то говорит:

— Как я и думал.

— Что?

— Я люблю твой вкус.

Он наклоняется надо мной и скользит этими же двумя пальцами в мой рот. Коннор слизал большую часть моих соков, потому в основном я ощущаю его вкус — привкус его ополаскивателя для рта и мяты. Подозреваю, он знал, что я почувствую по большей части его вкус, нежели свой.

Коннор смотрит на свои часы.

— Еще три минуты, — его губы скользят вдоль моей шеи, и он шепчет. — Что я мог бы с тобою сделать за это время...

И как только его язык проскальзывает мне в рот, кто-то яростно стучит в двери спальни. Я подпрыгиваю от неожиданности, случайно прикусывая язык Коннора. *Дерьмо.*

Коннор кладет руку у основания моей шеи и прижимает к матрасу, пока сам выпрямляется, садясь.

— Я в порядке, — убеждает он меня.

Но я ощущаю привкус крови. И знаю, что это его кровь. Прежде, чем я успеваю попросить его показать язык, что-то еще раз врезается в дверь спальни.

Я вздрагиваю, но не отвожу взгляд от Коннора.

— Дай взглянуть на твой язык.

— Нет, — одним этим словом он напоминает мне, что я не в силах давить на него. — И я в порядке. Ты едва его прикусила.

Хорошо.

Следующий удар о стену раздается одновременно с пронзительным криком.

Коннор встает с кровати, и я замечаю, что его член уже не напряжен. Пока он быстро переодевает брюки и белье, я осознаю, что он тоже кончил. А я даже и не заметила. В тот момент я слишком сильно восторгалась собственной кульминацией.

— Вероятно, это просто трахающиеся Лорен и Лили, — говорю я.

Он прищуривает глаза и смотрит на меня.

— Я должно быть вынес тебе весь мозг своими пальцами.

Я хмурюсь.

— Звуки доносятся из комнаты Дэйзи.

Я резко вскакиваю с кровати и хватаю халат из черного шелка. Натянув его, я завязываю пояс на талии. Звук еще одного более сильного удара о стену доносится до нашего слуха. Мое сердце буквально подпрыгивает к горлу.

— Тебе следует остаться здесь, — говорит мне Коннор, застегивая молнию на своих черных слаксах.

Я сердито на него смотрю.

— Стоило попробовать, — он кладет свою руку мне на спину. — После тебя.

В тот момент, когда мы с Коннором оказываемся в коридоре, то натыкаемся на Скотта, наблюдающего за развернувшейся здесь сценой, со скрещенными на груди руками. Он не делает ни черта, чтобы остановить весь этот беспредел.

И когда я поворачиваюсь к эпицентру событий, то моя челюсть падает чуть ли не на пол.

Разбитая стеклянная лампа валяется на полу, рядом с ней лежит сорвавшаяся полка с безвозвратно уничтоженными мелкими безделушками, ранее стоявшими на ней.

Посреди комнаты Рик дерется с каким-то парнем среднего телосложения. Я быстро прикидываю возраст незнакомца. Ему около сорока. Рыжие волосы торчат в разные стороны, видимо в результате драки. Одна его губа разбита, но ему удастся хорошо противостоять Рiku, одетому в одни лишь тренировочные штаны. Мужчина толкает Рика на спину и делает два резких удара, один из них приходится Рiku в челюсть.

— Отъебись от меня! — орет парень.

А затем Рик сильно ударяет его прямо в кишечник. Мужчина сгибается пополам, кашляя.

Дэйзи находится в углу комнаты, разбивая что-то об пол, но я не вижу что это, так как ее кровать преграждает мне вид. Я бросаю на Скотта долгий сердитый взгляд, упрекающий его за ужасное бездействие, за то, что стоял здесь и не вмешался в происходящее. А затем я иду на помощь сестре, пока Коннор пытается разборонить ребят.

— Ты долбанный извращенец, — презрительно усмехается Рик, хватая мужчину за горло. Он собирается ударить его головой об пол, но Коннор крепко хватает Рика за запястье и отбрасывает его руку.

Все, что я могу допустить, так это то, что Рик нашел парня Дэйзи. И им оказался грузный пожилой мужчина. Это мое первое предположение.

— Не будите Лили и Ло, — говорит Коннор приглушенным тоном. — Успокойтесь.

Черты лица Рика очень мрачные. На него практически больно смотреть.

И в этот момент мужчина делает попытку к бегству, срываясь с места в сторону двери, но Коннор хватается за порванную рубашку и притягивает к себе. Мужчина борется, пытаясь вырваться из силового захвата Коннора.

Как только я подхожу к Дэйзи, то понимаю, что она разбила.

Камеру.

Сейчас, стоя на коленях, она неоднократно ударяет устройством об пол, так что маленькие кусочки пластика разлетаются во всех направлениях. Она неистово кричит, каждый раз как изуродованный объектив встречается с поверхностью пола.

— Дэйзи, — шепчу я и хватаю ее за руки, боясь, что она может пораниться о острые осколки.

Она роняет на пол остатки сломанной камеры и медленно садится, при этом я ощущаю, как она дрожит. Сейчас я осознаю, что этот мужчина — не ее парень. Должно быть это кто-то из папарацци, оказавшийся настолько глупым, что попер против всех законных мер и норм. Я оглядываюсь поверх плеча на Коннора и Рика.

Коннор по-прежнему удерживает мужчину за рубашку, но при этом к его уху прижат телефон. Каждый раз, как мужчина проявляет попытку к борьбе, мой парень одной рукой

сдавливает ему горло. Сдержанный, высокий и сильный Коннор. Он негромко с кем-то говорит по мобильному.

Мне удастся уловить несколько обрывков фраз:

— Нам нужно чтобы это не попало в таблоиды... Лили и Ло не должны узнать. Они и так чувствуют себя достаточно виноватыми за привлечения внимания со стороны СМИ...

— Что произошло? — спрашиваю я Рика, который сейчас подходит к кровати. Скотт же продолжает стоять возле чертовой двери, просто наблюдая. Хотя, не думаю, что все это было заснято. Мы в *спальне*, что подразумевает под собой отсутствие камер.

— Дэйзи позвонила мне по мобильному, — говорит он.

Дэйзи смотрит в пол, ее лицо бледное, как холст.

Я трясую ее за плечи, не слишком сильно, но и не нежно, и она практически не сопротивляется.

— Дэйзи? Поговори со мной.

— Он ворвался в мою комнату, — говорит она себе под нос.

Я убираю с лица ее волосы, длинную до талии, стараясь чрезмерно не волноваться.

— И? — говорю я, стиснув зубы. *Если он хоть пальцем к ней прикоснулся...*

Ее прекрасное лицо кривится, выражая целую гамму неестественных эмоций.

— ...он начал снимать меня... и я не знала, что сделать, потому позвонила Рiku... — она качает головой, и слезы капают на дерево пола, — ... я так устала... — я притягиваю ее к своей груди, пока она начинает плакать.

Когда я подымаю взгляд на Рика, то замечаю тот же взгляд, которым он смотрел на Дэйзи в вечер вечеринки по случаю первого эпизода. Беспокойство. Мрачное сопереживание.

— Шшш, — шепчу я ей, перебирая пальцами ее светлые пряди. Я упираюсь подбородком ей в макушку и обнимаю.

— ... я так устала, — говорит она снова, и ее голос дрожит.

Когда наша мать не занята свадьбой Лили, она тянет Дэйзи в пяти различных направлениях. Ее заботит то, чтобы Дэйзи не оштрафовали за неявку или некачественную фотосъемку, потому в последние три недели сестра работала непрерывно. В свободное от школы время, мама возила Дэйзи в Нью-Йорк, чтобы посетить очередное новое модельное агентство. Я едва ли вообще ее видела за этот месяц.

Мне даже пришлось убеждать нашу мать позволить организовать вечеринку по случаю дня рождения Дэйзи. Ей пришлось отменять одну из своих фотосъемок, чтобы попасть на собственное празднование. Потребовалось четыре раунда споров и криков по телефону, чтобы выиграть у матери этот бой. Но мой выигрыш составил лишь один свободный день для Дэйзи.

— Как дела в школе, Дэйз? — спрашивает Рик.

Я оглядываюсь через плечо, проверяя нет ли в комнате Лили и Ло. По крайней мере они вроде бы все еще спят.

Дэйзи задыхается от прерывистого дыхания.

— Я... я в порядке... правда.

Мы с Риком обмениваемся беспокойными взглядами.

Он беззвучно говорит, *что это все чертовски хреново.*

Я знаю — отвечаю я одними губами.

Но что мы можем поделать? Она должна закончить подготовительную школу, и я могу

только предположить, какие насмешки приходится ей терпеть от других детей. Сейчас она знаменитость. Ее сестра — сексуально-зависимая, и ее саму пресса позиционирует, как будущую секс-зависимую. Ее фотографии повсюду, иногда это студийные фото по работе моделью, а иногда просто фото папарацци. Это резкая смена по сравнению с ее прежней жизнью, и никто из нас даже не может себе представить, каково ей в сложившейся ситуации. Ко времени всей этой шумихи, нам всем было уже за двадцать, мы все окончили уже школу. Нам не нужно было переживать о подобных проблемах, насмешках или запугивании.

— Мы позаботимся об этом, — говорю я ей. Я собираюсь окружить гребаный таунхаус охраной. В нашем доме в Принстоне имелись защищенные ворота и железные ограды. Нам следовало все здесь лучше подготовить. — Как он пробрался через входную дверь? — спрашиваю я Рика.

Он хмуриться.

— У меня, черт побери, не было времени у него спросить.

Мои губы сжимаются.

— Он касался ее?

Рик смотрит на Дэйзи.

— Он, блядь, касался тебя, Дэйзи?

Она отрицательно качает головой несколько раз.

— Нет... мне жаль... — Дэйзи быстро вытирает глаза, пытаясь спрятать свои эмоции.

— Никогда, блин, не проси прощения за проступки другого парня, — рычит Рик. Он бормочет несколько ругательств, возводя взгляд к потолку.

Вау. Рик прибавил себе двадцать пунктов в моем рейтинге. Не из-за ругательств, ясное дело.

— Когда это ты стал таким феминистом? — спрашиваю я его.

— С тех самых, как узнал, что мой алкоголик-отец обманывал мою мать. А затем бросил ее на хрен и ушел растить своего незаконнорожденного сына, — злость и обида сочатся из его резких слов.

— Мне не следовало спрашивать.

Его семейное древо абсолютно ебнутое. Я глажу волосы Дэйзи.

Коннор бредет к нам, опуская телефон в карман брюк. Он больше не держит парня в рваной рубашке. По факту, мужчина исчез.

— Приехала служба безопасности вашего отца и забрала его, — говорит мне Коннор. — Он пробрался через входную дверь с помощью отмычки.

— Нам нужно...

— Твой отец уже нанял дополнительную охрану, они будут патрулировать снаружи дома. Он позаботится, чтобы об инциденте не узнали. Никто не пронюхает об этом, разве что Скотт решит засветить это в шоу. У него есть видео того, как мужчина проходит вверх по лестнице и через коридор.

Я смотрю в ту сторону, где стоял Скотт, но его уже нет.

— Лили и Ло... — бормочет Дэйзи, потирая свои глаза.

— Они никогда не узнают, — говорит Рик. — Это останется между нами четверьмя.

И Скоттом. Но никто не включает его или имя моего отца в наш секретный клуб.

И мы не спрашиваем о том, почему Лили и Ло не могут знать о случившемся. Вот, что Коннор сказал по телефону моему отцу. Вина причинила бы Лили и Ло еще больше боли.

Сумасшествие СМИ берет свое начало от пропаганды секс-зависимости Лили. Но некая вина за этот инцидент лежит и на мне — это я втянула их в данное реалити-шоу, и я попросила отказаться от телохранителей. Но я могу пережить это чувство вины, и выйти из ситуации став сильнее.

А Лили и Ло не могут. Они зависимые. Это просто уничтожит их настолько, что моя сестра и ее парень могут снова обратиться к своим порокам, пытаясь заглушить свои чувства. А никто из нас этого не хочет. Потому мы будем стоять стеной, лишь бы оградить их от этих ужасных событий. Мы можем переносить их боль за них, до тех пор пока Лили и Ло не выздоровеют полностью.

Это то, о чем мы вчетвером договорились в тот момент, когда Лили боялась даже шаг сделать из дома и встретиться с окружающим миром. В тот момент, когда Ло выглядел больным, всякий раз, как пытался уговорить ее выйти на улицу и встретиться лицом к лицу с бессердечными СМИ.

Были очень мрачные моменты, когда казалось, что они умрут вместе. Казалось, что они видели в этом выход. Были моменты, когда я задавалась вопросом, как вообще любая девушка может выдержать то, что пережила моя сестра. И думаю, единственная причина, по которой Ло и Лил не покинули этот мир — потому что отказались покидать его вместе.

Уходить по отдельности — означает оставить другого испытывать ужасную потерю; я сомневаюсь, что данный вариант вообще приходил им в голову.

ГЛАВА 22

КОННОР КОБАЛЬТ

— Что это? — спрашиваю я Роуз, оплачивая чек в переполненном людьми ресторане. Семеро из нас, включая Скотта, чувствуя себя при этом словно соглядатаи, приняли участие в обеде вне дома в честь дня Святого Валентина.

Чем популярнее становятся *Принцессы Филли*, тем больше прессы преследует нас. Помимо щелчков фотоаппаратов снаружи ресторана, семьи, сидящие в соседних с нашей кабинках снимают на телефоны то, как мы восседаем здесь за длинным обеденным столом.

Но не в этом причина, по которой брови Роуз сошлись на переносице. Она закрывает экран телефона ладонью, опуская его на колени и концентрируясь на голубой подсветке.

Я подцепляю ногой ее стул и подтягиваю его к себе.

— Она неумолима, — сухо говорит Роуз.

Я читаю текст.

3 месяца и 24 дня — мама

— Должен ли я спросить о покупке подвенечного платья?

В прошлый раз, когда я спросил о торте, Роуз практически маниакально излила на меня всю ту неадекватную чепуху, что говорила ей мать. Я не мог бы понять хоть что-нибудь из сказанного ею, даже если бы она говорила на французском. Она все расхаживала по нашей спальне, неровно дыша. Мне потребовался целый час, чтобы ее успокоить.

— Лили сказала, что она не хочет этим заниматься, — говорит Роуз. — Я могу попросить прийти Дэйзи и Поппи вместе выбрать платья для подружек невесты, но выбор свадебного платья для Лили мне не по силам, — говоря это, Роуз остается относительно спокойной, ей просто нужно подумать о решении проблемы.

— И?

— Я собираюсь сшить ей платье, — говорит она мне. — Вообще-то я разработала одно на прошлой неделе. Думаю, что смогу закончить его за оставшееся время.

Я не хочу повторять то, что сказал мне о Роуз Фредерик, хоть, в целом это правда. Она берет на себя слишком много. Роуз не только планирует свадьбу Лили и ее девичник, но и неустанно трудится над возрождением Кэллоуэй Кутюр. Она отказывается нанимать сотрудников, пока прибыль не увеличится, поэтому ей приходится заниматься буквально всем, от работы с социальными медиа и до инвентаризаций, не говоря уже о звонках от перспективных инвесторов и универмагов.

Это слишком большая нагрузка для одного человека. Я не представляю, как разработка свадебного платья сможет облегчить какую-то из поставленных перед ней задач, но я предпочел бы в этой ситуации не быть лицемером. Мое тело подпитывается Аддераллом. Это отнюдь не благородное решение, и мне бы не хотелось, чтобы Роуз последовала моему примеру в этом вопросе.

— Уверен, тебе удастся найти на это время, — говорю я, пытаюсь поверить в собственные слова так, чтобы они не ощущались подобно лжи.

— Так у тебя реально есть парень, или ты просто разводишь нас? — спрашивает Рик у Дэйзи, бросая свою салфетку на стол и убирая последние из наших грязных тарелок.

— Ага, почему он так и не попал ни в один из эпизодов? — спрашивает Ло.

Дэйзи откидывается на стуле, так что она балансирует на двух задних ножках, и

пожимает плечами.

— Не знаю. Спросите у Скотта.

— Давайте не будем говорить о продакшне, — довольно легкомысленно говорит Скотт. Возможно, у него есть трудности с тем, чтобы не быть полным и абсолютным придурком, потому что его взгляд буквально раздевает Дэйзи; его взгляд напряженный и долгий пристально изучает ее лицо без макияжа и природную красоту. Его глаза даже опускаются к груди Дэйзи, обтянутой в золотистый топ от Кэллоуэй Кутюр с достаточно глубоким декольте.

— Подними свой взгляд, — рычит Рик, угрожающе размахивая столовым ножом перед лицом Скотта.

Скотт не отводит взгляд от Дэйзи, что пределом начинает меня раздражать. Общественность преимущественно занимает сторону Скотта в этом надуманном любовном треугольнике, считая себя частью его так называемой команды. На сколько я помню, последний прочтенный мною в блоге комментарий гласил что-то вроде: *Коннор, блядь, треплет мне нервы!! Что, черт возьми, Роуз в НЕМ нашла?! Скотт таааааак сильно ее любит.* — LadyBug345

Еще я узнал, что многие люди желают со мной подраться. Я получаю сообщение с текстом "Я хочу побить Коннора Кобальта!" постоянно. Я почти что подавился своим кофе сегодня утром, хохоча от прочтенных комментариев.

Веди себя хорошо, Коннор. Если бы ты был моим сыном, я бы вымыла тебе рот с мылом. — DeeDeeJohnes

DeeDee, я восхищаюсь твоим рвением, даже если ты не занимаешь мою сторону в этой битве. Вот, что я ощущаю от каждого прочтенного пренебрежительного замечания. По крайней мере эти люди переживают о чем-то так сильно, что готовы прокричать об этом онлайн.

Страстные люди развеивают серость этого мира.

Что общественность не осознает — так это то, что Скотт избегает Роуз все больше и больше. Он переориентировал свое внимание. Два дня назад он показывал Лили отфотошопленное фото, где ее лицо было вырезано и вставлено в изображение трахающихся кроликов. Какой-то парень разместил эту картинку онлайн, и она распространилась в сети интернет посредством Tumblr. Даже шоу *Увлечение Знаменитостями* разместило это изображение на своем веб-сайте.

Лили целенаправленно избегает любой критики о себе или шоу. Скотт же решил, что его миссия изменить это.

Ло почти озверел, когда пришел домой и обнаружил Лили, рыдающую в объятиях Роуз. Мне буквально пришлось закрыть ему рукой рот, чтобы остановить угрозы изрезать на мелкие кусочки Скотта, которые Лорен извергал прямо ему в лицо.

Во всем этом было единственное преимущество. Взаимная ненависть к Скотту в некотором роде превзошла разногласия, царившие в наших отношениях с момента вечеринки. Я заметил лишь небольшие изменения в своих отношениях с Ло. Когда мы шутим, черты его лица иногда становятся серьезными быстрее, чем обычно, будто Лорен вспоминает, что я на самом деле не люблю его так, как он, вероятно, в это ранее верил. Что я не люблю даже Роуз. Он сомневается, что между нами реально, а что фальшиво.

Я бы хотел, чтобы он был во мне уверен, но не могу изменить того, что уже случилось. Мне просто приходится двигаться дальше.

— А ты любишь вызовы, Дэйзи? — спрашивает Скотт, его взгляд порхает от ее лица к груди и обратно.

— Конечно, — говорит она.

Дэйзи можно рассматривать, как слабое звено в нашей группе. Но Лили вне сомнений самая хрупкая. Скотт сосредотачивает свое внимание именно на них. Мы с Роуз переживаем о том, как далеко он собирается зайти в своем стремлении сломать ее сестер и разрушить нашу шестерку.

— Я вызываю тебя, — говорит Скотт, криво усмехаясь, — показать свои голые груди папарацци, когда мы будем выходить из ресторана.

Рик бросает свой нож на стол в опасной близости к Скотту. Столовый прибор с дребезгом падает продюсеру на колени.

— А я вызываю тебя трахнуть самого себя, — усмехается Рик.

Скотт просто продолжает насмешливо смотреть на младшую сестру Роуз.

Дэйзи встает, и все замирают.

— Я вызываю всех вас успокоиться. Мой топ останется на мне, большое спасибо.

Я обнимаю Роуз за талию, когда все мы поднимаемся, собираясь уйти. Саванна, Бретт и Бен уже стоят рядом, снимая нас.

Но вместо того, чтобы направиться к выходу, Роуз указывает пальцем на Скотта.

— Ты отвратителен.

— На вечеринке в честь ее шестнадцатилетия были стриптизеры. Так что для нее снять майку перед несколькими камерами — это реально ничто.

— Они были танцорами и оставались весь вечер полностью одетыми, — отвечает Роуз, сердито на него смотря.

— Идем, — говорит Лили нежным голосом. — Пожалуйста, все...

Люди в ресторане начинают смотреть на нас. Ло потирает плечо Лили.

Я бросаю Рiku ключи от Escalade Роуз, потому что сегодня я пил, а она тоже разделила со мной бокал вина. Рик ловит связку с легкостью и первым направляется вместе с Дэйзи на улицу. Когда Скотт пытается пристроиться к Дэйзи с боку, Рик буквально кладет руку ему на груди и отталкивает назад.

— Нет, — говорит он. — Тебе, черт побери, запрещено общаться с ней до конца этого долбаного шоу.

Идущая перед ними Дэйзи, оглядывается поверх плеча, и ее губы растягиваются в признательной улыбке. Вероятно, Скотт раздражает ее так же сильно, как и всех остальных.

— Я могу делать все, что пожелаю, — говорит Скотт, понижая свой голос так, чтобы другие гости ресторана не могли его услышать. — Я владею вами и ею. И этими тремя за моей спиной. Никогда не забывай этого.

Я не сдерживаю Рика. Так же как и Ло. Но что удивительно, он сам себя сдерживает, сжимая руки в кулаки в карманах собственных джинс. Рик проходит мимо Скотта, задевая плечом его плечо, и дойдя до Дэйзи, выводит ее из ресторана.

Скотт спотыкается, пятясь назад, но я больше сосредоточена на том, что происходит, как только двери ресторана открываются. Ослепительные вспышки камер столь же агрессивны, как и мерцающие огни в ночном клубе. Голоса папарацци, выкрикивающие нам различные вопросы моментально разрушают спокойную атмосферу празднования дня Святого Валентина.

Лили прижимается к груди Ло.

— Жаль, что моя супер сила невидимки сегодня не действует, — бормочет она ему.

— Никогда не жалею об этом, — говорит он и целует Лили в щеку. — Если бы ты стала невидимкой, я бы не мог тебя видеть.

— Ну значит нужна сила телепортации.

— Ага, я до сих пор молю небеса об этой супер способности, — он сжимает ее плечо.

Мы с Роуз внимательно за ними наблюдаем, ожидая, пока они благополучно выйдут из ресторана и станут сильнее, чтобы двигаться дальше по жизни. Скотт уже ушел следом за Дэйзи и Риком.

Секунду я разглядываю Роуз. Ее шея напряжена, плечи распрямлены; она выглядит так, словно готова прыгнуть в огненное кольцо ада. Она даже не дышит.

— *Tout va bien se passer*, — шепчу я. *Все будет в порядке.*

— *Comment sais-tu?* — *Откуда ты это знаешь?*

— Потому что я здесь, — говорю я со всею уверенностью в голосе, в своей позе, во всем *существо*.

Уголки ее губ приподнимаются, но Роуз не говорит мне сегодня о том, насколько я высокомерен. Ее рука опускается в мою и сильно сжимает. И мы наблюдаем за тем, как Ло наконец-то удастся уговорит Лили сделать первые шаги на улицу.

ГЛАВА 23

КОННОР КОБАЛЬТ

Один час. Вот сколько я спал. В полночь моя мать позвонила мне по вопросу работы с *документами*. Это никогда не входило в обязанности исполнительного директора, но ей нравится проверять мое рвение — то, как сильно я хочу занять эту позицию к компании.

Если честно, я хочу эту должность достаточно сильно, чтобы нуждаться во втором рецепте на Аддералл. Это достаточно сильно?

Я вздремнул на диване, но глобально должен был проснуться и закончить исследовательский проект, так что вот чем я сейчас и занимаюсь. Потягивая уже шестую чашку кофе, я подаю документы посредством электронной почты. Мой телефон жужжит на кухонной столешнице, пока я снова наполняю кофейник, но уже для Роуз.

Я смотрю на экран, читая имя звонящего: ФРЕДЕРИК. Я беру телефон, идя на задний двор прежде, чем отвечаю на звонок.

— Я направляюсь в твой офис через пятнадцать минут, — говорю я ему, опираясь локтями на край большого джакузи. Мое дыхание клубится в прохладном утреннем воздухе.

До меня доносятся *щелчки* камеры, и я замечаю папарацци на улице, их руки и объективы торчат из окон, припаркованных возле дома машин. Я не оборачиваюсь, меня не заботит, если ли у них мое фото или его нет.

— Поэтому я и звоню, — говорит Фредерик. — Мы с тобой больше не будем видеться.

Я знаю, это из-за Аддералла. Я написал ему прошлой ночью сообщение, с просьбой пополнить мой рецепт. Он так ничего и не ответил.

Я делаю большой глоток кофе, игнорируя комментарий и твердость его голоса.

— Ты меня слушаешь?

— Я слышу, что ты пытаешься предсказать будущее. И кстати, ты ошибаешься.

— Прописанного мною рецепта должно было хватить на шесть месяцев, Коннор. Не предполагалось, что ты станешь принимать таблетки ежедневно. И я не хочу, чтобы ты больше приходил ко мне на прием, не тогда, когда ты можешь использовать это время для сна.

— Я нормально сплю.

— Тогда с тобой все будет *нормально*, если я не стану пополнять твой рецепт, — он не блефует, и мое молчание мотивирует Фредерика продолжить свою речь. — Поспи немного. Я не хочу говорить или видеть тебя, пока ты не нормализуешь свой распорядок сна.

— Ты собираешься бросить своего пациента в такой ситуации? — говорю я спокойно. Мне нужно сесть на ступени джакузи, потому что его слова подобны пощечине, даже если я не выказываю потрясения в своем голосе, даже если действия Фредерика берут свое начало из отзывчивости по отношению ко мне. Меня ранит то, что он так быстро бросает меня, при том, что был моим советчиком в течение последних двенадцати лет.

— Если я считаю, что это в твоих же интересах, то да, я сделаю это.

— Что в моих интересах, — говорю я, — так это поговорить со своим врачом, а не спать весь день.

— Мы сможем поговорить через три недели, когда ты снова встанешь на ноги.

— Я постоянно стою на ногах, — я смотрю на свою позу прямо сейчас. Я буквально и фигурально сижу. Прекрасно.

— Коннор, — говорит он, растягивая мое имя так, что я внимательнее начинаю его слушать, — ты не бесчеловечен. Я тебе не нужен, чтобы напоминать о твоих же ощущениях. Они внутри твоей головы.

Я потираю свои раздраженные покрасневшие глаза, обдумывая его слова. Через пару секунд я говорю:

— Ты мне нужен, Фредерик. Ты необходимая часть моей жизни.

— Я знаю. Это лишь временная мера.

— Ладно, — уступаю я. Я проиграл эту битву. Только с Фредериком, я позволяю себе так легко сдаться. Иногда я доверяю его советам больше, чем собственным. Кстати, это самая высокая похвала, которую вы можете от меня получить. — Я посплю, и мы увидимся через три недели, — больше никакого Аддералла. Я уже знаю, что первым от этого выбора пострадает Уортон. И тем не менее, меня не волнует это так сильно, как волновало всего несколько месяцев назад. Мои приоритеты немного сдвинулись. — Мне нужно о многом с тобой поговорить, — добавляю я.

— Какая категория?

— Роуз. Секс, — я говорю это, как приманку. На самом же деле, у меня нет и малейшего желания делиться деталями моей сексуальной жизни с кем-либо, кроме Роуз, но возможно, это заманит его передумать насчет сегодняшнего сеанса.

— У вас был...

— Еще нет. Но она достаточно готова, чтобы сделать это. У нас просто не было пока на это времени.

Я могу практически почувствовать, улыбку Фредерика на том конце. Моя сексуальная жизнь — наиболее интригующая обсуждаемая нами тема, тем более, что мои предпочтения далеко не вписываются в рамки норм общества.

Для меня сексуальность — это притяжение.

К мужчине или к женщине — по большому счету без разницы. Человеческая раса полна страсти и похоти. И термины по типу гетеросексуализм, гомосексуализм или бисексуализм для меня не имеют существенного смысла. Ты — человек. Ты любишь того, кто любит тебя. Ты трахаешь того, кто трахается с тобой. Этого должно быть достаточно, никаких ярлыков. Никаких предрассудков. Ничего. Просто быть таким, какой ты есть. Но жизнь не такая. Люди всегда найдут, что бы возненавидеть.

— Я с нетерпением буду ждать нашего разговора, — говорит Фредерик, — через *три* недели.

— Верно, — мы прощаемся и вешаем трубку. Я возвращаюсь в дом и помещаю кофейную кружку в посудомоечную машину, стараясь подавить странный осадок от разговора с Фредериком и его отказа со мной встречаться. Я собираюсь воспользоваться его советом и поспать. Но мне не хочется будить Роуз, когда буду ложиться в кровать, так что я направляюсь вниз, чтобы вздремнуть на нижнем этаже таунхауса — в бывшей комнате Дэйзи, которую она делила с несколькими крысами. Сейчас здесь чисто, но мы используем помещение для хранения всякого хлама.

Спустившись по ступеням, я иду вдоль узкого, короткого коридора, когда слышу, как что-то ударяется о стену. Я поворачиваюсь к двери и прислушиваюсь, прежде чем войти, сосредотачиваюсь на всех звуках. Возможно... это стоны и крик.

Звуки становятся громче, и я различаю незнакомый мужской голос, затрудненное и прерывистое дыхание.

— Аххх... да... детка, прямо там. Хорошая девочка.

Я чувствую себя в праве открыть дверь, потому что кто бы не занимался здесь сексом, ему не следовало делать это в подобном месте. Так что я поворачиваю ручку, и она щелкает. Заперто.

Я слышу несколько приглушенных проклятий от парня.

— Кто-то пытается войти, — говорит он.

Я не хочу перейти к иррациональным выводам. По типу того, что по ту сторону двери находится Роуз. Нет никаких причин ей там быть. Логика говорит мне, что это не она. Но я все равно по глупости начинаю представлять ее на коленях перед каким-то гребаным парнем.

Я ударяю кулаком о дерево двери.

— Открывайте, — в моем горле встает огромный ком неестественного, беспочвенного страха. *Ее там нет, Коннор.*

Дверь приоткрывается всего через несколько секунд после моего требования, и предомной предстает Дэйзи. Я стараюсь отбросить в сторону свое внезапное беспокойство и взглянуть на ситуацию более аналитически.

Она приоткрыла дверь всего на несколько сантиметров и загораживает эту щель своим телом, тем самым скрывая вид на (как я надеюсь) своего парня.

Я оцениваю ее внешний вид. Дэйзи полностью одета в спортивные штаны и майку. У нее нет румянца на щеках. Нет пота. Она не выглядит светящейся или счастливой. Но в то же время она и не расстроена. Просто разочарована. Не удовлетворена. И может быть даже немного рада, что я прервал их.

— Что тебе нужно? — она мило мне улыбается и выглядит довольно убедительно. Если бы я не умел так превосходно читать людей, то подумал бы что сегодня лучший день в ее жизни.

— Кто твой друг? — спрашиваю я, решая быть прямолинейным.

— Ох... ты его слышал... — она слегка постукивает пальцем о дверную раму и оглядывается через свое плечо. — Я же говорила тебе, что ты ведешь себя громко.

— Так случается, если девушка делает хорошо...

— Завтрак, — говорит Дэйзи, ее улыбка становится шире. — Думаю, мне следует сделать завтрак для всех.

— Сделай, — говорю я ей, — а я поговорю с твоим другом, пока ты будешь готовить.

Она легкомысленно отмахивается от меня.

— В этом нет нужды. Ты увидишь его в Альпах, — она прокашливается. — Продакшн вынуждает его поехать в путешествие вместе с нами, — она нервно мнетя с ноги на ногу, это ее единственный довод на данный момент.

Итак, *это* ее новый парень.

— А ты не хочешь, чтобы он ехал?

Она пожимает плечами.

— Я счастлива, что мы можем сбежать от папарацци на неделю, но меня не слишком радует идея, что Ло и Рик устроят ему допрос с пристрастием.

— Тогда ему следует начать со знакомства со мной, это облегчит его участь, — говорю я, немного манипулируя ею. Но я же делаю это из благих побуждений. — Я просто хочу с ним вежливо поговорить.

— Конечно. Звучит здорово.

Но за ее искусственным фасадом я вижу беспокойство. У Дэйзи есть способности к сокрытию своих подлинных чувств, но не передо мной, я в данном вопросе — эксперт.

Прежде чем уйти, она поворачивается, и двигаясь задом-наперед, говорит:

— Не мог бы ты... оказать мне одолжение и не упоминать перед Роуз о тех звуках, что издавал здесь Джулиан?

Это странно.

Роуз известно, что Дэйзи сексуально активна. А еще она сторонница женщин, исследующих собственную сексуальность, даже при том, что сама Роуз стесняется исследовать свою. Основываясь на отсутствии румянца и пота, я предполагаю, что у Дэйзи не было только что секса.

— Роуз не будет об этом волноваться, — говорю я в конечном итоге. Но Дэйзи и так это знает, так в чем же настоящая проблема?

Дэйзи складывает руки в замок.

— Верно. Хорошо, — она указывает своим большим пальцем в сторону лестницы. — Приходите завтракать, — а затем она исчезает, оставляя неприятные ощущения у меня в животе.

Что-то не так с этим Джулианом.

Я толкаю дверь спальни и передо мной предстает загорелый парень с растрепанными каштановыми волосами и небритым лицом. Больше похожий на итальянца.

Моя первая реакция — он вне сомнений модель. Я могу сказать это по нескольким отличительным чертам, плюс, я уверен, что они познакомились на работе. И пока он стоит перед зеркалом, пытаясь пальцами причесать свои волосы, я осознаю, в чем же состоит реальная проблема.

Этот парень — не подросток. Даже и близко.

— Эй, мужик, — кивает он мне. — Ты ее брат, верно? — он кривится, ожидая, что я начну с ним грубо разговаривать. Ему даже не известно, что у Дэйзи одни сестры и нет братьев.

— А ты новый парень Дэйзи? — спрашиваю я, не давая ответ на его вопрос.

Он неловко покачивается на пятках.

— По-типуууу того...

— Термин *чей-то парень* не несет в себе более одного значения, — я прислоняюсь плечом к дверной раме. — Вы либо встречаетесь, либо нет.

Он прищуривает глаза, будто смущается.

— Ну, мы вообще-то даже не трахаемся. Она — несовершеннолетняя, — он хватается пальто со спинки кресла. — Что ты скажешь на это?

Ложь.

— Ты все еще можешь быть осужден за содомию в вопросе минета, — отвечаю я. — Так что я бы назвал это траханьем.

Его лицо становится бледным.

— Посмотри, я — модель. Мы с Дэйзи знакомы почти что год. Мы — всего лишь хорошие друзья.

— Тебе ведь где-то... двадцать два? — спрашиваю я.

— Двадцать три.

Блядь. Рику двадцать три. Он бы убил этого парня.

Я качаю головой.

Дэйзи запуталась. Я вижу это по выражению ее лица, при каждой нашей встрече. С 14 лет она занимается своей карьерой и должна вести себя, как взрослый человек, чтобы выжить в индустрии моды, среди агентов, фотографов и моделей по-типу Джулиана. Но все еще есть люди, такие как Ло и Лили, видящие в ней младшую сестру. Которые оберегают ее, относясь к ней как к шестнадцатилетней девочке, не достигшей своей зрелости.

Возраст — это число, отражающее обстоятельства, окружающую среду или психологию. Для меня возраст имеет несущественное значение, так как я не раз видел людей, которым по тридцать лет от роду, а они ведут себя подобно детям, или некоторых подростков, берущих на себя ответственность за домашнее хозяйство.

Я не сужу людей по цифрам в их документах. Я оцениваю их внутренность и суть.

Думаю, мне стоило бы поговорить с Дэйзи о ее ситуации. Стоило бы дать ей знать, что ее собственное смущение позволяет обществу еще сильнее воздействовать на нее. Что не важно, сколько ярлыков и рамок хотят навязать тебе окружающие; ты будешь в порядке лишь до тех пор, пока сам будешь четко осознавать кем являешься.

И возможно, тебе придется играть по чужим правилам, смириться с их условиями и использовать их терминологию — лично я делаю так всю свою жизнь — но важно лишь то, чему *ты* сам веришь.

Но если начистоту, я никогда не заведу с ней подобный разговор. Фредерик часто напоминает мне, что я не психиатр этого мира. Я вижу людей насквозь, но должен выбирать кого и что, хочу исправить. Дэйзи и так достаточно умна, чтобы разобраться во всем самостоятельно. Ей просто нужно немного времени.

Запретить ей дружить или общаться с кем-либо не решит проблему. Это просто станет еще одним гнилым напоминанием того, что числа в документах означают больше, чем ее внутренняя зрелость. Так что я должен потерпеть, доставив удовольствие ее парню.

— Дам тебе совет, — говорю я легкомысленно. — Если ты в дальнейшем планируешь организовывать в этом доме ночевки со своим *хорошим* другом, сведи свои оргазмы до минимума. Возможно, в следующий раз не я буду тем, кто вас застукать, и тогда тебе вряд ли удастся уберечь свои яйца.

— Так... кого мне следует избегать? — смеется он.

— Всех, кроме меня, — говорю я ему.

Он снова смеется, словно это шутка. Я не отрываю от него строгий взгляд, и его улыбка угасает.

— Ох... — бормочет он. — Блин, это хреново, да?

— Ага, чувак, это хреново, — я внутренне содрогаюсь от употребления подобного обращения, но парень явно лучше понимает, если говорить с ним на его языке. Его плечи расслабляются, а на лице снова расплывается легкая улыбка. Это выглядит так, будто мы — друзья.

Еще одно прибавление в моей коллекции.

Насколько же это ебануто? *Фредерик*... ох, постойте, я же не могу позвонить ему. Раздражение внутри меня все нарастает и нарастает. Очевидно, что мне просто, блядь, нужно вздремнуть.

— Джулиан, как думаешь, я могу взять у тебя твой номер? Ты же едешь с нами в Альпы, верно?

— Ага, — он диктует мне свой номер телефона, и я вбиваю его в свой мобильный. У меня нет намерения когда-либо ему звонить, но если что-то случится с Дэйзи, а она будет с

ним, то данная информация будет очень важна. — Думаешь, ты мог бы позвать Дэйзи назад сюда, когда пойдешь наверх? Мы в некотором роде кое-что не закончили, ну, знаешь, — он смотрит на меня с таким выражением лица, которое обычно сопровождается странными братскими рукопожатиями.

Он — реально идиот.

— Нет, — говорю я категорично. — Ты можешь использовать свою руку, чтобы закончить начатое. А Дэйзи нужно приготовить завтрак.

И что-то подсказывает мне, что Дэйзи на самом деле не горит желанием прикоснуться к нему. Я не могу смотреть на него, без желания треснуть хорошенько по его лицу.

Так что решаю уйти, как только сохраняю в телефоне его номер. Я просто поднимаюсь наверх и забираюсь в кровать, стараясь не разбудить Роуз.

Спасибо Фредерику, я могу проспать сегодня весь день напролет.

ГЛАВА 24

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

— Ты видела, что случилось в аэропорту? — спрашивает у меня Лили, широко и глупо улыбаясь. — Никто даже не взглянул в моем направлении. И все, что мне для этого понадобилось сделать — так это одеть солнечные очки, — она издает восхищенный визг и падает на кровать. — Думаю, я люблю Францию.

Я не могу сдержать улыбку. Видеть сестру счастливой для меня особое событие.

Наша поездка в Альпы планировалась заблаговременно, так как продакшн хотел отснять материал в непринужденной обстановке отпуска. Но вышло так, что выбранное время оказалось идеальным. Всем нам нужен был перерыв от преследования папарацци. Здесь нас ожидали арендованный деревянный домик и все еще холодная снежная погода, даже несмотря на то, что на дворе конец марта.

3 месяца — мама

3 месяца, и Лили выйдет замуж. 3 месяца, и мне нужно закончить пошив ее платья. После того, как я сделала пять вариантов эскизов, думаю, что наконец-то достигла идеала, а еще я взяла несколько вариантов тканей с собой. Коннор говорит, что я должна просто отдать все выбранные материалы и дизайн швее, но я хочу, чтобы платье вышло совершенным. Если хотя бы эту вещь я сделаю для Лили хорошо, то, на мой взгляд, вся свадьба будет успешной. Возможно, не для моей матери, но для меня безусловно.

Пока все разгружают продукты, мы с Лили осматриваем кровати, чтобы распределить комнаты. Я ненавижу то, что испорчу ее прекрасное настроение разговором о свадьбе, но она создала идеальную возможность для данной беседы.

— Может, если тебе так нравится Франция, мы организуем вашу свадьбу в Париже.

Лили приподымается, опираясь на локти.

— Означает ли это, что репортеры не смогут ее снимать?

Предполагается, что свадьба ребят попадет в национальные новости и будет транслироваться на нескольких кабельных телеканалах, спонсирующихся Ассоциацией Глобального Вещания (GBA), так, словно Лили и Лорен — члены королевской семьи. GBA купила права на съемку нас, выступив против таких гигантов как ABC, NBC, и CBS.

— Думаю, они прилетят сюда и все же сделают свое дело.

— Ох...

Наступает длительное молчание, усиливая напряженность в комнате.

— Я могу это изменить, если ты так хочешь. За все время ты просто не подавала мне никаких идей или намеков на то, чего хочешь.

— Я хочу быть помолвленной еще три месяца.

— Лили...

Она поднимает руки.

— Я знаю, — восклицает она со вздохом. — Это — не вариант, — Лили задумывается на секунду. — Предполагаю, Париж — хорошая идея, — она усмехается. — Мы можем заказать на свадьбу блинчики?

— Уже сделано.

Она вскакивает с кровати и обхватывает меня за талию своими тонкими руками.

— Спасибо тебе, Роуз... — она делает паузу. — Прости, что я все усложняю для тебя.

— Все в порядке. Мне нравятся вызовы, — лгу я. Это фишка Коннора. Вызовы. Игры. Я же предпочитаю, чтобы мой путь был простым и легким.

* * *

Рик устало вздыхает, заваливаясь в дом через переднюю дверь с моим пятидесяти фунтовым (23 кг — прим. пер.) чемоданом в руках.

— Что, черт побери, ты привезла, Роуз?

— Свитера и пиджаки занимают больше места, чем купальники, — защищаюсь я, крича ему с кухни. Мы с Дэйзи и Лили разгружаем пакеты с продуктами по шкафчикам и готовим суп на обед. Бен, Бретт и Саванна по-прежнему с нами, но нужно отдать им должное, они ведут себя тихо, пытаюсь выгрузить свою аппаратуру как можно быстрее.

Саванна оказывается самой быстрой, но я воздержусь от восхищения ею, хоть она и заслуживает похвалы. Устройства стэдикам — довольно тяжелая штука. Вставая в полной боеготовности, она начинает следовать за нами по пятам.

Лорен заходит в дом следом за Риком, перебросив через плечо сумку Лили и отряхивая с ботинок снег. Он смотрит на попытки брата удержать мой чемодан в руках. Лорен, кажется, удивлен моим чрезмерным количеством багажа, учитывая то, что он участвовал во *многих* наших семейных поездках.

— У него, знаешь ли, если колесики, — говорит он Рику, словно тот — debil.

— На дворе чертов снег, — рычит Рик.

Лорен поворачивается ко мне.

— У тебя же есть свой собственный раб... то есть парень, — он издевательски усмехается.

Идеальное время для появления Коннора: он налегке входит через дверь, неся еще два моих рюкзака. Да, у меня проблемы с чрезмерным багажом. Мне нужен выбор, и я бы с удовольствием самостоятельно занесла свои вещи в дом, но мы с ребятами распределили обязанности.

— Мы как раз говорили о тебе, — говорит Лорен Коннору.

— Я слышал, — отвечает он. — С точки зрения собственности мы оба находимся в равных условиях... за исключением ситуации в постели.

— Я знаю, насколько она будет властной.

Коннор усмехается и проходит мимо Лорена и Рика, роняя мои сумки на пол. Брови Лорена сходятся на переносице в выражении растерянности, пока моя шея заливается краской.

Лили дергает меня за руку.

— Ты сделала это, не так ли? — спрашивает она шепотом. — И ты не рассказала мне об этом?

Саванна наводит на нас объектив камеры, ее рыжие дреды контрастируют с массивным черным свитером и розовой мини-юбкой. У нее действительно довольно милая внешность в стиле готов, Саванна больше подходит для того, чтобы отбить у вас желание улыбаться, чем для того, чтобы как следует выпороть Бретта, счастье которого базируется на кадрах с сексуальным поведением Лили.

Он *по-прежнему* — мой самый нелюбимый персонаж из этой съемочной троицы.

— Возможно, — отвечаю я уклончиво.

У плиты Дэйзи помешивает суп огромным половником и широко улыбается, но затем она подымает голову, и встречаясь с кем-то взглядом, мрачнеет.

Я следую за ее взглядом и вижу, как в домик заходит ее "парень", он набирает что-то на своем телефоне. Это высокий темноволосый итальянец с примесью испанских кровей. Во время полета мы с ним беседовали около пяти минут, из которых стало ясно, что Дейзи не знакомила нас с Джулианном не по причине его тупизны.

А потому что он на шесть лет ее старше.

Сказать, что большинство из нас огорчены сим фактом — громадное преуменьшение. Тем не менее никто из ребят даже не пискнул об этом. Главным образом, потому что во время полета на наши лица были направлены камеры, ожидающие взрыва в связи с этим нелепым знакомством.

Вот почему Скотт не включал в эпизоды метраж с Джулианом. Он хотел *этот* момент. Но пока что никто не поддался на провокацию. И это повергает Скотта в довольно раздраженное хреново настроение. Из-за чего я все еще крайне бодра. Я могла бы кружиться здесь в бальном платье, вытянув руку к небесам и ожидая, что вот-вот прилетит птичка и сядет на мой палец. Прямо сейчас представляю танцевальный номер Злой Ведьмы.

Я поворачиваюсь к Лили.

— Очевидно, мы все умеем хранить секреты.

— Эй, — говорит Дэйзи, зная, что я имела ее в виду. Она машет мне рукой. — Я знала, что ты не одобришь. Если бы продакшн не заставил меня взять его с собой, он бы остался в Филли.

— Я не одобряю это *только* потому, что если вы двое перепихнетесь, то это будет за рамками закона, — напоминаю я ей. — Один год. Вот, сколько тебе нужно подождать.

— Вернемся к основному вопросу, — настаивает Лили. — Коннор сказал *за исключением ситуации в постели*. Это означает, что у вас что-то было.

Месяц назад Лили заползла бы под стол, лишь бы избежать разговора о сексе. Сейчас же она требует детали. Этого достаточно, чтобы нарушить мое молчание.

— Мы кое-что сделали, — говорю я ей шепотом. Но я знаю, что аппаратура Саванны уловила каждое мое слово.

— Кое-что? Что именно? — она усмехается от уха до уха, радуясь *за* меня. Я гадаю, помнит ли она свой первый раз, или это было чем-то туманным, как и последующий ее сексуальный опыт.

— Подождите, я тоже хочу об этом услышать, — говорит нам Дэйзи. Она отходит от плиты и закрывает наш маленький круг.

— У нас все еще не было секса, так что нечего тут так сильно волноваться.

— Иногда *кое-что* может быть лучше секса, — говорит Лили, тыкая в мою руку своим костлявым пальцем.

Дэйзи спокойно ожидает, глядя на нас обоих.

— Дэйзи не согласна с тобой, Лили, — говорю я.

— Что? Нет, я... ладно, в некотором роде я не согласна, — она немного кривится, видимо оживляя в памяти несколько воспоминаний, а затем театрально размахивая руками, говорит. — Почти все они для меня эквивалентны. Секс с помощью пальцев, оральный, обычный секс — все они находятся где-то под категорией *так себе*. Думаю, я просто не запрограммирована под секс. Я типа антисексуальная богиня. Противоположность Лили, знаете ли?

Лили становится пунцово-красной.

— Гмм... — она прикладывает руки к разгоряченному лицу. — Мое тело выдает меня каждый чертов раз! Я не знаю, почему меня смутили эти слова.

— Потому что ты сексуально-зависимая, — напоминаю я ей. — Глупые люди заставят тебя почувствовать себя проституткой, если ты скажешь им об этом, — и затем я поворачиваюсь к Дэйзи. — А это нелепо.

Дэйзи по-прежнему улыбается, но я вижу ее страх — она правда считает, что может так никогда и не получить этот гребанный оргазм.

— Ты можешь кончить, — говорю я ей. — Просто нужно найти правильного человека.

Я думала, что она уже достигла этого пика раньше с каким-нибудь парнем, но она объяснила нам с Лили, что именно произошло, и по описанию это не было похоже на оргазм. Это больше походило на смирение Дэйзи с происходящим, но глобально ничего не представляющим для нее собой действием.

— А что, если для меня не существует правильного человека? — спрашивает она серьезно. Она говорит это с наигранной холодностью, пожимая плечами. — Я имею в виду, что у меня нет никаких проблем со случайными свиданиями и жизнью одинокой леди. Ты же собиралась остаться одинокой до того, как повстречала Коннора, верно?

— Да, но у меня никогда не было проблем с самоудовлетворением.

Дэйзи неоднократно говорила нам о том, что не может получить оргазм от мастурбации, как бы сильно она не старалась. Единственное оправдание этому на мой взгляд — она делает что-то не так. Я даже нашла книгу, детально демонстрирующую, как себя трогать, но она говорит, что так ничего и не произошло.

Глаза Лили расширяются, когда она смотрит на меня, словно *я ее ранила*.

Упс. Тактичность. Иногда я выхожу за рамки.

— Ты найдешь кого-то, — говорю я Дэйзи, ободряюще сжимая ее плечо. Но думаю, я сжимаю слишком сильно, так как сестра морщится от боли. Я отпускаю ее, — ... просто продолжай ходить на свидания. И когда встречаешь неудачника, то быстро бросай его. Пожалуйста.

Дэйзи кивает.

— Так как далеко вы с Коннором зашли?

— Я уж было подумала, что вы забыли об этом вопросе.

— Ни за что, — говорят Лили и Дэйзи в унисон.

— Мы делали кое-что... — я вспоминаю, как он душил меня в первый раз, как я достигла блаженного и мучительного пика, а затем он неоднократно доводил меня до оргазма с помощью своих пальцев. Мы играем в эту игру почти что каждую ночь, но у нас все еще так и не было секса. И мы не практиковали ничего более извращенного, чем простое привязывание моих запястий к столбикам кровати.

— Мы жаждем деталей, — говорит Лили, глядя на меня своими широко открытыми глазами. — По типу того... что это за кое-что?

Я ощущаю направленную на меня камеру. Мне бы хотелось сохранить *некоторое* вещи в тайне от общественности, и еще *больше* вещей в тайне от нации.

— Кое-что хорошее, — говорю я, не детализируя. Я легонько киваю головой в сторону камеры, и сестры улавливают намек, уводя разговор в другое русло. Я заканчиваю эту беседу фразой. — Коннор был прекраснее, чем я могла бы себе вообразить.

Отсоси, Скотт.

Дэйзи улыбается, но в ее глазах видна тоска, такая же как и в наших с Лили. Я искренне надеюсь, что она когда-нибудь найдет свою любовь и способ выйти за грани *так себе* секса.

Ее взгляд проходится по всей комнате.

— Смотрите, кто явился.

В дверях стоит Скотт, набирая что-то на своем мобильном. Он останавливался в Лос-Анджелесе для встречи с GBA, прежде чем прилететь во Францию. Он кладет телефон в карман и находит меня взглядом. Льстивая улыбка лишь сильнее раздражает меня. Он не так расстроен, как был в аэропорту. Я серьезно подумываю о том, чтобы вылить ему на голову кастрюлю с кипящим супом.

Но я так не поступаю.

Потому что тогда меня посадят в тюрьму за нападение. И, вероятно, меня будут считать мужененавистницей в еще большей мере, чем сейчас, а я не думаю, что заслуживаю этот титул. Чтобы его заслужить, мне нужно еще поработать.

Тюрьма и собственная гордость — вот что останавливает меня от данного поступка. Я могу справиться с его нападками на меня, но когда дело касается моих сестер, когда он задевает их подлыми и обидными комментариями, как делал это в течение последнего месяца, в моей голове раздаются звуки *похоронного марша*.

Предполагалось, что на этой неделе мы отдохнем от царившего дома хаоса, но у меня есть предчувствие, что все только начинается.

ГЛАВА 25

КОННОР КОБАЛЬТ

— Итак, ребята, вы неприлично богаты, — говорит Джулиан, сжимая в руках пивную бутылку. Ло, Рик и я вытянули Джулиана на улицу после обеда. Поскольку у Дэйзи нет брата, мы втроем вызвались допросить ее нового парня.

Я же здесь на самом деле лишь для того, чтобы убедиться, что Рик его не ударит, а Ло не доведет до слез. Бен проиграл Бретту и Саванне в камень-ножницы-бумага, так что теперь ему приходится терпеть холод ради того, чтобы отснять нас.

— Наши *родители* неприлично богаты, — говорил Лорен Джулиану. — Мы живем за счет их щедрых подаваний.

— Трастовых фондов, — уточняет Рик.

— Я зарабатываю собственные деньги, — вставляю я и делаю глоток своего вина. У Ло и Рика в руках есть по банке напитка Физзли, они обычно не употребляют алкоголь.

Лорен бросает на меня взгляд.

— Ага, в компании твоей матери.

Я качаю головой.

— Она подарила мне пять тысяч долларов на мой двенадцатый день рождения. Я инвестировал их и хорошо поднялся. У меня нет трастового фонда, — вернее, я отказался от предложенного ею.

— Нам следует сыграть в игру с выпивкой, — говорит Ло. — Каждый раз, как Коннор Кобальт будет делать из меня дурака, мы будем выпивать по стопке.

— Ты пятнадцать месяцев в завязке, — напоминает ему Рик.

— Ты всегда должен все усугублять, *братан*, — отвечает Ло, но в его голосе слышится больше юмора, чем враждебности.

— Что думаешь? — спрашивает Рик у Джулиана.

Джулиан пожимает плечами, бросая на Рика косой сердитый взгляд.

— Что я думаю насчет чего?

Никто ничего не конкретизирует, так как в принципе нечего конкретизировать.

— Ты не будешь спать в ее комнате, — предупреждает Ло.

Джулиан качает бутылкой с пивом, в течение недолгого времени разглядывая ее (но видимо недостаточно долго), потому что его ответ откровенно тупой:

— Я уже спал с ней в одной кровати раньше. Так что не вижу в этом большой проблемы.

Ло выпускает смешок, будто бы говоря "*он это всерьез?*"

— Ты не видишь в этом большой проблемы? — он делает шаг вперед. — Позволь мне разъяснить тебе, Джулиус, в чем дело...

— Джулиан... — Джулиану едва ли хватает времени исправить Ло.

— Тебе двадцать, блядь, три года, — говорит Ло, и глазом не моргнув. — Сколько тебе, Коннор?

— Двадцать четыре.

Ло поворачивается к Рiku и насмешливо наклоняет голову.

— А тебе, Рик?

— Двадцать три, — говорит Рик.

Ло касается своей груди.

— А мне двадцать два.

— Это круто, — говорит Джулиан, немного ошеломленный происходящим. *Просто подожди, Джулиан. Он скоро дойдет до сути вопроса.*

— Я считаю себя довольно умным, — говорит Ло, — но ты должно быть долбанный дебил, раз думаешь, что мы смиримся с тем, что парень нашего возраста спит с семнадцатилетней *младшей* сестрой наших девушек.

Джулиан не достаточно умен даже для того, чтобы уловить очевидный изъян в речи Ло — у Рика даже нет девушки в этом сценарии.

Джулиан пожимает плечами, все еще не понимая в чем проблема.

— Она — модель, мужик. Мы часто ночуем вместе в квартирах наших Нью-Йоркских друзей. Перед этим она нюхала кокаин. Так что думаю, Дэйзи не нуждается в сверх братской опеке. Может ты все еще не заметил, что она довольно зрелая девочка.

Ло стискивает зубы и поворачивает голову в мою сторону.

— Ты веришь этому парню?

Я могу поверить в то, что он — идиот, это да. Но его доводы веские. Это не означает, что я считаю Джулиана в праве ночевать в кровати Дэйзи. Я даже не уверен, хочет ли этого она.

— Ты спишь на диване, — говорю я ему спокойно.

Он просто качает головой, капризно выпячивая губу и даже не желая рассматривать такой вариант.

— Нет, так не пойдет.

— Я правда собираюсь надрать его гребаную задницу, — говорит нам Рик.

— Я стою прямо здесь, чувак, — отвечает Джулиан. — В чем твоя проблема?

— Тебе двадцать три, — орет Рик, — а ты трахаешь девушку, которой семнадцать.

— Мы не трахаемся. И не ты ли тот парень, что *вечно* крутится возле Дэйзи в шоу *Принцессы Филли*? — его брови обвинительно приподымаются. — Возможно, это ты ее трахаешь. Или может ты просто ревнуешь. Ага, скорее второй вариант.

До того, как Рик сможет броситься с кулаками на Джулиана, Ло делает шаг, преграждая ему доступ к парню Дэйзи.

— Джулиус, — говорит Ло, на этот раз целенаправленно коверкая его имя, чтобы подразнить парня, — возможно, ты чувствуешь себя немного, блядь, отвратительно от того, что встречаешься с семнадцатилетней девушкой. Так вот держи свои гребаные чувства при себе. И не проецируй их на моего брата.

— Я ничего не проецирую. Ты-то сам видел, как он на нее смотрит? Он бы хотел быть на моем месте прямо сейчас.

У Ло обычно наготове имеются ехидные реплики, но на сей раз он слишком занят сдерживанием Рика, который пытается обойти Ло, вероятно для того, чтобы осуществить свой план по выбиванию дерьма из головы Джулиана. Ло упирается руками в грудь брата, вынуждая того отступить.

Рик смотрит с отвращением на парня Дэйзи, но тот просто неторопливо потягивает свое пиво. Однако я могу распознать в его напряженной позе и диком взгляде, который он бросает на Рика, вражду. Он бы с радостью подрался с Риком просто ради того, чтобы доказать, кто здесь самый охуенный мужик. С другой стороны, Рик просто хочет защитить Дэйзи. Это интересный стимул к действиям. Я бы вероятно, с удовольствием взглянул на их единоборство, если бы это не означало, что данные действия разведут тут именно то дерьмо,

которого так жаждет Скотт. А я бы с большим удовольствием разбил ему лицо, чем стал причиной появления на нем подобострастной улыбки.

— Мы все кого-то завоевываем, — говорит Джулиан Рiku, — а кого-то теряем. Ты найдешь другую девушку, которая тебе лучше подойдет. Хотя она и не будет такой горячей, как Дэйзи, и она точно не будет так хорошо сосать член.

Челюсть Ло отвисает.

Рик почти теряет весь контроль. Он кричит трехэтажные маты на пределе возможностей своих легких. Из этого потока я улавливаю *ублюдок*, *хуесос* и что-то новенькое — *членоеб*. Я бы засмеялся, но так сильно хочу сбросить Джулиана с крыльца; я даже не ожидал от себя подобной неистовой агрессии.

Вены на шее Рика вздуваются, а лицо краснеет, пока он кричит и указывает на Джулиана, орущего в ответ.

— Ты ничего, на хрен, не знаешь об этой девушке! — орет Рик.

— А ты, значит, знаешь, так?!

— Иди на хуй! — единственный ответ Рика.

Это превращается в сражение придурков. Прямо сейчас были бы уместнее кулаки. Но единственное, что удерживает Рика от нанесения увечий Джулиану — человеческий барьер в виде стоящего между ними Лорена.

Я даже не пытаюсь успокоить Рика. Большая часть меня хочет, чтобы он ударил Джулиана.

— Прости, мужик, — дразнит Джулиан, низким голосом. — Тебе следовало начать с нею встречаться год назад, когда она была одинокой. А сейчас ты можешь подождать, пока с ней закончу.

У меня во рту возникает неприятный привкус.

Ло смотрит на Джулиана так, словно мир сдвинулся без его на то согласия.

— Что ты, блядь, только что сказал?

Глаза Рика переполняет чистейшая тьма, там нет места чему-то еще. Его мышцы напрягаются от сдерживаемого гнева.

— Он может подождать, пока с ней закончу, — повторяет Джулиан. — Я могу тебе даже точную дату сказать. Мне понадобятся всего три часа 20 февраля следующего года. А потом можешь ее забирать. Пометь это в своем календаре.

20 февраля. Ее восемнадцатый день рождения.

И в тот момент, как Ло отодвигается в сторону, убираясь с дороги своего злющего брата, дверь черного входа открывается. Лили выходит на улицу, кутая свое тощее тело в черную шубу Роуз. Все остаются в напряжении, но никто не двигается, чтобы врезать Джулиану на глазах у Лили.

— Эй, ребята, — она подходит к нам, пока мы храним молчание. Замечая царящее между нами напряжение, она быстро проскальзывает между Ло и Джулианом, тем самым уменьшая вероятность драки.

Девушки умны.

— Роуз и Дэйзи хотят сыграть в игру, — она убирает волосы за ухо. — Однако, игра с выпивкой.

Рик отводит взгляд от Джулиана и смотрит на нее.

— Но трое из нас, на хуй, не пьют, так как же мы будем играть? — он указывает на Лили и Ло.

Лил пожимает плечами.

— Думаю, нам все равно следует как-то принять в этом участие. Это будет весело.

Я встречаю:

— Вы трое можете играть в версию с раздеванием.

Ло выпускает смешок.

— Ты постоянно пытаешься меня раздеть.

Мои губы расплываются в улыбке.

— О, и Роуз хочет с тобой поговорить, — кивает Лили Джулиану.

— Превосходно, — говорит тот с долей сарказма. Он даже закатывает глаза, видимо, сожалея, что не остался дома. Он оставляет нашу группку, и Рик теряет свой шанс ему врезать.

Ло наблюдает за тем, как Джулиан исчезает в доме.

— Впервые я не предупредил парня, чтобы прикрывал свои яйца во время разговора с Роуз.

— И это лишь потому, что все мы надеемся, что она раздавит их, — говорит Рик.

Я вспоминаю, как бережно она держала мой член в первый раз, и стараюсь скрыть широченную улыбку, делая еще один глоток вина.

Я знаю ее лучше, чем кто-либо еще.

ГЛАВА 26

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Даже при том, что мы сменили игру на трехкратный счет, дабы помочь Лили, она все еще проигрывает. К счастью, прежде чем мы начали играть, она натянула на себя кучу одежды и вышла из спальни похожей на маленького снеговика. Она даже воткнула мои шпильки для волос и сейчас сбрасывает их, как элементы одежды.

Лили разделась до свитера и пижамных штанов; больше нет никаких аксессуаров про запас, и на этот раз Скотт отказывается сменить игру.

Я немного пьяна, но не так, как Дэйзи, которая спотыкается на ровной плитке кухни, пытаюсь найти маршмеллоу для жарки его в камине.

— Она может поранить себя, — говорю я, но когда встаю, чтобы помочь сестре, все вокруг начинает вращаться. Ладно, я определенно *превозмогла* состояние обычного опьянения. Я плюхаюсь обратно на диван и пытаюсь преодолеть головокружение. Может никто и не заметил.

— Ты в порядке, Роуз? — спрашивает Лорен со знающим видом.

Коннор проводит пальцами по моим волосам, и это дарит мне такие офигенные ощущения, что я забываю ответить парню Лили.

— Эй, не трогай чертовы ножи! — сердито кричит Рик, когда с кухни доносится звук дребезжания. Он готов схватиться с дивана напротив нас, но Джулиан, ее настоящий парень, успевает раньше Рика, направляясь к Дэйзи.

После того, как я прочитала Джулиану лекцию об изнасиловании и содомии, он стал довольно пренебрежительным и безразличным. Это охренеть, как раздражает. Во время нашей беседы я практически пыталась отрезать ему яйца, а он на это лишь *пожал плечами*. Клянусь, он был близок к тому, чтобы погладить меня по голове, будто какую-то капризную маленькую девочку.

Коннор спас его от гнева моей сумочки. Я могла бы ударить его ею по голове. Но Коннор оттащил меня в сторону и отвлек своими обещаниями чего-то новенького в кровати сегодня вечером. Хотя, он так и не уточнил, что это за *новенькое*. Мне остается лишь гадать.

Рука Коннора опускается мне на шею, и он потирает наготу моей кожи своим указательным и большим пальцами. Я опираюсь на него, пренебрегая диванными подушками, которые довольно теплые от прикосновения к ним моей спины. Но тело Коннора ощущается гораздо лучше теплых подушек, и мое тело начинает покалывать от кайфа.

Скотт снова наполняет все пустые стопки, выстроенные в линию на кофейном столике. На полу из твердой древесины лежит ковер из медвежьей шкуры, а фланелевые одеяла покрывают холодную кожу мебели. Рик поддерживает огонь в камине, так что никто не замерзает. Это мило. Все мы здесь. Даже Саванна и Бен расслабились на кухне, попивая что-то, пока Бретт в одиночку снимает нашу игру.

Я икаю и прикрываю рукою рот. Думаю, последняя игра, в которую мы сыграли, была спланирована так, чтобы мы все напились. Единственная проблема в том, что мы с Дэйзи весим меньше парней. Таким образом, мы быстрее напиваемся в хлам. Прямо сейчас мы решаем сыграть в "*Я никогда не*", цель которой расколоть самого опытного человека в этой комнате, что также означает крайне невыгодное положение Лили. Я должна была бы

выиграть, но Лили и Лорен использовали фразы по типу "Я никогда не сдавала тест по математике на отлично."

Я поворачиваюсь к своему почти-что-совсем-непьяному парню. Несмотря на то, сколько бы вина он не употребил, Коннор всегда остается трезв.

— Как много шотов ты выпил?

— Меньше, чем ты.

Перевод: *Он выигрывает.*

— Кто следующий? — спрашивает Скотт. Всю ночь он выступает в роли движущей силы игры. Я думаю, он положил глаз на Лили, пытаясь раздеть ее до гола перед всеми. Она сидит на коленях Лорена, выглядя испуганной от того, что у нее в волосах не осталось больше ни одной заколки.

— Я следующий, — говорит Рик, напряженно наблюдая за тем, как Джулиан ведет в гостиную Дэйзи.

Руки Джулиана расположены на ее бедрах, и он шепчет ей что-то на ухо, вынуждая Дэйзи снова прильнуть к его груди. Даже пьяная она выглядит, мягко говоря, смущенной в его объятиях в нашем присутствии. И это видно по тому, как она пытается высвободиться из его захвата. Она улыбается ему и оставляет невинный поцелуй на щеке, компенсируя это.

Но он не позволяет ей сорваться с крючка. Джулиан буквально хватает ее лицо обеими руками и просовывает язык ей в рот.

— Эй, Джулиус, сядь уже, на хуй, — орет Лорен. *Спасибо, Лорен.*

Я не спрашиваю, почему Лорен искажает имя Джулиана. Всем известно, что любимый персонаж Ло из комиксов — это Джулиан Келлер из *Людей X*, и Ло однажды заявил (на весь таунхаус), что парень Дэйзи недостоин носить такое славное имя.

Дэйзи кладет руки на грудь Джулиана и отталкивает его. А затем она усаживается на свое место возле Рика, Джулиан разваливается на диване, по другую от нее сторону. Она садится на край подушки, так что он не может обнять ее за плечи.

Губы Коннора касаются моего уха.

— С ней все в порядке. Ло и Рик присматривают за ним.

Я киваю, осознавая, что не смогу куковать у кровати своей младшей сестры ночь напролет, даже несмотря на то, что вижу, как сильно она хочет вытолкать Джулиана на мороз и оставить его там. Но она не достаточно груба, чтобы так поступить.

Я бы на ее месте именно так и сделала.

— Рик, — настаивает Скотт. — Давай.

Рик чешет подбородок.

— Я никогда не... имитировал оргазм.

— Это очень подло, — говорит Дэйзи и тянет руку за полной стопкой.

— Возможно, тогда тебе просто не стоит это делать, — отвечает он.

— И ранить чувства парня?

Скотт предлагает мне шот, но я отрицательно качаю головой. Мне не за чем имитировать оргазм с Коннором. А он — единственный парень, с которым я заходила так далеко.

Коннор притягивает меня ближе, наклоняется вперед и хватается стопку. Я смотрю на то, как он подносит ее к своим губам.

— Не с тобой, — говорит он мне. Я даже не представляю, как парень вообще может имитировать оргазм, хотя мне не приходится сомневаться в том, что Коннор довольно

креативен, когда дело доходит до его личной выгоды.

— Так всегда и говорят, — добавляет Скотт, будто пятилетка.

Фу. Его намеки заставляют меня принять сторону Коннора, веря своему парню больше, чем продюсеру.

— Ненавижу эту игру, — жалуется Лили, единственный человек, проигравшая этот раунд. Она оценивающе смотрит на свою одежду, размышляя над тем, что еще можно снять.

— Серьезно? — говорит Рик. — Ты — сексуально-зависимая. Если честно, я не думал, что у тебя была необходимость имитировать оргазм, — вероятно, этим вопросом Рик хотел помочь Лили.

— Не все парни устроены так же, как Лорен Хейл.

— Это вызывает зависть, — говорит Дэйзи.

Джулиан приоткрывает рот, шокированный ее словами.

— Что? Я никогда с тобой не притворялась, — с легкостью лжет она и легонько целует его в щеку. Она шепчет что-то ему на ухо, и плечи Джулиана расслабляются. Дэйзи хороша в удовлетворении "людей", так что я не очень удивлена, что эта ее способность переросла в удовлетворение "парней".

— Сейчас, — говорит Лорен, хватая фланелевый плед с большого кресла, на котором они сидят вместе с Лили. Он пытается обернуть плед вокруг ее плеч и тем самым скрыть тело Лили. — Снимай свой свитер.

— Это против правил, — сообщает ему Скотт, раскачиваясь на ближайшем от кофейного столика кресле.

Лорен сердито смотрит в ответ.

— Ага, и возможно, я бы их соблюдал, если бы на наши лица не была направлена гребаная камера, — он не желает, чтобы весь мир увидел Лили в нижнем белье. На самом деле никто из нас этого не хочет. Достаточно и тех писем от поклонников, что постоянно приходят на наш домашний адрес. Несложно предположить, что мужчины станут делать с ее полуголым изображением.

Лили умело снимает свитер под покровом пледа и бросает его на пол. Она выглядит более непринужденно.

— Роуз, твоя очередь, — говорит Скотт.

— Я никогда не... писала в раковину, — легко.

Все парни выпивают по шоту, за исключением Рика и Ло, которые раздеваются. Рик снимает рубашку, а Ло стягивает подвеску с наконечником стрелы.

А затем Дэйзи тянется еще за одной стопкой.

Рик и Джулиан замирают, глядя на нее, приподняв брови, в то время пока Ло и Коннор пытаются сдержаться от смеха. От алкоголя я тоже улыбаюсь чаще, чем обычно.

— Что? — она пожимает плечами и ставит стопку на место, слегка ударяя ею о стол.

— Объяснись, — говорит Рик, вручая ей стакан с апельсиновым соком, чтобы запить алкоголь.

Дэйзи бормочет:

— Спасибо, — а затем выпивает сок. — Я была на вечеринке в Нью-Йорке, — говорит она, ставя стакан, — и мне очень нужно было в туалет, но там засел мой друг. Так что я использовала раковину, — она касается своей груди и икает. — Я не странная, — она снова икает. — Вы все это делали.

— У нас есть пенисы, — говорит Рик прямо.

— Это правда, — смеется она.

Я опускаю голову на плечо Коннора, алкоголь стирает мои комплексы, которые я обычно тщательно скрываю от других. Коннор так хорошо пахнет — его дорогой одеколон похож на запах цитрусовых.

— Я люблю фрукты, — шепчу я ему. Я представляю, как оставляю поцелуй у него на шее, но чтобы реализовать это нужно проделать столько работы.

Он смотрит на меня, и его улыбка становится шире.

— Буду иметь это в виду, дорогая.

— Я никогда не... был помолвлен, — говорит Джулиан, тем самым ударяя по больному месту Лили и Лорена.

Ло сердито смотрит на него, пока сбрасывает свою черную рубашку с длинными рукавами, а Лили выскальзывает из своих пижамных брюк, по-прежнему кутаясь в плед.

Коннор говорит:

— Я никогда не... был обманутым.

Никто не движется. Скотт прищуривается, глядя на Коннора, словно тот — исчадие ада, вечно срывающее его козни.

Мой парень просто улыбается.

— Чудесно.

Скотт жестами приглашает Бена поучаствовать в игре следующим. И тот кричит из кухни, при этом у него изо рта торчит кусок картофеля фри:

— Я никогда не нюхал кокаин.

Лили вздыхает.

— Ненавижу эту игру, — прежде чем снять трусики, она еще раз касается своих волос и начинает улыбаться, отыскав в них еще одну затерянную шпильку.

Ло раздевается, оставаясь *почти что* голым в одних боксерах, и в глазах Лили появляется блеск волнения. Глядя на нее, он качает головой, но не может сдержать улыбки.

По очереди все выпивают по стопке алкоголя. Скотт, затем Джулиан, дальше Дэйзи. А Рик снимает свои часы. Только мы с Коннором сидим неподвижно. Я не удивлена, что почти все присутствующие экспериментировали с наркотиками, но лично у меня никогда не было особого желания попробовать кокаин. И если бы кто-то оказывал на меня давление в данном вопросе, я бы сказала *нет, нет. Нет*. Я реально не боюсь показаться окружающим самодовольной ханжой, которая отказывается втянуть по дорожке со своими друзьями. Так что можете меня ненавидеть, раз так хотите. Я не одна из тех, кто бегаёт голышом по округе с расширенными от кайфа зрачками.

Лорен хмурится, глядя на Коннора.

— Ты реально никогда не нюхал кокс? Ни разу не пробовал?

— У меня есть правило насчет наркотиков.

— И что же это за правило?

— Я их не принимаю, — он усмехается. — Мое тело — храм.

— Тот, в который может войти только Роуз, — шутит Лорен.

— Я позволю тебе это сделать как-нибудь, дорогой. Не волнуйся.

Лорен смеется.

Я закатываю глаза, но в действительности улыбаюсь их "мужской дружбе", коей так сильно восхищались на форумах и блогах. Людям *нравится* Коннор, только когда он вместе с Ло. Это странно. И мне реально не нужно других причин, чтобы испытывать раздражение

по отношению к Лорену Хейлу, потому я не реагирую на эти подшучивания. Я смахиваю это со своего плеча. Словно пыль.

Ладно, думаю, я реально пьяна и несу всякую чушь.

Смех Ло быстро угасает, и он задумчиво смотрит в сторону. Со времен вечеринки, он делает так часто. Просто заканчивая их шуточный треп молчанием и задумчивыми взглядами. Так, словно Ло вспоминает, что должен противостоять Коннору.

Через десять минут я ощущаю себя *еще больше* под кайфом, и сейчас последний ход Скотта. Я уже на грани, так что надеюсь Скотт выберет более дружелюбное к женскому полу высказывание.

— Я никогда не... — его взгляд поочередно останавливается на моих сестрах. — ...глотал сперму.

— Иди на хуй, — говорит Ло, защищая нас троих; Скотт реально нацеливал все свои ходы именно на нас.

Веки Дэйзи немного опускаются, когда она тянется за своим шотом. Она опрокидывает стоящие на столе две стопки.

Рик наклоняется вперед и убирает за ней беспорядок.

— Ты можешь пропустить этот ход, Дэйз.

— Она может с ним справиться, — говорит Джулиан, хватая со стола еще одну стопку. — Давай же, детка, — он передает ей шот. Дэйзи (с трудом) выпивает его прежде, чем Рик успевает выхватить стекло у нее из рук.

Лили снимает последний элемент одежды, оставаясь голой под пледом, и игра заканчивается.

Я быстро опрокидываю шот, и ликер легко скользит вниз по моему горлу, от чего я чувствую себя еще лучше. Мне все еще не *плохо*. Если бы я выпила еще больше, то это была бы уже другая история.

Но Дэйзи определенно превысила свой лимит. Она в стельку, но пока мы с Коннором за ней наблюдаем, ее поведение кажется довольно интересным.

Как только Джулиан немного приближается к ней, Дэйзи встает, шатаясь, и пересаживается по другую сторону от Рика, подальше от собственного "парня". Она шепчет что-то Рику, но до нас доходит какая-то белиберда. Рик кивает так, словно понимает, о чем она.

И в это мгновение я осознаю, как сильно она ему доверяет в вопросе своей защиты — даже от собственного парня.

Джулиан краснеет от злости. Но у меня не находится достаточное количество враждебно настроенных слов, чтобы высказать ему. Алкоголь доводит меня до тягучего состояния. И время от времени мне это нравится.

Мы стараемся игнорировать безмолвный гнев Джулиана, и через несколько минут каждый утыкается в свой электронный планшет, проверяя блоги сплетен о *Принцессах Филли* и пытаюсь отыскать самые забавные комментарии.

Лили ерзает на коленях Лорена, с трудом контролируя свои желания, возникшие от осознания собственной наготы под пледом. Лорен крепче обнимает ее за талию, и она перестает двигаться.

Рука Коннора скользит вниз по моему бедру, поверх длинного черного хлопкового платья. Ткань тонкая, и я ощущаю его пальцы рядом с тем местом, которое особо нуждается в его прикосновении. Мои губы касаются его плеча, а взгляд подымается, встречаясь с его

полными острого желания глазами.

Его выражение лица совпадает с моим, и я ощущаю, как от этого мои трусики становятся влажными.

Коннор бормочет себе под нос:

— Я собираюсь жестко оттрахать тебя, Роуз, — он гладит меня по голове и притягивает к своей груди. — Так жестко, что ты с трудом сможешь утром ходить.

Почему это звучит столь заманчиво?

Я касаюсь его аккумулятора от микрофона и осознаю, что камеры записали этот момент. Но скорее всего, они по-любому не пустят это в эфир. Это слишком пошло для национального телевидения.

Я оборачиваюсь назад, глядя на ребят и замечая, что Дэйзи отключилась, ее голова покоится на коленях Рика. Джулиан смотрит на нее, но даже не шелохнется, чтобы попытаться забрать ее от Рика. Мне хочется, чтобы она осталась с братом Ло. Я доверяю здравому смыслу сестры, даже пьяной, а она однозначно выбрала его.

Коннор снимает блокировку на своем планшете и прокручивает длинные списки комментариев. Я читаю с его экрана, пока он держит планшет для нас обоих. Под действием алкоголя слова размываются в единое целое.

— Вот один, — говорит Лорен. — *Рик Медоуз — несносный мудака.*

— Как же это смешно? — говорит Рик, прищуривая глаза.

— О, я подумал, что мы просто читаем комментарии, — Лорен усмехается Рик, пока тот закатывает глаза.

— Я нашла один! — Лили сжимает вместе свои руки. — *Коннор — болван, но я бы с ним трахнулась,* — глаза Лили расширяются, когда она смотрит в камеру. — Просто, чтоб прояснить ситуацию скажу, что я прочитала комментарий!

Коннор улыбается. Кем бы не была эту девушка, она его не получит. Он весь мой. Или может это я его.

Думаю, мы владеем друг другом.

Я опускаю взгляд на экран Коннора, и слова не имеют для меня никакого смысла. У меня еще никогда такого не было.

— Что это значит? — спрашиваю я Коннора, практически закатывая глаза, когда произношу это. Я уже чувствую, как раздувается его эго. — *Ло и Лили — навсегда мои ОТР(One True Pairing — букв. — единственная истинная пара. — пара любовных персонажей художественного произведения, от которой фанатеют поклонники — прим. пер.).*

Лили издает радостный возглас, прикрывая рот руками. Она как угорелая скачет на коленях Лорена, а он удерживает плед, прикрывающий ее обнаженное тело.

— Ты серьезно? — взволнованно спрашивает она. — Они назвали нас ОТР? Ло, ты это слышал?

— Слышал, любимая, — говорит он с улыбкой. — Но я не нуждаюсь в том, чтобы мне это говорили, я и так знаю.

Ее лицо начинает светиться от его слов.

Я же по-прежнему застряла на значении ОТР. Я поворачиваюсь к Коннору, и он качает головой, будто говоря *не смотри на меня так.*

— Что обозначает это ОТР? — спрашиваю я сестру.

— Одна истинная пара. По типу пары, которая по мнению фанов предназначена друг

другу, — быстро говорит Лили. — Это понятие используют в сообществах фанатов. Предполагаю, раз мы участвуем в реалити-шоу, то подпадаем под требования, — странно. Но ей виднее, раз они с Ло увлекаются комиксами и в общем поп-культурой.

— Никто из вас этого не знал? — спрашивает Лорен, ухмыляясь.

— Это сленг, — говорит Коннор, будто это все объясняет. Это не имеет значения. Тот факт, что моя сестра и ее парень сбили нас, самых умных людей в этой комнате, с толку, буквально заставляет их сиять от радости.

— Ладно, как насчет этого: *Я шипперю* (глагол происходящий от понятия шиппер — подвид фанов, которые фанатеют на одной паре персонажей и их взаимоотношениях, глубоко их изучают, пишут на эту тему фантики — прим. пер.) Рика и Дэйзи аж до боли. Что, черт возьми, это означает? — я прокручиваю ленту к концу предложения.

О мой бог. Возьми себя в руки, Роуз. Он так сильно хочет тебя трахнуть. Но он не сможет этого сделать, если ты упадешь в обморок!

Я сглатываю, но мое горло дерет, словно там застрял кусок ткани или облако... моих самых глупых мыслей. Я реально пьяная. Господи милостивый.

Коннор обхватывает пальцами мою руку так нежно, что я начинаю дрожать. Он тянет меня ближе к себе. *Пожалуйста, не падай в обморок, Роуз.*

Ло стонет, когда Коннор перечитывает то, что я уже прочла вслух, только его голос звучит более внятно.

— Что? — Рик хмуриться.

Лили слишком взволнована, чтобы объяснить.

— Шипперить — это подтип *отношений* (игра слов *ship — relationship* — прим. пер.) Когда ты шипперишь кого-то, то хочешь, чтобы они трахнулись. Я, например, шипперю Магнето и Мистик в *Людах X: Первый класс*.

— Но это еще не канон (*художественное произведение, на основе которого создаются фанфики — его продолжения, написанные фанатами-дилетантами — прим. пер.*), — вставляет Ло, добавляя в разговор еще один не имеющий для меня смысла термин.

Лили разъясняет:

— В действительности они не вместе. Мы просто хотим, чтобы они сошлись, но как только это произойдет, они станут каноном. Я все еще на это надеюсь.

Взгляд Коннора мечется между Лили и Ло.

— Итак, давайте я подытожу. Люди болеют за то, чтобы Рик и Дэйзи были вместе, но они не канон, так как никогда не были вместе в роли пары.

Лили хлопает в ладоши и широко улыбается.

— Я — великолепный преподаватель.

Коннор смеется.

— И это *никогда* не произойдет, — добавляет Ло, кивая своему брату, чтобы убедиться, что тот понимает. Думаю, Ло просто боится снова быть покинутым. Боится того, что если Рик начнет встречаться с Дэйзи в далеком будущем, то Ло лишится разом и брата и того чувства семьи. Это не так, но знаете, люди верят в то, что у них в сердце. Не так уж легко это изменить.

Джулиан остается притихшим, переваривая полученную информацию и не обращая внимания, что мы разговариваем настолько развязно, словно он больше не ее парень или даже не находится в комнате. Насколько я понимаю, она просто порвала с ним сегодня вечером. Я размышляю о том, а что если Дэйзи остается с этими неудачниками, лишь

потому что ей не хватает смелости их отшить.

— Эй, — говорит Рик, заглядывая Джулиану в глаза. — У меня есть хреновы поклонники, — он подымает свой стакан воды, и сложно не обратить внимание на лежащую на его коленях голову Дэйзи.

Джулиан встает и приближается к Рику.

— Я заберу ее в постель.

Я открываю рот, чтобы возразить, мои глаза сужаются, несмотря на смягчающую ощущения выпивку. Но (трезвый) Рик гораздо быстрее меня.

— Она, блядь, *не* будет с тобой спать. Прости, *мужик*.

— Ладно, просто передай ее мне, чувак. Это дерьмо устарело.

— Это не укладывается в твоей гребаной башке? — спрашивает Рик, глядя на парня одним из самых устрашающих взглядов, которые мне только доводилось видеть. — Я, черт побери, не отдам ее. Ты не будешь с нею спать. Она останется здесь.

— С тобою, верно? Этому не бывать. Я, твою мать, не доверяю *тебе* в отношении *нее*.

Лили оживает на коленях Ло.

— Она может поспать в моей кровати, а Ло переночует в комнате Рика. Верно, Ло? — спрашивает она.

Он кивает.

— Ага, конечно.

Но он выглядит взволнованным тем, что оставляет *Лили* одну. Не только из-за ее собственной безопасности от нападок Скотта, но и потому, что перед ней так же стоит задача защитить Дэйзи от ее парня. Что если Джулиан заберется к ним в кровать? Мы не знаем его настолько хорошо.

— Я тоже лягу спать с ними, — заявляю я, зная, что слишком пьяна для развлечений с Коннором. Но я жалею о словах, даже когда произношу их.

Если Коннор и разочарован, то отлично скрывает это, его лицо совершенно нечитаемое.

— Прекрасно, — говорит Джулиан, — я пойду положу Дэйзи в кровать ее сестры.

Рик встает с Дэйзи на руках; ее ноги свисают и безжизненно болтаются в воздухе. Он перемещает ее так, чтобы она была повернута лицом к его груди, так Дэйзи выглядит словно она в отключке, а не умерла.

Джулиан ожидает, пока Рик передаст ее ему.

— Только через мой труп, — рычит Рик.

Но прежде, чем они успевают сцепиться в перетягивании моей сестры, словно каната, Лорен становится между парнями и забирает Дэйзи у Рика.

— Я отнесу ее в постель.

Лили потуже затягивает плед вокруг своего голого тела и следом за Лореном выходит из гостиной.

Джулиан выпячивает грудь так, словно собирается толкнуть Рика или ударить его кулаками. Но взгляд Рика практически кричит в ответ: "Я оторву тебе голову и выброшу в снежный сугроб." Основываясь на выражении их лиц, я бы сказала, что Рик победит. То есть если бы я вообще должна была поставить на результаты этого дурацкого боя.

Я просто хочу побыть наедине с Коннором, хоть и пообещала, что буду спать с сестрами. Я ведь могу прокрасться в их комнату позже, верно? Алкоголь во мне говорит *говно вопрос*. Трезвая Роуз сказала бы *куда подевалась твоя лояльность, сучка?*

Но пьяная Роуз сейчас гораздо могущественнее трезвой.

Коннор встает, и мой подлокотник исчезает. Я практически валюсь на подушку, но спасаюсь за счет опоры на нетвердую руку.

— Нам всем следует отправиться спать. Уже поздно, — говорит он. Он поворачивается ко мне и с легкостью хватает за руку, поднимая на ноги и поддерживая рукою за талию.

Скотт беседует с Бреттом, и я не могу уловить, что именно он ему говорит, а затем они направляются к Саванне и Бену на кухню, чтобы пересмотреть отснятый материал.

— Да, по любому, — говорит Джулиан. Он бросает последний угрожающий взгляд в сторону Рика и поворачивается к лестнице, поднимаясь в спальню на последнем этаже.

И только когда раздается звук закрывающейся двери, плечи Рика расслабляются. Он неоднократно качает головой и зарывается руками в свои волосы.

— Что тебе сказала Дэйзи? — спрашивает Коннор. Я и не осознавала, что это важная часть информации. Ладно, я *не* буду пить алкоголь весь остаток отпуска.

Рик смотрит в пол, и выражение его лица становится мрачным.

— Она просила, *не разрешать* ему к ней прикасаться.

Мое лицо омрачает беспокойство. Она реально думала, что он может воспользоваться ею, пока она находится без сознания?

— Он мне не нравится, — говорю я, качая головой.

— Присоединяйся к нашему долбаному клубу.

Коннор опускает руку мне на талию.

— Давайте просто будем с ним вежливыми в оставшееся время отпуска. Дэйзи должна работать вместе с Джулианом, так что очевидно, что она ступает по шаткому мосту.

— Я не вижу в этом ничего на хрен шаткого, — отвечает Рик. — Он не нравится ей. Поэтому ей нужно его бросить.

— Не все черное или белое, Рик, — говорит Коннор. — Ты должен это понимать, учитывая вашу с Дэйзи ситуацию.

Рик хмуриться.

— Нет никакой ситуации.

Коннор наклоняет в сторону голову.

— Глупые действия, которыми ты запудриваешь мозги своему брату, со мною никогда не сработают.

— Тебе она нравится, — добавляю я, медленно проговаривая каждое слово, так что они не сливаются в единое бессвязное мычание. — То, что она тебе нравится — это нормально.

Черт, мне бы понравился любой парень, который бы сделал Дэйзи счастливой и относился к ней хорошо. Это не о Джулиане.

Рик сердито смотрит на нас обоих.

— *Ни хрена* это не нормально. Я не для нее. И *не могу* быть. Ей семнадцать.

— Что насчет того, когда ей будет восемнадцать? — спрашивает Коннор, выбирая бровь.

Рик категорически качает головой.

— Ты думаешь, я принесу в жертву свои отношения с братом ради *девушки*? Значит ты, черт возьми, вообще меня не знаешь, Кобальт.

— Ло переживет это.

— Ага, я не думаю, что это случится. И возможно, ты охренеть как прав — все это дерьмо приводит в замешательство, — его нос раздувается, когда он выдыхает. — Я попытаюсь не ударить ее парня, ладно? Только потому, что они вместе работают, — Рик не

дает нам возможности ответить. Он исчезает на лестнице, а затем захлопывает дверь в свою комнату.

Я оборачиваюсь к Коннору и кладу руки на его твердую грудь.

— Возможно... — говорю я, делая паузу. — Я могу прокрасться в комнату Лили позже?

Его взгляд блуждает по моему телу, когда Коннор убирает волосы мне за спину. Вместо ответа, он просто оставляет меня в стороне и уверенно идет к холодильнику.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

За кухонным столом Скотт смотрит на нас поверх аппаратуры. Но я настолько очарована Коннором, тем, как он владеет всей атмосферой комнаты, его неподдающейся исчислению самоуверенностью и нереальной привлекательностью.

Неосознанно я начинаю покачиваться, пока ожидаю его возвращения ко мне в гостиную. Он берет картонную коробку с клубникой и, хлопнув ногой холодильник, направляется обратно. Он кусает клубнику и на одну единственную секунду его губы окрашиваются в красный, а затем Коннор слизывает клубничный сок.

Подойдя ко мне, он поворачивает мое тело по направлению к нашей спальне на первом этаже. А затем Коннор упирается грудью в мою спину и направляет меня, твердой рукой придерживая за бедра. Безумные мысли путаются у меня в голове, бешено вращаясь из-за шотов водки. Что он собирается со мной сделать?

Оказавшись в нашей комнате, декорированной в стиле медвежьей хижины, Коннор закрывает за собой дверь и усаживает меня на край кровати, на красно-коричневое стеганное одеяло.

— Мы будем заниматься сексом? — спрашиваю я, вытягивая шею из-за чувства тревоги, одновременно с тем обдумывая эти слова. *Готова ли я лишиться девственности?*

— Нет, Роуз. Ты пьяна, — напоминает он мне. — Ты запомнишь наш первый раз на всю оставшуюся жизнь. И алкоголь не заберет это воспоминание у тебя или у меня.

Я моргаю, мои плечи распрямляются в оборонительную позицию.

— Так ты просто уложишь меня спать? — я точно не в себе.

Он снова открывает картонную коробку и ест еще одну ягоду клубники, не отвечая на мой вопрос. Его доминирующая поза вынуждает меня медленно откинуться на матрас, оперившись на локти. Проницательный взгляд Коннора проходится по всему моему телу, от головы до пальчиков ног, путешествуя по всем тем местам, что так сильно жаждут его властных прикосновений.

Образ Коннора на мне, во мне, превращает мой мозг в чудесное, ядовитое месиво. Я с трудом сглатываю, когда понимаю, чего хочу.

— Можешь ли ты быть со мною грубым?

Сомневаюсь, что без алкоголя у меня бы хватило мужества спросить его о подобном, даже несмотря на значительное развитие у меня этого качества за последние пару месяцев.

Он опускает коробку с клубникой на матрас, двигаясь при этом непринужденно, легко и удовлетворенно. Незнание того, что он собирается сделать, ускоряет мой сердечный ритм, и когда его глаза встречаются с моими, один его взгляд отвечает мне, говоря: *"Я собираюсь сделать с тобой это и гораздо большее."*

Он поднимает меня и бросает дальше на кровать, так что из моих легких выбивает весь воздух. Прежде чем я могу сориентироваться, он взбирается на кровать и переворачивает меня на живот.

— Мы сыграем в одну игру... — прижимаясь пахом к моей попке, двумя руками он

грубо раздевает меня, отбрасывая мое платье в сторону. Холод кусает мою голую кожу, когда Коннор разрывает мой лифчик, но он оставляет на месте синие хлопковые трусики.

— Что за игра? — спрашиваю я, едва дыша.

Я немного поворачиваю голову, наблюдая за тем, как он расстегивает свою рубашку и сбрасывает ткань. Он расстегивает ремень, и место между моих ног начинает изнывать, ожидая его. Я сдерживаю стон, пытаюсь сесть, но он кладет руку мне на спину, от чего грудь вжимается в стеганое одеяло.

Я могу видеть его лишь краем глаза, пока моя щека крепко прижата к матрасу. По крайней мере он позволяет мне это. Коннор снимает свои слаксы и остается в своих темно-синих боксерах. Он невероятно твердый, и когда его белье идет следом за другой одеждой, я вижу, как его член пружинит, в полной готовности войти в меня.

Но Коннор ясно дал понять, что не планирует сегодня этого делать.

Я не могу перестать смотреть на его размер.

— Я знаю, что ты сможешь поместиться в меня, — говорю я. — Я не идиотка, но когда ты это сделаешь, думаю, мне будет очень... больно.

— Скорее всего, — говорит он мне, не отрицая. Он опускается на колени на кровать и поворачивает меня на бок, задом к нему. Коннор сводит мои запястья вместе и скрепляет их при помощи своего ремня.

Мои губы приоткрываются, как только кожа пояса врежется в мою кожу, а холодная пряжка касается запястья. Я закрываю глаза, ощущая пульсацию в самой сердцевине моего тела, которая сейчас изнывает от пытки ожидания.

Губы Коннора касаются моего уха.

— Ты боишься боли?

Я один раз качаю головой. Я могла бы попросить сил прямо сейчас, но слова растворяются в моем затуманенном разуме.

Коннор резко дергает мои трусики вверх, и ткань врежется в жар моего тела.

— Коннор, — ахаю я, мои руки пытаются вырваться из плена его ремня.

Коннор стонет, а затем глубоко и хрипло вдыхает.

— Я не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя, — он целует мою поясницу и переходит к попке, но все еще не снимает мое белье; его губы касаются нежной кожи моей ягодицы, целуя и посасывая. — Жестко. *Грубо*. Влажный, взрывоопасный секс, без остановок.

— Кто проиграет первым, ты или я? — спрашиваю я его.

Он кусает меня за попку, и я прижимаю лоб к матрасу. *Ахх*. У меня резко перехватывает дыхание, и я испускаю пронзительный крик.

— Мы будем кончать вместе, — говорит он мне. — Всегда.

Затем он открывает коробку с ягодами. Так как по его милости моя щека снова прижата к одеялу, я вижу только то, что он позволяет мне видеть. Неожиданно ягода клубники оказывается напротив моих губ.

— Открой рот. Не ешь ее. Отнесись к ней, словно это мой член, — говорит он. — Если ты прикусишь ее слишком сильно, то я *жестко отшлепаю тебя*. Понимаешь?

— Я не идиотка, — напоминаю я ему.

— Но ты пьяна, дорогая. Я просто хочу быть уверенным, что ты понимаешь меня правильно. В противном случае, мы закончим.

— Нет, я в порядке, — говорю я решительно. — Не оставляй меня.

Он наклоняется вперед, грубо и ненасытно целуя меня в губы, от давления его языка я почти что задыхаюсь. Я сжимаю ноги, борясь с нарастающей от его поцелуя и присутствия пульсацией. Внезапно он отстраняется и говорит:

— Я отдаю чертovy приказы, — а затем он шлепает меня.

Сильно.

Я сжимаю зубы, мое лицо заливает жар, но место между моих ног реагирует совсем иначе. Я очень хочу, чтобы он шлепнул меня там. *Господи, да.* Моя неуверенность насчет того, что он меня бросит или полной нелюбви ко мне, отложены на задворки сознания. И сейчас я сосредотачиваюсь лишь на том, что чувствую. Я отключаю голос разума, это мне удастся сделать лишь благодаря алкоголю.

Коннор скользит клубникой в мой рот, так, что ее зеленый кончик торчит между моих губ, и я расслабляюсь, осторожно располагая ягоду на своем языке, стараясь не воткнуть в нее зубы.

Коннор массирует мою попку своими большими руками. Я слышу его тяжелое дыхание и то, как он поглаживает свой пенис. Мне бы хотелось на это посмотреть, но я не могу даже ничего сказать. Поэтому я просто представляю себе, как набухает его член, как приоткрываются его губы от пьянящего желания, как он откидывает назад голову. Я видела раньше этот наполненный адреналином сногшибательный взгляд. Видела напряженные мышцы его зада, когда он толкается вперед. Но что я хочу увидеть больше всего, так это Коннора, когда он погружается глубоко в меня.

Его пальцы погружаются в мою влажную изнывающую киску, отталкивая мои трусики в сторону.

И я сжимаю зубы от внезапного прикосновения. Я ощущаю вкус сладкой клубники, прежде чем понимаю, что полностью откусила половинку ягоды. Я жую и глотаю. Может быть, он и не заметит. *Ага, чертовски верно, Роуз. Его IQ на целый процент выше твоего.*

Его рука ударяет меня по попке, и я ахаю, а затем морщусь и пытаюсь на него взглянуть.

— Это пиздец как... больно, — медленно говорю я. Но как только я произношу это, его пальцы возвращаются к моей киске и потирают мой клитор. Оххх... я мгновенно рассыпаюсь на части и думаю, что хнычу, уткнувшись в матрас. Не знаю, что еще может издавать этот незнакомый звук.

— Ты слишком пьяна, чтобы доверить твоему роту мой член, — говорит он.

Я хочу возразить, но послевкусие сладкой клубники свидетельствует о его правоте и моем сильном заблуждении. Но даже пьяная, я не могу сдаться так просто.

— Я не пьяна.

Вдруг он тянет меня за связанные запястья и усаживает, но все еще спиной к себе. Я чувствую, как он поднимается на свои колени, потому как покачивается под его весом матрас и тому, как его твердый член тыкается мне в спину.

— Коннор, — стону я, очень близко к мольбе.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он. — За исключением головокружения от алкогольного опьянения.

Он сжимает в кулак мои волосы и дергает так, что мой подбородок подымается вверх, и я вижу его глядящие сверху вниз глаза.

— Я чувствую... — пару раз я моргаю, пытаюсь сформулировать ответ. Облизав губы, я говорю, — будто хочу, чтобы ты сделал со мной что-нибудь.

Только от того, что я сказала эти слова вслух, мое дыхание становится прерывистым.

Коннор смотрит на меня тяжелым, собственническим взглядом, и его рука скользит на мое плечо, а пальцы второй руки снова проникают внутрь меня. Но он не двигает ими.

— Конкретизируй.

— Мне... нужно... чтобы ты двигал.

Он быстро убирает руку и вынуждает меня встать на колени. Кровь приливает к моей голове, и он еще раз шлепает меня, из-за выпивки боль не так ощутима, как раньше. Он должно быть замечает это, потому что я не хнычу, не стону и даже не дергаюсь.

Коннор разочаровано вздыхает и начинает развязывать мои запястья.

— Подожди, нет, — говорю я. — Остановись.

— Лишь месяц назад ты говорила мне перестать касаться тебя. А сейчас хочешь, чтобы я продолжал начатое, но я все еще не собираюсь исполнять твои приказы, Роуз, — он отбрасывает в сторону ремень и переворачивает меня на спину так, чтоб моя голова покоилась на подушках. — Знаешь почему? — спрашивает он, его руки упираются по сторонам от меня, тогда как тело нависает надо мной.

— Потому что ты мудака, — бросаю я.

Одной рукой он щипает меня за щеку.

— Потому что ты неправа. Я не хочу трахать твой рот, твою киску и попку, когда ты пьяна. Я трахну тебя, когда ты будешь трезвой, — он грубо целует меня в губы и повторяет еще раз. — Конкретизируй.

То, что я чувствую.

Я смотрю в его синие глаза. Теряясь в скрытой в них власти. А затем беру его руку и располагаю ее между своих ног, его взгляд не покидает мои глаза.

— Это твое, — говорю я ему. — Вот, что я чувствую.

Никогда раньше я не желала, чтобы мужчина бросал меня из стороны в сторону, как ему угодно, или как ему того хочется, обращаясь со мною в соответствии со своими желаниями. Но в этот момент я осознаю, что не важно, во что я верю за пределами спальни. В обычной жизни я могу быть властной, но здесь, я желаю довериться ему, его власти и силе. И это должно быть нормально. Потому что за гранью разума и логики, это заставляет меня почувствовать себя настолько охренительно.

Его губы приподымаются в улыбке.

— *Ca vous a pris pas mal de temps, — Тебе потребовалось на раздумья довольно много времени.*

— Сколько у нас еще осталось? — негромко спрашиваю я его, пока мое зрение затуманивается.

Коннор гладит меня по волосам.

— *Pour toujours, — Вечность.*

Я улыбаюсь, пока все вокруг выцветает, и я погружаюсь во тьму.

ГЛАВА 27

КОННОР КОБАЛЬТ

Я вытираю свои влажные волосы полотенцем и застегиваю пуговицу на брюках, наблюдая за тем, как Роуз мирно спит, завернутая в красно-коричневое стеганое одеяло. Прежде чем я успеваю одеть рубашку, она шевелится и стонет, шурясь в темноте. Единственный проникающий в комнату свет исходит из узкого просвета между шторами с изображением медведя.

— Доброе утро, дорогая, — я сажусь на край кровати и хватаю воду с прикроватной тумбочки. — *Comment te sens-tu?* — *Как себя чувствуешь?*

Она медленно приподымается и прислоняется к изголовью, прикладывая руку к виску. Ее волосы торчат в пять разных сторон. Я стараюсь скрыть улыбку, но видеть Роуз в таком растрепанном виде — крайняя редкость. И я обожаю эту ее сторону так же, как и все другие.

— Даже не представляю, что ты только что сказал, — зевает она, прикрывая рот рукою. — Мое похмелье уничтожило твой французский.

— Невозможно, — говорю я ей. — Твое похмелье не может разгромить меня.

Она слишком уставшая и с похмелья, чтобы вести со мной веселые беседы. Роуз просто еще раз зевает.

— Правда... что ты там говорил?

Я передаю ей воду, и она делает маленький глоток.

— Как ты себя чувствуешь? — повторяю я.

— Так, словно я провела пять недель, готовясь к Академическому Чемпионату за кубок.

— То есть не так уж плохо? — я улыбаюсь.

Ее глаза прищуриваются.

— Не все из нас были в состоянии два часа учиться и запомнить каждый кусочек полученной информации.

— Я учился больше двух часов, готовясь к университетским чемпионатам, — я тянусь и хватаю Эдвил с прикроватной тумбочки, а затем выдавливаю таблетку. — Тебя просто не было в Пенсильванском университете, чтобы увидеть меня, а жаль. Мы могли бы вместе заниматься, — я делаю паузу, перед тем как добавить. — Я отличный преподаватель. Просто спроси у своей сестры.

Она закатывает глаза, но за маской надменности скрывается улыбка. Потому что, если бы я не преподавал Лили экономику, Роуз уверена, что нас бы не было сегодня здесь. Но я верю в то, что сам творю свою судьбу. Мы оказались вместе, потому что оба хотели этого больше чем, что-либо иное. У нас обоих был выбор, и мы оба сказали друг другу "да".

Это не судьба.

Это простой выбор.

И решение. Амбиции. Смелость.

У нас было все это.

— Много ли ты помнишь с прошлой ночи? — спрашиваю я, ожидая, что возненавижу ее ответ. Я практически уверен, что все, начиная с клубники и дальше, было стерто с ее разума с помощью водки. Я уже смирился с этим, но перед тем как заснуть, я хотел запечатлеть эти моменты в своей памяти на всю жизнь. Что если они больше никогда не повторятся?

Это *что* если сжимает мое сердце пятью различными способами.

— Как много *ты* можешь вспомнить? — бросает она в ответ, а затем пьет еще больше воды. Я почти что сталкиваюсь с ее враждебной натурой во всей красе.

— Все.

— И как такое возможно? Ты выпил больше, чем я.

— Ты помнишь это? — хмурюсь я.

— Да, Ричард.

После длительной паузы, я говорю:

— Я крайне устойчив к воздействию алкоголя.

Это не совсем так. Я все еще нахожусь под влиянием Аддералла. С тех пор как я вернулся в офис Фредерика, то в течение недели не разговаривал с ним, а затем он прописал мне Аддералл. Он сдался на седьмой день, желая обсудить мою жизнь и проанализировать все подробности.

Смесь Аддералла с алкоголем — это не очень хорошая или разумная комбинация. Таблетки ослабляют воздействие алкоголя, так что я могу дольше оставаться последовательным.

На секунду Роуз отводит взгляд.

— А еще я помню... — она краснеет. — Неудивительно, что у меня болит попка.

Мою грудь распирает.

— Что?

— Ты шлепал меня, — она ударяет меня по руке, — ... и мне это понравилось, — она добавляет. — В следующий раз я буду трезвой. Обещаю.

На моем лице расплывается улыбка, переходящая в смех. Она помнит. Я делаю глубокий вдох, и мой мир становится более ярким. Я не могу сдержать переполняющую меня радость. Я целую Роуз в щеку, в губы. *Она помнит.* Эти слова поднимают меня на новый уровень существования. Я чувствую большой кайф, чем под влиянием Аддералла.

— Что случилось после того, как ты сказал *вечность*? — спрашивает она, когда я целую ее в нос.

— Ты отключилась, — говорю я, — и я уложил тебя в кровать, убедившись, что ты не облюешь саму себя.

Она смотрит на меня.

— Как романтично.

— Как *по-настоящему*, — отвечаю я. — Просто помни, что наша любовная история не фальшивка.

— Если ты не смотришь *Принцесс Филли*, — отмечает она, задирая подбородок. Прежде чем я могу ответить, глаза Роуз медленно расширяются.

— Что? — спрашиваю я.

— Подожди... — она хватается меня за запястье, и ее челюсть отвисает, будто она вспоминает что-то.

— Роуз? — мое сердце подпрыгивает. Она вскакивает на ноги, и я следую ее примеру, хватая Роуз за талию.

— Мои сестры, — говорит она. — Я обещала спать в их комнате. Но я здесь. Я проснулась *здесь*. Что означает... — она вылетает в коридор, одетая в то же платье из черного хлопка, что носила вчера вечером.

Я иду за ней следом, тревожась раз в десять меньше. Как только мы проходим мимо кухни, направляясь к лестнице, Бен спешит встать из-за кухонного стола, так и не закончив

завтракать своей овсянкой. Он хватает камеру и бежит за нами. Должно быть за исключением съемочной группы, мы — первые проснувшиеся.

Тощий Бен путается в ремнях своей камеры, пытаюсь обогнать меня на пару ступеней, чтобы заснять Роуз, но я держу руки на перилах, не пропуская его. В данной ситуации, я — тот, кто должен быть с ней рядом. Он может остаться на втором плане.

Она открывает двери комнаты Лили и вбегает внутрь. Я прислоняюсь к дверному косяку, и Бену приходится остаться в коридоре; он направляет камеру на меня, так как не может снимать происходящее в комнате. Он достаточно вежлив, чтобы держать дистанцию.

Роуз проносится визжа, пока не замечает своих спящих сестер. Дэйзи растянулась на кровати, разбросав одеяла вокруг себя. Лили лежит на другой стороне кровати, зарытая в кучу из одеял. Нетронутые. Целые и невредимые.

Двое ребят спят на полу.

Рик просыпается от громового вторжения Роуз. Он отрывает голову от подушки и сбрасывает стеганное одеяло. Ло подымается на колени и потирает заспанные глаза, стараясь сориентироваться в пространстве при тусклом свете из коридора.

— Что за фигня? — шепчет Рик, стараясь не разбудить девочек. Он сердито смотрит на меня. — Почему ты не сказал ей?

Я бросаю на него взгляд.

— И она бы мне поверила?

Даже если бы я сказал: *Ло и Рик решили разбить лагерь в комнате Лили и обеспечить безопасность твоим сестрам*; существует 100 % вероятность, что это все равно бы не остановило Роуз. Кроме того, я был так сильно рад, что она помнит события прошлой ночи.

Рик оглядывается через плечо, проверяя своего брата, который наблюдает, как Лили зевает и потягивается. Когда Рик встает и направляется к двери, Лили соскальзывает с кровати, заворачиваясь в одеяло.

Она обнаруживает Ло на полу и начинает буквально светиться. Прикусив губу, Лили садится сверху Ло, так что ему приходится откинуться на стену. Она целует его в щеку, и они тихо беседуют, но всем очевидно, что Лили с ним заигрывает, наклоняясь вперед. Я даже не уверен, осознает ли она свои действия, но шея Ло напрягается, и он сдерживает стон.

А Роуз — она наблюдает за ними, поджав губы.

Около десяти минут она собирается прервать их прелюдию. Это одно из ее любимых хобби. Я останавливаю ее, но ее холодное стервозное отношение развлекает меня сильнее, чем другие могли бы понять.

Я киваю Рику.

— Удивлен, что ты спал на полу. Обычно ты ходячий билборд REI (*Recreational Equipment Inc.* - компания специализирующаяся на производстве и дистрибуции спортивных товаров и одежды, а также туристического снаряжения — прим. пер.). В твоём чемодане не нашлось гамака?

Я улыбаюсь, ожидая услышать его поверхностное *иди на хуй*. Но мои ожидания не оправдываются. Рик застаёт меня врасплох, останавливаясь в дверном проеме, он мрачнеет от беспокойства и гнева. Я вижу это по тому, как туго сжимаются его челюсти.

— Мне нужно с тобой поговорить, — говорит он себе под нос. Дэйзи ерзает на кровати, просыпаясь от всей этой болтовни. Рик быстро протягивает мне свой телефон.

Я прокручиваю переписку.

Я окажусь внутри ее мокрой киски прежде, чем передам ее тебе. Могу даже уговорить нескольких друзей присоединиться к нам. — 212-555-9877

Я пытаюсь не делать поспешных выводов, но мое сердце ускоряет свой ритм, и даже Аддеролл не помогает ему успокоиться.

Это, блядь, кто? — Рик

Джулиан — 212-555-9877

На этом переписка заканчивается. Глядя на Рика, я моргаю.

— Ты врзал ему прошлой ночью? — шепчу я, чтоб только он мог меня услышать.

— Нет.

— Не могу себе представить тебя, читающим это... — я смотрю на время получения сообщений, — ... в четыре утра и не предпринявшим *ничего*.

Я воображаю, как хлопая дверями, Рик несется по коридору к спальне Джулиана, чтобы выбить из того всю дурь. Но я забываю, что Рик — не переполненный тестостероном идиот. В большинстве ситуаций он — умен.

— Надеюсь, это не его номер. Я ждал тебя, чтобы, если у тебя есть номер Джулиана, мы могли их сверить.

Я достаю из кармана телефон и быстро листаю свои контакты. Рик оглядывается через плечо и встречается взглядом с Дэйзи.

— Не смотри на нее, — советую я. — Она поймет, что что-то не так.

— Она не поймет, — говорит он, засовывая руки в карманы.

— Твои эмоции очевидны.

Рик пытается изобразить удовлетворенность.

Я смотрю на него, приподняв бровь.

— Сейчас ты выглядишь так, словно у тебя запор.

— Иди на хуй.

Вот оно. Я улыбаюсь, пока он снова впадает в задумчивое состояние, не скрывая своей обеспокоенности.

Когда я сравниваю оба номера, цифра за цифрой, то мой желудок падает.

— И чьи эмоции сейчас очевидны? — вставляет Рик. — Это тот же чертов номер, — он качает головой. — Мне следовало врзнуть ему в ебало еще прошлой ночью.

— Говори тише, — шепчу я. — Бен прямо здесь.

Рик выглядывает за двери и замечает слоняющегося по коридору Бена. Возвращаясь в комнату, он говорит:

— Что, блин, нам теперь делать?

— Что случилось? — Дэйзи проскальзывает между нами. Она собирается выйти в коридор, но мы с Риком преграждаем ей дорогу, упираясь руками в дверную раму.

Роуз, Лили и Ло ссорятся в глубине комнаты. Я игнорирую их голоса, как могу. Но слышу, что Ло говорит:

— Иди поблшой в свою сумочку Gucci, ты почувствуешь себя получше. Может даже лишишься небольшой части своей *сучей* натуры.

— И это говорит парень, у которого от лени больше, чем от человека. Иди обнимись с деревом и съешь муравья.

Я отключаюсь от остальных. Мы с Риком обмениваемся взглядами, а затем смотрим на Дэйзи.

Она трет висок, ее волосы спутались возле талии.

— Я чувствую себя реально низкой, когда вы, ребята, настолько *возвышаетесь* надо мною, — она сглатывает. — Думаю, мне нужно немного воды, — она снова пытается выйти из комнаты, но мы преграждаем ей путь. — Ладно, что в действительности происходит?

Я передаю Дэйзи телефон Рика. Мы оба знаем, что она может справиться с этой информацией. Ло и Лили не стоит слышать этого, поэтому мы с Риком обсуждаем это между собой.

— Подождите... — хмуриться Дэйзи, приподымая брови, — ... это должно быть неверный номер.

— Он верный, — говорю я. — Мы только что проверили.

Она качает головой.

— Он бы не сказал мне такого. Джулиан не настолько груб.

— Он и не говорил это тебе, — отмечает Рик. — Он отправил сообщение *мне*. Джулиан не настолько глуп, Дэйз; он будет грубым со мной, а не со своей девушкой.

Она смотрит в пол, размышляя.

— Что... что произошло прошлой ночью? Я что-то сделала...?

— *Блядь*, — материться Рик, глядя на меня. — Она не помнит ничего.

Ладно, если выбирать между Роуз и Дэйзи, то я рад, что именно моя девушка не впала в беспамятство.

— Все в порядке. Ты не сделала ничего из ряда вон выходящего, Дэйзи.

Ее беспокойство не исчезает от сказанных мною слов. Я хочу, чтобы она порвала отношения с Джулианом. Мы все этого хотим. И подсознательно, даже она этого хочет. Она просто слишком боится так поступить.

— Ладно... — Дэйзи отдает мне телефон Рика. А затем пытается расчесать свои волосы пальцами, но они спутаны в огромный узел. Она прочищает горло. — Ладно, мне нужно об этом подумать...

— О чем тут на хрен думать? — рычит Рик.

Она смотрит на него, и ее глаза расширяются еще немного сильнее, чем обычно. Она напугана.

— У нас с ним в скором времени предстоит съемка, для компании джинс. Я не могу... Я не могу позволить возникнуть между нами странному напряжению. Он может... — она качает головой, — ...он может пожаловаться на меня дизайнеру. И это я буду той, кого уволят. Дизайнеру реально нравится Джулиан, и мама будет... — она пытается дышать на полную грудь.

А затем дверь в комнату Джулиана медленно открывается.

Глаза Дэйзи становятся еще шире, и она бормочет:

— Мне нужно... бежать, — и она бросается через двери вниз по лестнице.

— Черт, — проклиная Рик, прежде чем отправиться за ней следом.

Как только они исчезают из виду, я закрываю за собой двери, оставляя Роуз, Лили и Ло внутри комнаты, отрезанными от происходящего в коридоре.

Джулиан выходит, кивая мне, у него довольно уставший вид.

— Здесь где-нибудь есть горячая вода?

— Ага, — говорю я. — Эй, мужик, — я кладу руку ему на плечо, останавливая. — Мне нужно у тебя кое-что спросить, — он думает, что у нас все круто. Это упрощает выживание из него правды, но мои мускулы напрягаются от общества Джулиана. У меня перед глазами все еще стоит сообщение с угрозами групповухой младшей сестре Роуз — это словно

предупреждение о том, кто этот парень на самом деле.

Он стонет.

— Если это касается твоего друга Рика, то можешь даже не начинать. Мне приходилось иметь дело с кучей хрени, связанной с Дэйзи, но это было просто нелепо. Она — *моя* девушка, а я должен был мириться с тем, что он ухватился за нее.

Прямо сейчас я не могу защищать Рика, даже при том, что очень хочу это сделать. Он ухватился за Дэйзи лишь *однажды*, и то ради ее сохранности от Джулиана, и это было по *ее* желанию.

Я моргаю.

— Я думал, она тебе не девушка.

Он проводит рукою по грязным волосам.

— В любом случае, мы друзья с привилегиями. Мы встречаемся.

— И только?

Он хмурится.

— Ага, это именно то, что я и сказал.

Нет, это не то, мудака.

Я поднимаю руки.

— Я просто пытаюсь во всем разобраться.

— Хочешь знать, как все есть на чистоту, — говорит он. — Твой друг не будет с ней. Ему стоит найти другую девушку и перестать таращиться на мою.

— Ладно, — говорю я. — Однако ты ведь писал ему сообщение прошлой ночью? Он говорит, что ты это делал...

Джулиан хмурится.

— О чем ты говоришь?

— В четыре утра...

— Я спал.

Я передаю ему телефон Рика, так, чтобы он мог проверить.

— Что это за херня? — он качает головой и толкает телефон мне в грудь. — Я не присылал этого.

Я хотел бы ему поверить, потому что он вроде как смущен. Но если все модели схожи с Дэйзи, то они — действительно хорошие актеры.

— Ладно, — говорю я, засовывая в карман телефон Рика. — Я дам ему об этом знать. Вероятно, это была шутка.

Джулиан лишь снова качает головой.

— Все здесь гребаные сумасшедшие, — он ударяет меня в предплечье. — По крайней мере, мы с тобой — два нормальных человека.

— Ага, мужик, — киваю я, улыбаясь, и он направляется в душ, не сказав больше ни слова. Я потираю челюсть, которая затекла от имитации нужных эмоций. Не знаю, кому стоит верить, но думаю, мы все хотим, чтобы Дэйзи держалась подальше от Джулиана до момента ее фотосессии — после которой она наконец сможет с ним расстаться, не боясь увольнения и следующего за этим, разочарования матери.

Я спускаюсь вниз, чтобы позавтракать. Бен идет за мной следом. Прежде чем зайти на кухню, я выглядываю в окно гостиной.

Дэйзи бежит по снегу. Босиком. Без куртки.

Рик легко ее догоняет и оборачивает свое большое пальто вокруг ее тела. Он поднимает

ее, прежде чем она сможет протестовать, и удерживает под ногами и спиной. Ее ноги покраснели от холода, и она зарывает лицо на голой груди Рика, в то время, как он говорит ей что-то успокаивающее.

Я отхожу от окна.

Чем больше я наблюдаю за Риком, тем сильнее убеждаюсь, что не знаю никого лучше него.

ГЛАВА 28

КОННОР КОБАЛЬТ

Мы с Роуз проводим три дня, обучая Лили и Ло катанию на лыжах. Они признали, что никогда не пытались научиться этому во время семейных путешествий. Они прогуливали уроки, чтобы валять дурака, а когда повзрослели, то увлеклись другими более опасными активностями. Ло весь день проводил в баре, напиваясь до отключки, пока Лили спала со всеми, кто был на это согласен.

Дэйзи предпочла кататься на сноуборде, и даже когда она выбирала черные трассы, Рик и Джулиан шли вместе с ней. Саванна — единственная из съемочной группы была достаточно опытной на снегу, чтобы снимать их. Я могу только представить, как Рик с Джулианом чуть не перегрызают друг другу глотки. Этот эпизод привлечет миллионы зрителей.

Скотт — единственный из всех остался в хижине. Это редкость. Обычно он любит следовать за нами по пятам, так что это говорит о смене его тактики. Еще не знаю, что он задумал, но я постоянно начеку.

Все ребята заваливаются в дом и пытаются освободиться от своей мокрой, мешковатой одежды. Я первым захожу в гостиную, останавливаясь у огня. Лили становится возле меня. Я оглядываюсь и замечаю, что Роуз снимает с себя свой третий свитер и убирает волосы с покрасневших щек. Ло ругается возле Роуз, пытаясь снять свои ботинки.

Лили прокашливается.

Очевидно, что она хочет о чем-то поговорить.

— Да? — спрашиваю я.

Она подымает руки над камином, согревая их.

— Ты правда не любишь ее? — выпаливает Лили.

Я вздыхаю. Вот почему я никому не рассказывал о своих убеждениях. Я должен теперь в течение нескольких недель или месяцев объяснять им свою позицию, пока ребята не поймут.

— Это сложно, Лили, — пробую я объяснить.

Она открывает рот, чтобы протестовать, но ее телефон звонит в кармане. Я приседаю и переворачиваю бревно в камине железной кочергой.

Лили отвечает после того, как посмотрела, кто звонит.

— Это Лили, — она хмурится и быстро стучит по моему плечу. — Можете ли вы поговорить с моим юристом?

Я встаю, и она передает мне телефон, ее лицо напряжено и обеспокоено.

Ботинки Бретта с шумом ударяются об пол, он уже снял с себя зимнее оборудование для съемки нас на улице.

Я прижимаю телефон Лили к уху.

— Алло?

— Привет, это Марк Коул из Red Hot Films. Мы бы хотели сделать предложение Лили Кэллоуэй сняться в главной роли для одной из наших постановок.

Порно.

Ей не в первый раз предлагают роль, но это первый раз, когда предлагая это, звонят на личный номер Лил. Обычно они контактируют с ее юристами и менеджерами отца.

— Где вы взяли этот номер, Марк?

— У нас есть контракт, — говорит он, — мы готовы предложить ей два миллиона долларов за главную роль. Или же один миллион за работу режиссером. Ей даже не придется сниматься в постановке, — но там будет указано ее имя.

— Она не заинтересована, — говорю я спокойно.

Лили показывает большой палец и обнадеживающе улыбается.

— Она — дочь мультимиллионного магната. Никакое количество денег не сможет повлиять на ее решение. Перестаньте ей звонить, — на этом я кладу трубку.

— Спасибо, — говорит Лили, когда я передаю ей телефон. — Всякий раз, как я пытаюсь *отказать* людям, они перебивают меня.

— В любом случае им не следует вообще тебе звонить.

Она кивает, словно тоже с этим согласна.

— Думаю, мой номер стал достоянием общественности. Следует его сменить и установить прием звонков только... — она подсчитывает про себя, — от шести людей.

— Ло, твои сестры и родители? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— Нет, не родители. Ты и Рик. Если вы не против. Я просто не совсем доверяю своим родителям в вопросе сохраненности моего номера в тайне.

Это странно, быть включенным в чей-то столь узкий круг контактов. Я привык быть последним в списке, тем, с кем люди связывается только когда реально нуждаются во мне. Столь тесная связь с Лили и Кэллоуэй вызывает четкое осознание того, что я получил в результате отношений с Роуз.

У меня есть семья. *Настоящая* семья. Это не то, что можно выиграть. Я не манипулировал никем, чтобы заполучить это. У меня есть эта семья лишь потому, что я им нравлюсь.

Каждый день я все больше благодарен за то, что они у меня есть. И я все больше осознаю, как много могу потерять.

— Это чудесно, — говорю я ей, — так я смогу звонить тебе с напоминанием подготовиться к тестам.

Ее глаза расширяются.

— Когда мой следующий тест?

Учеба, школа (даже онлайн школа), кажется, занимает последнее место в списке приоритетов Лили Кэллоуэй, тогда как академическая профессура занимает высокие позиции в моем.

— Через две недели, — говорю я, вспоминая показанное ею мне расписание тестов. Я признаю, что не совсем бескорыстен, даже несмотря на то, что забочусь о Лили. Я знаю, что путь к сердцу Роуз лежит через ее сестер.

Плечи Лили расслабляются, вероятно, она рада, что тест не через пару дней.

— Лили! — зовет Скотт, входя в гостиную. — У меня для тебя кое-что есть.

Бретт поворачивает камеру, чтобы направить ракурс на Скотта.

Он держит в руках бумажный конверт, достаточно большой, чтобы вместить книгу в мягкой обложке.

Лили хмурится, смущенная, как и я.

— Я хотел бы подарить тебе небольшой подарок в знак благодарности, — объясняет Скотт. — Рейтинги шоу за последние месяцы поднялись на новый уровень, и мы все знаем,

что это благодаря тебе.

После того как он вручает ей конверт, Лили быстро разворачивает его, обнаруживая внутри диск с фильмом *Супер Майк*. Неконтролируемая злость хлещет у меня внутри. Лорен *не раз* говорил на камеру, что не хочет, чтобы Лили смотрела фильмы, так как боится, что это подтолкнет ее к просмотру порнографии — ее главного навязчивого фактора.

Тот факт, что Скотт пошел против желания Ло, — низок.

Возле входной двери Роуз и Лорен продолжают спорить, медленно приводя в порядок свою мокрую верхнюю одежду, не замечая только что врученного Скоттом подарка.

Чтобы сделать ситуацию еще хуже, Скотт наклоняется к уху Лили, взяв ее за руку, и что-то шепчет. Она становится ярко-красной, явно смущаясь его близости и возможно словам.

Я делаю шаг.

— Скотт, оставь ее в покое, — и добавляю. — И заberi свой неуместный подарок с собой, — мои внутренности затягиваются в неуправляемые узлы. Все, о чем я могу подумать, так это Ло. Он прямо здесь, возле входной двери, на расстоянии в несколько метров от нас. И я знаю, как сильно это может его ранить.

Наша дружба значит для меня кое-что, несмотря на сказанное им на вечеринке. И я должен заступиться за него и Лили.

Скотт отодвигается от ее уха, но Лили остается смущенной и неподвижной. Ситуация разворачивается прямо посреди гребаной комнаты. Скотт поворачивается ко мне.

— Вообще-то, это идеальный для нее подарок. Она сама говорила о том, как сильно хочет посмотреть этот фильм.

Лили смотрит на коробочку, крепко сжимая ее в руках. И после длительных раздумий она открывает пластик и осматривает сам диск.

Скотт пересек линию. Возможно, он рассматривает это как некий драматический эффект, но это нечто большее. Это больше, чем просто вручение Лили фильма. Это равнозначно тому, чтобы подарить наркоману дозу. Я видел, сколько дисков с порно она уничтожила. Видел, как она плакала, сидя на полу у своей кровати, пока Роуз ее утешала. В то время Ло был три месяца на реабилитации, а она пыталась оправиться от своей зависимости, тогда как у нее не было никого, кроме меня и ее сестры. И мы делали все, что могли, уговаривая ее оставаться в здравом уме и поправляться от своего пристрастия.

А подобное дерьмо — это то, с чего все плохое снова может начаться. Один *маленький* момент может изменить все.

— Нам нужно поговорить, — говорю я Скотту. — Наедине.

Он услужливо следует за мной в его спальню на первом этаже, Бретт держится возле нас, но как только Скотт заходит в комнату, я закрываю двери. Деревянное полотно практически ударяет об объектив. Я запираю замок и игнорирую возмущенный взгляд Бретта.

На кровати Скотта валяются два компьютера. Я быстро сканирую окружение. По его подушкам разбросаны документы, камера включена, но стоит на паузе. Я едва могу разглядеть изображение на крошечном экране, но оно похоже на кадр с вечера алкогольных игр.

— Что? — шипит он. — У меня нет для тебя целого дня, — он хмурится так, словно я испоганил ему все шоу.

Это он испоганил жизнь моим друзьям.

Но мы не равны. Я никогда не буду даже близко к его уровню испорченности.

— Говори все, что хочешь, — возражаю я, мое спокойствие медленно и мучительно покидает меня. — Называй меня болваном, называй Роуз женоненавистной ханжой. Называй Лили шлюхой и Лорена ублюдком. Но не трогай их зависимости.

— Я просто подарил ей диск с фильмом, Коннор, — говорит он, словно я нелеп. Если бы Роуз была здесь, она бы плюнула ему в лицо. — Не фалоимитатор.

— Ты не понимаешь, что такое сексуальная-зависимость. И это нормально. Не все понимают. Но ты *точно* знаешь, что делаешь. Я любезно прошу тебя остановиться. Потому что в следующий раз, я не буду столь добр.

Скотт смеется горьким сухим смехом, что еще сильнее поднимает во мне раздражение.

— Это забавно, — говорит он, — ты впервые говоришь со мной открыто и то даже не из-за Розы... — он смотрит на меня сверху до низу. — Она знает, что ты так привязан к ее сестре?

Я приближаюсь к нему, скрипя зубами.

— Ты *хватаешься* за драму. Буквально притягиваешь за уши все возможные нелепости. Следует ли мне проучить тебя? — он открывает рот, но я не даю ему возможности ответить. — Я достаточно уверен в *своих* отношениях с Роуз, чтобы откусывать члены мужчинам, которые причиняют ей вред или называют ее сучкой. Она сама более чем в состоянии их откусить. Я здесь, сейчас, откровенен с тобою лишь потому, что у девушки, стоящей в гостиной, нет зубов.

Бретт стучит в двери, и я слышу приглушенный сердитый крик из коридора.

Я не отвожу взгляда от Скотта.

— Они зависимые, Скотт. Ты ударишь Роуз и меня, и мы почувствуем себя дерьмово, но мы снова сможем подняться на ноги. А Лили и Ло не смогут подняться после твоего удара. Это не драма для ТВ. Это настоящее, и оно болезненно; если ты подтолкнешь их обратно в пекло зависимости, то тебе стоит бояться только меня. Потому что я убью тебя собственноручно.

И я правда имею это в виду.

Не потому, что Лили — сестра Роуз. Не потому, что Лорен — мой друг.

А потому, что некоторые вещи в этом мире просто неправильные.

Скотт кивает, искренне или нет, я не знаю.

— Я приму это во внимание.

Нет.

Я не могу на этом остановиться. Я мог бы его ударить. Но бить людей — это то, что на мой взгляд, глупо. Это ничего не решит.

Я разворачиваюсь и ухожу, проходя мимо толстого, доведенного до бешенства оператора.

В гостиной Лили разговаривает с Ло.

— Пожалуйста. Один разочек. Это не порно, Ло. Мы можем даже перемотать все танцы. Я просто хочу посмотреть снова фильм, как нормальный человек.

— Мы можем посмотреть фильм, — говорит Ло. — Просто не тот, который вызовет твое навязчи...

— *Можем!* Ключевое слово. И я не буду ничего после него делать! Обещаю!

Лицо Ло перекашивается от боли. Он говорил мне, как ненавидит отказывать ей, но любовь, в которой он все сильнее увязает, жестока.

— Лил, если бы я попросил у тебя пива, что бы ты сделала?

— Это не одно и то же!

— Именно так, это одно и то же! — орет он в ответ. — И тот факт, что ты не принимаешь этого, волнует меня.

На длительное мгновение между ними повисает молчание, а затем она говорит:

— Ладно... — и отдает ему диск. — Ло... я просто хочу быть нормальной.

Он притягивает ее к своей груди и целует в макушку.

— Я знаю, любимая.

Я шагаю в гостиную, пока Ло не замечает меня. Наши взгляды встречаются.

— Где он? — рычит Ло, говоря о Скотте. Он отпускает Лили и делает шаг вперед. Я кладу руки ему на грудь.

— Я поговорил с ним.

Глаза Ло наливаются ненавистью и болью. Ему известно, чего пытается добиться Скотт.

— Он, блядь, не может так поступать, Коннор.

— Я знаю.

Ло ищет в моем лице... поддержки, силы или может уверенности. Я пытаюсь дать ему это изо всех сил.

— Я не позволю этому случиться, обещаю. Он не разрушит ваши отношения и не вернет к зависимости.

Это важное обещание. Обычно я даю обещания, которые на 100 % могу сдержать. Это же — скорее орел или решка.

— Спасибо, — говорит Ло, и его янтарные глаза полны благодарности. Я вижу в них кое-что еще. Извинения. За сомнения в нашей дружбе после той злополучной вечеринки. За то, что сомневался во мне.

Хорошо снова оказаться в милости у Лорена Хейла. Думаю, это проблема друзей, которые не спешат подпускать к себе других людей.

Когда они дарят вам свою дружбу, то подразумевают под этим нечто большее.

ГЛАВА 29

КОННОР КОБАЛЬТ

Во время нашей пробежки, преодолев тяжелый путь по высокому снегу, мы достигаем замерзшего озера. Бен, доказавший свою крайнюю неуклюжесть, споткнувшись о собственные долговязые ноги трижды, сейчас конечно же спотыкается о скрытый густым белым снегом корень. Рик помогает ему подняться после второго и третьего падения, проверяя не получил ли наш оператор растяжения лодыжки. Бену было поручено следовать за Ло, Риком и мною только потому, что Бретт не может бегать, а Роуз закрепила за собой Саванну, в роли любимого оператора. Я не удивлен тем, что она выбрала девушку.

Трудно игнорировать парня с камерой, особенно того, кто дважды падал лицом в грязь. Но за последние несколько месяцев мы все как-то адаптировались к этому.

Ло поворачивается к нам с Риком, сосредоточенно глядя в наши лица.

— Итак, у меня есть кое-какие важные новости.

— Пожалуйста, не говори мне, что Лили на фиг забеременела, — делает поспешные выводы Рик.

Ло одаривает его фирменным взглядом Хейла.

— Это касательно свадьбы, придурок.

— Ты мне не дал ни одного гребаного намека. Так что теперь не скули.

— Не то чтобы я не наслаждался этими братскими терками, но здесь довольно холодно. Не могли бы мы перейти к сути дела? — спрашиваю я.

— Мой мальчишник все-таки состоится, — объясняет Ло. — А еще мне нужно выбрать своего шафера... — он смотрит на нас по очереди. — Так что как видите, передо мной стоит дилемма.

— Какая? — спрашивает Рик, его брови сходятся в растерянности. — Я твой чертов брат.

— Ага, но я знаю Коннора дольше.

— На сколько? На пару месяцев, — он осуждающе указывает на меня. — Он даже на хрен тебя не *любит*, — голос Рика разносится, распугивая птиц с веток деревьев.

— Ничего личного, — защищаюсь я, мой голос более непринужденный и спокойный, чем у Рика. — Я никого не люблю.

— Вот видишь, — говорит Лорен так, словно в моих словах заключен весь смысл. Должно быть вчера я был по-настоящему прощен. — Это — трудный выбор. Мой шафер друг... — он пытается причислить меня к обычным *ребятам*, с тех пор как решил, что его лучший друг — Лили, — ... и сводный брат. Один из вас будет охренеть как зол на меня, если я приму решение.

— Коннор не будет злиться, — говорит Рик.

— Буду, — отвечаю я. — Я просто не позволю тебе увидеть мой гнев.

Рик бросает на меня раздраженный взгляд.

— Ты даже не хочешь быть его шафером.

— Это неправда. Я люблю эту должность, — я ожидаю, что выбранные мною слова затронут его.

— Ты ничего не любишь, — стонет Рик с грустью.

— Эй! — перебивает Ло и толкает Рика назад, делая шаг ближе ко мне. Но я не боюсь

получить удар кулаком. — Чтобы все было по справедливости, вы двое можете подбросить монетку.

— Нет, — говорю я быстро. — Я не желаю сводить это к простому шансу на выигрыш.

Ло пожимает плечами.

— Тогда вам обоим придется разделить эту роль — он кладет руки на наши плечи, становясь на равном расстоянии. — Команда шаферов, говорит он Рiku и затем смотрит на меня. — Команда шаферов.

Рик смотрит на меня.

И я с легкостью отвечаю:

— Только я первым скажу свой тост на свадьбе, просто чтобы вы знали. Я боюсь, что ты можешь испугать детей.

— Иди на хуй.

— Вот и подтверждение моих слов.

Он сдерживается, чтобы не наброситься на меня.

— Я буду стоять ближе к Ло, когда Лили пойдет по проходу.

Я не желаю проигрывать эту часть.

— Ты можешь стоять за мной, — говорю я ему.

Рик напряженно смотрит.

— Или рядом со мною. По правую сторону.

— Да, ну нах.

— Мы всегда можем привязать тебя к арке, — мне реально нравится все это. — Я поставлю тебе миску с водой, чтобы ты не хотел пить.

Ло смеется, пока Рик качает головой.

— На свадьбе вроде как не планируется никакой арки, — напоминает мне Рик. — Все пройдет в здании гребаной церкви.

Верно. Я забыл. Все будет формально. Традиционно. Кажется более вероятным, что Ло и Ли женятся посреди конвенции комиксов или в каком-нибудь другом неформальном месте. Когда Роуз предлагала своей матери свадьбу под открытым небом, та быстро отклонила подобный вариант. Трижды. В смс, по телефону и по электронной почте. Это был не очень хороший день для всех нас.

— Значит, я привяжу тебя к церковной скамье.

Рик делает еще один шаг вперед и Лорен опускает руку ему на грудь.

— Ты должен понимать, что тебе оказана честь, — говорю я ему. — Я, знаешь ли, связываю только реально нравящихся мне людей.

Рик драматично закатывает глаза и качает головой.

— Я не отступлюсь.

Он — его брат. И имеет полное право быть его шафером. Проигрывать обидно, но я справлюсь. Как только я собираюсь сказать, что уступлю ему эту должность, то замечаю вопросительный взгляд Ло, его глаза прищурены, ожидая увидеть, насколько сильно я готов побороться за звание его шфера. Если меня это вообще заботит. Так как у него по жизни очень мало друзей, то Ло естественно не уверен насчет нашей дружбы.

Так что я поворачиваюсь к Рiku и говорю:

— Давай просто бросим монетку.

— Серьезно?

— Ага. Почему бы и нет?

Потому что вероятность моего проигрыша сейчас 50/50.

Ло достает из кармана четвертак.

— Кто хочет выбрать сторону?

Рик кивает на меня.

— Вперед, принцесса.

— Остановись, ты заставляешь меня краснеть, — говорю я категорично.

Он искренне смеется, и мы с Ло тоже начинаем улыбаться. За всю поездку Рик не мог толком расслабиться, от части из-за присутствия Джулиана, от части из-за волнений за жизнь брата, которая в любой момент грозит быть разрушенной трудами Скотта.

Звук его смеха поднимает настроение всей этой пробежки.

— Орел, — говорю я Ло.

Он подбрасывает монету в воздух, и она падает ему на ладонь. Ло накрывает четвертак рукою, и я слышу звук наводящегося зума камеры Бена.

Ло открывает монету.

Решка.

Вот почему я ненавижу азартные игры.

Я всегда проигрываю.

ГЛАВА 30

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

— Эта неделя пролетела так быстро, — говорю я, наблюдая, как на улице идет снег; темное небо освещено огнями расположенного неподалеку лыжного курорта.

Скоро мы возвращаемся домой. Назад в лапы бешеных папарацци. К американскому телевидению. И моей матери. Даже при том, что за нами постоянно следуют Бен, Бретт и Саванна, здорово находиться в доме, не оборудованном камерами для круглосуточной съемки.

Коннор подкрадывается ко мне сзади и обнимает за талию. Я откидываюсь ему на грудь, мое поведение сейчас гораздо естественнее, чем было раньше. Трудно поверить, что всего лишь месяц назад я боялась всей этой интимности. Сейчас все, о чем я могу думать, так это о том, как быть ближе к Коннору.

Он убирает волосы с моего плеча и целует нежную кожу шеи вдоль невидимой линии к моему уху. Мои нервы воспаляются от каждого нежнейшего прикосновения.

— Возможно, эта неделя и пролетела слишком быстро, но сегодняшняя ночь будет ощущаться такой... — его теплое дыхание щекочет, — ... нестерпимо... — Коннор касается лямок моей ночной рубашки, и они спадают с моих плеч, — ... медленной.

Воздух пощипывает мою кожу, а его рука ложится на мое бедро, двигаясь по моим изгибам, пока другая ладонь опускается мне на грудь. Он дергает за шелковую ткань, и та спадает. Дыхание застревает у меня в горле, когда Коннор одной рукой сжимает мою голую грудь, стоя за моей спиной, в то время как я смотрю на снегопад. Его мускулистое тело так тесно прижато к моему, что между нами не осталось ни миллиметра свободного пространства, и я с нетерпением ожидаю, когда его кожа соприкоснется с моей, когда он останется без рубашки и брюк. *Пожалуйста, да...*

Он массирует мою грудь с силой и желанием, от чего через мой центр проходит новое чувство. Мучительная жажда Коннора. Всего его. Его большой палец тербит мой затвердевший сосок, и дрожь проходит вниз по моему позвоночнику.

А потом он разворачивает меня, впиваясь взглядом в мою обнаженную грудь и глядя на то, как ночная рубашка собралась складками на моей талии.

— Сними ее, — говорит он мне.

Я стягиваю рубашку до щиколоток, пытаюсь прийти в трезвое состояние ума и предугадать предстоящие события вечера.

— Мы будем... — я смолкаю, тая под его внимательным взглядом, скользящим по каждым изгибу и впадинке моего голого тела; на мне осталась надета лишь пара черных хлопковых трусиков.

Когда наконец-то наши взгляды встречаются, он говорит:

— Я собираюсь трахнуть тебя.

Не мы собираемся заняться любовью. Не у нас с тобой будет секс. А просто "Я собираюсь трахнуть тебя."

От этих слов у меня отвисает челюсть, а трусики становятся влажными. Прямо там. Вот оно. Я готова. Он может взять меня так, как только пожелает.

Я отбрасываю все сомнения, которые пытаются атаковать мой разум, напоминая о моей девственности. Несмотря на то, что мы вместе уже больше года, и я достигла уверенности в

наших отношениях, все это для меня по-прежнему остается в новинку. Думаю, большинство девушек с нетерпением ждут свой первый раз.

Коннор хватает меня за талию, прежде чем я погрязну в своих размышлениях. Он перекидывает меня через свое плечо, и я взвизгиваю. Его рука шлепает меня по попке, пока вся кровь приливает к моей болтающейся голове.

— Перестань думать, — приказывает он, бросая мое тело на мягкий матрас. Дыхание и мысли покидают меня в одночасье.

Святое... Я слежу за тем, как он медленно вытягивает ремень из брюк. Мой пульс учащается, когда Коннор наклоняется надо мной и берет в руку мое запястье, оборачивая кожу вокруг него и притягивая к деревянному изголовью. Когда он застегивает пряжку, то направляется к чемодану и находит еще один ремень.

Для второго запястья.

— В мой первый раз я буду связанной? — спрашиваю я, пока внезапный страх заполняет мой живот. *Слишком много всего, чтобы не думать.*

— Да, — говорит он, после того как закрепляет мое второе запястье на довольно большом расстоянии от первого. Коннор гладит мои волосы, и наши глаза встречаются. — Я возьму тебя глубоко... — его глаза перемещаются к моим губам, и от этого грудь сдавливает, — ...жестко... — *ох, же ж блядь...* Место между моих ног начинает сжиматься и пульсировать, желая чего-то большего и мощного, — ... грубо... — он прикусывает мою губу и я стону.

Просто погрузись уже в меня.

Он улыбается, все еще удерживая мою нижнюю губу между своими зубами. А когда отпускает, то говорит:

— Терпение.

У него явно больше терпения, чем у меня.

Все мое тело заливают румянец и жар мучительной *потребности*.

Коннор опускает руки мне на талию и аккуратно тянет мои трусики по набедренным косточкам, стягивая их с моей попки, и дальше вниз по стройным ногам, пока не снимает их с моих ступней. Сейчас я полностью обнажена. Готова к тому, чтобы он со мною поиграл. Готова, чтобы он позаботился обо мне, поглотил меня.

Но в этот момент он сползает с кровати.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Никаких вопросов, Роуз.

Я хмурюсь.

— Я собираюсь лишиться девственности. У меня есть право спрашивать обо всем, что мне, черт возьми, захочется.

Он подходит ближе — пуговицы на его рубашке расстегнуты — и закрывает мне рот своей большой рукой. Коннор нагибается так, что его губы скользят по моей щеке, а дыхание греет кожу.

— Ты можешь восхищаться моим членом, умолять или вежливо просить о большем. Но не более, и если услышу от тебя что-либо еще, то твои трусики окажутся у тебя во рту, в роли кляпа. Он немного сильнее надавливает пальцами на мои щеки. — Но поверь мне, я не хочу этого. Я желаю слышать все твои стоны. Хочу слышать, как ты кончаешь.

Перевод: *Заткнись*. И святое дерьмо, это еще сильнее возбуждает меня. Мое тело похоже на туго натянутую резинку, готовую вот-вот лопнуть.

Прежде чем убрать свою ладонь, Коннор напоминает мне, почему я не должна задавать вопросов.

— Vous êtes en sécurité avec moi. — *Со мной ты в безопасности.*

Он целует меня в лоб и разворачивается, возвращаясь в гардеробную, оставляя меня голой и привязанной к кровати. Я должна верить ему, что дверь в комнату закрыта, что никто не войдет в спальню, пока мы будем заниматься сексом. Разве такое возможно с моим-то везением?

Когда Коннор возвращается, у него в руках полотенце, но я остаюсь спокойной, даже несмотря на то, что мой желудок скручивает от ожидания и нервов. Он снова подходит ко мне, и приподымая мое тело за талию, подкладывает полотенце мне под попку. А затем наконец-то сбрасывает с себя рубашку, открывая изумительный вид на его твердые рельефные мышцы пресса.

Он поворачивается ко мне спиной, прежде чем я могу в полной мере насладиться зрелищем, а затем Коннор снова скрывается под кроватью, роясь в своем чемодане. Мне видны лишь его волнистые каштановые волосы.

— У меня для тебя кое-что есть, — говорит он мне, вставая. У него в руках какая-то тонкая черная коробочка. Я видела достаточно много коробочек с ювелирными украшениями, чтобы знать, что это коробочка под ожерелье.

Надеюсь бриллиантовое.

Это мой любимый драгоценный камень.

Мои глаза светятся, а тревога рассеивается, когда Коннор забирается на матрас и располагается возле моей талии. Я дергаю запястьем, желая прикоснуться не только к коробочке, но и к телу Коннора, к его плечам, талии, поясу брюк. Ожидание воздействует еще сильнее на мое возбуждение, и сдерживая свою жажду, я скрещиваю лодыжки.

Коннор медлит, его ладонь трет поверхность черной бархатистой коробочки, дразня меня. Как же сильно я хочу, чтобы эта рука ласкала *меня*.

— В этот момент мне предположительно нужно начинать умолять? — спрашиваю я, не в состоянии сдержаться от того, чтобы не прищурить глаза.

Его губы приподымаются в намеке на улыбку, а глаза переполняет похоть.

— Это отличная идея, — говорит он. — Умоляй меня открыть эту коробочку.

Я напряженно смотрю на него.

— Я пошутила.

— А я нет.

Черта с два. Я не собираюсь умолять его *открыть* коробочку. Я сердито смотрю на коробку и представляю драгоценности. Они манят меня. Готова поспорить, что ожерелье окажется роскошным, таким, что я влюблюсь в него. Моя решительность начинает слабеть. Это не похоже на то, чтобы умолять Коннора дать мне его член... хотя, думаю... думаю мое желание обеих вещей почти на одном уровне. Объект моего желания — драгоценности... бриллианты. Я бы умоляла ради бриллиантов.

Но умолять звучит как слабость. *Внутренне*, я могу попросить его дать мне свой член. Но вслух, как черт побери, я собираюсь пресмыкаться?

— Пожалуйста, мог бы ты подарить мне содержимое этой коробочки? — спрашиваю я, пытаюсь смягчить свои обычно резкие слова. Я ведь в этом не так ужасна, верно?

Коннор не двигается.

— Разве ты не говорила что-то об окончании обучения с отличием? — спрашивает он

весело. Да, я часто упоминаю этот факт в наших спорах. Это такой себе аргумент, учитывая, что Коннор закончил обучение с таким же количеством похвал.

— Самым высоким отличием, — не сдаюсь я, передо мной появляется вызов. Мне слишком сильно нравится спорить с Коннором Кобальтом. Но сегодня вечером моя интуиция говорит, что он собирается втянуть меня в серьезные неприятности.

— *Самое высокое* отличие, — его губы вздрагивают. — Ну, тогда, если ты так умна, то должна знать, как правильно умолять о чем-либо.

— Я же сказала пожалуйста.

— Скажи это так, словно действительно подразумеваешь сказанное, — он опускает черную коробочку на мою голую грудь так, что мягкий бархат касается моей кожи. С привязанными к изголовью руками, я никак не смогу ее раскрыть.

— Может, ты хочешь, чтобы я называла тебя *сэр*? — не имею представления, как далеко мы собираемся зайти.

Его глаза мрачнеют.

— У меня есть собственный способ делать это, собственные правила, — он проводит пальцами по моей ноге, что еще сильнее усиливает боль в месте между моими ногами, которое так долго, очень долго ждет его прикосновений. — *Сэр* — довольно безликое слово. Ты можешь называть меня Коннор, а если будешь себя действительно хорошо вести, я даже разрешу тебе называть меня Ричардом.

От его слов мое тело расслабляется. Мой взгляд снова возвращается к коробочке у меня на груди, и нетерпение пробегает по моему телу, словно холод.

— Просто открой ее, *Коннор*, — говорю я сердито.

Он сильно сжимает мое колено и проводит рукой к верхней части бедра, сжимая пальцами мою плоть.

— *Нет*.

Как одно слово может содержать в себе столько силы? Я сильнее сжимаю бедра, так что голени начинают болеть от силы соприкосновения друг с другом. Я настолько обнажена перед ним. Так возбуждена. И к тому же должна умолять о том, чего желаю. Я чувствую, как становлюсь еще более влажной, и Коннор понимающе приподымает брови.

Моя киска сжимается.

Господи Иисусе.

Чем дольше ожидание, тем большей пыткой все это становится. Так что я отбрасываю свою гордость и делаю глубокий вдох.

— Пожалуйста, пожалуйста, *пожалуйста*, открой коробочку, — молю я, почти что шепотом. — Я так сильно хочу этого.

К моему удивлению, он открывает бархатный футляр, отбрасывая крышку. Мое сердце делает кульбит, когда я вбираю взглядом все бриллианты, нанизанные в длинные ряды. Из них буквально состоит все ожерелье. Оно светится и переливается в тусклом свете, драгоценности влияют на меня почти так же как и его слова.

А затем я наконец осознаю, какой тип ожерелья представляют собою все эти камни. Это не просто кольцо. Нет. Эти бриллианты вставлены в кожаную ленту с серебряной пряжкой в задней части.

Это ошейник.

Гнев закипает во мне, как никогда доселе.

— Я — не твоя зверушка.

— Ты — моя зверушка, — он подымается на кровати. — А еще ты — моя девушка. Моя любовница. Так же как и я — твой мужчина. С одним лишь отличием... — он делает паузу, повышая градус царящего между нами напряжения, — я всегда буду сверху.

В одно мгновение он хватается за обе ноги и вытягивает их по сторонам. Я пытаюсь вырваться из его хватки и вернуть свои бедра в положение "закрыто-ты-не-можешь-мною-владеть", но его взгляд останавливает меня. Взгляд Коннора Кобальта вообще *очень* сложно игнорировать. От его нового мрачного выражения лица мое тело замирает в абсолютной неподвижности.

А затем уголки его губ приподымаются. Как у чертового болвана.

— Позлорадствуй, если это все чего ты хочешь. Мне же абсолютно не весело, — возмущаюсь я.

Улыбка на его губах затрагивает глаза.

— Тогда останови меня, — бросает он мне вызов. Но одновременно с тем Коннор опускается поверх меня, прижимаясь всем своим телом. Его таз напротив моего, а эрекция вжимается в мой центр, так сильно ненавидящий и одновременно любящий его.

Я не могу остановить Коннора.

Даже если бы действительно хотела этого.

Я едва дышу, когда он бережно оборачивает кожаный ошейник вокруг моей шеи. Его пальцы касаются моей кожи, когда он застегивает его у меня на затылке.

Моя злость растворяется в отчаянной необходимости и жажде. Все мое тело вызывает о его прикосновениях, желая знать каково будет, когда он окажется внутри меня. Как я почувствую себя в первый раз.

Коннор снова отстраняется от влажности моего тела, моей позиции и готовности. Я наблюдаю за тем, как его взгляд порхает от моего нового бриллиантового ошейника к румяной от его прикосновений груди и ниже — к мой изнывающей по нему голой плоти. *Просто погрузись уже в меня.*

Он опирается рукой о матрас возле моей головы и целует в висок; его губы движутся вниз к моему затылку, а затем к полноте моей груди, соблазнительно медленно.

— Коннор, — стону я, нуждаясь в том, чтобы он ускорился.

— Не разговаривай, — говорит он хрипло, его губы смыкаются на моем соске и сильно всасывают. Невидимая сила подымает мои бедра над матрасом, желая большего контакта с его телом. В ответ он вжимается своей твердой выпуклостью в мой пах, подавляя мои движения и разжигая желание.

— Кон...

Его рука взлетает к моему рту, заглушая звук моего голоса. А затем он продолжает исследовать мое тело своим языком. Я во власти его рта, его медленного и мучительного темпа ласк.

Все формы умственной активности покинули меня. Мои мысли превратились в глупое, нелепое скандирование. *Ниже, ниже, НИЖЕ!*

— Нишшшшее! — бормочу я ему в руку.

И Коннор кусает мягкую плоть моего бедра — *сильно*. Боль простреливает через мое тело, зажигая внутри еще что-то новое. Что-то более сильное и пьянящее. Мне нравится порка. Нравится удушье. Так что мне не стоит удивляться тому, что от укуса на моем бедре щеки и шея заливаются румянцем. Но я удивляюсь.

Мне нравится, когда Коннор меня кусает.

Словно гребанный вампир.

Господи милостивый.

— Шшш, — шепчет Коннор решительно. Он целует покрасневший след на моем бедре и продолжает двигаться еще ниже. Его губы наконец касаются моего клитора, теребя чувствительный бутон, и все мое тело откликается на это прикосновение, вздрагивая, а сердце начинает еще сильнее колотиться в груди. Пронзительный стон зарождается у меня в горле, и я хнычу.

Его губы приоткрываются, а дыхание становится глубже в ответ на изданный мною звук. Он убирает руку от моего рта и приподымает голову от моей киски. Мой взгляд сразу же опускается к его брюкам и выпирающей из-под них эрекции, которая больше просто не может оставаться незамеченной.

Его большой член четко вырисовывается под тканью.

Все те слова, что я собиралась сказать, растворяются в непреодолимых ощущениях. Пока Коннор медленно освобождается от своих брюк, при этом не отрывая от меня свой взор. Желание, страсть, похоть, все это вращается внутри меня словно водоворот без основания, конца или анализа этих чувств.

Коннор снимает свои темно-синие боксеры, и его член оказывается передо мной, как никогда близко к моей киске. Он раздвигает мои ноги при помощи своих коленей, располагая их в удобном для себя положении. Хватая меня за попку, он сжимает и подтягивает ближе к себе, от чего ремни, удерживающие мои запястья возле изголовья кровати, натягиваются.

Я возбуждена и смущена происходящим.

Потому что сейчас Коннор не замедляется, не колеблется. Он не прерывается даже для того, чтобы одеть презерватив. Нервы, которые я пыталась отбросить в сторону, внезапно накатывают на меня словно стофутровая волна.

Коннор замирает, и не меняя положения, внимательно наблюдает за мной властным взглядом.

Замешательство должно быть явно читается у меня на лице, что обычно для меня не свойственно.

— Говори, — приказывает он.

Мое горло пересохло. Я не могу снова сделать все неправильно. Коннор все еще удерживает мою попку в своих руках, мои ноги обернуты вокруг его талии, но он опускает мое тело на кровать, больше не собираясь войти в меня.

Блядь.

— Черт побери, Роуз, — сердиться Коннор. — Просто скажи мне, что не так.

— Ты же собираешься одеть презерватив, верно? — я формулирую это, как вопрос, от которого сама же содрогаюсь. В обычной ситуации, я бы просто приказала ему одеть свой чертов член.

Плечи Коннора расслабляются, и он облегченно выдыхает. Я осознаю, что напугала его, а это то, что *он* редко чувствует. Полагаю, мы дарим друг другу абсолютно новые ощущения.

Я слегка постукиваю по его бедру своей лодыжкой.

— У меня есть один в сумочке.

Улыбка медленно расплывается по его лицу.

— Серьезно? Ты собиралась использовать его во время этого путешествия?

— Я всегда готова, — напоминаю я ему, пытаюсь скрыть собственную улыбку.

Он поднимает мою ногу и оставляет легкий поцелуй на подошве моей пятки.

— Никаких презервативов, — говорит он вдруг.

— Что? — возмущаюсь я.

— Я не хочу, чтобы что-либо разделяло нас, — говорит он мне. Он толкается вперед так, что его твердый член оказывается в опасной близости от моего центра, а его руки скользят от моих коленей к бедрам. — Я хочу чувствовать тебя, Роуз, даже после того, как кончу в тебя и буду держать в своих руках.

Он хочет кончить внутри тебя, Роуз. Я могла бы поднять взгляд к потолку и сказать "Спасибо, Господи", но это бы разозлило Коннора. Эта мысль практически манит меня именно так и поступить, но здравая часть Роуз Кэллоуэй возвращается.

Потому что если он не использует презерватив, это означает....

— Мы не можем... — я качаю головой. — Мы не можем быть лицемерами. Лорен и Лил...

— Они безответственные, — заканчивает за меня Коннор. — Лили забывает мыться и есть, и нам обоим известно, что она регулярно забывает принимать контрацептивы, поэтому мы напоминаем Лорену использовать презервативы. А ты, Роуз, самая ответственна женщина, которую я знаю.

Его слова могут успокоить любые тревоги, даже мои.

Я киваю. Вот оно.

Я не могу не смотреть в его голубые глаза, вызывающие во мне столь знакомые честолюбие и страсть. *Это — Коннор*, напоминаю я себе. Я знаю его уже 10 лет. Не так уж много людей выдерживают подобный срок.

Его взгляд прикован к моему, когда Коннор делает глубокий вдох. Он убирает прядь влажных, потных волос с моей щеки.

— В жизни я хотел так много вещей, — говорит он тихо, — но ты та — что всегда имела для меня наибольший вес.

Перевод: *Я люблю тебя.*

Его большой палец скользит по моей губе. Ох, этот палец...

А затем он погружается в меня так сильно и быстро, что я вскрикиваю. Резкая боль пронзает мое тело, но постепенно она отходит, уступая место более приятным ощущениям. Он наращивает ритм, каждый раз погружаясь все глубже в меня, пока мое зрение не теряет фокус. Я откидываю голову назад, мои веки трепещут, пока я пытаюсь остаться в здравом рассудке. Наполненность доводит меня до нового пика, то как его бедра трутся о мои, его сила, пока я остаюсь привязанной к изголовью, все это по истине посылает меня за край.

Хватая меня за бедра, Коннор толкается еще глубже. Он поднимает мои ноги выше, чтобы мое тело могло вобрать его в себя еще сильнее. Я задыхаюсь и борюсь со сдерживающими ремнями. *Коннор...*

Весь мой мир идет кругом.

Я пропитана потом, а от его тела исходит жар. Между моих ног нереально влажно, и когда сосредоточиваюсь на том, как глубоко он проникает в меня, как движется, как это ощущается, когда его член словно пронзает мой живот, моя спина начинает выгибаться. Мой вращающийся мир горит в огне.

Коннор стонет, зажимая мою ногу подмышкой, удерживая ее в поднятом состоянии, наваливаясь на мое тело так, будто оно принадлежит ему и служит исключительно для этой цели.

Боже, да...

Почему, черт возьми, я так долго тянула с этим?

Изголовье издает скрипучие звуки, ударяясь о стену, пока Коннор поверхностно и неровно дышит через нос, выражение его глаз заводит меня так же сильно, как и его член. Я хочу, чтобы он душил меня. Украл на секунду мой кислород.

И словно слыша мои мысли, Коннор хватает кожаный ошейник, при этом не нарушая размеренный ритм своих толчков. Используя воротник, чтобы поднять меня за шею, он притягивает мое лицо к своему и целует в губы. Его поцелуй ненасытен, страстен, *жаден* — и таким образом он крадет у меня воздух, мои губы наливаются и немеют от давления его рта, его мятный вкус наполняет мой рот, а язык сплетается с моим.

Когда Коннор вколачивается в меня в очередной раз, от силы удара наши губы рассоединяются, и мой стон вырывается наружу. Это звук наслаждения с высоты как минимум в пять тысяч футов из-за облаков.

Коннор наблюдает за моим всплеском, и его собственное возбуждение продолжает нарастать, его мышцы напрягаются, не давая слабину. Он еще сильнее увеличивает темп толчков. *Быстрее.*

Святое...

Никаких передышек. На нашей коже больше нет даже пота. От наших тел исходит жар так, словно мы боги.

Не знаю, как ему удастся еще сильнее углубить свои движения, но как-то он все же это делает. Вырывающиеся из моего горла звуки нарастают до тех пор, пока я просто не могу их больше сдерживать. И в этот момент Коннор снова дергает за воротник, целуя мои губы один и второй раз прежде, чем откинуть мою голову обратно на подушки. А затем он тянется к моей прикованной к изголовью руке. Наши пальцы сплетаются, и удерживая меня так, Коннор доводит мое тело до оргазма.

Моя киска сжимается вокруг него, три или четыре раза, все мое тело извивается. Пальчики ног поджимаются, а стоны переходят в глубокие вздохи головокружительного удовольствия.

— Отпусти, — шепчет он мне на ухо, не замедляя свой безумный темп.

Слезы наворачиваются на глаза, когда я падаю с высоты наслаждения, но он все еще не кончает. Я осознаю, что он еще не получил свой оргазм. Коннор продолжает раскачиваться, врезаясь в меня, снова доводя меня до высот.

Не хочу, чтобы это чувство вообще когда-либо меня покинуло.

И словно ощущая это, Коннор делает так, что данный момент кажется вечностью.

А затем мы оба достигаем вершины в унисон. Когда Коннор кончает, то сильно толкается вперед, врезаясь в мои бедра своим пахом, продлевая свой оргазм до тех пор, пока мы оба пребываем за гранью настоящего, не в силах успокоить свое дыхание.

Когда все стихает, я пытаюсь осознать окружающее меня пространство, начать снова думать. Осмыслить произошедшее. По сценарию я была девственницей. Он же занимался до этого сексом, потому мне бы хотелось знать, была ли я ужасна. Или был ли у него кто-то лучше меня. По своей природе я люблю конкуренцию. В постели, я хочу быть для него лучше всех, с кем он когда-либо был. Может быть, это слишком, чтобы о таком спрашивать.

Его грудь вздымается и опадает, пока он пытается утомить свое дыхание. Коннор все еще нависает надо мной так, словно собирается трахать меня раз за разом.

И я, вроде как, надеюсь на это.

А потом он начинает смеяться, улыбка буквально светится на его лице — это не

веселье, а счастье.

— Что? — спрашиваю я нежно.

Он смотрит на меня, словно я — единственное, чего он желает. Здесь, под ним.

— Ты и я, — говорит он и облизывает губы. — Мы трахаемся, как победители.

Я усмехаюсь. Он не сказал, я трахаюсь, как победитель. Он сказал *мы*. Мы. Вместе.

— У тебя есть 10 секунд, — говорит он мне, — прежде чем я возьму тебя снова. Ты готова?

О, да. Я готова.

ГЛАВА 31

КОННОР КОБАЛЬТ

Мы сделали это не раз. И не два. И даже не три раза. После того, как я исчерпал ресурс ее разума и тела, то наконец начинаю развязывать закрепленные у изголовья ремни.

Ее глаза трепещут от усталости, но Роуз пытается не уснуть — она всегда борется — а меня это восхищает.

— Больше не будем? — спрашивает она тихо, но в ее голосе слышится веселье.

— Время спать, — я бросаю мой ремень на пол и целую ее покрасневшее запястье. Слабые синяки и отметины от моих укусов и поцелуев покрывают ее обнаженное тело, и мне натерпится посмотреть, что она скажет об этом на утро.

Я аккуратно опускаю ее руки вдоль тела и вытираю полотенцем место между ее ног. Роуз просто немного вздрагивает. Она была более узкой, чем я ожидал, но еще она была невероятно мокрой. Тем не менее, я не хотел брать ее медленно. Утром ей однозначно будет больно. Я усмехаюсь, представляя, как каждое ее болезненное движение будет напоминать Роуз обо мне внутри нее.

Быстро я бросаю полотенце в корзину и моюсь. Найдя другую пару боксеров в своем чемодане, я натягиваю их прежде, чем вернуться в кровать.

Глаза Роуз закрыты, но когда я скольжу под одеяло рядом с ней, ее веки вздрагивают. Она пододвигается ближе — жест, не свойственный девушке, которую я знаю. Я пользуюсь этим и притягиваю ее за талию в свои объятия.

Она кладет голову мне на грудь и нежно целует мою голую кожу. Роуз не говорит ничего, и моя рука опускается к ее клитору. Не могу привыкнуть к этой уязвимой ее стороне.

— Думаю, теперь я понимаю, как кто-то может стать сексуально-зависимым, — тихо шепчет она.

— Да, ну, у твоей сестры не такого рода секс, — я глажу ее влажные волосы, и мой комментарий практически полностью пробуждает Роуз ото сна.

— И откуда ты знаешь? — бросает она, будто предполагая, что я спал с Лили. *Это часть ее уязвимой стороны.*

Я улыбаюсь.

— Может быть, нам следует сделать все помедленнее в следующий раз, — говорю я. — Кажется, все эти эндорфины и гормоны сделали тебя немного...

Ее глаза загораются.

— Если ты скажешь глупой...

Я целую ее в губы, прерывая на полуслове. Она сдается, скорее из-за истощения, чем из-за истинного желания признать поражение. На самом деле из нее ужасный сабмиссив. Но это то, что я обожаю в ней. Она — вызов. *Мой вызов.*

Я опускаю взгляд на Роуз, замечая что ее глаза едва приоткрыты.

— Я рада, что ты есть у меня, — говорит она мне, прежде чем сомкнуть веки и уснуть в моих руках. Но это я — тот, кто должен радоваться.

До Роуз у меня никого не было. Ни настоящих друзей. Ни реальной семьи.

А сейчас у меня есть она. У меня есть люди, о которых я забочусь. Люди, которых хочу защитить.

Теперь у меня есть все.

Единственный недостаток иметь все это — возможность все и всех потерять.

ГЛАВА 32

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Я не могу ходить. Буквально. Мне так чертовски больно, что даже короткое расстояние до ванной доводит меня до адских мучений и стонов, однако, когда я думаю о прошлой ночи, то чувствую себя маленькой школьницей, неспособной удержаться от яркой, головокружительной улыбки. Когда-то я смотрела на девочек, пускающих по парням слюни. Но сейчас я понимаю их. Некоторые вещи просто делают нас нереально счастливыми. Одной из таких вещей для меня определенно стал секс.

Эти безудержные чувства стоят боли. Кроме того, ничего на этом свете не сравнится с ухаживаниями Коннора Кобальта.

Он принес мне завтрак в постель, и где-то между его поцелуями и ласками кожи моей шеи, я ощутила, что влюбляюсь в него слишком сильно. Я планирую провести большую часть дня на диване или лежа в кровати, но сначала нужно дойти до ванной, чтобы, по крайней мере, привести в порядок свои волосы и умыться — это половина моей ежедневной утренней рутины.

Мой халат свисает с рук, пока я чищу зубы, стараясь не намочить рукава водой из-под крана. После того как полощу рот, я вытираю губы полотенцем, и мой взгляд натывается на бриллиантовый ошейник. Он роскошен, даже при том, что в нем я выгляжу как зверушка Коннора. Я застегиваю на молнию косметичку, и мой халат спадает с плеча. Я собираюсь вернуть его на место, но замечаю на своей руке очертание синяка.

Осмотрев все свое тело, я нахожу несколько слабых синяков и несколько заметных отметин на моей груди, руках и ногах, но сильнее всего покраснели запястья. Я роняю халат, замечая след от укуса на моем бедре — след от зубов Коннора. Мои пальцы касаются поврежденной плоти, и я улыбаюсь.

Мне нравятся эти синяки.

Они, словно мои раны от войны.

Я пережила дикий секс.

Я *все еще* не могу перестать улыбаться, даже когда хватаю трусики и одеваю их, а мои конечности протестуют от резких движений. Ладно, в этот момент моя улыбка исчезла. Я гримасничаю, когда ткань касается моего чувствительного местечка, которое жаждет оставаться на свободе.

Я сердито смотрю на лежащий на столешнице бюстгальтер. Мои соски болят. Левый сосок красный и истерзанный после пережитого ада во власти рта Коннора Кобальта. Этот лифчик с таким же успехом мог бы быть усеян металлическими шипами.

Прежде чем я принимаю столь важное решение не одевать этот элемент белья, дверь ванной открывается, и моя рука стремительно взлетает к груди. *Только бы не Скотт. Пожалуйста, только не Скотт.*

Я выдыхаю, когда за Коннором закрывается дверь.

Я опускаю руку, и он быстро осматривает мое тело. Зажатая в его руках бутылка с лосьоном моментально привлекает мое внимание.

— Где ты это достал?

Средство выглядит дорогим и женским.

— Я купил его для тебя еще в Нью-Йорке, до того как мы уехали, — говорит он, почти

что незаинтересованно. — Как ты себя чувствуешь?

Я уверено распрямляю плечи, скрывая вызванную этим движением боль.

— Фантастически, — говорю я, пробегая пальцами по волосам. — Готова к раунду номер... — сколько раз мы на самом деле делали это вчера? Я так устала, что потеряла счет. А я не теряю счет ничему.

Черт. Даже мои мысли напыщенные.

Должно быть это Коннор так влияет на меня. Или может быть я всегда была такой.

— Давай я буду решать, когда ты будешь готова, — говорит он, опираясь рукой на раковину и наблюдая за мною.

Я бросаю на него взгляд.

— Думаю, я знаю свое тело лучше, чем ты.

Он приподымает свои брови, бросая мне вызов.

— Это спорно, и к тому же ты упряма и любишь конкуренцию. Эти два качества делаю тебя неспособной здраво оценивать собственное состояние, — он раскрывает лосьон и выдавливает немного себе на ладонь.

— Я могу сама это сделать, — говорю я, сразу же сожалея о сказанном. Я с большим удовольствием буду избалована его заботой, чем стану делать это сама.

— Но хорошая сторона этих синяков состоит в том, что я могу позаботиться о них.

(К счастью) он игнорирует мое заявление и втирает лосьон в один из небольших синяков у меня на плече, тщательно и нежно — полная противоположность его поведения в постели.

Девушка может привыкнуть к этому.

Он массирует след от укуса, и только один раз я ощущаю боль. Я пытаюсь скрыть гримасу, но должно быть не очень в этом преуспеваю, так как Коннор целует отметину, извиняясь. А затем он говорит со мной на французском о повседневных вещах. О Кэллоуэй Кутюр. Кобальт Инк. О том, что будем делать, когда завтра вернемся в Филли.

Я никогда не чувствовала себя так хорошо, никто обо мне так не заботился.

Когда Коннор заканчивает обрабатывать мои синяки, то сосредотачивается на моей киске. Он накрывает ее ладонью, и я стискиваю зубы, отказываясь признавать болезненность этой зоны — и это не вид боли по типу "пожалуйста, трахни меня снова".

— Их нужно снять, — он медленно снимает мои трусики, спуская их вдоль моих ног. Я опираюсь на его плечи и вышагиваю из них. Коннор помогает мне снова одеть халат и завязывает его у меня на талии. Шелк слегка ласкает мою кожу, в отличии от хлопковой ткани белья.

Коннор смотрит на мой бриллиантовый ошейник и тянется к пряжке.

Я делаю шаг назад, собственнически касаясь кожи у меня на горле.

Его лицо начинает светиться, а губы сжимаются в линию, в попытке заглушить рвущийся на свободу смех.

— Так теперь он тебе нравится?

— Это бриллианты, — говорю я, словно Коннор ненормальный. — И это был подарок. Ты не можешь его забрать.

— Я и не собирался его забирать, — уверяет он. — Просто положу его в сейф, — он подходит ко мне, и на этот раз я не отступаю. Когда он расстегивает пряжку, моя шея ощущается голой без теплой кожи ошейника.

— Почему я не могу его оставить? — спрашиваю я тихо, глядя на его губы. Я наблюдаю

за тем, как они движутся, когда он говорит.

— Потому что ты будешь одевать его, когда я буду играть с тобой, — говорит Коннор. — А сегодня я забочусь о тебе.

Он собирает мои волосы и удерживает их в одной руке, пока другой втирает лосьон в кожу, которой еще недавно касалась пряжка. Его пальцы так умело кружат по нежной области моего тела. Мне требуется вся сила воли, чтобы не застонать и не начать поскуливать подобно пускающему слюни щенку.

Коннор закрывает лосьон и кладет ошейник в свой карман, а затем, не говоря ни слова, выходит из ванной. Сначала я хмурюсь и смущаюсь. Но потом он возвращается с другой черной коробочкой, такого же размера, как и предыдущая. Еще одно ожерелье?

Мои глаза расширяются от волнения.

На этот раз он не заставляет меня умолять. Он просто открывает коробочку.

— А это для таких дней, как сегодня.

Он достает его из коробки и делает шаг, становясь у меня за спиной, бережно оборачивая его вокруг моей шеи и застегивая на затылке. Когда мы только начали встречаться, он подарил мне ожерелье в виде капли. Но это означает для меня гораздо больше. Не только потому, что у меня на груди поблескивает *бриллиантовая* подвеска, но и потому что оно простое и утонченное, такое, что я могу носить его почти что под любой повседневный наряд. Могу сказать, что так Коннор и задумывал.

Думаю, я могу сейчас расплакаться. А я никогда не плачу.

Предполагаю, это же нормально лить слезы над ювелирным украшением. Это минус к карме меня в роли снежной королевы или меркантильного сноба, верно? Ох, кого это на хрен волнует?

Мои слезы очевидны.

— Спасибо, — говорю я.

Коннор целует меня в губы и проводит руками по моим плечам.

— Всегда пожалуйста.

* * *

Наше с Коннор утро проходит за переключением каналов между Discovery и History channel, тем самым мы пытаемся избежать просмотра реалити-шоу в пользу образовательного сегмента ТВ. (Да, я осознаю, что это немного лицемерно, но просто то, что я снимаюсь в реалити-шоу еще не делает меня их фанатом.) Мы изолировались в спальне, и когда сестры спросили Коннора обо мне, он ответил, что я себя плохо чувствую. Этого было достаточно, чтобы они купились и оставили нас в покое.

Телефон Коннора звонит, прерывая просмотр передачи о Черной Смерти (*Устаревшее название чумы — прим. пер.*).

— Ты не можешь сейчас уйти, — говорю я ему. — Ты пропустишь все изображения чумы и гангрены.

Он смотрит на телефон.

— Как заманчиво, — Коннор улыбается, давая мне знать, что имеет в виду.

Я вспоминаю литературу о бубонной чуме, то, как приобретала эти столь странные знания в колледже, готовясь к викторинам за кубок, свои собственные неторопливые изучения данной тематики.

— У людей самых отчаянных, готовых шутить с жизнью и смертью, есть нечто такое, над чем они не позволяют себе смеяться (*Перевод Р. Померанцевой. из "Маска Красной Смерти" Э.А. По — прим. пер.*), — я цитирую Маску Красной Смерти, подразнивая его и одновременно отвлекая.

Его глаза начинают блестеть от брошенного мной вызова, а рука опускается, игнорируя жужжание телефона.

— Эдгар Аллан По, — отвечает он с легкостью, поглощая мою приманку в один присест.

Коннор садится возле меня на кровати, так что его ноги прижимаются к моим. Его пальцы касаются моего бриллиантового ожерелья, поглаживая тонкую цепочку и непроизвольно щекоча впадинку у основания моей шеи. Я сжимаю его руку, прежде чем ощущения от его прикосновений вызовут дрожь по всему телу.

Он проникательно смотрит на меня, шепча:

— Люби всех, но верь немногим. Никому не делай зла.

Одна из моих самых любимых цитат. Я немного отворачиваюсь, так, чтобы наши губы нечаянно не столкнулись.

— Шекспир, — выдыхаю я.

— Очень хорошо.

Мои мысли обращаются к моему сердцу. Крошечное расстояние отделяет наши губы от поцелуя, и несмотря на болезненность в моем теле, я хочу повторения вчерашней ночи.

Люби всех. Любовь. Я принимаю Коннора таким как он есть, даже с его антилюбобными устоями. Но почему, черт возьми, он выбрал именно эту цитату?

— Тебе запрещено соблазнять меня Шекспиром, — я приказываю своим мыслям вернуться к здравому смыслу. *Вернись же, антисентиментальная Роуз.* Отодвигаясь вправо, я увеличиваю расстояние между нашими губами. — Особенно цитатами о любви.

— Дорогая, мне не нужно тебя соблазнять, — говорит он. — Ты и так уже моя.

Выражение его лица переполняет похоть, тогда как я сердито прищуриваю глаза. Чем больше я хмурюсь, тем сильнее возбуждаюсь. Несмотря на то, что за столько лет я прекрасно усвоила этот урок, мне все еще не удается подавить реакцию своего организма, чтобы выиграть этот раунд.

Коннор облизывает губы и бросает еще одну цитату. Только на этот раз он декламирует строчку, тяжело и прерывисто дыша. Почти так, будто он занимается любовью с этими словами.

— Мы знаем, кто мы есть, но не знаем, кем мы можем быть.

Почему это так сексуально? И почему интеллект заводит меня сильнее, чем накачанный рельефный пресс?

— *Гамлет*, — отвечаю я. Я сажусь ровнее, опираясь на изголовье кровати, и пытаюсь скрыть тот факт, что моя киска вновь пульсирует, пылая страстью.

— Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном окружена вся наша маленькая жизнь.

Я внутренне улыбаюсь от уха до уха. На нашем первом свидании мы ходили на спектакль по этой пьесе.

— Это легко. *Буря*.

— Все верно, мисс Наивысшее Благородство... — он становится на колени, расставляя их по обе стороны от моей талии, но не опускается на меня. Возвышаясь надо мной, Коннор

прижимает свою руку к изголовью и смотрит сверху вниз. Я буквально нахожусь запертой в его клетке из мышц. *Не могу поверить, что он — мой парень.* Только об этом я сейчас и в состоянии думать.

— Любовь — чистейшее безумие.

Он делает паузу, давая мне осмыслить его слова.

— *Как вам это нравится.*

Коннор качает головой. Он тянется губами к моей макушке, но это оказывается всего лишь отвлекающим маневром, чтобы дотянуться до моего уха.

— Хотя и мала, неистова и зла, — то, с какой уверенностью он произносит каждое слово, заставляет мое сердце выполнять нереальные сальто.

О Господи.

Думай. Думай. Я должна выиграть.

— *Сон в летнюю ночь.*

Одной рукой все еще упираясь в изголовье, другой он ласкает мою правую, менее болезненную, грудь.

— Все, что случилось с нами, лишь пролог.

— *Буря, снова.*

Он приподымает мой подбородок и обрушивает свои губы на мои, приоткрывая их с помощью своего языка и воругая все мое дыхание. Мои соски твердеют, когда он отстраняется и декламирует:

— Что сделано, то сделано.

Я наблюдаю за тем, как его рука опускается к моей шее, растирая нежную кожу. Затем движется к моей груди. К рукам. Я не могу толком сосредоточиться на его словах. Я потеряна, мое возбуждение вновь набирает силу.

— Я... — черт, — ... повтори это.

— Что сделано, то сделано.

Думай, Роуз.

Он дает мне новую цитату к этой же пьесе.

— Жизнь — сказка в пересказе глупца. Она полна трескучих слов и ничего не значит.

Я прищуриваюсь, едва вспоминая эту цитату.

— Ты ее сократил? — он ненавидит сокращения, и вероятно, сделал это лишь бы сбить меня с толку.

— Возможно.

Я собираюсь назвать его мошенником, но Коннор закрывает мне рот своей рукой и говорит:

— Я вообще не должен был давать тебе вторую цитату в помощь, Роуз.

И то правда.

Он целует меня в лоб и затем добавляет:

— Жизнь — только тень, она — актер на сцене. Сыграл свой час, побегал, пошумел — и был таков. Жизнь — сказка в пересказе глупца. Она полна трескучих слов и ничего не значит.

— *Макбет*, — я гордо выпрямляюсь, и он тоже разделяет мою гордость. Вместо того, чтобы дуться над своим проигрышем, Коннор усмехается моей победе.

Но потом он говорит:

— Хотя время и обманчиво, но мы на милость его отданы.

Я хмурюсь. Мне абсолютно не знакома эта фраза. Я сердито смотрю, не в силах принять свое поражение с таким же достоинством, как он.

— Оригинальное произведение Коннора Кобальта, — говорит он.

Я бросаю подушкой ему в лицо, и он ловит ее прежде, чем выпустить меня из клетки своего тела. Вообще-то я была бы не против быть в клетке его мышц на этом матрасе в течение всего дня.

Но Коннор слезает с кровати и шагает по твердой древесине к своему телефону.

— Я хочу перезвонить Фредерику, а затем можем посмотреть, как весь город умрет в один момент, — он указывает большим пальцем в сторону телевизора, где показывают, как Черная Смерть разбушевалась в Европе.

— Ты собираешься говорить с ним обо мне? — интересуюсь я.

— Да, — говорит он. — Я буду злорадствовать, так что думаю, мне стоит выйти на улицу, — он движется в сторону патио.

— Передавай ему от меня привет, — говорю я криво улыбаясь. Я встречалась с Фредериком лишь однажды, и он показался мне приятным, но при нашем общении был крайне краток, вероятно, боясь о чем-нибудь проговориться. Он делал вид, что мы незнакомы, но я-то знаю, что ему явно известно многое обо мне.

Коннор исчезает за раздвижными стеклянными дверями, а я тянусь к своему собственному телефону на прикроватной тумбочке. Я почти набираю номер Поппи, когда вспоминаю, что в Филли всего 6 часов утра. Мы приглашали ее поехать с нами в Альпы, но Поппи сказала, что лучше останется дома с дочерью. У нас с сестрой разница всего в 4 года, но я чувствую себя младше лет на 10.

У нее есть собственная семья, и она дистанцировалась от Лили, меня и Дэйзи, сблизившись с Сэмом и Марией. Так всегда происходит, когда у вас появляются дети? Получив нового члена семьи, вы должны пожертвовать связью с другими?

Это пугает меня. Тот факт, что мои сегодняшние отношения с сестрами могут исчезнуть, когда все мы выйдем замуж и начнем "новые" жизни. Будем ли мы и тогда так же близки?

Я надеюсь на это.

Кто-то стучит в дверь нашей спальни, и она немного приоткрывается.

— Шшш, — шипит Лили. — Может быть она спит.

Я складываю руки на коленях и скрещиваю ноги в лодыжках, подобно истиной леди, ожидая пока они войдут, по моему лицу практически расплывается улыбка. Даже если мы с Коннором расстанемся через несколько лет, по крайней мере сейчас я могу наслаждаться этим.

— Нет... Я ее видела. Она не спит, — говорит Дэйзи, вытягивая шею из-за плеча Лили и заглядывая в комнату.

Лили открывает дверь шире, и Дэйзи проскальзывает в комнату первой, держа в руках две кружки с плавающим в них зефиром.

Лили сжимает свою собственную красную чашку.

— Мы сделали для тебя горячий шоколад.

— Подумали, это поможет избавиться от твоей мигрени, — добавляет Дэйзи.

Она передает мне темно-синюю кружку, и сестры плюхаются на матрас у моих ног.

Мигрень? Что именно Коннор им сказал? Он мог бы придумать что-то и получше, но предполагаю что попросту не хотел никого беспокоить вычурными небылицами.

Лили кивает на телевизор, где сейчас как раз показывают то, как выбрасывали мертвые тела в огромные рвы. Увиденное приводит ее, мягко говоря, в ужас.

— Что ты смотришь?

Я улыбаюсь, прячась за чашкой.

— Черную Смерть, — делаю большой глоток, а затем ощущаю, как рука Дэйзи касается моей подвески, разглядывая бриллиантовое ожерелье.

— Оно новое?

Я киваю.

— Подарок Коннора.

— Довольно милое, — говорит она искренне, аккуратно опуская его обратно на мою грудь, но я замечаю появившуюся в ее взгляде печаль. Она пытается скрыть это за обыденностью, начиная скручивать свои волосы в гигантский узел.

— Что я пропустила? — спрашиваю я у Дэйзи.

— Помимо крайне придурковатого поведения Скотта, ничего, — говорит она так просто.

Мои глаза прищуриваются.

— Что он сделал?

— Придурок у нас не он, — говорит Лили, посылая Дэйзи странный критический взгляд, абсолютно для нее не свойственный.

Моя челюсть отвисает.

— Ты защищаешь Скотта, Лили? — может то, что Коннор меня трахнул, перенесло нас в другое измерение?

Лили краснеет.

— Нет, — говорит она быстро. — Я имею в виду, что Скотт по-прежнему ведет себя как мудака. Он продолжает нашептывать *шлюха*, когда проходит мимо меня в коридоре. Но... — она пожимает плечами, — ...я научилась его игнорировать, как делают все остальные, — она снова бросает этот сестринский взгляд на Дэйзи.

Я еще сильнее хмурюсь.

— Что же тогда? — но прежде чем Дэйзи успевает ответить, пазл складывается у меня в голове. — Это Джулиан, верно?

Дэйзи качает головой, но Лили кивает и указывает на сестру пальцем.

— Он засунул руку тебе в трусики прямо перед *Риком*. Это не ничего!

— И я вытянула его руку из моих трусиков, — говорит Дэйзи успокаивающим тихим тоном. — Это не причинило никакого вреда.

Лили решает сообщить мне обо всем остальном.

— Рик почти что ударил его.

— Я и не сомневалась, — говорю я, потягивая горячий шоколад.

Лили сильно прищуривается и внимательно смотрит на меня.

— И ты так спокойно к этому относишься.

— Джулиан метит свою территорию с того момента, как мы прилетели в Альпы. Я не удивлена, что среди прочего он решил ухватить ее за задницу.

— *Под* ее джинсами, — поясняет Лили.

— Я прямо здесь, — машет нам Дэйзи.

— Так и есть, ты здесь, — говорю я. — Где твой перечный спрей, что я тебе купила? Если ты не собираешься брызнуть им ему в глаза, то я с радостью сделаю это сама.

— Он — мой парень. Я не хочу его обидеть.

— Он действительно твой парень, Дэйзи? — спрашиваю я, немного перебарщивая с холодностью в голосе. Но ничего не могу с собой поделать.

— Да.

— Тогда опиши на что похожи его поцелуи.

Ее передергивает.

Лили еще раз указывает на Дэйзи пальцем.

— Ага! Он тебе не нравится.

Плечи Дэйзи опадают.

— Я работаю над этим.

— Пообещай мне, что не будешь работать над этим *слишком долго*, — говорю я. — Он старше, и потому ему не следует насильно удерживать тебя в этих отношениях.

— Он и не удерживает. Правда. Я могу бросить его в любой момент. Я просто жду подходящее время, чтобы нанести удар, — она похлопывает меня по ноге и пытается быстро сменить тему. — Кстати, как ты себя чувствуешь?

На этот раз я позволяю ей увильнуть, только потому что этот разговор ни к чему не приведет, пока Дэйзи и сама может расстаться с Джулианом. Если же она не сможет сделать этого самостоятельно, то для меня отнюдь не проблема вступить за нее и зарыть его носом в чертов снег.

Я прочищаю горло и вытягиваю шею.

— Итак... у меня есть новости... — несколько месяцев назад я обещала Лили, что расскажу ей, когда потеряю свою девственность, но при одном условии — она не будет делать из этого сенсацию. Я пытаюсь не улыбаться, когда говорю это. — У меня был секс.

— *Axxxxxxx!* — взволнованный визг Лили больше походит на испуганный крик.

И потому совсем не удивительно, что через пару секунд двери спальни резко распахиваются. Лорен и Рик влетают в комнату, как раз в тот момент, когда дверь патио скользит, и заходит Коннор, все еще держа телефон в руке.

— Что, вашу мать, случилось? — спрашивает Рик первым, бегая взглядом между нами тремя, в то время как мы молча сидим на кровати. Дэйзи делает вид, что безумно увлечена зефиром в своем шоколаде.

Скулы Ло напрягаются, когда он озабочено смотрит на Лили, пытаюсь, как и его брат, понять происходящее.

Тишина, должно быть, давит на Лили, потому что она хватается одеяло и натягивает его себе на голову.

Я собираюсь объяснить, но тут в дверном проеме появляются Бретт и его мобильная камера, желая отснять нашу спальню, по сути своей являющуюся запретной для съемки зоной. Его появление раздражает Рика настолько, что тот захлопывает двери, прямо *перед* носом оператора.

Я слышу *хлоп!* и то, как Бретт спотыкается о что-то в коридоре. Мне бы может быть и было неудобно за поведение Рика, если бы на месте Бретта была Саванна или Бен. А в данном случае меня особо не волнует агрессия Рика.

Когда я смотрю на Коннора, он приподнимает брови, а на его губах играет улыбка. Он знает, что я рассказала сестрам.

Лорен подходит к кровати и тыкает в покрытое одеялом тело Лили. Уверена, что даже под покровом ткани, она хотела бы растаять и исчезнуть в моем матрасе.

— Что происходит, Лил? — спрашивает Ло. Он потирает ее спину.

Лили качает головой, а затем поворачивается ко мне лицом. Ну, по крайней мере я так предполагаю. Меня кажется, что эта выпуклость под одеялом — ее нос. Но я не уверена, так как не вижу ее под клетчатой фланелью.

— Прости меня, — говорит она. — Я просто так обрадовалась за тебя, — это похоже на то, словно передо мной извиняется какое-то одеяльное чудище.

— Все в порядке, Лили, — говорю я ей. — Меня действительно это не волнует, — ребята так или иначе все равно бы узнали об этом. Уверена, в конце концов Коннор рассказал бы им. Текущая ситуация может быть и кажется немного странной, но что ж — добро пожаловать в мою жизнь.

— Вам, девочки, следует научиться контролировать свои чертовы возгласы радости, — говорит Рик сердито. — Они не должны походить на те, что издают в случае нападения.

Лорен стягивает с Лили одеяло, и ее волосы торчат в стороны от статистического заряда.

— Так чему ты там обрадовалась?

Она молчит, но при этом становится немного бледной. *Христа ради.*

— У меня был секс, — выпаливаю я во второй раз.

Все взгляды немедленно обращаются к Коннору, который все это время держался в тени. Его телефон куда-то подевался, а руки опущены в карманы.

— Да, секс был со мной, — отвечает он на несуществующий вопрос. Но его слова каким-то чудным образом уменьшают напряжение в комнате.

— Серьезно? — я притворяюсь смущенной. — Ты тоже там присутствовал?

— Je te rappellerai plus tard. — *Я напомню тебе попозже.* Эти слова так сексуально звучат на французском.

— И это слова, на которых я покидаю сцену, — Рик осторожно выскальзывает за двери, стараясь не впустить никаких камер.

— Поздравляю, сестренка, — говорит Дэйзи, широко улыбаясь. Она обнимает меня и следует по стопам Рика.

В результате мы с Коннором остаемся наедине с Лили и Ло.

Я ожидаю, что сейчас Ло выкинет в мой адрес какое-то оскорбление. Он вероятно, скажет что-то вроде "ну вот ты и стала женщиной", словно секс сделал меня старше и мудрее. Но это не так. Секс сделал меня немного более опытной. Так и что?

Ло потирает затылок прежде, чем заговорить:

— Рад за вас обоих.

Мое лицо искажает шок, и Ло закатывает глаз.

— Что? Мне не можно быть хоть раз милым?

— Это странно, — отмечаю я.

Он кивает Коннору.

— Ты все еще остаешься рядом с ней? — неужто Ло все еще считает, что Коннор может бросить меня после того, как трахнул?

— Ага, Ло, — говорит Коннор, в его глазах видна боль. Я удивлена тем, что он не прячет ее от Ло. — Я все еще рядом с ней.

Ло снова кивает, пытаясь принять это как истину.

— Поздравляю, мужик, на секунду я заволновался, что Скотт придет к финишу раньше тебя, — он сухо улыбается.

— Единственное, в чем он может меня превзойти, так это в том, как далеко будет...

— Роуз, — говорит Скотт, проскальзывая в комнату со своим мобильником в руках. Он протягивает мне устройство, но я не шевелюсь, не собираюсь ползти эти пару метров от кровати до двери.

Я только что объявила о своей дефлорации, и конечно же это был тот самый неподходящий момент, когда Скотту нужно было все прервать. Он явно жаждет осадить пыл Коннора по случаю самого важного достижения в нашей сексуальной жизни.

Но каким-то образом ему удается сдержаться, сказав лишь:

— Твоя мама звонит. Она хочет поговорить о рассадке на свадьбе.

Коннор становится между кроватью и Скоттом, прежде чем продюсер успевает сделать шаг в мою сторону. Глаза моего парня горят такой злобой, которой я никогда у него не видела. Он выхватывает телефон из рук Скотта.

Но прежде чем Коннор успевает поднести его к уху, Скотт добавляет:

— И не забудьте передать Саманте благодарности за беседу длиною в час. Мне понравилось слушать о том, как прошел ее день. Это было... информативно.

Скотт реально пытается вывести Коннора из себя.

Моя мать легко поддается на манипуляции сладко говорящих мужчин при деньгах. Черт, ей нравится *Лорен Хейл*, который милый с людьми лишь в тех случаях, когда сам того хочет. Никогда бы не подумала, что какие-то родители добровольно отдадут ему свою дочь, но по факту мама молилась о браке Лили и Ло еще до того, как они стали встречаться.

Я гадаю, насколько это реалити-шоу перекосило ей мозги. Если общество возненавидит наш с Коннором дуэт — что они и делают с момента выхода первого эпизода и представления в нем Коннора в роли претензионного засранца — то друзья мамы никогда не поддержат наши отношения. Они будут на стороне Скотта, а моя мать обычно следует за мнением большинства.

Просто супер.

— Саманта... — говорит Коннор, прижимая телефон к уху и ни на миг не отводя взгляд от Скотта. — Она недоступна... да... конечно... — он опускает взгляд на Лорена, молча прося его остаться в моей комнате. Ло кивает, а затем Коннор снова выходит уединиться в патио, при этом продолжая говорить с моей матерью. Раздвижная дверь закрывается, и я оцениваю состояние моих мышц, желая присоединиться к своему парню.

— Убирайся, — сразу же говорит Лорен Скотту.

Продюсер подымает свои руки в защитном жесте, но при этом его елейный взгляд направлен на меня, опускаясь к моей груди, верхняя часть которой видна из глубокого выреза ночной рубашки.

— Ты несомненно покинула женский монастырь, Роуз Кэллоуэй, — он весело смеется. — Планирую увидеть всю тебя немного позже, — он делает паузу, задумываясь, — и знаешь, тебе и твоим сестрам следует носить такие же... золотистые топы, как тот, что был на Дэйзи на день Святого Валентина. У того эпизода реально высокие рейтинги, — он присвистывает. — Тебе стоит взглянуть, как много людей выложили то фото с Дэйзи в своих блогах. Сиськи продают что угодно.

Я убью его. Я представляю себе, как подползу на четвереньках к его телу, а затем подпрыгну словно дикая львица, готовая когтями выцарапать его глазные яблоки. Но потом передо мной предстает образ его ухмыляющегося лица, лицемерящего мою попку во всей красе во время начала штурма. Так что с сожалением я решаю остаться на месте. Как

подобает леди.

— Убирайся. Хрен ты *сраный*, — говорит Лорен так медленно, будто Скотт — дебил.

Скотт снова подымает руки, но его поведение все еще говорит о том, что у него в рукаве припрятан туз. Может так и есть. Он владеет нами и таунхаусом, в котором мы живем. И у него есть возможность редактировать видео с нашим участием. Мы — просто марионетки в его игре.

Дверь закрывается. Но напряжение никуда не исчезает. И не думаю, что так просто исчезнет.

По крайней мере не до того, как последняя камера прекратит съемку.

ГЛАВА 33

КОННОР КОБАЛЬТ

— Ей двадцать три, год постоянный отношений...

— Больше года.

— *Больше* года, и у нее *никогда* не было секса. Что-то не так с этой девушкой.

Я смотрю канал *TMZ* в моем кабинете в Кобальт Инк., прежде чем понимаю, что пора закругляться и идти домой. Коридоры уже опустели, остался только уборщик, пылесосающий серый ковер в комнате отдыха.

— У нее, безусловно, есть герпес, — говорит репортер с одной из кабинок. И отдел новостей начинает хохотать. — Что еще может объяснить такое?

Прошлой ночью по GBA вышел эпизод о поездке в Альпы. В нем нет никакого упоминания того, что Роуз потеряла девственность. Но если бы она видела, что именно сейчас о ней говорят на *TMZ*, то очень бы расстроилась. Они клеймят каждую девушку ее возраста, которая решила подождать.

Роуз не стремилась сохранить свою потерю девственности в тайне от продакшна. Но пока мы летели домой, просто чтобы проверить Скотта — посмотреть, что именно он сделает — она посмотрела прямо в одну из камер и открыто заявила, что у нее был со мной секс. Это помогло расслабиться Лили, так как до сего момента она вела себя довольно тихо, боясь проговориться об этом на весь свет.

Скотт так и не показал этот метраж, видимо желая сохранить ее статус девственницы нетронутым в рамках шоу. Ну, и потому что я — последний, с кем зрители хотят видеть Роуз. Ее мать так и сказала мне по телефону. Это был один из самых сложных разговоров в моей жизни. Я хотел ее послать, но прикусил язык и стерпел треп о том, что я не внимателен к своей девушке, ее дочери.

Разочек я упомянул плохую редакцию видео, но она лишь издевалась, сказав прекратить использовать подобные предлоги. Так что я просто сказал:

— *Мне жаль, Саманта. Я буду работать над этим усерднее.*

В ответ она пригрозила:

— *Лучше бы тебе так и сделать. Или я уговорю Роуз дать Скотту еще один шанс, парень это заслуживает.*

Мама Роуз реально верит, что они со Скоттом ранее встречались. Для меня это... новый уровень безумия.

Я ненавижу Скотта.

Но по крайней мере ему так и не удалось разрушить лучший секс в моей жизни. Я просто хочу приехать сегодня домой и трахнуть Роуз, забыть о всей этой ерунде и сделать что-то приятное для нас обоих. Но время не на нашей стороне. Я борюсь с этим постоянно. Уортон меня убивает. Кобальт Инк. терпимо. Но мне пока что везет успевать вернуться домой до двух ночи, прежде чем Роуз заснет.

Я встаю и собираю свои бумаги, засовывая их в портфель. Прежде чем уйти, я последний раз пролистываю ТВ каналы и останавливаюсь на повторе эпизода *Принцесс Филли*. Я частично смотрел его раньше, но не этот кусок — где Ло прижимает Лили к дивану в домике в Альпах. Он страстно целует ее в губы, притягивая ее в свои объятия еще сильнее каждый раз, как делает вдох.

Во время всего этого действия его глаза сфокусированы на камере. Так, словно он буквально *трахается* со зрителями своим ртом. Я потираю свои губы, пытаюсь не засмеяться. Роуз бы разозлилась, но Ло проделывает такое очень часто. Я даже видел несколько наклеек на бампер на машинах в Филли с надписью *Трахни меня, Лорен Хейл*. Особенно после того, как последнее интервью Лили вышло в эфир. В данном видео она детально объяснила, почему Лорен Хейл — единственный мужчина, способный удовлетворить все ее сексуальные потребности.

На сайте *Разгроми Знаменитостей* даже написали статью, в которой пытались определить размер его члена. Это было ужасным образчиком журналистики, но подобные этой статьи реально влияют на раскрутку реалити-шоу.

И на нашу известность, как его участников в целом.

Лили не может смотреть на себя с Ло в такие моменты эпизода. Ло закрывает ей глаза. Для нее это несет возбуждающий фактор.

Я выключаю телевизор, за ним свет, а затем глотаю пару таблеток Аддералла. Сегодня нужно еще завершить наполовину готовый проект по классному руководству для Уортона. Хотелось бы сказать "ну и черт с ним" и вместо бумажной волокиты заняться бурным сексом со своей девушкой.

Привязать ее к кровати и наблюдать за ней — это превосходит по важности любую из задач в моем списке дел. Мое тело возбуждается только от воспоминаний о ее выражении лица в тот первый раз, когда мой член наполнил ее киску. Ее рот был приоткрытым, и на свободу вырывались самые прекрасные звуки наслаждения.

В этот момент я как никогда ощутил, что она принадлежит мне. Она позволяла мне сделать со своим телом все, что пожелаю, абсолютное доверие, никаких преград или ограничений. Я взял ее жестко, на пределе ее возможностей; стеночки ее узкой киски сжимали мой член, будто тиски. Все это я никогда не хочу забывать.

Вот поэтому по приезду домой, я и планирую все это снова повторить.

По пути к лифту я размышляю, какую позицию выберу для Роуз сегодня. Лежа на животе. Со связанными за спиной руками.

Думаю, я хочу ее отшлепать.

— Коннор!

Я останавливаюсь как в копаный посреди коридора. Только один человек может разрушить столь прекрасные мысли. Только один человек станет работать в то время, пока уборщик уже заканчивает свою рутинную процедуру уборки. Я разворачиваюсь, сталкиваясь лицом к лицу со своей матерью, решительно и быстро шагающей ко мне.

— Я просто оставил свое предложение у тебя на столе, — говорю я ей. *Отпусти меня*, молю я беззвучно.

— Я его видела, — говорит она легкомысленно. — Я зарезервировала столик в L'Vleu на субботу. Семь часов. Приведи Роуз, — она разворачивается и исчезает в конце коридора, даже не давая шанса моим отмазкам.

Что-то незнакомое сжимает мне грудь. Должно быть, это тревога. Я достаю телефон, чтобы позвонить Фредерику, но вижу пропущенное сообщение.

Приезжай домой, сейчас, прошу. У нас есть связанная с Лили и Лореном проблема. — Роуз

Черт.

Я запрещаю своему воображению даже пытаться предугадать какого рода проблема меня ожидает. Вместо этого я просто быстро захожу в лифт и подготавливаю себя к тому, с чем могу столкнуться.

* * *

Как только я вхожу в дом, то замечаю свернувшихся на диване Лили и Ло, они просто молча читают комикс. "Проблемы" с этими двумя обычно включают в себя крики, возможно даже плачь. Это странно. Но я стараюсь ни о чем не судить, пока не узнаю все факты.

Прежде чем могу их о чем-то спросить, вижу спускающуюся по ступеням Роуз, она подходит ко мне и с силой хватает за запястье, в ее глазах бушует пламя. Мне следовало бы больше волноваться о всем том дерьме, что она мне сейчас поведает, но у моего члена есть собственный план действий, и он мучительно начинает умолять ее помочь ему с нарастающим давлением. Она пытается потащить меня на второй этаж, но я убираю ее пальцы со своего запястья.

— Думаю, я и так знаю расположение нашей спальни, — говорю я.

Ее губы сжимаются в линию, а щеки краснеют.

— У нас не будет секса прямо сейчас.

Я наклоняю голову и изгибаю брови.

— Я имел в виду лишь то, что сам могу дойти вверх по лестнице. Я не говорил ничего о сексе, — я обхожу ее и иду первым.

Она сердится.

— У нас нет времени, чтобы носиться с твоим эго, — Роуз злится на то, что я трачу драгоценное время не на решение возникшей чрезвычайной ситуации.

Она старается обогнать меня на лестнице, но я опускаю руку на перила и оглядываюсь на нее.

— Быстрее! — командует она.

— Таунхаус в огне? Или кто-то украл твою коллекцию туфель? — спрашиваю я, широко усмехаясь.

Ее шея так напряжена. Она едва может нормально дышать.

— Я собираюсь тебе врезать.

Я на самом деле думаю, что она может.

Мне любопытно, что же за драма связана с Лили и Ло, но с другой стороны, идея побороться с Роуз так соблазнительна. Я так четко представляю, как ее рука ударяет меня по щеке. А затем, я бы толкнул ее к стене, прикусил ее губу и трахнул, выбивая из ее тела всю злость и заменяя ее довольным, уязвимым подчинением.

Она наблюдает за мной, задержав дыхание, и когда наконец-то делает выдох, то он настолько глубокий, что становится очевидным, что Роуз видит в моих глазах все накопившееся желание. Но мы же не можем заниматься сексом посреди коридора. Здесь повсюду камеры.

Ярываю зрительный контакт и иду в спальню, не проронив ни слова. Роуз закрывает за нами дверь, и я замечаю шагающего перед кроватью Рика, его руки сжаты в кулаки и вытянуты вдоль тела. На матрасе лежит Canon Rebel Саванны. Прежде чем успеваю спросить, что тут делает камера, Роуз поясняет.

— Исчезли текила и вино, — говорит она мне, упирая руки в бедра. Она говорит, что обыскала весь дом, а потом Рик нашел пустые бутылки, спрятанные под грязной одеждой в шкафу Ло.

Я несколько раз моргаю, пытаюсь игнорировать эмоции, так и рвущиеся врезаться мне в грудь. Я не привык ощущать так много эмоций из-за чего-то, что не имеет на меня прямого влияния, не важно, что это меня угнетает.

— В бутылке не было много текилы. Большую часть мы пролили на кровать, — напоминаю я Роуз ровным голосом, но ком царапает мне горло. Мне приходится прокашляться в кулак, чтобы избавиться от него.

— Это неважно, — она указывает пальцем в сторону двери. — Он не употреблял алкоголь *шесть месяцев*.

— Я знаю, — нарушение трезвости для Ло — большая проблема.

Я поворачиваюсь к возмущенному Рiku, который нервно ходит взад-вперед.

— И ты еще не умчался вниз, чтобы выяснить у брата, в чем дело? — спрашиваю я, недоумеваю.

Он останавливается посреди комнаты и указывает на дверь, точно так же как делала Роуз.

— Я чертовски к этому *близок*, — рычит он. — Но это именно то, чего хотят эти членоебы.

Я съеживаюсь.

— Ты мог бы не использовать это ругательство? Оно нелепое.

Рик и Роуз вопросительно смотрят на меня.

— Я бы предпочел сто раз услышать слово хуесос, — шучу я, надеясь немного расслабить напряжение Рика и нервозность Роуз. Но если честно, я шучу по большей части, чтоб помочь расслабиться самому себе. Таким образом я избегаю проблемы. А я никогда не избегаю проблем. Я просто не хочу, чтобы все это было правдой. Я не хочу, чтобы Ло снова начал пить и пошел вниз по этой темной дорожке. Я не могу спасти его от собственных демонов; наблюдать за тем, как он тонет — не то шоу, которое мне бы хотелось смотреть с первого ряда.

Рик решает игнорировать меня и продолжает свою тираду:

— Они хотят, чтобы я наорал на Ло, а затем весь мир будет думать, что у него случился рецидив, и он всего лишь безответственный богатенький полудурок. И возможно, он... — тяжело дыша, Рик поднимает руки и хватается за голову.

— Ты не веришь в это, — говорю я.

Его черты лица искажаются, а глаза стекленеют, когда Рик качает головой.

— Каждый день я думаю, что *на его месте мог бы быть я*. Двадцать два гребаных года я провел, отсиживая себе зад, — говорит он. — Меня не волновало происходящее с моим сводным братом, дерьмо; я *знал*, что он жил с нашим отцом — *нашим* отцом... — он не может произнести вслух конец предложения.

Роуз смотрит на Рика с таким сочувствием, которого я не видел от нее ранее, ее лицо полно боли, как и его. Мой желудок завязывается в узлы, и я не знаю, как ослабить это чувство.

Продакшн никогда не включает в шоу эти интимные, болезненные подробности — то, что делает из нас людей, кем мы, по сути, и являемся. Думаю, все мы слишком часто их скрываем. Иногда даже от себя.

Ло всю жизнь терпел словестные издевательства их отца, тогда как Рик избежал этого. Такова правда.

Это то, что мы все знаем.

Если продакшн действительно хотел бы показать *всего* Рики Медоуса, они бы рассказали зрителям о том, что прошлый год он провел в колледже, помогая своему брату обрести трезвость. Они бы рассказали, что он перестал тусоваться с друзьями по колледжу, ходить на вечеринки для спортсменов, просто потому что хотел быть уверен, что Лорен не пойдет той же дорогой, что и их алкоголик отец, что он выберет лучший путь.

Я восхищаюсь Риком по многим причинам. Но думаю, что самая значимая из них состоит в том, что Лорен Хейл — незаконнорожденный ребенок, разрушивший семью Рика. Их отец изменял жене с другой женщиной, зачавшей Ло. После развода Рик жил со своей матерью-одиночкой. Тем не менее, Рик сегодня здесь, желает защитить парня, который буквально сломал ему жизнь.

И при этом Рик даже не понимает то, какое влияние оказывает на жизнь Ло. Он правда не осознает все то хорошее, что делает. И все потому, что он не перестает винить себя за собственный эгоизм в течение своих первых 21 года жизни, игнорируя Ло, как человека близкого к их отцу.

Ему нужно простить себя. Не знаю, сколько на это понадобится времени, но рано или поздно это все равно произойдет. Нам просто следует подождать и все увидеть.

Рик трет свои покрасневшие глаза. Он выглядит так, словно может заплакать. Или может быть, кого-то ударить.

— Я, блядь, не знаю, что делать.

— Рик, — говорю я спокойно, выражая своим голосом поддержку. — Если он сорвался, ты столкнешься с этим не в одиночку. Мы поможем тебе позаботиться о нем.

Рик кивает самому себе, стараясь поверить в это.

Я хочу добавить: *Ты не подводил своего брата*. Но это звучит так банально и так похоже на клише. Хоть и является правдой.

— Это не все, — говорит Роуз, ее голос слегка дрожит.

Блядь.

Она направляется к кровати и поднимает камеру Саванны.

Это касается Лили.

Все, что находится там, связано с ее сестрой.

На секунду мы смотрим друг другу в глаза, а затем она настраивает экран и громкость, включая воспроизведение. Иногда мне кажется, что Лили и Ло — сердце всех нас. Когда они катятся вниз, сила внутри нас тоже дает трещину. Они словно напоминают нам, что все мы люди; у всех нас есть слабости, и как бы мы не старались держаться друг друга, другие люди могут ранить каждого из нас.

Любовь — мудак. Или сука. Я задаюсь вопросом, как долго мы боремся друг за друга.

Я смотрю на экран, когда Роуз нажимает кнопку "проигрывание".

Лили и Ло в книжном магазине — что для них редкость. Обычно они проводят свободное время в своей комнате, или скрываясь в офисе Лорена, где он пытается создать свое собственное издательство комиксов и графических рассказов.

Я наблюдаю за тем, как Лили тянет Ло в *общественную* уборную.

Черт.

У них есть правила, основанные на плане по восстановлению Лили. Одно из главных

правил — никакого секса в общественных местах. Саванна снимает двери снаружи, но аудио подхватывает их голоса с помощью закрепленных на одежде микрофонов.

— *Все смотрят, — шепчет Лили.*

— *Ты — сексуально-зависимая, а я — алкоголик, — напоминает он ей, — и весь долбанный мир об этом знает. Мы должны привыкнуть, что люди на нас глазят, любимая. Следует длительное молчание, а затем Лили спрашивает:*
— *Я могу тебе сделать минет?*

Я поднимаю взгляд на Роуз, все еще держащую камеру в руках. Ее желто-зеленые глаза прожигают во мне дыру, они полны скрытой ярости. Я обнимаю ее за плечи, они так напряжены, что по твердости равны мраморной статуи.

Ло не отвечает ничего определенного Лили. Но из уборной исходят шумы. Сосания. Хлюпанья. И вскоре следует стон.

Роуз выключает камеру.

— Это длится тридцать минут, — говорит она холодно. — *Тридцать минут*, Ричард. Он отлично знает правила.

— И твоя сестра, конечно же, неповинна во всем этом, — кричит Рик. — Ей не следовало вообще просить его заняться сексом!

Роуз принимает боевую стойку, словно собирается сразиться с Риком в этой схватке за их брата и сестру.

— Лили реально преуспевает...

Рик сухо смеется.

— Это называется преуспевает? — он указывает на камеру. — Может быть она даже трахнула его...

— На нее давят все эти тревоги, — перебивает его Роуз. — Вся ее сексуальная жизнь и зависимость были выставлены на показ, над ними постоянно насмеваются. Хотела бы я посмотреть, как бы ты справился с тысячами людей, называющими твой член заразным всякими болячками.

— Она чиста, — опровергает Рик. — И ей это известно. *Нам* всем это известно, — он снова начинает ходить кругами. — То, что говорят другие люди не должно иметь никакого долбаного значения.

— Она старается быть сильнее! — орет ему Роуз, ее нос раздувается. Я подхожу к ней и касаюсь поясницы, стараясь успокоить, но она лишь отстраняется от моих рук. — Однако, твой брат...

Я закрываю ей рот рукой. Она хватается мое запястье, пытаясь оттянуть его в сторону, но я сильнее, и с легкостью удерживаю ее голову на месте. Она никуда не пойдет и ничего не скажет, чтоб сделать данную ситуацию еще более дерьмовой.

— Достаточно, — говорю я спокойно. Они оба резко прекращают говорить. Ну, вообще-то Роуз вынуждена прекратить говорить, но тем ни менее ее плечи немного расслабляются, отпуская оборонительную позицию. — Пока вы двое соревнуетесь, у кого лучший брат или сестра, мы не двигаемся в продуктивном русле. Они оба облажались. Остановитесь на этом.

— Им не следует быть вместе, — заявляет Рик. Это заявление он бросает практически

каждый раз, когда у нас троих возникают подобные разговоры на счет Лили и Ло.

Роуз шлепает меня по руке — это более любезно с ее стороны, чем пытаться оттянуть мою ладонь. Так что я проявляю ответную любезность и убираю руку.

— Разъедини их и посмотрим, что произойдет, — угрожает Роуз, убирая прядь волос с своих губ. Мы могли бы это сделать. Мы самая старшая, так называемая, группа и потому знаем, что было бы крайне трудно заставить Лили и Ло расстаться на пару лет. Думаю, мы все задумываемся сейчас над этим вопросом, стоя молча в течение пяти минут, осознавая, что это означает.

Они очень сильно любят друг друга. И единственная причина, по которой ребята все еще пытаются выздороветь — это быть друг с другом. Уберите эту взаимоподдержку, и они опять станут рабами своих зависимостей.

Так что мы садимся и начинаем обсуждать альтернативные планы. Как отправить их обоих на съезд, посвященный комиксам. Мы сделали это несколько месяцев назад, помогая ребятам отвлечься от собственных мыслей и окружения. Мелочи важны.

Лили и Ло даже не представляют, что мы говорим о них столь детально. Вероятно, они бы почувствовали себя виноватыми, что мы все еще настолько заботимся об их благополучии.

— Мы даже не знаем, пил ли он спиртное, — говорю я Роуз и Рiku. — Это могла быть Лили или... — я качаю головой, размышляя. — Продакшн.

— Они бы не стали, — говорит Рик, его глаза темнеют. — Если они играют с зависимостями Лили и Ло, то с меня хватит. Я пошлю на хуй все это шоу, позволив им на прощание поцеловать меня в зад.

Клянусь, я реально тупею, когда слышу все эти ругательства в одном предложении.

— Мы можем узнать наверняка, только если спросим у Лили и Ло, — говорю я ему.

— Они солгут. Думаешь, они хотят, чтобы мы трое обрушили им на голову свое негодование с примесью разочарования?

— Так, значит, давайте не будем даже спрашивать, — говорю я, расслаблено пожимая плечами. — Давайте просто поступим так, словно они лживые, презренные наркоманы, которые даже не заслуживают объяснить свою сторону этой истории.

Рик прищуривает глаза и смотрит на меня.

— Знаешь, а я чертовски рад, что продакшн выставляет тебя в эпизодах, как огромного ебаного мерзавца. Потому что это... — он машет рукой. Рик *чрезмерно* жестикулирует всякий раз, когда злится. Огромная часть меня хочет связать его, просто чтобы он наконец-то прекратил махать руками, — ...самое раздражающее дерьмо, с которым мне за этот гребаный день пришлось иметь дело.

У меня есть множество контраргументов на это его заявление, но провокации занимаю много времени. А его сейчас у меня просто нет.

— Так мы все согласны с тем, что нужно поговорить с Лили и Ло?

Рик хмурится.

— Я позову их, — вставляет Роуз. Она встает и проходит между нами, направляясь к двери.

ГЛАВА 34

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Лили и Лорен сидят на моей кровати, Лили мотает головой все то время, пока мы с Коннором объясняем суть ситуации. Когда Коннор упоминает о пустой бутылке текилы, она наконец-то дает слабину.

— Его бы стошнило, если бы он пил! Он принимает антабус.

Этот препарат, предназначенный для лечения и профилактики алкоголизма, в соединении со спиртным вызывает болезненные эффекты. Он не останавливает позывы к алкоголю, скорее служит просто стимулом не пить.

Лорен смотрит в пол, его брови сходятся вместе в выражении растерянности.

— Ты же все еще его принимаешь? — грубо спрашивает Рик.

Ло сердито смотрит.

— Не тебе ли лучше это знать? Ты подсчитываешь мои таблетки, — он действует необычно небрежно, избегая прямого ответа брату. Я почти что решаю идти в наступление, но Коннор уверенно удерживает меня за талию.

Рик потирает затылок.

— Я перестал это делать, потому что пытался доверять тебе.

— Я даже не знаю, почему вы спрашиваете меня, — говорит Ло сердито. — Вы уже считаете, что я пил.

— По правде, я не знаю, что, мать вашу, думать, — говорит Коннор, прежде чем Ло может слететь с катушек. — Мы можем с легкостью разобраться в ситуации. За последние пару недель никто из нас не видел тебя в болезненном состоянии. Все, что необходимо, так это чтобы ты показал нам свои таблетки и мы убедились, что ты их принимал.

— Это не твое долбаное дело, Коннор, — насмехается Ло. — Это не касается *никого* в этой комнате, кроме меня и, может быть, Лили. Я не обязан отвечать тебе на эти гребаные вопросы, — он встает так, словно собирается уйти, и на лице Лили возникает выражение замешательства.

Я вскипаю. Злость поглощает меня. Так, что хочется врезать ему за подобную бестолковость! Я вырываюсь из захвата Коннора и иду к двери, блокируя проем своим телом и упираясь руками в дверную раму.

— Твоя зависимость влияет на *всех* в этой комнате. Если ты этого не понимаешь...

— Я прекрасно все понимаю, — перебивает он, его голос становится резче с каждым словом. Его скулы словно заостряются, делая черты лица красивыми и ужасающими в одно и то же время.

— Не будь идиотом.

Ло испускает короткий и горький смешок.

— Для тебя это все пиздец, как просто, да? — говорит он со злобой. — Быть *умной*. Мисс Идеал. О чем тебе нужно беспокоиться? О том, выглядят ли хорошо сегодня твои волосы? Подходят ли туфли к платью?

— Ло, — предупреждает Коннор.

Но это его не останавливает.

Лорен наблюдает за тем, как мое дыхание стало глубже от чистейшей ярости, разливающейся по жилам. Все, что я вижу — это мою сестру. Он сказал, что будет ее

защищать, что не позволит снова поддаться зависимости. Тогда, почему он на хрен сделал такое? Почему самый важный в ее жизни человек — ее спаситель и ее же демон?

Мне так сильно хочется ранить его. У него выходит ранить меня так легко. Это проблема.

Ло подходит к моей аккуратно заставленной книжной полке.

— Давай посмотрим, Роуз... — он хватает книгу в твердой обложке и небрежно подбрасывает перед тем, как начать ее трясти, держа за обложку. Моя грудь сжимается. — Как ощущения?

Ужасные.

А затем он открывает мои бумажные папки с дизайнерскими материалами и трясет их, пока все бумаги не высыплются на пол.

— Перестань! — кричу я, пытаюсь отобрать их, каждый неверно расположенный предмет подобен ножу в мое сердце. Меня переполняет желание наброситься на Ло.

— Это тебя не беспокоит, верно? — говорит он. — Все на хрен в порядке с Роуз Кэллоуэй? Я — идиот. Я чертов дебил в твоем мире, настолько глупый и эгоистичный, чтобы *напиваться* снова и снова.

— Нет... — говорю я, но моя голова так сильно кружится, пока я привожу в порядок документы. Мои руки дрожат, когда я тянусь за эскизами, сделанными древесным углем и еще несколькими цветными рисунками.

Здесь больше, чем пара рисунков, нарисованных мной в подростковом возрасте.

Он разбросал по полу часть моего детства и смешал всю хронологию.

ГЛАВА 35

КОННОР КОБАЛЬТ

Роуз близка к маниакальному состоянию.

Ее глаза дико бегают по разбросанным документам. Когда последний раз я видел ее в подобном состоянии, она металась по своей комнате, плача и выкрикивая вещи, в которых не было никакого чертова смысла. Это было после того, как ее лучшая подруга предала Роуз — помогая Лили сжульничать в учебе в Принстоне, делая это за спиной Роуз и вина в случившемся меня.

Но сейчас все, пиздец как иначе.

Потому что это Лорен Хейл. Неважно, что он посылает нас обоих на хрен, я практически могу ощутить вкус его боли, то, как она сдавливает его тело. Он говорит жестокие вещи в надежде, что в ответ мы поведем себя так же и ударим его.

Это так просто.

И ни Рику, ни Роуз не нужно советоваться со мной, чтобы узнать это. К данному моменту мы все научились понимать его.

Так что, как сильно я бы не хотел бросить Ло к долбаной стене за то, что довел Роуз до состояния стресса, я не могу *его касаться*. Я не могу послать его к черту. Не могу ударить кулаком в его гребаное лицо. Это подобно избиению ребенка, когда подобное дерьмо оставит отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Я не собираюсь добавить ему новые увечья.

Мне просто нужно сосредоточиться на своей девушке, которая сейчас неровно, рвано дышит, с ее губ слетают крошечные вздохи. Я наклоняюсь к ней и шепчу на ухо кое-что на французском, просто чтоб оценить ее ответ. Вряд ли она обращает внимание на то, что поспешно, шаркая между документами, случайно смазала древесный уголь на одном из эскизов. И то, что ее почерневшие пальцы оставляют отпечатки на следующем листе.

Роуз замирает в ужасе, и на долю секунды весь мой мир кренится.

Я поддаюсь импульсивному решению. Я хватаю ее за талию со спины и поднимаю от бумаг, большая часть которых уже собрана у нее в руках.

— Нет! — кричит она, отбиваясь и пытаюсь дотянуться до остальных документов.

— Остановись, — приказываю я ей на ухо.

Она снова кричит, пронзительный крик, вырывающий мне сердце.

Я просто хочу успокоить ее. Я сцепляю ее запястья перед ней и снова шепчу ей, но тут вмешивается Ло.

— Потребовалось двадцать три чертовых года, чтобы ты в конце концов лишилась девственности, — на этот раз он дергает за еще одну веревочку, ударяя тем самым меня в самый центр. — И ты отдала ее парню, который трахнул тебя лишь ради твоей фамилии.

— ЛОРЕН! — кричу я. Мое лицо искажает необузданный, бешенный, маниакальный гнев. Не думаю, что Лорен когда-либо видел меня таким расстроенным. Я хочу ударить его так же сильно, как он хочет быть избитым. Я бы *никогда* не поступил с Лили так, как он поступает с Роуз. Может быть она и сильная, но у нее тоже бывают моменты гребаной хрупкости. А сейчас он целенаправленно ломает ее.

Его лицо сразу же искажается интенсивным чувством вины. Его рот открывается, и я беспокоюсь, что вторая сторона конфликта не пойдет на примирение. Я не могу позволить ему сорваться на моей девушке еще раз за этот вечер. Она не сможет справиться с этим.

Так что я отрезаю:

— *Не надо*, — эти два слова достаточно управляемые и властные, чтобы успокоить всю комнату. — Дай мне минуту, — я поднимаю Роуз за талию, пока она тяжело дышит, но тем не менее больше не борется со мной.

Я оглядываюсь на Ло. Он смотрит в потолок, расставив ноги так, словно в любой момент они могут подвести его. Рик пытается поговорить с братом, но Ло просто качает головой и смотрит в окно. Я смотрю на Лили, но она по-прежнему сидит на краю кровати, глядя на комнату потерянным взглядом.

Я усаживаю Роуз на туалетный столик так, что ее ноги становятся на скамейку.

— Дорогая, — говорю я, вытирая ее горячие, струящиеся слезы. Удерживая ее лицо в руках, я наклоняюсь так, чтобы наши глаза находились на одном уровне, друг напротив друга.

Она поднимает трясущиеся руки к моему лицу, словно говоря: *дай мне минутку*.

Я беру ее руки и нежно целую каждый пальчик. Ее взгляд наконец-то фокусируется на мне и значительно смягчается, прежде чем она хватается за рукав моей рубашки. Я опускаюсь на скамью возле нее, а она пытается спрятаться за моим телом, чтобы никто не увидел ее заплаканное лицо.

— Это уже в прошлом, — говорю я ей напряженным шепотом, скользя большим пальцем по разводам туши у нее под глазами.

Однажды она сказала мне, что будучи ребенком часто закрывалась в гардеробной после ссор с матерью. Споры вращались вокруг многих вещей. По поводу ее распорядка дня, вынужденного свидания с мальчиком, который был ей противен, того, каким человеком мать хотела ее видеть.

Прямо сейчас Роуз хотела бы схватить шубу и, зарывшись в нее лицом, плакать так, чтобы толща меха заглушала ее всхлипы. Она привыкла хранить в тайне свои психические срывы. Даже в ее безумии есть доля контроля.

Она делает глубокий, размеренный вдох, выдыхая через рот так, будто медитирует. А затем Роуз смотрит на меня и говорит:

— Спасибо.

Мое сердце быстро колотится в груди, и я борюсь с желанием забрать ее ото всех, этой ситуации и беспокойств. Запереться с ней наедине, найти утешение в тишине. Сегодня ночью она меня испугала. Я осознаю, как легко вся эта ситуация могла дойти до безумия. Куда все это могло привести. Что, если бы так и случилось? Что, если бы Роуз корчилась в моих руках, пока ее крики не достигли небес? Что, если бы я потерял свою девушку в столь глубоких эмоциях, что они бы поглотили ее целиком?

Я хочу защитить ее. От всего, даже от самой себя.

Ее дыхание выравнивается, я прикладываю руку к ее щеке и целую в губы. Она отвечает, пододвигаясь ко мне всем телом, и мой язык ласкает ее губы, уговаривая приоткрыться. Моя рука зарывается в волосы у нее на затылке, и я притягиваю ее ближе.

Наш поцелуй отчаянный, и мы так близки, что Роуз практически оказывается сидящей у меня на коленях.

Вдруг она отстраняется, ее дыхание снова стало тяжелым, но на этот раз она по крайней мере дышит.

— Прости меня, — она извиняется за созданную сцену, за истерику, за момент паники. — Я...

— Человек, — заканчиваю я за нее. Я убираю ее волосы за ухо. — Ты — человек, Роуз. Мы все такие.

Я смотрю на остальных ребят. На Рика, Ло и Лили, застывших в неловком молчании. Нам нужно еще много чего обсудить, но я не двигаюсь, ожидая, пока Роуз будет готова.

Она несильно сжимает мою руку и кивает.

— Тогда давайте закончим начатый разговор, — говорю я, поднимаясь вместе с ней, удерживая возле своего бока.

Там, где я хочу, чтобы она была всегда — рядом со мною.

ГЛАВА 36

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

После короткого разговора с Коннором и его успокаивающего присутствия, я чувствую себя немного спокойной, но все остальные ребята так же напряжены, как и раньше. Рик скрестил руки на груди и наблюдает за Лили и Ло, ожидая столь редкого противостояния между ребятами.

Она спросила его, пил ли Ло алкоголь. И этот единственный вопрос выбил его из колеи сильнее, чем что-либо. Ее слова, ее чувства к нему означают больше, чем все сказанное и сделанное Риком, мною или Коннором.

— Я просто... я не понимаю, почему ты не хочешь показать нам свои таблетки и доказать обратное, — говорит она едва слышным голосом.

— Так ты занимаешь в этой ситуации их сторону, а не мою? — возмущается он.

— Я не занимаю ничью сторону, — ее лицо искажается, пока Лил размышляет обо всем этом. — Я просто хочу знать правду, Ло.

— Я не пил, — он неоднократно качает головой, но его глаза становятся красными, чем дольше он делает так, рассказывая нам свою сторону истории. — Но я не могу доказать этого. Я прекратил принимать антабус месяц назад.

— Что ты сделал? — кричит Рик.

Ло касается своей груди в оборонительной позиции.

— Они сводили меня с ума! Меня беспокоила паранойя по поводу того, что я ем — не содержит ли моя пища случайно хоть немного алкоголя. Я представлял себе рвоту от этой дерьмовой чертовой еды. Я не могу принимать этот препарат в течение всей своей гребаной жизни!

Прежде чем его брат успевает ответить, Ло возвращает все свое внимание к Лили.

— Ты должна мне верить, — говорит он отчаянно.

— Я верю, — говорит она, без колебаний.

У него на лице появляется выражение облегчения. Подойдя к кровати, он тянется, чтобы обнять Лили.

Но в этот момент происходит нечто странное. Лили отталкивает Ло, а затем указывает на него пальцем.

— Но это неправильно. Неправильно, — ее подбородок дрожит, и она пытается собраться с силами, чтобы высказать свое недовольство. — Ты не можешь перестать принимать таблетки, лишь потому что они сводят тебя с ума. И ненормально, что ты сохранил это в тайне от меня... от нас...

Глядя на то, как они оба начинают плакать, просто невозможно не ощутить себя здесь лишним.

— Моя грудь пылает, — говорю я Коннору. Мне правда хочется уйти. Но нам все еще нужно поговорить с Лили о видеозаписи.

Коннор потирает мою спину и целует в висок.

Это так приятно. Быть с ним рядом. В подобные моменты я не могу себе представить, что буду делать, если снова останусь одна. Я бы почувствовала себя разбитой и нецельной.

Лорен притягивает мою сестру в свои объятия. Или может это она притягивает его. Сложно сказать.

— Мы будем бороться, просто чтобы ты знал, — шепчет она. — Я посплю в комнате Дэйзи.

Его лицо снова перекашивается от боли.

— У тебя не было секса в последние три дня. Я собирался... — он смолкает, глядя на то, как Лили качает головой.

— Меня сейчас волнует не секс. Я переживаю о том, чтобы ты был здоров и не пил.

Я усмехаюсь. Не могу сдержаться. Черт побери, это происходит. Моя грудь вздымается. Словно меня погрузили в воду. Эти слова *Меня сейчас не волнует секс* никогда прежде не сходили с уст этой девушки.

Лорен выглядит крайне удивленным и восторженным, как и я.

— У нас есть еще один вопрос, — заявляет Рик.

Я бросаю на него ненавидящий взгляд.

— Мы не должны поднимать его прямо сейчас, — говорю я. Моя сестра только что выступила против секса, как навязчивого, вредного занятия. Мы должны поддержать ее, а не ставить под сомнение ее способность удержаться от секса в общественной уборной.

Рик смотрит на меня так, словно я сгубила все клетки мозга, а затем хватается камеру.

— Посмотрите это, — говорит он Лили и Лорену.

Они становятся перед камерой и смотрят видео, по мере просмотра щеки Лили заливают румянец. Когда мы все слышим ее слова "Я могу тебе сделать минет?" ее глаза расширяются, а рука взлетает вверх, так, словно она готова ответить на заданный во время классного урока вопрос.

— У меня был плохой день, — защищается она.

— Шшш, — шипит Лорен, его глаза сужаются на камеру. Доносятся стонущие и ахающие звуки, и вдруг Лили, как и Лорен, впадает в замешательство. — Что это? — спрашивает Ло. — Это какая-то ебаная шутка?

— Ты нам скажи, — опровергает Рик. — Вы трахаетесь в общественной уборной посреди дня.

— *Нееет*, — говорит Лорен медленно. — Мы не трахались в уборной. Мы не трахаемся нигде, кроме как в своей спальне. Вероятно, кто-то смонтировал видео.

— Так ты не просила Лорена сделать ему минет? — спрашиваю я сестру.

Ее похожий на сыпь румянец распространяется на шею и руки.

— Я сделала это... — бормочет она.

— Но тогда я сказал ей "нет", — добавляет Лорен. Я не знаю чему верить. Я хочу восстановить свою веру в них, но доказательства довольно убедительны. Разве можно отредактировать видео прямо на камере? Это же не одно и то же, что посмотреть видео с компьютера.

— Тогда что вы на самом деле делали 30 минут в уборной? — спрашивает Коннор, как бы невзначай. Его вопросы всегда кажутся менее схожими с допросом, а больше похожат на обычный разговор.

Мы с Риком терпим неудачу в этом плане.

— Я отчитывал и наставлял Лили на путь истинный, — объясняет Ло.

— Мне это было нужно, — соглашается она. Она смотрит на него с благодарностью во взгляде, но видимо вспоминает свое более раннее заявление, потому что делает шаг в сторону, прокладывая между ними небольшое расстояние. — Мы по-прежнему боремся с нашими зависимостями.

Кадык Лорена подпрыгивает от ее слов.

— Я начну снова принимать антабус, Лил, — шепчет он.

— Хорошо, — говорит она, кивая. Затем она смотрит на Рика. — Перемотай в конец. Когда мы выходим из уборной, я знаю, что выглядела тогда разочарованной.

Рик нажимает кнопку, и запись ускоряется, пока все мы ждем, так, будто это единственный кусочек улики, который мы упустили.

На экране Лили и Ло выходят из туалета, и прежде чем кто-то успеет сказать хоть слово, Лили выдает:

— Ахха! — она указывает на кадр. — Я выгляжу *крайне* расстроенной.

Я хмурюсь и наклоняюсь поближе к экрану. Мне нужно проверить зрение. Упираясь руками в бедра, я наклоняюсь еще ближе. Действительно, что она там видит? Все, что вижу я — румяное лицо Лили и то, как они с Ло держатся за руки. Их манера поведения естественная, почти что довольная.

— Ты тут разочарована? — говорит Рик в полнейшем неверии. — Ты вспотела, и у тебя красное лицо.

— В уборной было жарко, — защищается Лили.

— Да, было, — соглашается Лорен, но его голос изменился. Тогда как Лили неистовствует, Ло становится решительным, будто признавая тот факт, что для них все это выглядит не в лучшем свете.

— Они собираются пустить это в эфир? — удивляется Лили.

— Возможно, — говорит Коннор, — но это поспособствует вашей свадьбе. Было бы хуже, если бы они смонтировали видео так, словно ты была в ванной с другим парнем.

— Мы просто беспокоились о твоём здоровье, — говорю я.

— У меня не было секса, Роуз, — говорит мне Лили, умоляюще глядя в глаза. — Я преуспеваю. То есть, мне не следовало задавать Ло тот... тот вопрос. Но если не учитывать этого, то я правда иду на поправку.

Я должна ей верить. Я знаю это.

Но если Лили не отсосала своему парню в общественном туалете и если Лорен не пил алкоголь, тогда в этой ситуации есть другая сторона, виновная сторона.

Продакшн.

Скотт ван Райт.

Я убью его.

ГЛАВА 37

КОННОР КОБАЛЬТ

Я убедил всех держать свои подозрения насчет фальсификаций продакшна при себе. Если мыотреагируем на их провокации, то они выиграют. Спустя несколько часов ребята наконец-то согласились, но Роуз, Рик и Лорен слишком легко возбудимы. Это только вопрос времени, когда один из них взорвется.

С того времени прошло пять дней, и у меня есть другие проблемы, требующие внимания. Например, апокалиптический ужин с матерью и моей девушкой.

Я жду Роуз в своем лимузине, припаркованном у обочины. Таунхаус светится изнутри мерцающими огоньками в столовой. Наш дом охраняет команда ее отца. Я уже собираюсь позвонить ей и спросить, почему она так долго не выходит. Не думаю, что ей хотелось бы опоздать на первую встречу с моей матерью. Если бы я мог, то поехал бы с Роуз мимо ресторана в отель или ее офис. Любое место подошло бы, лишь бы избежать этого вечера.

За последние три часа Роуз двенадцать раз повторила, что желает впечатлить мою маму. Это признание практически заставляет меня смеяться. Роуз Кэллоуэй хочет кого-то *впечатлить*, подвиг, в котором ей никогда не удавалось добиться успеха на 100 %. Но по какой-то причине на этот раз я чувствую, что она провалиться в этой задаче частично и по моей вине. В конце концов Катарина — *моя мать*.

Мой телефон звонит, прежде чем я успеваю набрать номер Роуз.

Дэйзи, Лили и я — Роуз.

Мои глаза сужаются, когда я смотрю на этот список. Мы начали снова играть в *Трахни*, *Женись*, *Убей* в самолете. И когда я задал ей три неодушевленных предмета, она почти что выхватила свой перечный аэрозоль и использовала на мне весь баллончик.

Понемногу она закипала. Ожидая шанса достойно ответить мне.

И безусловно ей это удалось.

Меня передергивает, пока пытаюсь найти достойный ответ и никого при этом не обидеть.

А затем я нажимаю "отправить".

ГЛАВА 38

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Я бы трахнул, поженился и убил тебя. — Коннор

О. Ему не удастся отвертеться так легко. Он заставил меня допустить, что я могу трахнуться с деревом, убить апельсин и жениться на книге. Он не обведет меня вокруг пальца. *Я* же была честной.

С телефоном в одной руке, я пытаюсь набрать ответное сообщение и одеть туфли на высоком каблуке. Мои старые серебристые туфли с вырезом на пальчиках предали меня сегодня. Каблук сломался, когда я спускалась по лестнице, так что мне пришлось поспешить отыскать им замену в виде черных туфель с огромным количеством пряжек.

— ЛИЛИ! — кричу я.

После длительной паузы, она откликается.

— Я НЕ ВЫЙДУ!

Я сжимаю губы. Я забыла. Лорен и Лили изолировались в своих комнатах на трое суток. Они ждут, что Скотт извинится за подарок в виде диска "*Супер Майк*" и в целом за каждый высказанный им подлый комментарий в адрес Лили. Думаю, что последней каплей было, когда он сказал ей "*иди пососи чей-то член*", при том что Ло стоял рядом с нею. Скотт сделал это просто для того, чтобы развязать войну.

Вместо того, чтоб наброситься на него в ответ, ребята решили спрятаться в своих комнатах, тем самым обманув его ожидания. Теперь у него *не будет* видео с этой парочкой, разве что-то, где они крадутся по очереди в ванную. Даже не знаю, как они едят, потому что ни я, ни Рик не задействованы во всем этом безумии. Изоляция от нас — это способ ребят терзать самих себя за собственные зависимости. Мне это не нравится, но я не могу уговорить их прекратить данную акцию протеста и при этом не позволить выиграть Скотту.

У меня *есть* подозрение, что Дэйзи и Коннор поставляют им сухие завтраки и приготовленные в микроволновке продукты. На днях я поймала Дэйзи с тремя пустыми мисками из-под каши. И поскольку ее фотосессия для Marco Jeans не за горами, подозреваю, она не съела все это сама.

А сейчас я даже не могу позвать Дэйзи, чтобы она помогла мне с этими туфлями. А все потому, что она не дома. За прошедшие две недели я суммарно видела ее наверное около трех часов. Она слишком занята занятиями в школе и работой моделью. Прошлым вечером я спросила охранников, во сколько она вернулась домой, и они сказала, что это было около трех ночи, когда она приехала домой с Нью-Йорка. Привилегии быть богатым: у нас есть семейный водитель, которого при желании каждая из нас может использовать, так что особо не стоит переживать о сонном состоянии или алкогольном опьянении за рулем. Но другие проблемы с моей младшей сестрой это, конечно же, не решает.

Саванна направляет на меня свою камеру и смотрит так, словно желает помочь с моими туфлями. Я попросила всех операторов оставаться дома, пока мы с Коннором будем ужинать с его матерью, которая отнюдь не жаждет быть снятой для реалити-шоу. Ребята любезно согласились на это, а Коннор в свою очередь заставил охранников проверить лимузин на предмет скрытых камер.

Кроме меня и Саванны в гостиной есть еще Рик. Он пьет из бутылки воду, которую собственноручно собрал из какого-то источника в горах.

Я не шучу.

Он делает это в удовольствие. Никаких страховок. Никаких канатов и карабинов. Он такой же сумасшедший, как и моя сестра.

— Рик, — говорю я, своим самым кокетливым голосом. — Не мог бы ты мне помочь? — я чувствую себя, словно сейчас подавлюсь косточкой.

Рик кивает, и я вспоминаю, что он — не Ло. Он не станет спорить со мной. Слава богу. У меня нет на это времени. Он встает на колени возле моих ног, но прежде чем парень касается моих туфель, я отскакиваю.

— Что? — спрашивает он грубо.

— Твои руки, они грязные, — я морщу нос.

Он смотрит на руки и просто вытирает остатки мела о бордовый ковер.

Меня еще сильнее передергивает. Мой бедный ковер. Но если бы мне пришлось выбирать между туфлями и ковром, каждый чертов раз я бы выбирала спасение моих туфель.

Рик поднимает руки, показывая что они *почти что* чистые. Ладно. Просто нужно это сделать. Я протягиваю ему свою ногу, и он застегивает пряжки на моих лодыжках, пока я отвечаю на смс Коннора.

Я не трахаюсь с мошенниками.

Отправить.

Это должно заставить его ответить, как полагается.

Мой телефон жужжит, но новое сообщение не от Коннора.

2 месяца и 13 дней — Мама

— Кто умер? — спрашивает Рик.

Я смотрю на него, изгибая брови.

— Ты выглядишь расстроенной, — поясняет он, взясь с последней пряжкой.

— Переживай лучше о моих туфлях, — возмущаюсь я.

Он качает головой, испуская раздраженный смех, а затем встает.

— Все сделано, ваше высочество.

Я разглаживаю платье и направляюсь к двери.

— Спасибо, — видите, у меня даже есть манеры. — Попробуй не испачкать диван, за время моего отсутствия.

Перевод: *Прими душ.*

— Я тоже тебя люблю, Роуз, — говорит он, немного улыбаясь.

Мои губы расплываются в улыбке, когда я выхожу на улицу, спускаясь по кирпичным ступеням. Лимузин стоит у бордюра, и по пути к нему мне нужно пройти мимо пары охранников. Коннор успевает написать мне сообщение еще до того, как я дохожу до машины.

Словно читая мои мысли, он наконец-то принимает настоящее решение.

Трахнуть. Убить. Жениться. — Коннор

Он бы трахнул Дэйзи.

Убил Лили.

И женился на мне.

Он почти не оставляет мне времени подумать над этим, отправляя еще одно сообщение. *Ло, я, Рик — Коннор*

Теперь я должна разобраться с аналогичной ситуацией.

И как ни странно, но это довольно легко.

Убить. Жениться. Трахнуть.

Я отправляю точно такое же сообщение, как и получила от него всего пару минут назад. И вот теперь думаю, я готова к встрече с его матерью. Я делаю глубокий вдох. Это же не может быть настолько сложно, как признаться в том, что я могла бы трахнуться с Рики Медоузом, или услышать о том, что твой парень не прочь убить твою родную сестру.

В сравнении с этим встреча с его матерью — это легко.

Верно?

ГЛАВА 39

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

— Не могу поверить, что я это сделала, — говорю я, мои глаза широко открыты и остекленевшие, а грудь так тяжело подымается и падает, что ощущается схоже с приступом гипервентиляции. Мы забираемся в лимузин Коннора, после ужина который длился буквально *десять* минут. Мы даже не успели заказать еду. — Я опустилась до уровня ребенка.

Улыбается Коннор — это первая настоящая улыбка за весь вечер. Он выхватывает бутылку шампанского из ведерка со льдом, пока лимузин трогается с места.

— Нечего праздновать! — выкрикиваю я и ударяю по его руке, когда он откидывается на сиденье рядом со мною.

— Я праздную тот факт, что этот ужин закончился на 70 минут раньше, чем я ожидал, — он усмехается от уха до уха.

Я изумленно смотрю на него в ответ.

— Твоя девушка только что вылила вино на *шелковую* блузку твоей матери!

Он пытается сдержать смех. Не слишком успешно.

— Это не смешно, — настаиваю я. — Она, вероятно, стоит целое состояние. Может ты мог бы сказать маме, что я отдам ее в химчистку или куплю такую же новую, на ее выбор.

Я не была так смущена еще со времен похода в Смитсоновский музей науки в шестом классе. Тогда у меня как раз началось половое созревание, и чтобы я никогда не смогла забыть это событие, один глупый мальчик решил указать на меня пальцем и сказать на весь класс, что моя промежность кровоточит.

Хотя, все могло бы быть и хуже. В этом сценарии именно я повела себя незрело.

— Я поговорю с ней, — говорит спокойно Коннор. Я облегченно вздыхаю. — Дам ей знать, что абсолютно поддерживаю твое детское поведение, и если бы ты не сделала, что сделала, то это бы сделал я.

Я нападаю на его бицепс своей сумочкой, ударяя черными паетками о его предплечье.

— Ты не помогаешь, Ричард!

Он хватает мою сумочку и отбрасывает в сторону, прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово. А затем Коннор передает мне откупоренную бутылку шампанского.

— Пей, — приказывает он.

Я с удовольствием делаю глоток, пытаюсь стереть унижительные воспоминания созданных мною же событий. Первые две минуты были достаточно милыми. Она спрашивала о Кэллоуэй Кутюр, и я рассказала ей, что пара магазинов были заинтересованы в покупке моей одежды. А потом она сменила тему беседы на наши с Коннором отношения.

Катарина сказала:

— Хотя я и восхищаюсь твоими амбициями, они разрушат моего сына.

— Простите, что? — ответила я, моя спина изогнулась, готовясь к атаке.

— Он нуждается в ком-то лучше, чем ты, — конкретизировала она. Ее окрашенные в рыжий волосы в этот момент показались мне выглядящими как-то зловеще. Я понимаю, что мама Коннора просто пыталась защитить сына, и по жизни ей довелось быть очень грубой женщиной.

Ну, такой была и я сама.

Я ответила ей:

— И почему же вы считаете, что лучше меня знаете своего сына? Он провел свое детство в интернате.

— Думаешь, ты его лучше знаешь? Ты просто глупая маленькая девочка, — сказала Катарина, сжимая в руках бокал с белым вином.

Вот тут-то она и перешла черту.

Неразумно называть меня глупой. И *маленькой* девочкой. Меня называли и похуже, но от нее подобные слова были, как удар в живот. И я нанесла ответный удар. Поддавшись импульсу, я встала и вылила свое красное вино на ее кремовую блузку.

Ее глаза стали огромными, словно блюдца, мама Коннора схватилась со стула, нереально паникуя.

А я застыла на месте.

Коннор утешительно положил свою руку мне на плечо, тем самым без слов выражая свое одобрение.

И Катарина поджала губы, но тем не менее не стала посылать меня ко всем чертям или устраивать еще большую сцену. Вместо этого она просто успокоилась, спокойно положила на стол свою салфетку и выпрямилась.

Прежде чем уйти, она все же остановилась, чтобы оставить за собой последнее слово.

— Сейчас вы думаете, что у вас есть время на друг друга, но став старше, вы увидите, что я была права, — она прошлась по мне взглядом с головы до ног. — Вы двое продолжите этот путь и осознаете, что чтобы быть вместе нужно чем-то пожертвовать. А ваши амбиции всегда будут брать верх. И тогда ты, Роуз, станешь той, кто отправит своего маленького сына в интернат. Годы пронесутся, как минуты, и в один из дней окажется слишком поздно что-то менять, потому что ты осознаешь, что упустила *абсолютно все*.

На этом она оставила нас с Коннором, направившись к выходу из ресторана.

Эта женщина была так полна сожаления, что ее слова вдруг перестали казаться мне оскорблением, я увидела в них долю предупреждения. Мои щеки вспыхнули. И они горят и по сию минуту. Я чувствую себя такой *глупой*. Как та маленькая девочка, которой она меня назвала.

— Она ненавидит меня, — говорю я, пощипывая переносицу, после того как делаю несколько глотков шампанского.

Коннор забирает бутылку у меня из рук.

— Себя она ненавидит больше, — отвечает он. — В последнее время она по-настоящему страдает ностальгией. Ты просто попала под руку.

— Если бы я бросила свое дело ради тебя, я бы ей больше нравилась? — спрашиваю я его.

— Да, — говорит он. — Но мне бы ты нравилась меньше. Ты не можешь одновременно удовлетворить меня и мою мать. Тебе удастся осчастливить только одного из нас.

Я прищуриваю глаза. Мне не нравятся его слова. Я тут же хочу их опровергнуть.

Но Коннор наклоняется ближе ко мне, его рука ложится на кожаное сидение рядом с моим бедром, и я ощущаю сладкий запах шампанского в его дыхании. Его возбужденный взгляд порхает по чертам моего лица.

— *Никогда* не оставляй Кэллоуэй Кутюр ради меня. Твоя напористость заводит, — он целует меня грубо, сминая мои губы своими. Его ладонь подымается к моей голой ноге, скользя под подол черного платья и устремляясь между моих ног.

Я издаю вздох. *Мы в его лимузине*, напоминаю себе.

А затем его вторая рука ложится на мою шею, расстегивая тонкую цепочку.

Я бережно сжимаю бриллиантовую подвеску.

— Что ты делаешь?

— Я собираюсь поиграть с тобой.

Наши взгляды встречаются, и его губы изгибаются в высокомерной улыбке. Но на этот раз я не хочу ударить *его* в ответ на самодовольство, я хочу подчиниться всецелому контролю Коннора.

Он кладет в карман мое ожерелье и достает еще одно уже знакомое мне украшение.

— Все это время у тебя в кармане лежал ошейник? — спрашиваю я.

— Да, — он оборачивает ожерелье вокруг моей шеи и осторожно закрепляет его, стараясь не ущипнуть мою кожу.

— Даже во время ужина? — говорю я в ужасе. Его мать была там! Это если в нескольких словах.

Коннор сжимает мой подбородок своими пальцами.

— Это ожерелье, а не вибратор.

— Это *ошейник*, Ричард, — опровергаю я.

— И он на тебе выглядит очень красиво.

И я успокаиваюсь, скорее от его взгляда, чем от слов. Его пронзительные голубые глаза поглощают мои черты так, будто он хочет трахнуться с каждой из них. Мучительная потребность наполняет меня, набирая силу от того, как Коннор касается моей спины, наклоняя животом к кожаному сидению.

Я сажусь на колени, опираясь на предплечья. Движения Коннора такие быстрые и властные. В считанные секунды он задирает мое платье, срывает трусики и становится на колени за мной, его штаны расстегнуты, и в момент он спускает свои боксеры. Его твердый член подергивается.

Трахни... меня.

Прежде чем толкнуться внутрь меня, он потирает мою попку и скользит пальцами между моими ногами.

— Что ты там говоришь? — спрашивает Коннор.

Я улыбаюсь, глядя на кожаную обивку сиденья.

— Пожалуйста, сэр? — я почти смеюсь с собственных слов.

Он шлепает меня по попке так сильно, что на глазах наворачиваются слезы.

— Не называй меня сэром, *умница*, — напоминает он строго, в его голосе нет и намека на веселье. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть ему в лицо, понять, говорят ли его глаза то же самое, что и слова. Но Коннор хватает меня за шею и вынуждает смотреть прямо перед собой.

Ладно.

Будь по твоему, *Ричард*.

— Что ты там говоришь? — спрашивает он снова, на этот раз более хриплым голосом. Он выпускает низкий стон, медленно пододвигаясь ближе ко мне. Разжимая хватку на моей шее, он скользит рукой к груди и, опустив мое платье так, чтобы открыть доступ своим прикосновениям, начинает ласкать ее.

Когда его пальцы щипают меня за сосок, я ахаю.

— *Роуз...*

Я сглатываю.

— Пожалуйста... трахни меня, — молю я. Я поднимаю взгляд, проверяя, закрыта ли шторка на окне между водителем и салоном. Да. Слава богу. Гиллаган, его водитель, не увидит нас. Но я гадаю, слышит ли он мой пронзительный стон, вырывающийся из моего открытого в виде буквы О, рта.

Коннор покручивает мой сосок одной рукой, одновременно с тем второй потирая клитор. А затем его пальцы скользят внутрь, так приятно и неистово заполняя меня; от этого я покачиваюсь в сторону дверцы, оказываясь в опасной близости к тому, чтобы навалиться на нее.

Коннор тянет меня обратно, устанавливая безопасное расстояние между мной и внешним миром. Хватая за плечи, он фиксирует меня на месте.

Его движения решительные, жесткие, безжалостные.

— Коннор! — кричу я. Но он трахает меня своей рукой так быстро, что вскоре мои веки начинают трепетать, и я ощущаю, как моя киска сжимается вокруг его пальцев. Меня возносит к небесам. На вершину холма. Еще совсем чуть-чуть и...

Он останавливается.

Вынимает свои блестящие от влаги пальцы. Тогда как каждая частичка меня, ум и тело, молят и стенают о большем.

Сейчас я думаю, что ненавижу его.

— Я знаю, что ты хмуришься, даже не глядя в твои глаза, — говорит мне Коннор. — Как думаешь, это интуиция или волшебство?

Ну, Коннор не верит в волшебство. Если бы Хогвартс существовал на самом деле, уверена, они бы отправили сову, чтобы она нагадила ему на голову.

— Мне жаль, — говорю я вместо того, чтобы ответить на вопрос. Я пытаюсь расслабить лицо.

А затем его длинный, твердый член врзается в меня. *Святое...*

Мои руки слабеют подо мной, и я стону, прикусывая кожу сиденья. *Блядь... блядь...*

Мои мысли настолько поглощены подчинением, что в голове вертятся одни лишь ругательства.

Трахни... меня...

Коннор удерживает меня за бедра и попку, пока вколачивается сзади. Слава богу, что не в попку. Я даже близко еще не готова к этому.

Его дыхание более ровное, чем мои прерывистые вздохи. Но тем не менее он позволяет вырываться на свободу своим глубоким стонам удовольствия, и от них по моему телу раздаются вибрации. От каждого толчка мои конечности отрываются от сидения, и единственной поддержкой служит его захват вокруг моей талии.

Блядь... ах... черт, блядь, блядь...

— Коннор!

И потом машина резко поворачивает, бросая мое тело вперед так, что голова ударяется о дверную ручку. Сильно. На долю секунды перед глазами темнеет до черного цвета, а затем мелькают яркие точки.

— Черт побери, — я едва слышу проклятие Коннора.

Я нахожусь в полнейшей дезориентации от оргазма и черепной травмы.

Прихожу в себя в объятиях Коннора, сидя на его коленях, осознавая, что его трусы и брюки уже одеты.

— Роуз, Роуз, — его образ расплывается перед глазами. — Посмотри на меня. Роуз! — его голова поворачивается к окошку между водителем и салоном. — Гиллаган, мы едем в больницу!

Что?

— Нет, — говорю я тихо, открывая глаза и пытаюсь встретиться с ним взглядом. Я несколько раз моргаю. — Я... в порядке. Просто дай мне... — я касаюсь своей головы, ощущая шишку. Вздрагиваю. Прекрасно.

Коннор смотрит на место удара с явным беспокойством.

— Прости меня, — сразу же извиняется он. От гладит мою руку и нежно обнимает, словно пытается починить свою любимую игрушку, которую только что уронил на землю. Мне нравится ощущать себя принадлежащей ему. Потому что это означает, что Коннор не бросит меня в скором времени, что он никогда не ранит меня. По крайней мере, преднамеренно.

— Это не твоя вина. Это всего лишь случайность.

Он кривится от этого слова.

— Я не ребенок, проснувшийся в мокрой кровати. Это серьезно.

— Со взрослыми тоже бывают несчастные случаи.

— Ты потеряла сознание на несколько секунд, Роуз, — он осторожно поправляет мое платье, натягивая его обратно на плечи, скрывая мою грудь. Эта чувственная привязанность — та сторона, которую я так сильно в нем люблю. — Мне следовало держать тебя крепче, — он позволяет боли отразиться в выражении своего лица. Возможно, Коннора больше не заботит тот факт, что я вижу его эмоции. — Гиллаган, — зовет он снова. — В больницу.

Голос водителя раздается через динамики лимузина.

— Мы уже на пути туда, мистер Кобальт.

— Я в порядке, — говорю я снова, — просто голова кружится.

— Я по-прежнему хочу, чтобы тебя осмотрели, — он прикладывает два пальца к моей шее, проверяя пульс. При этом внимательно изучает черты моего лица.

— Что ты делаешь, Ричард? — спрашиваю я нежно. Мне приходится пару раз моргнуть, чтобы он снова вернулся в фокус моего зрения.

— Проверяю, в порядке ли ты.

— Сейчас ты мой врач? — спрашиваю я. — Как неуместно. Ты спишь со своим пациентом.

Он улыбается после того, как проверяет ритм сердцебиения и мое дыхание.

Я знаю, что в его сердце.

И если бы он не любил меня, то не стал бы так сильно волноваться. Я просто жду (если честно, у меня не хватает терпения) того дня, когда он сможет признаться в этом самому себе. Если же этот день так и не наступит, значит тогда я по крайней мере буду знать, что умнее его и способна увидеть то, что он не замечает. Я приму этот выигрыш, если это будет все, что Коннор даст мне.

Я опускаю голову ему на грудь, пока лимузин мчится по дороге. Коннор гладит меня по волосам, продолжая внимательно наблюдать за всеми, кажущимися ему, подозрительными движениями.

— С тобой я чувствую себя в безопасности, — говорю я, — даже если ты позволишь удариться мне о дверцу авто.

— Не будет второго, третьего или четвертого раза, — шепчет он, и его губы задевают

мое ухо. Его горячее дыхание щекочет мою кожу. — Это больше никогда не повторится, обещаю.

Обещания от Коннора Кобальта — это словно клятвы на крови.

Перевод: *Я умру за тебя.*

Я широко улыбаюсь.

Я умру за тебя.

Это никогда не устареет.

ГЛАВА 40

КОННОР КОБАЛЬТ

1 месяц и 20 дней — Мама

Читаю я сообщение на телефоне Роуз, после того как он загудел на столе.

Она внизу, убирается на кухне вместе с Дэйзи. Это был вечер тако, а значит вся кухня выглядит так, словно там взорвался сыр с чипсами, что лишь усиливает невротическую истерию Роуз.

Я бы помог с уборкой, если бы не эта проклятая курсовая работа. Финишная прямая маячит на горизонте, но на пути к ней стоит еще столько документов, над которыми нужно поработать. На прошлой неделе я удвоил дозу Аддералла, просто чтоб мочь сосредоточиться на чем-то.

Дверь приоткрывается, и я поворачиваюсь на стуле, наблюдая за тем, как Роуз входит в спальню. Она смотрит на Бретта, который стоит в коридоре.

— Я в зоне, где запрещена видеосъемка. Так что убирайся, сейчас же, — она машет ему, указывая вдоль коридора, а затем закрывает двери. Она никогда бы не была так груба с Беном или Саванной, но между Бреттом и Роуз столько же тепла, как между Роуз и Ло.

Когда она поворачивается ко мне лицом, я замечаю... выпуклость у нее на груди. Не удивительно, что Бретт следовал за ней по пятам.

Любопытство подымает меня на ноги и направляет через всю комнату к Роуз.

— У тебя здесь что-то торчит, — говорю я, скользя взглядом по ее волосам так, словно у нее там есть спутанные торчащие прядки.

Одновременно с тем, я тянусь к ее груди, и она шлепает меня по руке, отталкивая ее в сторону.

— Я — леди, — упрекает она. — Я не позволяю мальчикам себя здесь трогать.

Блядь. Мой член вздрагивает, реагируя на ее слова. Я хватаю ее за талию и притягиваю к себе одним быстрым движением. Она шумно вдыхает, когда ее бедра врезаются в мои. На ней все еще ее туфли на пяти-дюймовых-трахни-меня-каблуках. Так что мы почти одного роста, с разницей лишь в несколько дюймов.

— А что насчет мужчин? Ты позволяешь им себя касаться? — спрашиваю я, сильнее прижимая к своему телу.

— Определенно нет, — ее взгляд останавливается на моих губах.

Я облизываю свою нижнюю губу, медленно скользя по ней языком и наблюдая, как от этого простого движения ее грудь взмывается чуть выше. Я веду рукой по ее ноге, бедру, к ее киске, скрытой под кружевной тканью, уже такой мокрой на ощупь.

— А здесь? — спрашиваю я.

— Никогда, — говорит она шепотом.

Когда она достаточно отвлечена прикосновениями моей руки, я использую эту возможность и тянусь к вырезу ее платья, выхватывая то, что спрятано у нее в лифчике.

— Эй!

Но вещица уже у меня в руках и я поднимаю ее высоко над ее головой.

Роуз не пытается отобрать назад украденное, а просто толкает меня в грудь в ответ на обман. Я же слишком сосредоточен на ее контрабанде, чтобы ответить.

— Почему у тебя пакетик с марихуаной?

И где она его взяла? Четыре неаккуратные косяка завернуты в пластик пакета. Бумага свернута довольно неопрятно, и это означает, что их делала не Роуз. Она тратит по два часа только на то, чтобы аккуратно сложить свои трусики и разложить их в ящике.

Мои глаза встречаются с ее.

Она остается тихой, вертя бриллиантовое ожерелье между своими пальчиками.

— Уходишь от объяснений?

— Я подумала, мы могли бы сделать что-то новое сегодня вечером... — говорит она. — Я обычно не пробую новые вещи, а с тобой... — она смолкает, прерывая собственную речь. Это должно быть раздражает ее, потому что Роуз закатывает глаза.

— Я попробую, — говорю я, не медля.

Ее глаза вспыхивают от удивления.

— Серьезно?

Я киваю, желая попробовать что-то вместе с ней. Я хочу, чтобы она пережила со мною столько первых раз, сколько вообще возможно. Однажды я выкурил одну сигарету — мой первый и единственный опыт незаконных наркотиков. Это было стратегическое решение. В школе-интернате. Попытка присоединиться к необходимому мне в тот момент студенческому совету.

— Но при одном условии, — отвечаю я. — Ты скажешь мне, кто тебе это дал.

— Дэйзи, — она даже не колеблется. — Если наркотики будут у меня, то у нее их не будет. С моей точки зрения так безопаснее, — она усмехается.

Хитроумно. Мне нравится эта сторона ее характера.

Но вдруг мое лицо искажается, как только я вспоминаю кое-что важное.

Я на Аддералле.

И я почти на 100 % уверен, что бесполезно курить травку, будучи под воздействием стимулятора. Небольшой процент сомнения — не то, на что я готов согласиться. Я никогда не прощу себя за повреждение своего ума или тела из-за чего-то столь глупого.

— Что случилось? — она озабочено касается моей руки.

Этот единственный вопрос заставляет меня хмуриться еще сильнее. С каждым днем я все хуже скрываю от нее свои эмоции. Или быть может... возможно, я просто не переживаю, увидит ли она эту часть меня.

Впервые я действительно хочу быть честным с ней.

Это не просто моя необдуманная попытка честности. Я хочу, чтобы она знала меня также хорошо, как я сам себя знаю. Так что я готовлюсь признаться в единственной вещи, которая может заставить ее отвернуться от меня, упаковать свои сумки и уйти жить в комнату Дэйзи, может даже выбросить мою одежду из окна.

— Я на Аддералле, — произношу я. Одно предложение. Одно дыхание.

Ее руки падают вниз, а взгляд, говорящий *я-планирую-оторвать-тебе-член* прожигает во мне дыру.

— Чепуха, — говорит она. — Ты бы *никогда* не стал принимать Аддералл.

— Я бы не стал, — соглашаюсь я. — Но я мало спал и выкладывался на 100 % в Уортоне и Кобальт Инк., так что решил начать принимать его.

— И как давно? — ее ключица выпирает, когда Роуз задерживает дыхание.

Я помню, что мне однажды сказал Фредерик, тогда мне было 18, и я думал, что закончил разбираться в том, кто я есть и чего хочу достичь. Он сказал:

— Ложь разрывает отношения до тех пор, пока они не превращаются в отдельные нити.

Я ненавижу то, что мои собственные отношения сейчас начинают распускаться на отдельные нити.

Ненавижу, что в этот момент я становлюсь обычным.

— В конце января.

— Почти четыре месяца назад, — говорит она пораженно. Но она не нападает на меня, не вскидывает к небу руки и не называет это глупой выходкой. Ее взгляд направлен в пол, пока Роуз обдумывает услышанное.

— Ты должен был бы отказаться от чего-то, если бы не принимал его, верно? — спрашивает она, встречаясь со мной взглядом, в ее глазах столько вопросов.

— Не от тебя, — говорю я ей. — Я бы никогда не отказался от тебя.

— Уортон?

Я киваю, и она качает головой в смятении.

— Я не хочу, чтобы ты ставил меня выше своей мечты, — говорит она. — Но я не могу оставаться здесь и быть согласной на то, что ради меня ты гробишь свое здоровье.

Несправедливо ставить ее в такое положение, где ей так или иначе приходится выдвинуть мне ультиматум. Я знаю, что мне нужно сделать. Даже несмотря на то, что семестр почти окончен, у меня все еще остается полтора года обучения. Я даже не близок к получению степени.

Я замечаю появившееся между нами пространство. Около пяти футов. Пять футов — это слишком много. Я представляю, что это пространство станет еще больше, если сейчас я приму неверное решение.

Фредерик прав.

Моя мать права.

Я не могу иметь все и сразу. Я должен сделать чертов выбор.

— Я уйду из Уортона, — решаю я в итоге. Это решение практически сбивает меня с ног. Но даже реакция моего тела не повлияет на него. На самом деле груз спадает с моих плеч — тяжесть, которая давила на меня ранее. Утягивая меня вниз.

Учеба в Уортоне оказалась не такой восхитительной, как я когда-то считал, что она станет. Иногда мечты, которые возникают в вашей голове в десятилетнем возрасте, спустя десятилетие кажутся вам уже не тем же, чем вы думали, они станут в ваши двадцать четыре. И просто нужно какое-то время, чтобы смириться с этим.

Думаю, я только что это и сделал.

— Коннор...

— Я перестану принимать Аддералл, — я делаю к Роуз шаг и опускаю руки ей на плечи.

— Но твой MBA...

— Он мне не нужен.

— Он никогда не был тебе нужен, — напоминает она мне. — Ты хотел получить его не по этой причине, — я вижу вину в ее глазах. Я предпочел ее своей мечте, в то время как сам говорил не делать такого ради меня.

Сжимая ее лицо в своих ладонях, я пробегаю большим пальцем по ее нижней губе, окрашенной в темно-красную помаду, из-за которой лицо Роуз выглядит более свирепым, чем есть на самом деле. Я хочу быть с ней каждый день своей жизни. Я хочу быть здесь, а не в классе. И у меня есть возможность получить желаемое.

— Мои мечты изменились, — говорю я. Будущее, которое я однажды себе представлял, ушло. Будущее, в котором я с гордостью получаю свой диплом, в котором я доказываю себе,

что стал лучшим, потому что могу быть таким. Но чем дольше я с этой девушкой, тем дальше уносится от меня это будущее.

Я сильно целую ее, и она отвечает на поцелуй, пододвигаясь ко мне, тем самым говоря, что принимает мое решение.

— Это было легко, — говорю я, когда наши губы разъединяются. Обнимая Роуз за талию, я смотрю на гладкость ее кожи, ее румяные щеки и распространяющийся жар от поцелуя. — Думал, ты станешь усерднее спорить со мною.

Она качает головой.

— Ты просто должен был видеть свой взгляд.

Я хмурюсь.

А она улыбается.

— Твои эмоции сейчас так легко прочесть, Ричард, — она проводит руками по моей груди, разглаживая складки на моей темно-синей рубашке. — Могу сказать, что тебя не волнует Уортон, так как волновал раньше, а я хочу, чтобы ты, мои сестры, их парни и брат Ло занимались только тем, что действительно делает их счастливыми. Разве не такова цель?

Сейчас для меня это так, но не уверен, что так было всегда.

— *Парни* твоих сестер?

Роуз морщит нос в отвращении.

— Дэйзи все еще с Джулианом.

— И я *не* счастлив по этому поводу, — говорю я ей. — А мы ведь говорим о счастье? — я изображаю, что забыл, о чем мы говорили. — Мы... занимаемся тем, что делает нас счастливыми, — я удерживаю ее в своих объятиях, опуская одну руку на ее попку и радуясь, что нас больше не разделяют те пять футов. — Я бы с *радостью* изгнал его из жизни твоей сестры.

Я видел ту смску о групповухе, что он прислал Рiku, она волнует меня больше всего. Не хочу, чтобы Джулиан был рядом с Дэйзи дольше, чем должен.

Роуз говорит:

— А я бы с радостью отрезала его член и бросила в аквариум с плотоядными пираньями, — она так холодно улыбается, словно вместе с членом отрезала бы и его яйца.

— Изобретательно, — усмехаюсь я.

Роуз увидела то смс вместе со всеми зрителями шоу. По телевидению. Продакшн показал мою беседу с Джулианом в коридоре. Я думал, что не понравлюсь людям, но узнал, что реакция по отношению ко мне больше похожа на любовь-ненависть, тогда как основной негатив получил Джулиан.

Никто не стал писать онлайн-петицию с просьбой отправить меня в тюрьму.

Думаю, по этому пункту Джулиан определенно меня обогнал.

Глобально, его бы стоило уволить с компании Marco Jeans, в которой они с Дэйзи должны вместе сниматься. Но дизайнер не хочет его отпускать. Ему нравится внимание прессы, пусть даже и негативное. Так что Дэйзи приходится работать вместе с Джулианом и дальше.

Я пытаюсь не думать о младшей сестре Роуз, чья жизнь сложнее, чем должна быть у семнадцатилетней девочки. Вместо этих мыслей, я смотрю на все еще зажатый в моей руке пластиковый пакетик. Я отхожу от Роуз и вынимаю из кармана телефон.

— Кому ты звонишь? — интересуется она.

— Фредерику. Хочу узнать, можно ли курить марихуану под Аддераллом, — я

прикладываю к уху телефон.

На ее лице появляется удивленное выражение.

— Ты все еще хочешь это сделать?

— Да, дорогая, — я провожу пальцем по ее нижней губе и целую еще раз, прежде чем мой терапевт снимает трубку.

ГЛАВА 41

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Коннор не почувствует ту психическую слабость от травки, но он все еще может ощутить телесное наслаждение. По крайней мере так сказал Фредерик. Он не обрадовался тому, что мой парень собираемся смешивать препарат с марихуаной, но Коннор включил громкую связь, и я смогла немного успокоить волнения Фредерика, аргументируя это тем, что Коннор только что отказался от Аддералла. Я не упоминала уход из Уортон или тот факт, что он совершил мега важный выбор в мою пользу.

Уверена, они обсудят все это в понедельник.

Я начинаю кашлять от третьей затяжки; все никак не научусь правильно курить. Я была слишком сосредоточена на компании, учебе и различных мероприятиях (которые не включали в себя травку), чтобы погрузиться в любую нелегальную атрибутику жизни молодежи. Но мне двадцать три. И еще не поздно поэкспериментировать и попробовать что-то новое. Если бы я встретила с семнадцатилетней версией себя же и рассказала ей, что через шесть лет меня будет душить и шлепать мой соперник № 1 из академического сообщества (и мне это будет нравиться), и вместе с ним мы будем курить косяк — я бы *никогда* не поверила *самой себе*.

Но думаю, что мою семнадцатилетнюю версию все же чертовски соблазнила бы данная перспектива. Думаю, ей бы хотелось, чтобы это было правдой.

Я наблюдаю, как Коннор делает затяжку, и серый дым выходит струйкой с его рта, он не кашляет, подобно мне.

Я пытаюсь посмотреть на него сердито, но ничего не выходит из-за очередного приступа кашля.

— Сейчас... — Коннор набрасывает нам на головы одеяло, создавая искусственную палатку для нас обоих. Он зажимает косяк между пальцами, размещает кончик между губами и глубоко вдыхает. Его глаза не отрываются от меня, и я задаюсь вопросом, хочет ли он научить меня, так, чтобы в следующий раз я сделала все правильно. Но тогда бы он произнес какую-то заумную фразочку насчет "преподавания".

Не зависимо от этого, я все равно внимательно изучаю то, как он глубоко вдыхает дым, позволяя тому скользить по его горлу. Я никогда не считала курение сексуальным — не до сегодняшнего дня, когда мой сверхумный, самоуверенный парень выдыхает дым словно чемпион, бог, некое бессмертное создание, наделенное усмешкой, от которой освещается весь мой мир и открывается мое личное самое грандиозное восьмое чудо света.

И я бы *НИКОГДА* не сказала ему этого. Между нами и так все ясно. Я прищуриваю глаза так, чтоб он не мог увидеть восхищение в моих глазах и преувеличение его качеств в выражении моего лица. Но он почти что смеется, так что видимо мне не слишком успешно удается скрывать все это. Я тянусь к косяку, но Коннор качает головой. Он еще раз хорошенько затягивается, но на сей раз держит рот закрытым, удерживая дым.

А затем он кладет свою руку мне на затылок и притягивает к себе. Не успеваю я и моргнуть, как наши губы соприкасаются. Дым врывается в мой рот, щекоча заднюю стенку горла. Назревающий кашель грозит вновь испортить весь кайф. Но Коннор душит его своим поцелуем, проскальзывая языком мне в рот и ослабляя першение в горле. Я дышу его наркотическим воздухом, а он моим; это самый интимный поцелуй, который мне когда-либо

доводилось пережить. Дыхание для дыхания. Вдох, выдох.

Его пальцы пробегают по моим мягким волосам в то время, как второй рукой от притягивает меня к себе на колени. Я хватаюсь за его талию, но в данный момент происходящее ощущается неподконтрольным, оно всецело в его власти.

Мой пульс учащается от удовольствия, и руки сами собой перемещаются к его шее. Когда наши губы наконец-то рассоединяются, мы оба выдыхаем небольшой клубок дыма. Наши улыбки столь явные и искренние.

— Давай повторим, — говорю я, радуясь тому, что мне удалось вдохнуть и при этом не закашлять. Я правда верила, что мое тело просто не позволит яду течь по своим жилам. *Хорошая работа, тело.*

— Любимые слова каждого наркомана, — говорит он, игриво улыбаясь.

— Травка — это не так уж и плохо, — опровергаю я.

Коннор делает небольшую затяжку, а затем выдувает дым в сторону от моего лица. Наша палатка полна густого дыма и резкого аромата заполняющего это маленькое пространство. Мы будем вонять.

— Ты права, — говорит Коннор сухо, при этом оценивающе глядя на косяк. — Она не убивает клетки мозга. Только амбиции. Разве это может быть хуже?

Все, что угнетает человека или его способности — зловредно. По крайней мере так считает Коннор Кобальт.

Я не собираюсь оспаривать это с ним.

— У меня с этим есть одна проблемка, — признаюсь я.

От любопытства он приподымает бровь.

— Запах, — говорю я. — Он отвратителен. Хуже, чем сигаретный. Мне придется искупаться в хлорке.

Он улыбается и страстно меня целует. Я люблю это. То, как этот мужчина понимает мои мысли и желания без слов. Это возбуждает даже сильнее, чем его игры с моим телом — хотя, и этой частью наших отношений я тоже наслаждаюсь.

Когда мы отрываемся друг от друга, я говорю:

— Кто-то мог бы заработать кучу денег, если бы вывел сорт марихуаны без запаха. Ох! Или душистую марихуану! — я хихикаю. *Хихикаю.* Эти высокие нотки девичьего голоса мне не знакомы. Эта травка определенно хороша.

Коннор целует меня снова, заглушая мой смех и заполняя легкие дымом с примесью восторга.

Еще какое-то время мы сидим под одеялом. Когда я пытаюсь коснуться лица, руки двигаются слишком медленно, и кажется, что для того, чтобы согнуть ногу требуется целая вечность; мое тело слишком расслабленно, чтобы куда-то идти или даже встать с кровати. Так что я просто остаюсь сидеть на коленях Коннора. Но вот с головой ситуация совершенно другая: когда я пробую ею покрутить, все вертится с невероятной скоростью, будто голова совершенно не прикреплена к телу. Чтоб осмыслить это странное сочетание, мне требуется минуты две. Хотя, две ли это минуты?

Коннор наблюдает за мной, попивая воду, когда он предлагает мне бутылку, я тянусь к ней, но вместо этого ударяю по его локтю. Снова смеюсь.

— Постой, — говорит он. Он прикладывает край бутылки к моим губам и наклоняет ее, помогая сделать пару глотков. Вода успокаивает мое раздраженное горло. Вытирая губы от воды, я вдруг замечаю пуговицы его рубашки, они такие очаровательные. Мои пальцы

непроизвольно начинают с ними играть. Вау. Пуговицы могут проскользнуть в такие маленькие дырочки. Такая простая математика, и кто-то же когда-то это придумал впервые.

Коннор говорит очень мало. Мне нравится тишина. Она обостряет все чувства. То, как он пропускает свои пальцы через пряди моих волос. Каждая частичка меня становится еще чувствительнее.

— Я голодная, — говорю я ни с того, ни с сего.

— Я знаю, как это решить, — он быстро приподымает меня и отбрасывает в сторону одеяло. Мое сердце ускоряет свой бег. Коннор утыкается лицом мне в шею. — Пришло время тебя накормить.

Я смеюсь от того, как его кожа щекочет мою, когда мы выходим из комнаты. Меня не волнует, что мы осмеливаемся выйти в заполненный камерами дом. Мы же не курим на камеру. Так что у них не будет доказательств.

И к тому же, рабочий день Саванны, Бретта и Бена окончен. Они, наверное, уже крепко спят в своих собственных домах, оставив камеры на стенах и потолке снимать нас в ночное время.

Коннор спускается по лестнице со мной на руках. Как только мы достигаем первого этажа, он опускает меня на ноги. Гостиная *прямо перед нами*. Но Лили и Ло сидят на диване спиной к нам, глядя на телевизор, висящий над камином. Они просидели в своих комнатах целую неделю, прежде чем Скотт извинился. Его извинения по словам Ло были "неосмысленными и неискренними", но этого хватило, чтобы ребята *в конце концов* осмелились спуститься вниз.

Я открываю рот, чтобы заговорить.

— Шшш, — тихонько шепчет Коннор, прижимая пальцы к моим губам. Мы улыбаемся друг другу. Почему все это так забавно?

Мы прячемся от... да, ни от чего мы не прячемся на самом-то деле. Ребята увидят нас, стоит им только повернуться, но они поглощены фильмом.

— Зачем мы это смотрим? — спрашивает Лорен.

— Затем, что тебе нужно знать, почему я считаю тебя воплощением Питера Пэна, — отвечает Лили.

Я почти прыскаю смехом. Правда, даже не знаю почему, но благо, Коннор снова прикрывает мне рот, приглушая звуки. Как ему все еще удастся удерживать меня в вертикальном положении, используя лишь одну руку?

Он сильный, Роуз, не будь душой. О мой бог. Травка делает меня глупой?

— Если я Питер Пэн, то кто ты? Вэнди?

— Нет, — говорит Лили. — Вэнди выбирает брэнность, а не мальчика, которого любит. Я бы... — следует долгая пауза, и я провожу языком по ладони Коннора.

Он сжимает свои губы в линию, изо всех сил стараясь не засмеяться.

— Тинкербелл, — заключает Лили. — Она никогда не оставляет Питера. Она любит его сильнее, чем что-либо.

— Так ты — моя маленькая фея? — спрашивает Ло, и его слова так сильно меня очаровывают.

Это так мило, что мы с Коннором больше не можем сдерживать свой смех. Он вырывается на свободу, выдавая наше присутствие.

Головы Лили и Ло одновременно поворачиваются в нашу сторону, ловя нас хохочущими возле лестницы.

— Что, черт возьми, вы двое делаете? — спрашивает Ло, наклоняя голову и внимательно изучая наши позы и выражение лиц — на что здесь вообще смотреть-то?

— Мои ноги, — говорю я.

Коннор снова утыкается мне в шею, пытаюсь заглушить свой следующий приступ смеха. Мне же нужны все силы, чтобы напрячь мышцы лица и сдерживать хихиканье.

— Что? — рассеяно спрашивает Лили, глядя на нас искоса.

Коннор еще сильнее наклоняется, опуская подбородок мне на плечо, а затем говорит:

— Мы собираемся поесть.

Лили ахает.

— Вы под кайфом? — она слезает с дивана прежде, чем я могу сказать что-нибудь в свое оправдание. Она от нас на довольно-таки приличном расстоянии, но все же делает еще пару шагов назад, пощипывая свою переносицу. — Фу, — она прикрывает рот рукой. — Ненавижу этот запах.

Лорен широко усмехается.

— Вы двое... — он качает головой, подходя к своей девушке. — Кто бы подумал, что самые ответственные люди в этом доме станут нарушать закон? Мои поздравления, вы официально приняты в наш клуб.

— Наш круг дружбы, — уточняет Коннор.

На меня накатывает еще один приступ смеха. Коннор подхватывает меня на руки, несет к кухне и усаживает на стойку.

— Мы можем остаться и посмотреть? — взволновано спрашивает Лили.

— Мы посмотрим это в следующем эпизоде, — напоминает ей Лорен.

— Я хочу неотредактированный вариант.

Коннор касается моей ноги.

— Ты в порядке? — спрашивает он, беспокоясь обо мне, даже при том, что сам под кайфом.

— У меня нет паранойи. Так что думаю, это отличная травка, — но до тех пор, как у меня есть Коннор, я знаю, что могу пережить даже негативное воздействие наркотиков.

Вот такая странная штука любовь.

И она вся моя.

ГЛАВА 42

КОННОР КОБАЛЬТ

Гостиная была расчищена. Мягкие объемные маты покрывали пол. Дэйзи уже скакала вниз и вверх, готовясь к уроку по самообороне, которые мы с Риком и Ло обещали преподавать. Я предложил нанять настоящего инструктора, но Рик сказал, что ему практически выдали лицензию.

Я, конечно же, напомнил ему, что способность избить кого-то еще не делает его хорошим учителем. На что он ответил:

— Прекрати, твою мать, меня раздражать и сходи выкури косячок.

Я умею оскорблять гораздо лучше.

Скотт ван Райт показал лишь маленький фрагмент того, как мы с Роуз глупо хихикали и пожирали остатки тако. Поскольку не было фактического метража самого процесса курения, отрицательная реакция на это видео была минимальной. На ТВ показывали уже столько реальных звезд, лежащих в собственных рвотных массах, что два, непонятно от чего хохочущих, совершеннолетних человека никого не повергли в шок.

Единственный недостаток — то, что я впервые в жизни выглядел глупо.

Но меня и это не заботит. Понадобилось двадцать четыре года жизни, чтобы прийти к данному типу апатии. В колледже, если бы кто-то посчитал меня меньше, чем умным, на дне рейтинга класса, то я почувствовал бы себя так, словно жизнь окончена. Возможно, они считали меня болваном, ну и пусть. Может, думали, что я карьерист, ладно. Странно, конечно, но ладно.

Глупость была словом, от которого меня будто резало на куски. Неудача была тем, что повергало меня в близкое к смерти состояние.

За один день я бросил Уортон. Утратил свою "якобы" мечту. А затем сделал то, что выставило меня, как глупую версию самого себя.

Сегодня же я могу сказать "Меня это не волнует" и на самом деле иметь в виду сказанное.

Мне двадцать четыре года. Я всегда думал, что закончил расти. Но время вместе с Роуз стимулирует меня развиваться и преображаться в ту версию себя, которая нравится мне больше всего.

Мои страхи уже не так эгоистичны и не столь претенциозно тщеславны.

Роуз говорит мне:

— Если на меня нападут, я использую свой перцовый спрей и электрошокер. Я не стану использовать для защиты свои кулаки, не в первую очередь. Это последнее средство самозащиты.

— А что, если у тебя не будет времени воспользоваться всем этим? — спрашиваю я ее. Не могу удержаться от улыбки всякий раз, как смотрю на ее одежду. Не ней нет удобных мокасин. Или легинсов с футболкой. Вместо этого она выбрала туфли на платформе, кожаные шорты и белый хлопковый топ, заправленный в шорты так, словно она собирается на встречу за обедом. Лорен сказал ей переодеться, и она бросила на него такой взгляд, словно хочет исцарапать его лицо.

Я знаю лучше.

— Не все папарацци такие подлые, — говорит она. — Уверена, у некоторых есть

мораль, и они помогут мне отбиться от злых приставал.

— А что, если папарацци не будет рядом?

Она подымает вверх указательный палец.

— Один раз, — говорит она мне. — Всего один раз за последние четыре месяца я оказалась *одна* в общественном месте. И это было, когда Лили проехала пять кварталов в неправильном направлении.

— Эй! — отзывается Лили. Она сидит на полу, одетая в подходящую для тренировки одежду, как и Дэйзи. Вот только у нее на голове одета меховая белая шапка, больше подходящая для снежной погоды, чем для тепла в середине мая. На шапке имеются бивни и очевидно она имитирует Вампу из *Звездных Воин*. Мне на ум приходит единственная логическая причина, по которой она ее носит — Лорен. Каждый раз, как он смотрит в ее сторону, его дыхание становится более поверхностным, а янтарные глаза завлакивает дымка желания, будто он готов немедленно трахнуть ее.

Лили встает на ноги, отказываясь повторять движение, которое Лорен пытался ей показать.

— Я проехала пять кварталов в неверном направлении лишь потому, что GPS работал на французском языке.

Роуз сердито смотрит на нее.

— Ты сама его настроила на французский.

— Только потому, что пытаюсь выучить язык, — поясняет Лили, — так, чтоб я могла понимать, о чем вы двое, черт возьми, говорите за нашими спинами.

В последнем эпизоде впервые показали наш разговор на французском. Продакшн добавил субтитры.

Наша беседа вращалась вокруг Лили и чего-то шедшего по телевидению.

РОУЗ: *Она похудела. Я могу увидеть даже ее ребра.*

Я: *Это тень.*

РОУЗ: *Это не тень. Это ее кости.*

Я: *У меня наверху есть книга по физике. Уверен, там имеется раздел о свете и тени. Хочешь дам почитать?*

РОУЗ: *Зачем тебе книга по физике? Ты студент бизнес отделения.*

Я: *Для таких моментов, как этот.*

Это был один из самых незамысловатых обменов фразами на французском, но Лили позабавил тот факт, что мы обсуждали ее вес, прямо у нее перед носом.

Видимо, они все думали, что мы просто спорим о всяких "сверх умных" вещах (слова Лили), и что у нас есть некое правило не обсуждать ребят на французском.

У меня и правда есть правило на этот счет.

Если ты хочешь меня понять, выучи мой язык.

Рика и Дэйзи, кажется, не волнует, говорим ли мы о них, но Лили и Лорена это раздражает.

— И просто, чтобы вы знали, — говорит Лили, — я уже могу сказать целых пять слов на французском. Так что придерживаясь данного темпа в изучении, скоро я буду говорить на этом языке бегло.

Напрыгавшись, Дэйзи подходит к нам.

— Ты разве не забросила изучение испанского и латыни в подготовительной школе? — спрашивает она, улыбаясь.

— Это немой вопрос, — защищается Лили. — Это совершенно разные языки.

Роуз бросает на меня *еще один* взгляд, но я не могу удержаться.

— Спорный вопрос, — вставляю я (mute — немой, moot — спорный, в оригинале звучит практически одинаково — прим. пер.).

Лили смотрит на меня, пораженно.

— Что?

Лорен обнимает ее за талию, объясняя:

— Ты сказала немой. Произнеся слово так, что оно имело значение "не издающий ни звука", впрочем, неважно.

— Это спорно, — повторяю я. — Уверяю вас.

Роуз толкает меня локтем, и Лили хмурится еще сильнее, впадая в растерянность.

— Никому не нравятся чертовы правила грамматики, — говорит мне Рик.

— Страшно, когда такое говорит парень, участвующий в создании городской студенческой газеты, — говорю я. — Твой редактор тебя небось ненавидит?

Он пытается свалить меня с ног.

— Подожди, — Лили подымает руки. — А что такое тогда "*спорный*"? Это же не слово.

— Это не важно, — быстро говорит Роуз и отмахивается от меня.

— Это важно, — возражаю я. — Я хочу научить твою сестру.

Роуз ударяет меня кулаком в предплечье, а затем указывает пальцем.

— Это больше походит на косвенное оскорбление. Она не глупа, — я открываю рот, чтобы ответить на это, но Роуз снова ударяет меня по руке. — И очевидно тебе нужны уроки по самообороне. Мне кажется, ты не очень преуспеваешь в защите.

Она собирается снова меня ударить, но я перехватываю ее кулак.

Ее губы поджимаются.

— Ладно.

Я только сейчас замечаю окруживших нас Бена, Бретта и Саванну, все они сходятся ближе к Рику. Оглядываясь в поисках Скотта, я осознаю, что должно быть он закрылся в своей комнате. Работает. Он еще раз сменил свою тактику. Больше никаких раздражающих замечаний в адрес девочек Кэллоуэй. В последние две недели он практически все время отсутствует. Не знаю, делает ли этот дом меня более параноидальным, но я по-прежнему думаю, что он снова что-то затевает. Я просто еще не придумал, что он мог бы теоретически сделать мне, при этом физически не затрагивая Роуз. Он уже провалился в этом направлении. Так что еще осталось у Скотта в арсенале?

Мы с Роуз пристально наблюдаем за тем, как Рик сбрасывает свою футболку и оголяет свой бок, поворачиваясь к нам. У него явно лучшее строение тела и более рельефные мышцы, чем у нас с Ло. Мы оба признаем это, потому что в отличие от него, не лазим каждый день по горам, орудуя лишь голыми руками.

— Я и не знал, что это класс голой самозащиты, — шучу я.

Ло смеется.

— Черт, на этот раз ты превзошел меня.

Рик хмурится.

— И чтоб никто, вашу мать, не бил меня по правому плечу. Это запрещено, — вот и все, что он говорит в ответ. Но мы понимаем, о чем он. Он потратил почти месяц на то, чтобы

сделать сложную татуировку. Один из самых популярных эпизодов демонстрировал, как Дэйзи пошла с ним за компанию. Это был один из немногих ее свободных дней, и все мы отметили, что младшая сестренка Кэллоуэй решила провести его с Риком.

В *Принцессах Филли* показали 15 минутный метраж под названием "Сделала ли Дэйзи тату вместе с Риком или нет?" прежде, чем ответить на этот вопрос.

У Дэйзи нет татуировок.

Мать убила бы ее, если бы она оставила хоть какую-то отметину на теле, имеющем ключевое значение в продвижении Дэйзи, как модели. Саманта точно нашла бы способ уничтожить Рика, засадив того в тюрьму по какому-то нелепому обвинению. Я даже не сомневаюсь в этом, вот, почему ранее предостерегал Рика, говоря держаться от Дэйзи подальше до ее совершеннолетия.

Но он мазохист; клянусь, Рик специально делает вещи, которые в конце концов его ранят.

Мы все смотрим на его законченную татуировку. Это феникс с крыльями, окрашенными в красные, оранжевые и желтые оттенки; она покрывает все его правое плечо и грудь, заканчиваясь возле пресса. Серо-черная цепочка обернута вокруг ног птицы, спускается вниз по боку Рика, заканчиваясь якорем у него на бедре.

Ло качает головой.

— По крайней мере ты не сделал племенную тату.

— Иди на хуй, — отвечает Рик. Он разминает руки над головой, игнорируя наши взгляды и близость трех камер.

Я наклоняю голову.

— А ты убедился, что игла была новая и стерильная?

— Я не гребаный идиот.

— Ну, когда ты говоришь так, я начинаю верить тебе больше, — невозмутимо отвечаю я.

— А я думаю, это очень секси, — вставляет Дэйзи. Она игриво улыбается, пока все (включая меня) стонут. — Что? — она смеется.

— Это мой брат, а ты мне как сестра, — говорит Ло, глядя на нее с отвращением. — Просто, *не надо*.

Челюсть Рика напрягается, но он молчит. Он просто хватает свою футболку и одевает ее обратно.

— Спасибо за стриптиз, *братан*, — говорит Ло.

Рик показывает ему средний палец.

Но я вижу, как его взгляд встречается с Дэйзи. Ее яркая усмешка куда-то исчезла. Я не заметил тот момент, когда сменилось ее настроение, но возможно, комментарий Ло возымел свое действие.

Рик и Дэйзи смотрят друг на друга пару секунд, будто обмениваясь неслышными словами и непонятными мне посланиями. Я собираюсь отвести от них взгляд, злясь на себя, что не могу прочесть их отношения.

Но в последнюю секунду Дэйзи произносит одними губами "*Прости*".

— Просто не бей меня по руке, ладно? — отвечает он ей. — Тату все еще чертовски болит.

Ее губы медленно растягиваются в улыбке.

— Я знаю, как себя защитить, — вдруг торжественно провозглашает Лили. Она

находилась в объятиях Ло, но сейчас делает шаг в сторону и поднимает свою руку в виде приветствия Вулкан из Стартрека. Когда мы поехали на конвенцию по комиксам, Роуз не знала, что такое приветствие Вулкан, и Ло издевался над ней, когда она назвала это "СПОК штучка".

Пока Лили продолжает разводить свои пальцы в форме буквы V, Ло смотрит на нее так, словно собирается поцеловать и послать этот урок самозащиты куда подальше.

Никто из нас не произносит вслух тот вопрос, который явно написан у всех на лицах — *что за хрень?*

— Видите, — говорит Лили. — Все, кто увидят это слишком запутаются, не зная, что делать дальше, и соответственно не нападут.

Ло игриво хватается за запястье. Он наклоняется и просовывает язык между ее пальцами, демонстрируя довольно грубый жест. При помощи ее руки и своего рта.

Камеры поворачивается от Рика к Лили и Ло.

Лили ахает и ударяет кулаком по плечу Лорена.

— Ты только что осквернил приветствие Вулкан!

Но Ло лишь притягивает ее за бедра и усмехается.

— Ага? Кто делает приветствие Вулкан, будучи одет в шапку из *Звездных Воин*? Ты осквернила это приветствие первой, — он трет рукой по ее белой меховой шапке. На что Лили становится на носочки и просто целует его. Ло усмехается, отвечая на ее поцелуй.

— Так мы можем начать? — спрашиваю я. Дэйзи вернулась домой тридцать минут назад, а на часах уже час ночи. И это она пришла домой *раньше* обычного.

— Шшш! — кричит Роуз, истерически толкая рукой мне в грудь, ее глаза вспыхивают, когда она вертит головой из стороны в сторону.

Все хмурятся и замолкают на секунду.

Что она....

А затем я слышу звук колебаний, словно колокольчики одновременно дзинькают. Сэди сбегает по лестнице вниз, заходя в гостиную без малейших колебаний, словно она тоже владеет этой частью дома.

Роуз тянется к полу за своим перечным спреем, ее глаза сужаются при виде Сэди, будто в голове у кошки кроются лишь злые намерения.

Но самая худшая реакция, конечно же, у Лили; всю прошлую неделю кошка буквально "жила" в спальне сестры Роуз. Лил говорила, что просыпаясь утром, натыкалась на сидящую рядом и просто глядящую на нее кошку. Это было так смешно, что услышав данную историю, я буквально плакал со смеху.

— Омойбогомойбогомойбог, — говорит Лили. Думаю, я слышу, как она раз или два говорит слово *демон*, но ее речь такая невнятная, что оскорблений просто не разобрать. Она начинает носиться по гостиной кругами, в поисках куда бы спрятаться, но все диваны и стулья придвинуты к стене. Пространство открыто, и Сэди может найти Лили с легкостью.

Тем временем моя кошка издает тихое шипение, нарастающее по мере хаотичных резких движений Лили.

Дэйзи пытается дотянуться до кошки и взять ее на руки, но Рик мгновенно хватается ее, оттягивая от кошки и прижимая к своей груди. В последний раз, когда она пыталась взять мою кошку, Сэди поцарапала ей ногу, оставив три кровоточащих длинных следа, в результате чего у матери девочек случился припадок, и она орала на меня не меньше часа во время воскресного обеда. После этого я действительно продал Сэди, но придя домой на

следующий день, обнаружил, что Роуз и Дэйзи выкупили ее обратно.

Как бы сильно мне не нравилась моя кошка, но об этих женщинах я волнуюсь гораздо больше.

Лили бегают по комнате, пока не находят решение. Она взбирается на Ло, словно обезьянка, заползая ему на спину, пока он борется со смехом, пытаясь удержать свою девушку от падения. В меховой шапке с жучками в роли глаз, она в некотором роде схожа с долговязым животным.

— Я закрою ее на нижнем уровне, — говорю я, обращаясь сразу ко всем.

— Если мы не можем защитить себя от кошки, то каковы шансы отбиться от всех остальных? — драматически замечает Дэйзи, при этом по ее лицу расплывается яркая, кокетливая улыбка.

— Я могу защитить себя, — опровергает Роуз, трясая свой баллончик с перечным спреем.

— Дорогая, — предупреждаю я ее, — нам правда не нужен звонок из РЕТА (*Люди, выступающие за этическое обращение с животными — прим. пер.*) завтра утром.

— На хуй РЕТА.

Черт.

— Роуз, — я качаю головой. Вот, в чем разница между нами. Она не может держать язык за зубами, когда это нужно.

— Кто-то сбросит на тебя ведро красной краски после этого эпизода, — говорит ей Ло. У него на плечах восседает Лили, ее ноги свисают ему на грудь. Она смотрит на Сэди, гуляющую по комнате с гордым видом.

Роуз бросает на меня *немного* виноватый взгляд; отодвигая ее в сторону, я направляюсь к Сэди, чтобы спустить ту на нижний этаж.

— Я люблю животных, — говорит Роуз машинально, пытаясь компенсировать сказанное ранее. Она сухо улыбается на камеру и затем добавляет. — И если кто-то испортит одну из моих шуб, я выставлю вам долбаный счет, а потом вырву ваши глазные яблоки. Потому что вы не заслуживаете больше *никогда* смотреть на красивую одежду.

Я наблюдаю за тем, как Сэди крадется к лестнице вниз, пока все смеются над словами Роуз. Улыбаясь, я оглядываюсь через плечо на своих друзей.

Мне бы не хотелось потерять все это ради Уортона.

Я бы не пожелал расстаться с этим ради чего угодно.

Прямо здесь находится то место, где я поистине счастлив.

ГЛАВА 43

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Мое тело вздрагивает от раскачивающегося напротив еще одного тела, мои глаза, трепеща, открываются в полусонном состоянии.

Я шурю от тусклого утреннего света и начинаю соображать, оценивая положение своего тела и происходящее: наполненность между моими бедрами, чужие руки по сторонам от моих плеч, тело, парящее надо мной, двигаясь в настойчивом ритме.

Я все еще голая после бурного секса прошлым вечером, и на моей шее по-прежнему красуется бриллиантовый ошейник.

Мое сердце учащает свой бег, как только взгляд встречается с глазами Коннора. Он наблюдает за тем, как я окончательно просыпаюсь, одновременно с тем претворяя в жизнь мою *странную* фантазию, выболтанную как-то по пьяни. Я всегда представляла, что сразу же стану влажной и возбужденной, но по факту для этого требуется немного времени.

Коннор облегчает мои потребности, двигаясь неспешно, вызывая накал моих ощущений. Я хватаюсь за его бицепсы, сжимая их в такт его толчков внутри моей киски. Это один из тех немногих раз, когда у меня есть возможность использовать свои руки во время секса. Пока я мельком смотрю вниз, наблюдая за тем, как он погружается в меня, то начинаю чувствовать, как мои стеночки сжимаются вокруг его длины.

Коннор наклоняется и страстно целует меня.

Мне это нравится.

Не могу поверить, что мне это нравится. Но больше того, не могу поверить, что он реально решил реализовать мои странности. За это я люблю его еще сильнее.

Чем глубже он толкается в меня, тем сильнее на нашей коже выступает тонкий слой пота. Рот Коннора приоткрывается, когда я сжимаю ноги вокруг его талии, от чего моя киска становится еще туже.

— Роуз... — стонет он, его лицо искажается от желания.

А затем он врывается в меня жестко, так, что я зарываю лицо в подушку и стону от экстаза, поджимая пальчики ног. Коннор медленно выскальзывает, пока мы оба задерживаем дыхание. Он перекачивается, ложась рядом со мною; его грудь вздымается и опадает в унисон с моей.

Просыпаться от вколачивающегося в меня члена — это круто, скажу я вам.

Я собираюсь с силами, чтобы вновь встретиться с властными голубыми глазами Коннора. Он усмехается, точно зная, как сильно я этого хотела.

— Доброе утро... дорогая, — говорит он, все еще тяжело дыша. Он наклоняется и еще раз меня целует.

Как только он отрывается от моих губ, я собираюсь сказать ему, как сильно люблю все это, но громкий *стук* прерывает мои мысли. Звук исходит от стены за нашим комодом.

Танк, танк, танк продолжается, а затем к нему добавляются стоны и вздохи. Я хмурюсь.

— У них был секс вчера вечером? — здесь тонкие стены, и я пытаюсь игнорировать ребят, как могу.

Но вот в чем привилегия соседства с комнатой Лили и Ло. Мне известно, как часто они трахаются, что означает, я знаю, когда Лили регрессирует в своем выздоровлении.

Коннор спрыгивает с кровати. Полностью обнаженный он подходит к стене и ударяет о

нее кулаком.

— Эй! — кричит он, но даже его крики не кажутся спокойными или уверенными. — Вы двое, остыньте!

Стук внезапно прекращается, сменяясь на гораздо худший звук — голос Лорена Хейла. (Хоть, он и приглушен стеной.)

— Мы ничего не делаем!

— Вы трахались вчера вечером, — громко говорит Коннор. — Лишь один раз за сутки. Помнишь это?

Ло и Лили обычно практиковали перерыв в 12 часов между сексом, но сейчас они пытаются попробовать осуществить новое правило, и потому попросили нас помочь им с его соблюдением, если вдруг они дадут слабину.

— Значит *сами* не шумите так громко! — орет в ответ Лорен. — Моя девушка сексуально-зависимая. Она не может спокойно слушать, как вы двое кончаете.

— Обещаю, мы будем вести себя тихо, — говорит Коннор. Он разворачивается ко мне, так что наши взгляды встречаются. — В следующий раз у тебя во рту будет кляп.

Я прищуриваю глаза, но внизу моего живота зарождается совершенно иная реакция.

Коннор просто улыбается и скрывается в гардеробной. Я не встаю с кровати. Вместо этого, тянусь к прикроватной тумбочке, хватаю папку и начинаю работать над своим ежедневным списком задач. Сегодня мне нужно подобрать музыку для свадьбы.

1 месяц — Мама

Один месяц.

Уже скоро. Мне нужно еще немного времени, но мы не можем переносить дату без того, чтобы в ответ СМИ не высказали свое подозрение.

На прошлой неделе я просила Лили помочь мне, но в ответ она практически зарыдала. Для нее все происходит слишком быстро.

И анонсирование по ТВ данного события отнюдь не помогает. Она призналась, что ей снятся кошмары о падении посреди церковного прохода и том, как видео этого инцидента разлетается, будто вирус, по YouTube.

Мне трудно успокоить подобные страхи.

Потому что я четко могу себе представить такую ситуацию в реальной жизни.

Кроме свадьбы на повестке дня стоит инвентаризация в Кэллоуэй Кутюр. Шоу повысило популярность моей линии одежды, но я не впервые вижу подобный всплеск продаж. Будучи на вершине своей карьеры, я привыкла, что мои работы бронируют даже на Неделе Моды. Мои триумфы имели падения и взлеты. Каждый раз, как моя линия одежды попадает в магазин, что-то тут же случается, и они ее возвращают. Так что я не могу радоваться неожиданному успеху, ни тогда, когда на собственном опыте знаю, сколь мимолетным он может быть.

Счастье не в амбициях.

Амбиции таят в себе лишь страх потерять все или веру в то, что этого никогда не будет достаточно.

Жаль, что я не могу согласиться на что-то меньшее. Коннор кажется доволен тем, что ушел из МВА, но моя реакция не будет такой же, если когда-нибудь мне придется пойти на компромисс со своей мечтой.

И я не знаю, как можно изменить то, что я чувствую.

— Ты в порядке?

Я подымаю взгляд от папки, глядя на возвышающегося недалеко от меня Коннора. Он садится на край кровати и тянет папку к себе, собираясь прочесть список моих дел.

— Я просто нервничаю, — признаюсь я. — Так много всего нужно сделать, для этого мне не хватит всех часов в сутках, — я отмахиваюсь, словно отбрасывая в сторону все заботы. — Ты же знаешь, как все устроено.

— Я могу помочь, — он указывает на второй пункт в моем списке. *Перезаказать уродливые центральные элементы, которые выбрала мама.* — Это похоже я осилю.

Я бросаю на него взгляд.

— Ты бросаешь Уортон, — напоминаю я ему, — не для того, чтобы помогать мне с организацией свадьбы. У тебя есть работа. Так что иди работай, — я сталкиваю его с кровати.

Ноги Коннора ударяются об пол, а потом он хватает папку с моих коленей. Я хмуро смотрю на него, и папка возвращается на место.

— Просто чтобы мы имели одинаковое видение ситуации, скажу — я бросаю Уортон, желая быть с тобой, — перефразирует он мои слова. — Не ради Кобальт Инк.

Я сильнее затягиваю пояс моего халата и встаю, игнорируя его приемчики. Я потянусь за папкой, в которая сейчас олицетворяла моим здравый смысл.

— Передай мне ее.

Но Коннор снова открывает папку и пролистывает список еще раз.

— Думаю... — размышляет он. — Я возьму на себя все обязанности по подготовке свадьбы, а ты сможешь заняться задачами по Кэллоуэй Кутюр, — он подымает взгляд от бумаг. — Звучит справедливо?

— Нет, Ричард. Звучит похоже на то, что ты спасаешь меня от моих проблем.

Я снова тянусь к папке, но он подымает ее у себя над головой.

— Мы пара. Я хочу спасти тебя от стольких проблем, от скольких могу. И я не прошу тебя принять мою помощь, Роуз. В любом случае ты ее получишь, хочешь того или нет.

Я скрещиваю руки на груди.

— Что, если мне не нравится твой вкус? — спорю я. — Ты можешь выбрать еще более уродливые центральные элементы, чем это сделала моя мать.

Он приподымает брови, будто я сказала что-то реально глупое. Я фыркаю и опускаю руки. Ладно. У него хороший вкус. Христа ради, его шампунь стоит дороже моего.

— Посоветуйся с Лили прежде, чем принять окончательное решение, даже если в конечном итоге она так и не даст тебе прямой ответ, — говорю я. Он усмехается, в полной мере наслаждаясь победой.

Когда его взгляд возвращается к папке, улыбка растворяется.

— Почему здесь значиться имя Скотта?

Мне даже не нужно сильно думать, чтобы вспомнить о пункте 27.

— Это было напоминание, — говорю я. — Я хотела спросить, не казался ли тебе Скотт каким-то другим в последнее время.

— В смысле? — спрашивает он. Но думаю, у Коннора есть своя собственная теория, и он просто хочет сперва услышать мою.

— В начале съемок шоу он был женоненавистной свиньей, делал отвратительные замечания прямо мне в лицо. Но начиная с поездки в Альпы или, может быть, несколько недель после этого, он отступил. Я думала, может это было потому, что у нас с тобой был секс. Где-то глубоко внутри, у Скотта есть чувство уважения.

Не успела я договорить, как Коннор качает головой.

— Ага, я знаю, — говорю я. — Это ничего не меняет.

— Время покажет, — говорит мне Коннор. — Думаю, он просто выжидает.

— Чего?

— Еще не знаю.

Дрожь пробегает по моим рукам.

Остался всего один месяц.

Я гадаю, ждет ли Скотт свадьбы. Или он планирует черти-что раньше.

Впервые с момента начала шоу я реально начинаю нервничать.

Не думала, что это возможно.

ГЛАВА 44

КОННОР КОБАЛЬТ

— Не делайте этого, — умоляет Дэйзи. — Я прошу вас, — она складывает руки вместе в умоляющем жесте и поднимает к нам с Роуз свое лицо. Дэйзи сидит на краю своего узорчатого зеленого покрывала, тогда как мы стоим посреди ее комнаты, дверь закрыта, так что никакие злобные камеры не могут ворваться внутрь.

— Мы дали тебе целых три дня на то, чтобы порвать с ним, — напоминает Роуз своей младшей сестре. — Если этого не случилось до сегодня, то и в ближайшем будущем не произойдет.

Кампания Marco Jeans закончилась уже неделю как, и это означает, что Дэйзи могла порвать с Джулианом, не опасаясь негативных последствий. Но она имеет слабость — боязнь обидеть чувства других людей.

Предполагалось, что я выпровожу Джулиана из таунхауса, как только мы доставим ему эту новость. И в *значительной степени* я рассчитываю на успешный исход этого плана. Мне больше не нужно быть с ним милым и носить фасад, от которого, пиздец как, сводит челюсть. Отныне этот парень для меня бесполезен.

Дэйзи стонет, закрывая лицо руками.

— Я не хочу, чтобы моя старшая сестра и ее парень разрывали отношения с *моим* парнем вместо меня самой.

— Ладно. Ты сама порвешь с ним? — Роуз приподымает брови.

— Д..

— Прямо сейчас?

Лицо Дэйзи мрачнеет.

— Итак, давай разберемся с фактами, — вмешиваюсь я. — Все в этом доме недолюбливают Джулиана. *Тебе самой* Джулиан не нравится. И хоть я и не люблю обобщать, но сказал бы, что большая часть Америки *ненавидит* Джулиана. А ты все еще встречаешься с ним, потому что...

— Я не люблю портить отношения с людьми, — признает она. — Это неловко и ужасно. Все мои прошлые разрывы сводились к тому, что я просто прекращала общаться с парнем, и он так или иначе уходил. Джулиан не ведется на такое.

Роуз кричит:

— Если ты порвешь с кем-то, то тебе не придется с ним встречаться.

— Ладно, но все еще... Я говорю, что мы можем собираться здесь раз в месяц или два. Так сказать, высказывать все Джулиану до тех пор, пока он не устанет от нас и сам не решит двигаться дальше.

Роуз смотрит на меня и уголки ее губ приподымаются.

— Думаю, это можно внести в мой список дел. Ты и я разорвем сердце отвратительного парня моей сестры.

— Этот парень в твоем списке значится под именем Лорен Хейл? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Возможно. Но мы всегда можем дополнить этот пункт.

Дэйзи еще раз продолжительно стонет.

— Если для тебя это столь неловко, то может стоит в следующий раз не встречаться с

тем, с кем ты не можешь даже порвать, — опровергает Роуз.

— Давай покажем ей это, а? — спрашиваю я свою девушку.

— Что? — спрашивает Дэйзи, глядя на нас широко открытыми глазами. — Нееееет... — она тянет это слово, словно не может смириться с грядущими событиями.

— Ты увидишь, — говорит Роуз, кивая.

— И сделай заметки, — добавляю я.

Роуз поворачивается ко мне, ее лицо светится.

— Посмотри на нас. Мы в этом довольно хороши.

Я проскальзываю своей рукою в ее, разделяя ее волнение, может даже в большей степени. Я представляю нас через десять лет. Все такая же невероятная команда. Только со снующими вокруг мини версиями Роуз и Коннора. Но ее страх материнства — это совершенно другая битва, и я разберусь с ней в другой день.

— После тебя, — говорю я Дэйзи, указывая на двери.

— Он здесь? Прямо сейчас? — она моргает, впадая в оцепенение.

— Да, — кричит Роуз. — Так что перенастрой свое чувство ориентации в пространстве и спускайся вниз. Топ-топ, — она кричит на сестру, пока та не схватывается на ноги.

— Ладно, я могу это сделать... — говорит Дэйзи, убирая волосы за спину. — Я уже плавала с акулами раньше. Что такого плохого в том, чтобы послушать, как моя сестра вырвет сердце парню? — Дэйзи передергивает, и она умоляюще смотрит на Роуз. — Полегче с ним. Как сказал Коннор, парень и так наполовину обезьяна.

Я смеюсь, когда Роуз смотрит на меня.

— Что? — говорю. — Я видел, как он открывал банку супа, когда мы были в горах, парень просто стучал ею о столешницу. Есть же инструменты, изобретенные именно для столь сложных задач.

Роуз неоднократно качает головой, а затем идет к двери.

— Если никто не собирается двигать попой, тогда вы все можете следовать за мной.

— Подожди меня, дорогая, — но прежде чем выйти, я пропускаю Дэйзи перед собой. Она относится к тому типу девушек, что готовы выпрыгнуть из окна третьего этажа, лишь бы избежать подобной чертовщины. И только что мы предоставили ей повод сделать это.

Дэйзи вздыхает и направляется следом за Роуз. В гостиной Джулиан ждет меня, думая, что я пригласил его на пиво — мы же типа друзья. Он сидит на диване и листает журнал об альпинизме *Горы и Лед*, купленный недавно Риком.

Дэйзи задерживается возле лестницы, не в состоянии двинуться ближе к дивану. Она выглядит так, будто собирается смыть рыбку в унитаз. Бен тоже здесь, сидит на одном из стульев, наводя на нас объектив своей камеры.

— Эй, мужик, — говорит Джулиан, кивая, и встает. Он бросает журнал на столик.

Я ничего не говорю. Просто иду к дивану.

— Можешь присесть.

Он хмурится, но следует моей команде. Мы с Роуз располагаемся на двухместном диване напротив. Она скрещивает ноги в лодыжках и кладет руки на колени.

— Джулиан, — категорично начинает Роуз. — С превеликим удовольствием хочу сообщить, что в дальнейшем Дэйзи не будет с тобой видеться, никогда.

— Что? — Джулиан чешет свою еще более небритую, чем в при нашей последней встрече, щеку.

— Она разрывает ваши отношения, — уточняю я. — Не звони ей. Не пиши. Не

показывайся на ее пороге в ожидании изменения сего факта. С тобой покончено.

Джулиан поворачивается, оглядываясь на стоящую возле лестницы Дэйзи.

— Что за хуйня? Ты бросаешь меня?

— Эй, — кричит Роуз, тыкая в него пальцем, тем самым привлекая внимание парня обратно к нам. — Она не хотела обидеть твои уродливые маленькие чувства.

Джулиан тут же вскакивает с дивана.

— Это фигня, — он смотрит на сестру Роуз. — Они заставили тебя это сделать, детка?

Она собирается ответить, но входная дверь вдруг открывается, ударяясь о стену. Мы с Роуз встаем одновременно. Дикие, сердитые голоса врываются в комнату.

— Я не драматизирую! — орет Лили... драматично. У нее в руках высокая стопка журналов. Лорен и Рик проталкиваются вперед, обходя Бретта и Саванну, которые пытаются влезть в дверной проем раньше ребят.

Лили залетает на кухню.

Это выглядит не хорошо.

Я иду на кухню, чтобы развернуть все возможные подушки безопасности и обезопасить всех от дальнейшей катастрофы.

Лили бросает журналы в раковину и открывает шкаф. Она достает бутылку с жидкостью для розжига гриля.

— Вуху! — в унисон кричат Рик и Ло. Они бросаются к Лил, но она уже разбрызгивает жидкость поверх журналов. Я забираю пластиковую бутылку из ее захвата, а Роуз начинает убирать этот беспредел. Она выбрасывает все журналы в здоровенный мусорный мешок, прежде чем Лили сможет найти, чем их поджечь.

Ло удерживает Лили за талию, а я заглядываю ей в глаза, они полны ненависти и истерии.

— Что происходит? — спрашиваю я у нее, пытаюсь быть спокойным настолько, чтобы и другие немного расслабились.

Но прямо сейчас моя тактика не помогает Лили.

— Люди — отстой! — кричит она, почти что начиная плакать.

Это ничего не объясняет. Я тянусь к одному из журналов в руках Роуз, забирая его прежде, чем она успевает бросить его к остальным. Бумага влажная, а страницы слипаются. Но мне даже не нужно открывать его, чтобы понять корень проблемы.

Заголовок гласит: *Лили Кэллоуэй, сексоголик и, согласно полученной информации, спит с братьями.*

На фото изображена Лили, идущая по улице в Филли с Риком и Ло по разные стороны от нее, что само по себе не редкость, так как все мы обеспокоены безопасностью девушек в связи с отсутствием телохранителей.

— Меня, блядь, не гребут все эти слухи, — Рик раскидывает руки в стороны. — Сколько раз мне нужно говорить это?

— Я не изменница! Мне даже не нравится представлять себя изменяющей своему парню, — говорит Лили сердито. Она указывает пальцем на журналы. — И мне ненавистно то, что они называют меня сексоголичкой!

Сексоголизм включает в себя геперсексуальность, а не просто сексуальную зависимость. Для кого-то, как Лили, отождествляющей себя с зависимостью, быть названной сексоголиком лишь усиливает внутренний спор, что сексуальная зависимость — просто миф.

— Что ты хочешь с этим сделать, Лил? — спрашивает Лорен. — Устроить истерику перед камерами. Сделано. Они уже получили твою реакцию.

Лили оседает, и ее лицо искажает боль. Прежде чем Ло сможет разделить это с ней, я говорю.

— Или ты могла бы сжечь это на костре, — я бросаю журнал в мешок с мусором. — Это могло бы помочь очиститься от негативных эмоций.

Глаза Лили загораются от моего разрешения.

Роуз бросает на меня неодобрительные взгляды.

— Не поощряй ее, — она отпускает мешок и вытягивает руки в стороны, чтобы случайно не коснуться своей одежды. Даже со своего места я могу почувствовать исходящий от нее запах жидкости для розжига. Я собираюсь уже было помочь Роуз очиститься, но громкий голос перекрикивает все наши голоса.

— Ты, блядь, серьезно?! — орет Джулиан, его нос в миллиметрах от носа Дэйзи. Его руки упираются в стену возле ее головы, а спина Дэйзи прижата к самой стене.

Она отворачивается и морщится, зажмуривая глаза.

— Ты хоть знаешь, через какой *ад* я ради тебя прошел?!

— Эй! — кричит Рик, сразу же бросаясь к Джулиану, его черты лица мрачают в долю секунды. Бретт устремляется к Рiku, направляя камеру на разгорающийся конфликт.

Роуз ругается и пытается закрутить кран, используя для этого запястье, так как с ее рук капает вода. Ло опускается на пол к Лили, стараясь ее успокоить. Я очень хочу остаться и помочь Роуз, но она посылает мне взгляд, ясно гласящий *ИДИ*.

Антикризисный менеджмент № 2.

Тот факт, что мы подняли эту тему, еще больше усиливает мое желание решить данную проблему. Но я не бросаюсь к ним до тех пор, пока Джулиан не ударяет кулаком в стену возле лица Дэйзи, крича так громко, что у него на шее вздуваются вены.

Сестра Роуз вздрагивает, и Рик хватается за плечо Джулиана, а затем со всей силы бьет его кулаком в челюсть. Джулиан спотыкается, делая пару шагов назад, а затем практически набрасывается на Рика, пытаясь повалить того на пол. Я хватаю Рика и удерживаю его в вертикальном положении.

Брат Ло сбрасывает с себя Джулиана и снова ударяет его в лицо.

Джулиан ругается и отшатывается, на этот раз отступая дальше. Он останавливается, тяжело дыша и трогает свой покрасневший глаз.

Своим криком прямо девушке в лицо он заслужил гораздо большей "награды", чем гребаный фингал. Я в некотором роде надеялся, что Рик сломает ему руку или ногу. Уверен, Роуз хотела бы, чтобы пострадал его член, но придется обойтись этим.

Джулиан подымает взгляд, его нос расширяется, когда он снова смотрит на Дэйзи.

— Ты просто собираешься, твою мать, там стоять?

— Чего ты от меня хочешь? — спрашивает Дэйзи.

— Чтобы ты вернула мне те *месяцы* жизни, что я потратил на тебя понапрасну, глупая пизда.

Инстинктивно, я хватаю Рика за плечи, как раз вовремя, останавливая его от очередного хука в лицо Джулиана. Я слышу, как Ло начинает ругаться на кухне, собираясь броситься к нам, но Лили останавливает его, взбираясь Ло на спину. Каблуки Роуз стучат по полу, пока она направляется к нам.

— Иди и трахни кого-нибудь, кому действительно нравишься, Джулиус! —

пронзительно орет Ло из кухни. — О, *подожди*, на этой планете *никого* такого не осталось. Лучше иди поищи кого-то, кто сможет доставить тебя на Марс, сукин ты сын!

Рик вырывается из моего захвата и в секунду разворачивается ко мне лицом.

— Клянусь любому гребаному странному богу, в которого ты веришь, Коннор, если не позволишь мне выбить из него все дерьмо, я, черт возьми, ударю тебя в лицо.

Но Роуз оказывается быстрее Рика. Она направляет банку с перечным спреем на Джулиана в виде предупреждения и толкает его в предплечье.

— Убейся, — говорит она. — Или я сожгу тебе не только глаза.

Джулиан подымает руки, его лицо чуть выше скулы, начинает отекает. Он обводит всех нас еще одним последним сердитым взглядом, пока Роуз открывает двери и выталкивает его тело на крыльцо.

— Коннор, — говорит она стальным голосом. — Пожалуйста, проводи Джулиана и скажи охранникам внести его в черный список.

— Конечно, — я смотрю на Рика. — Я отпущу тебя, но *не* стоит бежать за ним.

Его мышцы по-прежнему напряжены.

— Конечно.

Он крайне неубедителен.

Но тут Дэйзи выпаливает:

— Простите, ребята, — ее голос надломлен. Мы все смотрим на нее, даже Роуз оборачивается от дверей. Дэйзи прочищает горло. — Мне следовало с ним просто порвать и избежать всего этого, — она кивает и смотрит в пол, от чего ее светлые волосы рассыпаются, заслоняя лицо.

— Нет, — говорит Рик. — Я рад, что мы сделали это, или по крайней мере *попытались* сделать.

Щеки Роуз краснеют от чувства вины.

— Это наша вина, что мы не закончили начатое.

Рик добавляет:

— Я даже не могу, на фиг, представить, как бы ты порвала с ним в одиночку. Он бы скорее всего... — Рика передергивает, и он снова качает головой, еще сильнее расстраиваясь.

Я представляю себе ту же картинку. Джулиан бы сказал: "*Ну же, детка, не будь такой. Не надо слушать своих друзей. Мы так хорошо подходим друг другу.*" И если бы она опровергла его аргументы, он, вероятно, прижал бы ее к стене и все равно бы наорал.

По крайней мере мы были здесь, чтобы вывести его из дома.

Когда я прохожу мимо Роуз, выходя на улицу, моя грудь соприкасается с ее телом, а взгляд встречается с пламенем в ее глазах, возбуждающим меня в одно мгновение. Я бы очень хотел сейчас контролировать ее тело и получить в ответ *именно* такой взгляд.

Мой взор проходит от ее головы до ног, оценивая ее тело под черным платьем от Кэллоуэй Кутюр, короткое, но с высоким воротником. Наклоняясь к ней, я шепчу на ухо:

— Я уже знаю, как возьму тебя сегодня вечером, милая, — я скольжу рукой по ее бедру, прежде чем опускаю ладонь на попку Роуз, сжимая.

Ее дыхание становится поверхностным, и только теперь я спускаюсь по ступеням к этой полуобезьяне, в данный момент пинающей ногами наш мусорный контейнер.

Я практически могу ощутить, как Роуз улыбается у меня за спиной.

ГЛАВА 45

КОННОР КОБАЛЬТ

Я удерживаю ее в своих руках, не сбиваясь с интенсивного ритма раскачивающихся движений. Роуз сидит у меня на коленях, ее ноги обернуты вокруг моей талии, а моя спина упирается в изголовье кровати. Даже при том, что она сверху, я руковожу ее движениями. Я принимаю решения и выбираю направление. Мои руки сжимают плоть ее бедер, пока я грубо насаживаю Роуз на себя.

Она стонет. Думаю, я слышу свое имя в этом приглушенном звуке. Она не может говорить, даже если захочет. Я засунул ей в рот ее же трусики. А ее руки связаны за спиной моим ремнем.

Я перестаю двигаться, и ее голова наклоняется на бок, словно последние двадцать минут она каталась на американских горках. Может быть, она и правда, вашу мать, каталась. Разместив руки на ее талии, я то двигаю ее собственное тело вверх и вниз, вдоль моего члена, то удерживаю неподвижно и двигаю своими бедрами, ритмично вколачиваясь в ее киску. Моя грудь вздымается и опадает, я пытаюсь игнорировать пульсацию в районе паха. Я так хочу поиграть с ней, а не просто трахнуть и подчинить.

— Поп викторина, — говорю я, неровно дыша. — Одно слово, описывающее твои ощущения. Только одно, — я вынимаю ее трусики со шнуровкой изо рта Роуз, и ее дыхание становится глубже, словно пытаюсь надышаться воздухом, которого ей так хватало.

— Не будь такой драматичной, — говорю я ей. — У тебя есть нос, и ты можешь дышать через него. Или я вытрахал из тебя все знания по анатомии?

Вместо того, чтобы сердиться, она почти что улыбается, а в ее глазах появляется свет. Я приподымаю ее подбородок и заглядываю в них.

— Тебе это нравится, — говорю я, а не спрашиваю. — Ты обожаешь, когда я трахаю тебя так жестко, что из твоей головы вылетают все негативные мысли.

Она покачивается на моих коленях, будто может упасть назад. Прикладывая руку к ее спине, я удерживаю ее в вертикальном положении еще крепче, пока скольжу второй рукой к основанию ее шеи, решительно сжимая и тем самым поддерживая ее голову.

— Одно слово, — напоминаю я ей. — Даже если оно будет также лишено красноречивости, как слово *член*. Прямо сейчас.

Она облизывает свою нижнюю губу, и мой взгляд невольно приковывается к ее рту. *Не двигайся, Коннор*. Но это сложно. Все, что она делает, вызывает у меня желание взять ее жестко и быстро. Но тут Роуз наконец-то отвечает мне на одном дыхании.

— Сластолюбивые.

Мои брови приподымаются.

— Это длинное слово.

Она светится от гордости. *О, нет, Роуз. Это был не комплимент*. Я тяну ее за шею, и она наклоняется, следуя моей команде. Мои губы касаются ее уха.

— Ты все еще ясно мыслишь, — говорю я ей. — Очевидно, я трахнул тебя недостаточно жестко.

Я чувствую, как быстро ее стенок сжимаются вокруг моей эрекции, короткими пульсирующими движениями. Ее рту следует догнать тело. У него есть кое-какие проблемы с тем, чтобы умолять меня.

Я по-прежнему неподвижен. Позволяя ей стать неимоверно влажной и ерзать на месте, я жду, изо всех сил стараясь скрыть собственные мучительные потребности.

— Одно слово, — говорю я снова. Мои пальцы сильнее надавливают на мягкую кожу ее бедра, а затем я скольжу пальцами, вдоль ее ноги.

— Распутные, — то, как она произносит звуки в конце этого слова, то, как откидывается назад ее голова, как веки трепещут — все это заставляет меня возобновить свои движения.

Но после двух коротких толчков, я останавливаюсь.

— Одно слово, — я дергаю ее за шею, и ее глаза резко открываются.

— Страстные.

Уже лучше.

Я отпускаю ее шею и перемещаю обе руки на ее бедра, а затем поднимаю ее над своим стояком. Наблюдать за тем, как ее тело отвечает на нехватку полноты — истинное удовольствие. Ее телу явно не нравится, что меня нет внутри. Когда я возвращаю ее обратно, заполняя, то делаю это грубо. Наши тела с хлопком ударяются друг о друга. Плоть о плоть. Стоны смешиваются со всхлипами. Неровное дыхание заполняет тишину. Я делаю это еще трижды, буквально насаживая на свой член.

Это могло бы стать моей второй любимой позицией. Первое место неизменно занимает лежащая ничком, связанная Роуз с кляпом во рту, ожидающая меня посреди кровати, изнывая от желания.

На втором или третьем резком вздохе Роуз, я снова делаю паузу, удерживая ее неподвижно на своем конце.

Она не колеблется.

— Затраханые.

Вот так!

Я вновь беру ее в свои руки и делаю так, чтоб это было последним словом, которое она сегодня запомнит.

* * *

Какое-то время мы говорим, Роуз лежит на животе, так что одеяло собралось складками у ее талии, а я лежу, опираясь локтем на подушку. Я провожу рукой от ее лопаток вдоль спины, массируя напряженные мышцы и пытаюсь выгравировать ощущение ее мягкой кожи в своей памяти.

Я обожаю эти моменты после секса почти так же сильно, как и сам секс. Напряжение Роуз спало почти до минимума. Даже когда она говорит о своем списке дел — своих заботах и страхах — то делает это с легкостью, а не натянуто.

— Не думаю, что мне удастся удержать Дэйзи с нами после окончания шоу, — тихо говорит Роуз. — Я говорила с мамой, и она не позволит ей остаться, — она опускается щекой на подушку, поворачиваясь ко мне. — Возможно, если шоу будет продлено на второй сезон, Дэйзи сможет жить с нами.

Второй сезон? Еще шесть месяцев иметь дело со Скоттом, со всевидящими камерами, всюду преследующими каждый наш шаг?

— А ты хочешь этого? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит она откровенно. — Я уже получила все, что хотела от этого шоу.

Продажи Физзли возросли. Пара розничных магазинов желают продавать мои вещи. Люди стали сильнее симпатизировать Лили, чем когда-либо до этого, — последний пункт вызывает у Роуз улыбку. — Это наилучшая часть, — признается она.

Трудно отрицать любовь Лили к Лорену или его любовь к ней, тогда как они постоянно вместе в шоу.

— В них легко влюбиться, — говорю я, целуя ее в плечо. — Просто сначала нужно их понять, — это сложнее. Здесь нужно абстрагироваться от их зависимостей и увидеть внутри Лил и Ло людей.

На секунду Роуз закрывает отяжелевшие веки, но я пока еще не хочу, чтобы она ложилась спать. Мне нужно спросить у нее кое-что важное, пока она в таком спокойном состоянии.

— Насчет свадьбы, — начинаю я. И прежде чем могу закончить, Роуз вставляет, резко распахивая глаза.

— О, хотела тебе рассказать, я показала Лили подвенечное платье, и она была *счастлива*, Коннор, — Роуз улыбается, словно это фантастика. Мой желудок скручивает в узел. Она упирается на предплечья, чтобы лучше меня видеть. — Лили визжала и скакала так, будто была в восторге. Думаю, она наконец-то готова к замужеству.

— Это здорово, — говорю я, не в силах контролировать свой неровный голос. — Счастлив за нее.

Роуз хмуриться, а затем ударяет меня по руке.

— Ты не похож на слишком счастливого.

Моя рука замирает у нее на пояснице.

— Я с девушкой, которая отказывалась принимать участие в детских инсценировках свадьбы, а сейчас ты стала поклонницей чьей-то реальной женитьбы, — она говорила мне раньше, что когда Лили и Ло в детстве притворились что женятся, Роуз разрушила все вокруг, оторвала цветам ножки, а затем назвав все это "глупостью", умчалась прочь.

— Если ты беспокоишься, что я изуродую цветочные композиции у них на свадьбе, то уверяю тебя, что не стану этого делать. Я сама их выбрала. Они будут состоять из орхидей.

— Я изменил это.

Ее глаза открываются еще шире, и она полностью садится, подтягивая простынь к груди. Она указывает на меня пальцем.

— Если моя мать склонила тебя к оранжевым лилиям и лентам...

Я накрываю рукою ее рот.

— Я не советовался с твоей матерью начет финальных договоренностей, обещаю.

— Тогда о чем идет речь? — спрашивает она. — У тебя такой вид, будто ты завалил тест по математике.

Я медленно подвигаюсь к ней и целую в висок.

— Я просто подумал насчет нас.

Она замирает.

— И это тебя расстроило?

Обычно я более уверен, более подготовлен, но не откровенен. Но сейчас все не так. Как можно быть уверенным, когда кто-то другой держит в руках твое будущее. Я не могу сделать все самостоятельно, если Роуз не раскроет передо мной свои карты.

— Я почти у цели, — говорю я ей. — Я хочу детей. Хочу обручальное кольцо на твоём пальце. Я хочу все это вместе с *тобой*, Роуз. А каковы твои мечты? — мы не говорили на эту

тему уже несколько месяцев. Во время нашего последнего разговора она осудила мою тщеславную концепцию с детьми, но после общения с Дэйзи и Лили, Роуз должна была осознать, что нам хорошо вместе, не просто в роли академических соперников или превосходных любовников. Мы совместимы по *жизни*. И это самое главное.

Роуз качает головой, углубляясь в собственные мысли.

Моя грудь сжимается, пока я пытаюсь все для нее упростить.

— Представь себя через два года. Что ты видишь?

После долгого молчания, она говорит:

— Я думаю, ты будешь работать в Кобальт Инк. вместе с твоей матерью, представляю, как мы все вместе с моими сестрами и их парнями или уже мужьями, не важно, организуем совместный отпуск, — она закатывает глаза, но все же улыбается этому воображаемому будущему.

Я жду, что она продолжит, но на этом все.

— А что с Кэллоуэй Кутюр?

— Не знаю. Вероятно, у меня появятся сотрудники, которые будут мне помогать. Я буду не так сильно сосредоточена на этом или, по крайней мере, хочу, чтобы так было.

Я хмурюсь, вообще не ожидал подобного ответа.

— Но ты же любишь моду.

— А ты любил Уортон.

Я качаю головой. Это не одно и то же. И я покажу ей почему.

— Ты на самом деле можешь бросить свое дело, Роуз? То, что делает тебя счастливой?

Она громко вздыхает, словно ранее уже вела эту битву.

— Нет. Я была бы несчастна без Кэллоуэй Кутюр, но я несчастна и пытаюсь держать его на плаву. У меня нет ни малейшей доли контроля над одеждой, которая продается в магазинах. Линия может распродаться за неделю, а может висеть в магазине целый год. А затем мне снова придется тяжело работать. Для чего?

— Чтобы женщины могли носить твою одежду, дорогая.

— Это глупо.

— Это даже и *близко* не глупо, Роуз, — говорю я, прищурив глаза. — Ты создаешь одежду, в которой женщины могут почувствовать себя увереннее. Каким-то образом ты наделяешь их этой уверенностью, и *это* никогда не будет глупо. Это прекрасно и блестяще, это — то, что невозможно забыть.

И тут она целует меня. Ее рука сжимает мои волосы, а губы прижимаются к моим губам. Я улыбаюсь и призываю ее губы приоткрыться, так что наши языки сплетаются, от чего голова идет кругом, и я отказываюсь останавливаться.

Но Роуз первой разрывает поцелуй, нежно прижимая свою руку к моей щеке.

— Спасибо, — говорит она. — Ты прав... — Роуз прикладывает пальцы к моим губам. — Не смей злорадствовать.

Я стараюсь не усмехаться столь явно.

Уголки ее губ тоже приподымаются.

— Я пытаюсь отыскать способ быть счастливой тем, что имею. Не хочу придерживаться мысли, что этого недостаточно. Но я также не готова отказаться от всего этого.

Я беру ее за руку, убирая ее пальцы от своих губ.

— Это разумное решение, — я касаюсь ее покрасневших губ. — А через десять лет, когда твои сестры и их мужья будут иметь детей и собственные семьи, как ты представляешь

свою жизнь?

— Я не могу заглядывать так далеко, — отвечает она.

— Ложь, — высмеиваю я, щелкая языком. — Ты уже продумала свою жизнь наперед.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что это то, что мы с тобой привыкли делать. Мы представляем себе наше будущее и претворяем его в жизнь.

Она сжимает мое колено.

— Сейчас ты выставил нас как мелочных и тщеславных людей.

— Мы и есть такие, — говорю я. — Но только с лучшей стороны, — я усмехаюсь, дожидаясь ее ответа. Я хочу услышать, что же она скажет.

— Я представляю нас с тобой вместе, мы едим на день благодарения в своем собственном доме. К нам в гости приходят Лорен с Лили. У них нет детей, потому что они и так счастливы. А Дэйзи приедет на своем мотоцикле с каким-то парнем дрифтером, которого мы все возненавидим. Рика там не будет. Он будет... взбираться на какую-то гору в другой стране, путешествуя с одним лишь рюкзаком или еще что-то более безумное. И мы с тобой будем пить вино у камина, после того как все уйдут спать.

Без детей.

В любом случае. Даже детей ее сестры.

Вот как сильно она боится.

— Что пугает тебя в том, чтобы иметь детей? — спрашиваю я, пробегая кончиками пальцев по ее ладоням, следуя по линиями, пока она размышляет над ответом.

Роуз напрягается, и я тоже полноценно сажусь, начиная растирать ее ноги, выглядывающие из-под простыни.

— Провал, — говорит она строгим голосом. — Что если они меня возненавидят? Что если я не дам им ту любовь, которой они заслуживают? Что если я сломаю каждого из них, как моя мать сделала с нами? — она делает паузу. — Я не хочу испортить человека, Ричард.

Я глажу ее по волосам, убирая прядку за ухо.

— Ты не сделаешь этого, Роуз. Я буду рядом, чтобы помочь тебе, и у меня даже нет сомнений, что ты будешь любить всех своих детей нереально сильно.

Я ожидаю от нее опровержений. Что она сердито посмотрит на меня и возразит, что я не знаю ничего о детях, так как у меня нет даже братьев. Но я знаю ее и знаю, что она станет замечательной матерью, если позволит себе ею стать. Чтобы в это поверить нужно просто посмотреть на то, как она относится к своим сестрам. С состраданием, преданностью и искренней любовью. Она отдает всю себя людям, о которых заботится.

— Когда нам будет за 30, если мы будем готовы, и если ты мне *поможешь*, то я могу себе представить маленькую девочку или двоих... — она смолкает, глядя мне в лицо. — Что?

Моя челюсть отвисает, а затем удивление превращается в чистейшую чертову радость. Я улыбаюсь от уха до уха; не могу ничего с собой поделаться и целую Роуз в щеку, в губы. Я укладываю ее на кровать, прижимая к матрасу.

— Ричард, — говорит она, улыбаясь. — Остановись на секундочку.

Я усмехаюсь.

— Ты хочешь детей? — она сказала да.

— Когда мне будет *тридцать пять* или того больше, — отвечает она.

Она хочет детей.

Я целую ее со всей страстью.

— И ты должен будешь мне *помогать*, — говорит она между поцелуями.

Помогать. Она просит о помощи. Девушка, которая в колледже не могла принять от меня даже блейзер, чтобы скрыть пятно на своем платье, сейчас охотно открывает свои объятия передо мной, перед нами.

— Все, что я всегда хотел сделать, Роуз, так это быть в твоей команде, — я смеюсь, предаваясь воспоминаниям. — Именно ты, мисс Наивысшее Благородство, решила быть моим соперником, поступив в Принстон.

Она наклоняет голову.

— Мне нравится соревноваться с тобой, — она садится, опираясь на локти, оказываясь так близко к моим губам, и говорит. — Но твоим союзником мне нравится быть еще больше.

— Мне тоже, дорогая.

Мне тоже.

ГЛАВА 46

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

7 дней — Мама

Я пытаюсь не позволять этому обратному отсчету больше портить мне настроение. Я расстроена тем, что Поппи, моя старшая сестра, решила не приезжать на девичник Лили. Поскольку мы проводим выходные в Вегасе, и нас по-прежнему продолжают снимать — его злодейское высочество *Скотт* тоже здесь — она выбрала возможность остаться в Филли. По крайней мере Поппи хочет присутствовать на свадьбе.

Лили танцует возле меня, на ней розовая блестящая лента с надписью "*Незамужняя невеста*" и тиара. Ее счастье затмевает даже присутствие Скотта. Мы находимся в огромном клубе с разноцветными стробоскопами и полуголыми девушками, танцующими в клетках.

Я хватаю руку Лили, все вокруг нас немного гудит. Обычно Лили не пьет, но когда мы с Дэйзи заказали по шоту, она сказала, что тоже хочет.

— Ты выходишь замуж! — перекрикиваю я музыку и размахиваю руками.

Она улыбается от уха до уха.

— Я выхожу замуж!

На самом деле я не понимаю ее внезапную перемену в убеждениях. Но зачем в этом сомневаться? Я просто разрушу *все*, а мне бы лучше насладиться этой ночью и следующими семью днями.

Дэйзи собирает свои волосы в пучок на макушке. Саванна и Бретт пытаются снимать нас и при этом не захватывать в кадр других танцующих людей.

— Эй, взгляни, кто это? — слышу я крик парня.

Чудно.

— Возвращайтесь в Филли, шлюшки! — ребята находятся на достаточном расстоянии, но чем громче они кричат, тем более вероятно, что вскоре у них появится мужество (или глупость) подойти к нам ближе.

— Убирайтесь из Вегаса!

— Может прервемся и сходим к бару? — спрашивает Дэйзи. — Время для пива?

Лили тоже пытается игнорировать эти возгласы. Она быстро кивает.

— Время для пива.

— Вы хотите пива? — говорю я. Мы можем выбрать фруктовые коктейли, грязный martini, текилу, а они останавливаются на *пиве*. Серьезно?

— Ты *никогда* не пила пива раньше, — опровергает Лили. — Сегодняшний день — время испробовать что-то новое, вместе. Давай же.

Она тянет меня за руку.

— Но ты даже не любишь пиво, — отвечаю я. Пиво — не самый мой любимый напиток. Хотя, я никогда его даже не пробовала. Оно в некотором роде схоже с мочой в бокале, что лишь придает смысл тому факту, что парни со студенческого братства так сильно любят его.

— И мне оно нравится, — говорит мне Лили. — Я просто не часто его употребляю.

— Я тоже люблю пиво, — говорит Дэйзи кивая.

— Ты любишь абсолютно все, — говорим мы с Лили в один голос.

Дэйзи улыбается и пожимает плечами. Она, вероятно, пробовала есть все подряд, если бы не должна была переживать о своем весе.

— Валите обратно в...

— Мы тебя слышали! — кричу я в никуда, так как не могу определить направление, откуда исходит голос. Говорящий должен быть довольно близко, так как я слышу его голос поверх звуков музыки.

Мы добираемся до длинного бара из черного гранита с голубой подсветкой и занимаем три табурета друг возле друга. Лили садится посередине, а слева от нас сидит парень с щетиной и татуировками. Отсюда нам видны наши парни; они в VIP зоне, на балконе над нами. Ребята сидят на кожаных диванах и говорят.

Скотт не присоединился к ним. Он стоит, прислонившись к перилам, а его взгляд прикован ко мне. *Все время.*

Это немного давит, но я чувствую себя более виноватой перед Лореном за то, что ему приходится терпеть Скотта на своем мальчишнике. А мне правда *редко* бывает жаль Лорена.

Я смотрю на Лили, она сует свой телефон в карман, как только я перевожу на нее взгляд.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Пишу Ло. Давайте заказывать.

Если бы еще этот бармен реагировала на мои взмахи рукой, то данная задача была бы гораздо проще. Но она хорошо проводит время, флиртуя с покупателями мужчинами, оставляющими ей более щедрые чаевые. *Я бы тоже оставила* ей хорошие чаевые. Но сейчас мне стоит пересмотреть это намерение. Я щелкаю пальцами.

Но Лили хватает мою руку, краснея от смущения.

— Она не собака, Роуз.

Ладно, но она и не хороший бармен. Но я не говорю это вслух, так как Лили уже и так красная, как униформа барменши.

Предполагаю, нам придется подождать.

Терпение — это то, чего мне явно не хватает.

ГЛАВА 47

КОННОР КОБАЛЬТ

Скотт продолжает смотреть на Роуз. Это жутко. Можешь что-то сделать? — Лили

Я кладу в карман телефон. Я пытался отвлечь Скотта от Роуз, но каждый раз, когда я подхожу к нему, Ло тянет меня обратно на диван, а Рик говорит не поддаваться на провокации продюсера в такой "охрнительный" день. Но это касается Роуз, и я не хочу, чтобы ей было некомфортно из-за него.

— Возвращайтесь в Филли, придурки! — орет кто-то с одной из кабинок.

— У меня ощущение, что нас здесь не хотят видеть, — сухо говорит Ло. Он пытается не провоцировать "шутников", но мне видно как нарастает напряжение, когда Ло горько улыбается.

Я снова бросаю взгляд на Скотта.

— Дайте мне минутку, — говорю я парням. — Мне нужно с ним поговорить. Серьезно, — мне нужно узнать, что он замышляет.

— А то мы думали, ты *шутнишь* все четыре последние раза, — говорит Ло.

Я все равно встаю с кожаного дивана, ожидая что Ло усадит меня обратно, но он просто кивает и говорит:

— Скажи ему, что я его ненавижу.

— Какие-то еще сообщения будут? — я смотрю на Рика.

— Передай ему трахнуть самого себя.

Я киваю.

— Я и не ожидал ничего красноречивого.

Он машет мне уходить, и я оставляю их обоих, направляясь к Скотту. Я кладу руки на перила, вторя его позе, и не говоря ни слова, становлюсь рядом. Я просто наблюдаю за его действиями.

Роуз.

Она спорит с брюнеткой барменшей в красном платье, и даже издали я замечаю, как она наклоняется вперед, как горят ее глаза; очевидно, что Роуз идет в наступление.

— Итак, вот, что мы имеем, — говорю я, чувствуя на себе объектив камеры Бена. — У меня есть девушка, а ты остался с чем? — я наконец-то поворачиваюсь и смотрю на него.

— Я никогда и не хотел девушку, — говорит он.

Я стараюсь не казаться шокированным. Я думал, что это изначально было соревнование, чья струя бьет дальше.

— Ты хотел славы, — заявляю я, бросая это как наживку.

— Нет, — он немного выравнивается. Как и я. Мы поворачиваемся друг к другу лицом. — Если бы я хотел славы, думаешь, я бы стал продюсером реалити-шоу? Думаешь, кто-то присудит мне чертово Эмми за съемки шестерых богатеньких студентов колледжа?

Я не указываю ему на то, что уже окончил колледж. Он и так об этом знает.

— Так ты просто хочешь денег от шоу, — говорю я. — *Принцессы Филли* определенно хит. Так что ты получил свой выигрыш. Нет никаких оснований сейчас глазеть на Роуз. Шарада подошла к концу, Скотт. Ты не ее бывший парень. И никогда им не был, — но я останавливаю себя. Чем больше я говорю, тем сильнее изгибаются его губы в самодовольной

усмешке. Я с ненавистью вдыхаю, потирая свои губы, тем самым пытаюсь избавиться от появившегося неприятного привкуса во рту.

— Не будет никакого второго сезона, верно? — спрашивает он.

— Нет.

— Я представлял себе так много всего в тот момент, когда она подписала контракт. Думал, невозможно заставить захотеть Роуз продлить все это дольше, чем на 6 месяцев, — он качает головой. — Это еще не конец, Коннор.

Он хочет больше денег.

Так что, черт возьми, он собирается сделать?

Прежде чем могу продолжить, мой телефон неоднократно жужжит в кармане. Я отвечаю, не глядя кто звонит.

— Ты нужен здесь, прямо *сейчас!* — орет Лили так, чтоб я мог услышать ее за громкой музыкой.

— Что происходит? — спрашиваю я, высматривая их возле бара. Роуз больше не спорит с барменшей. Парень около тридцати находится прямо рядом с ее чертовым лицом. И она кричит.

Мне слышно ее голос через телефон.

— Просто закажи это чертово пиво! — кричит он. — Кого волнует, какого оно будет размера?!

— Чтобы ты мог меня понять, тебе придется задействовать свой крошечный инфантильный мозг, — насмехается она, — и попытаться подняться на мою плоскость существования!

— Размер девушки или размер парня — это не такая уж и охрененно сложная концепция! Большой или маленький!

— ИДИ НА ХУЙ! — кричит она, находясь все еще в трезвом состоянии.

Услышав эту ругань, я мчусь вниз по ступеням балкона. Слышу, как за мной следуют Рик и Лорен; напряжение должно быть видно по тому, как напряглись мои мышцы, сводя до боли шею и руки.

Достигая первого этажа, я все еще прижимаю телефон к уху; люди расступаются, как только видят, что я мчусь в их сторону. Бар уже в поле моего зрения. Может быть в пятидесяти футах.

Но тут парень бьет кулаком в лицо Роуз.

В лицо.

Все движется так быстро.

Сила удара сбивает ее с табурета. Лили присаживается, чтоб помочь сестре, а Дэйзи толкает парня, крича и пытаюсь его ударить.

Мое сердце застревает в горле. Здравая, разумная часть меня, которую я *всегда* слушал, твердит идти к Роуз и проверить, в порядке ли она. Но багровеющая, озлобленная сторона, с которой знакома Роуз, придерживается своего собственного мнения. Я уже направляюсь к парню, сильнее стискивая ладонь вокруг телефона так, что белеют костяшки. Кто, *черт возьми*, бьет женщину? Я встречал разных негодяев — некоторых по истине долбанутых людей, которые продавали своих детей, чтобы улучшить уровень собственной жизни. Но это дерьмо — нечто новое, чуждое и отвратительное.

Я почти добегаю до парня.

Но как только он говорит:

— О, ты же тот хрен с шоу. Пришел поумерить пыл своей чокнутой подружки? Ей нужно как следует заткнуть ро...

Мой кулак врезается в его живот, прежде чем вышибалы успевают нас растянуть. Мой захват на телефоне был настолько силен, что экран телефона попросту треснул. Эти глупые, бушующие эмоции нарастают, когда я осознаю, что Роуз все еще больно. Она все еще на полу.

В течение секунды я нахожу ее. Лили возвышается над Роуз, заслоняя ее руками и создавая некое личное пространство. Ло находится возле головы моей девушки, прикладывая салфетку со льдом к ее щеке.

— Скажи, что ты ему врезал, — говорит Ло, как только замечает меня.

Я один раз киваю.

— Слава богу.

— Слава *мне*, — говорю я, опускаясь на колени, пока Ло просто смеется. Легко шутить прямо сейчас. Это самая сложная часть. — Роуз? — я проверяю ее отекающую щеку. Нет фингала, но на скуле явно появится синяк. Я едва могу дышать, представляя, как кулак врезается в ее лицо. Ее тело, падающее с табурета. Видение повторяется раз за разом. Меня чертовски тошнит.

— Он *ударил* меня! — рычит она, в ее глазах вспыхивает пламя. Роуз пытается сесть, чтоб пойти и наброситься на парня, но Ло кладет свою руку ей на плечо, вынуждая не подыматься.

— Я заберу ее, — говорю я Ло и притягиваю Роуз в свои объятия. Она хватается за мой бицепс, не пытаясь вырваться. Ло передает ей лед, и Роуз прикладывает его к щеке.

— Насколько все плохо? — спрашивает она. — О, мой бог, свадебные снимки, — она кривится. — Ну, что за мудак! — Роуз снова рычит.

— Есть такая штука, как Photoshop, — говорю я ей, спокойно. Мне ненавистна ее боль, и то, что другой парень стал причиной этой боли. К тому же он не был даже критиком шоу.

— ПУСТИ МЕНЯ К НЕМУ! — кричит Дэйзи.

Мы все поворачиваем головы. Рик перебросил Дэйзи через плечо и направляется к выходу. Я следую за ними с Роуз на руках, Лили и Ло идут за нами.

Дэйзи пытается спуститься с Рика и броситься обратно к татуированному парню, снова засевшему в баре. Ей удастся спуститься так, что голова оказывается возле задницы Рика, но затем он тянет ее обратно на плечо.

— ОН УДАРИЛ МОЮ СЕСТРУ!!!

— Скажи это еще немного громче, Дэйз! — кричит на нее Рик. — А то может не все на этой гребанной планете тебя расслышали!

Она кричит что-то невнятное, а затем четко орет:

— Если бы кто-то ударил Ло, ты бы убил *этого человека*!

— Кто-то уже бил Ло, и я ничего не сделал, — отвечает Рик, — так что, блин, успокойся!

Я вспоминаю ту ночь. Это было, когда братья только встретились друг с другом. Тогда Рик в действительности еще не знал Ло. Я стараюсь сосредоточиться на Роуз, бросающей убийственный взгляд на каждого посетителя клуба, будто они все ее обидели.

— Ты в порядке, — говорю я ей.

— Я должна была ударить его в ответ.

— Ты лежала на полу.

Она сердится.

— Как я выгляжу? — спрашивает Роуз, ее взгляд смягчается, когда она смотрит на меня.

Отек на ее щеке все еще увеличивается.

— Прекрасно, — говорю я и целую ее в лоб прежде, чем она успевает опровергнуть мои слова.

— По крайней мере он не сломал мне нос, — говорит Роуз, пощипывая себя за переносицу двумя своими тонкими пальчиками.

Если бы он сломал ей нос, думаю, мой мозг реально двинулся от вида ее крови.

Как только Рик исчезает за дверями, выходя на улицу, я оглядываюсь через плечо, проверяя следуют ли за нами Лили и Ло. Но замечаю Скотта, он стоит рядом с Бреттом, они смеются и улыбаются друг другу.

И у меня появляется ужасное предчувствие.

ГЛАВА 48

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Я с удовольствием передала Коннору Кобальту заботу о моем наслаждении и списке дел по подготовке к свадьбе. Или я сошла с ума, или же он зачаровал меня. Я мысленно улыбаюсь. Коннору не нравится, когда я обвиняю его в колдовстве.

Мой телефон жужжит, когда я как раз заканчиваю застегивать пряжки своих туфель; я в спальне в Филли, камеры нависают у меня над головой.

4 дня, и я купила тебе новый набор для макияжа — Мама

Я направляюсь к туалетному столику, просто, чтобы еще раз проверить свое лицо. Все не может быть так плохо... ну, это сложно назвать и *хорошо*. Фиолетовый синяк красуется у меня на скуле. Он мог быть и похуже. Мой глаз мог опухнуть и превратиться в подобие сочащейся от возбуждения киски — вот, что сказал мне Коннор, пытаюсь утешить. Это сработало. Сейчас я прямо счастлива, что мой глаз не похож на влажную киску, с которой нужно что-то делать.

А еще я могу сказать, что меня ударили кулаком. Девичник пока что не вышел в эфир, но даже если кто-то и подумает, что данный инцидент вышел по моей вине, меня это не волнует.

Коннор входит в спальню, на нем нет рубашки, лишь пара черных слакс. Его мускулы создают рельефность на животе, простираясь к месту, которое я видела буквально рано утром. Он более сексуален, чем сам то осознает — нет, *нет*, не подумайте, он безусловно знает, как горяч.

В его руках две вешалки с рубашками.

— Сегодня белая или голубая?

— Ты вот сейчас пришел сюда лишь бы показать свое полуголое тело?

Его глаза искрятся озорством, говоря мне, что это *именно* то, что он и сделал.

— Мне нужен твой безупречный совет по вопросу моды, дорогая. Белая или голубая?

Но мне эта ситуация нравится больше, чем Коннор думает. Все это дарит ощущение комфорта и нормальности. То, что мы разделяем одно пространство. То, как делимся всем друг с другом. Однажды я хочу проснуться и быть женщиной, которая выбирает, во что он будет одет сегодня днем; я хочу, чтобы он был мужчиной, который выбирает позицию, в которой возьмет меня сегодня ночью.

— Белая, — говорю я с легкостью в голосе. — Ты мне нравишься в белой.

— Тогда голубая, — отвечает он, как бы невзначай.

Я бросаю на него сердитый взгляд, но его глаза пробегают по моему телу, дразня еще сильнее. Коннору нравится доводить меня до сумасшествия. Он кладет голубую рубашку на стол и снимает белую с плечиков.

— Над чем ты сегодня работаешь? — спрашиваю я, направляясь к двери, моя сумочка свисает с предплечья.

— Над моим предложением для Кобальт Инк., - отвечает он. — Этим утром его одобрили члены совета. В течение следующих нескольких месяцев оно вступит в силу.

До сих пор он не рассказывал мне о том, чем занимается в компании.

Думаю, Коннор просто хочет удивить меня.

Я проскальзываю в коридор в своем темно-пурпурном платье с баской. Но прежде чем

успеваю спуститься вниз, вижу, как Скотт подымается на второй этаж. Его уродливые серые глаза встречаются с моими. Вот правда, все, что когда-то казалось мне в нем *милым* или *горячим*, вдруг превратилось в вонючее гнилое болото.

— Роуз, как дела? — спрашивает он радушно.

— Блестяще, — говорю я. — Как и всегда.

Что? Я никогда не говорила, что страдаю излишней скромностью.

— Конечно. Ты же член Менса (*организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта — прим. пер.*), получила диплом с наивысшими оценками, которых достигли лишь 1 % твоего потока, и ты знаешь различные факты, которые никого особо не волнуют.

Придурок.

Он расплывается в широкой улыбке.

И это ждет моих будущих детей. Прости, Коннор. Мои яичники только что высохли и умерли.

Прежде, чем я могу ответить Скотту что-то еще более гадкое, он добавляет,

— Где твое ожерелье?

Я хмурюсь, и мое сердце подпрыгивает от страха. Неужели я его потеряла? Я быстро касаюсь своей груди и расслабляюсь, как только подушечки пальцев проходятся по гладкой поверхности бриллиантовой подвески. Я даже опускаю взгляд, еще раз убеждаясь, что кулон на месте. Тонкая цепочка все еще висит у меня на шее.

Он просто пытается бессмысленно раздражать меня.

— Иди докучай кому-нибудь еще, — возмущаюсь я, — желательно, в какой-то другой вселенной. Может быть, ты воссоединишься со своими предками.

Я пытаюсь протолкнуться мимо него, но он преграждает мой путь.

— Я говорил о твоем *другом* ожерелье. С более чем одним бриллиантом.

— У меня много ожерелий с бриллиантами, Скотт, — отвечаю я, не осознавая насколько цинично и стервозно веду себя с ним, пока не становится слишком поздно.

— Не так много бриллиантов, как в этом, — говорит он, делая ко мне еще один шаг. — У этого внутренняя подкладка из кожи. — А затем Скотт уходит, опустив руки в карманы, неторопливо вышагивая прочь.

Я стою примороженная к месту, ошеломленная настолько сильно, что не могу заставить ноги двигаться вниз по ступеням.

Скотт говорил о моем ошейнике. *Мой* бриллиантовый ошейник.

Тот, который я одеваю лишь во время секса.

А у меня *никогда* не было секса вне спальни или в любом месте, где есть камеры.

Что-то не так.

Я чувствую, как начинают скручиваться мои внутренности.

Ужас смешивается с паранойей — тошнотворная комбинация, благодаря которой мои ноги сами по себе слабеют. Словно на автопилоте, я пытаюсь отбросить слова Скотта и заняться повседневными делами.

Завтрак. Ванильный йогурт с клубникой и гранолой, а затем я отправлюсь в Нью-Йорк, чтобы представиться перед новыми сотрудниками Кэллоуэй Кутюр.

Мои каблук стучат по деревянному полу, когда я решительно шагаю к входной двери. Две ступеньки, и я останавливаюсь, беспокойные мысли крадутся обратно, несмотря на мое настойчивое стремление отмести их прочь.

Что, черт побери, ты делаешь, Роуз? Если Скотту известно что-нибудь, тебе нужно

противостать ему. Или поговорить с Коннором. Я почти что разворачиваюсь, но вдруг слышу звуки телевизора из гостиной. Еще две ступени, и голоса становятся отчетливее.

— ... главное событие. Еще один скандал с другой представительницей семьи Кэллоуэй, — говорит ведущий новостей. — На *этот* раз у нас имеется законное доказательство.

Дэйзи.

Что-то случилось с Дэйзи.

Я ускоряю шаг, мгновенно сбегая вниз по лестнице. Лорен, Рик, Лили и Дэйзи сидят вместе на диване, они повернуты ко мне спиной. Их взгляды устремлены в висящий над камином телевизор. Я тоже прохожу глубже в комнату, пытаюсь разглядеть то, что показывают на экране.

— Ох, черт, — говорит Рик, первым замечая меня.

Лорен быстро хватается пульт дистанционного управления и выключает телевизор.

Я опускаю руки на бедра и враждебно смотрю на парня своей сестры.

— Мне не пять лет, Лорен, — возмущаюсь я. — Ты можешь включить новости, — *особенно*, если речь идет о Дэйзи.

— Нет, — говорит Ло, нервно сжимая пульт в руках. — Я лучше не буду этого делать.

Рик пробегается руками по своим каштановым волосам — явный признак того, что он тоже волнуется.

Лили и Дэйзи ютятся на диване, прикрывая руками свои губы и перешептываясь. Я хмурюсь и оглядываюсь по сторонам в поисках Бена, Саванны или Бретта, но операторов нигде не видно.

Это... странно.

И почему мои сестры ведут себя как сплетницы прямо передо мной.

Если только...

Я отказываюсь верить в то, что прямо у меня перед носом. Я все еще не хочу это принимать.

Мне удастся подойти к Лорену и не свалиться на своих пятидюймовых каблуках. Они, как ни странно, помогают моему телу стоять вертикально, быть уверенной и чертовски готовой к чему бы то ни было. Я пытаюсь выхватить пульт из рук Ло, но он держит его крепко — словно мы играем в перетягивание каната.

Я хмурюсь.

— Отпусти, Лорен, если не хочешь, чтобы я вывихнула тебе руку.

Он прищуривает глаза.

— Ты еще не устала от всех этих пустых угроз?

Я поворачиваю его руку именно так, как Коннор учил меня во время занятия по самообороне, в ответ Ло морщится. Его захват слабеет, и я быстро отбираю пульт.

Массажирю свое плечо, он говорит:

— Сучка.

— Да, но я сучка с *реальными* угрозами, — я включаю телевизор. Как раз начало очередного новостного блока, и я замираю. Снова.

Будто приклеенная к полу. Слишком задеревеневшая, чтобы двигаться.

— Уверен, сейчас ты чувствуешь себя еще большей сучкой, — комментирует Лорен.

— Заткнись, Ло, — кричит на него Лили. — Роуз...

Я отмахиваюсь от нее и прибавляю громкости. Но заголовок внизу экрана и так

очевиден. Тем не менее, мне нужно перечитать его пять раз, просто чтобы буквы проникли в мое сознание.

Секс-видео Роуз Кэллоуэй и Коннора Кобальта продано на порно сайт за 25 миллионов долларов

Порно сайт.

Секс-видео.

Я не продавала этого *дерьма*. Тот мелкий ублюдок подделал наши подписи для распространения порнографии? Прямо сейчас единственная радость в том, что я представляю Скотта за решеткой, потому что если вообразу другую *вещь* — то, как все увидят трахающего меня Коннора — покалывание распространяется вверх по моим рукам, будто тысячи сороконожек.

В новостях даже не заботятся о том, чтобы объяснить, кто мы такие. Благодаря реалити-шоу и блогам, мы превратились в знаменитостей. Сейчас, я полагаю, мы стали *печально известными*.

Моя голова гудит от шума телевиденья, от голосов моих сестер и друзей.

— Продюсером оказался никто иной, как Скотт ван Райт, бывший парень Роуз.

Я едва улавливаю это предложение. Он все еще мой бывший парень? Пытаюсь сосредоточиться на той глупой лжи, что все еще вещает с экрана ТВ. Когда настоящее дерьмо всплывает на поверхность, Скотту по-прежнему удастся скрываться за своей полумаской. Ненавижу его.

Мне кажется, я застряла в каком-то долбанутом кошмаре.

Лорен пытается отобрать у меня пульт, но я тяну его обратно и прибавляю громкости.

— Я смотрю это, — огрызаюсь я. И поворачиваюсь к телевизору.

На экране проигрывается отрывок из секс-видео. Я лежу на кровати в этом доме, голая. Черные полосы на экране прикрывают мою грудь и влагалище.

Но где-то в онлайн распространяется неотредактированная версия всего этого. И как мне это остановить? Юристы. Множество юристов. Но я не могу себя заставить даже сделать звонок отцу или связаться с семейным юристом. Я загипнотизирована собой. На экране. С Коннором.

Мои руки привязаны к столбикам кровати с помощью ремней Коннора, а бриллиантовый ошейник мерцает в тусклом свете свечи. Я вспоминаю ту ночь. Это было сразу по возвращении из Альп. Мой второй сексуальный опыт, и общественность, все и вся видят это.

Я еще больше увеличиваю громкость.

— Роуз, — жалуется Лорен, его руки взлетают к ушам.

— Роуз, — Лили встает и пытается коснуться моей руки, но я отдергиваю ее.

— Не касайся меня, — *мне нужно это увидеть*. Никто больше не говорит мне уменьшить звук, вероятно, боясь, что я могу убить их за это. Я чувствую себя готовой на убийство. словно могу прикончить стадо детенышей гепарда и глазом не моргнуть.

Голос ведущего новостей доходит до невыносимого для ушей уровня. Но я не уменьшаю громкость. Пока что нет.

— Скотт ван Райт продал секс-видео компании Hot Fire Productions, заключив многомиллионную сделку. У нас пока что нет комментариев на этот счет от Коннора

Кобальта или Роуз Кэллоуэй, но все выглядит так, будто сделка является законной по отношению ко всем четырем сторонам.

Моя челюсть отвисает. *Это чертова ложь. Никаким образом, вашу мать, это чертовщина не может быть законной.*

— В резюме фильма говорится, что это часовая сессия грубого секса, рекомендованная для просмотра лишь зрелой аудиторией.

Ясное дело.

Я увеличиваю громкость до предела.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спрашивает Рик, прикладывая руку к уху, чтобы приглушить шум. Лили — единственная, кто занимает мою сторону. Ее лицо перекошено от боли, и я вспоминаю, что она была на моем месте. В некотором роде. Но ее сексуальная жизнь никогда не распространялась по сети. Никто не *видел* этого онлайн.

Она просто была названа сексуально-зависимой, и все приняли это за чистую монету. Вот как все было. А это — явное, физическое доказательство наличия секса в моей жизни. Я больше не девственница.

— Возможно, ей нравится... ментальный перерыв... — говорит Дэйзи.

Я поворачиваюсь на каблуках, беря пульт в заложники. У меня еще остался кусочек достоинства. Я иду на кухню и открываю нижний ящик, пытаюсь отыскать алкогольную записку Бретта. Поскольку мы придерживаемся правила "никакого алкоголя" в таунхаусе, вся выпивка прячется в недоступных местах. Я становлюсь на колени и просовываю руки за посудомоечную машину, хватая бутылку Джека (*бренд виски — прим. пер.*).

— Серьезно, Роуз! — громко говорит Лили, пытаюсь перекричать вой телевизора. — Ты в порядке?

Я подымаюсь на ноги, беру винный бокал в другом шкафике и возвращаюсь в гостиную. Все наблюдают за тем, как я наливаю виски по самый краешек бокала, практически переливая через край.

— Роуз, не мне читать тебе нотации в такой реально сложный момент твоей жизни, — говорит Лорен, — но виски пьют не так. И, как эксперта по алкоголю, это меня оскорбляет.

Я бросаю на него внимательный злобный взгляд.

— Ты — не эксперт в алкоголе. Ты — алкоголик, — я ставлю бутылку Джека на журнальный столик и делаю огромный глоток. Виски обжигает мое горло, но я практически даже не вздрагиваю. Ощущения немеют от переполняющей меня злости.

— Что делает меня экспертом, — спорит Ло.

Я отмахиваюсь от него. Вот мой ответный ход в данный момент. *Отмахнуться*. Если бы я могла, как по волшебству отмахнуться от секс-видео.

Я делаю еще три глотка из своего винного бокала. Я так раздражена. Мое тело *душит* от ярости. Меня *трясет*, я охренеть как зла. Да, мне стыдно, что весь мир видел мои груди и вагину, те две части моего тела, которые я не показывала даже Коннору в течение целого года совместного проживания.

Да, я немного нервничаю, что весь мир посчитает меня тряпкой, увидев такой слащавой и покорной в постели.

Нет, я *не* стану плакать.

Я не пролью ни единой слезы из-за Скотта ван Райта. Он заслуживает от меня лишь матерных, мерзких слов. А не эмоций, которые я берегу для любимых людей.

— Что происходит? — спрашивает Коннор, его голос исходит со стороны лестницы.

Чудно. Он слышал мои крики. Звуки громкого, омерзительного телевиденья.

И сейчас его взгляд устремлен на экран.

— Взгляни, сладкий, — говорю я, — у нас есть совместное секс-видео.

Все молчат, вероятно, гадая, утратит ли Коннор Кобальт свою невозмутимость, резко сменив его на все это дерьмо. Ему требуется меньше десяти секунд, чтобы отклеить свои ноги от пола — это на целую минуту меньше, чем потребовалось мне. Я ожидаю, что он схватит свой телефон. Чтобы повести себя ответственно, позвонить юристам и в центры антикризисного менеджмента.

Но вместо этого Коннор останавливается прямо передо мною. Его взгляд встречается с моим, словно проверяя мое душевное равновесие. *Я офигенно в порядке*, хочется закричать мне в ответ. Но решаю лучше сделать еще один громадный глоток обжигающего виски.

Необузданное беспокойство искажает его черты лица. Я хочу объяснить, как зла, а *не* расстроена, но слова не приходят на ум. А затем Коннор смотрит на мой бокал. Ему лучше не забирать его у меня, будто я дитя. Если он выльет мой алкоголь в раковину...

Но тут Коннор выхватывает бокал из моей руки.

И прежде чем успеваю возразить, он прижимает кромку к своим губам. Я не издаю ни звука, наблюдая за тем, как он делает огромный глоток, что само по себе довольно нагло, но тем не менее, Коннор, как и я, гасит собственную ярость с помощью виски. Я улыбаюсь. Потому что мы справляемся одинаковым образом. Я говорю не об алкоголе, а о том, как выпрямляются наши плечи, как мы принимает случившееся, подобно гребаным чемпионам.

Коннор возвращает бокал в мои руки и говорит:

— *Ce n'est pas la fin*, — *Это еще не конец.*

Я киваю в знак согласия. Он крадет у меня пульт управления и спасает уши присутствующих, уменьшая громкость ТВ.

Мой телефон гудит в кармане. Но я даже не тружусь взглянуть, кто звонит. Просто сижу на подлокотнике дивана и смотрю телевизор.

— ...*Принцессы Филли* получили свою популярность благодаря девственности Роуз. Многие люди высказываются о правомерности шоу...

Коннор переключает канал.

— ...либо она солгала, либо потеряла девственность во время шоу. Заходите на наш сайт и голосуйте... — он еще раз сменяет станцию вещания.

Я злобно ору на плоский экран:

— Гребаный мир, тебе больше нечем заняться, как поговорить о моей девственности?! — я подхожу к телевизору, сжимая бокал в руке.

— Или отсутствию таковой, — добавляет Лорен.

Я игнорирую этот комментарий и поворачиваюсь к Коннору.

— Моя вагина превзошла по популярности даже национальные новости, — из меня вырывается маниакальный смех. — Как думаешь, что наши друзья из модели ООН сказали бы на *это*?

Коннор осматривает меня, будто ставит диагноз моей истерии.

Я игнорирую и *это*.

Спустя пару секунд, он проскальзывает мне за спину и обнимает за талию. Его губы прижимаются к моему плечу. И я откидываюсь ему на грудь. Это ощущается так знакомо и тепло, даже безопасно, а все это от знания, что кто-то здесь со мной — в моей команде.

Дэйзи закрывает свой ноутбук.

— Похоже, что большинство людей голосуют в опросах в твою пользу. Они считают, что ты не можешь быть лгуньей или лицемеркой. Не тогда, когда в самом начале шоу ты заявила — цитирую — "я всадила бы свой пятидюймовый каблук в глаз всем лживым мудакам и обманщикам."

Это было слишком уж драматично даже для меня. Но интервью довело мое раздражение до небывалых высот, так что я извергала все, приходящие на ум, угрозы. По типу жарки члена Скотта посредством солнечных лучей. Я бы *очень хотела* казнить этого парня, если бы подобное было возможно с точки зрения человечности.

Дзинь, дзинь, дзинь. Маленькие колокольчики снова дребезжат, извещая о прибытии Сэди. Она выглядит такой же одичалой, как чувствую себя я. И в ответ через меня проходит злобный, сумасшедший импульс. Я освобождаюсь от безопасных объятий Коннора.

— Роуз, — говорит он, в его тоне слышатся нотки беспокойства и предупреждения.

Но я не слушаю. Все еще с бокалом в руке я присаживаюсь перед полосатой кошкой. Она — враждебная сучка (как и я). Эта кошка однажды уже поцарапала мне руку. Шипела на меня. И клянусь вам, она описала мои Джимми Чу (*премиальный бренд туфлей — прим. пер.*), хоть, я и не могу этого доказать.

Но в этот момент я чувствую себя неукротимой, ничто не остановит меня от наступления. Ни медиа. Ни Скотт. Ни даже эта чертова кошка. Я протягиваю к ней руку.

— Не делай этого! — орет мне Лили, сидя на диване. — Ты можешь лишиться глаза.

Игнорируя сестру, я проскальзываю ладонью Сэди под живот и поднимаю ее одной рукой, второй по-прежнему сжимая ножку винного бокала. Я встаю и смотрю прямо кошке в глаза, они почти такого же цвета, как и мои. Я направляю всю свою ненависть в этот один смертельно сердитый взгляд.

Сэди шевелится, я и Лили издает громкий вздох.

Но кошка не царапает меня. Нет.

Она начинает меня *лизать*. Ее шершавый маленький язычок проходится по моему подбородку, что больше походит на поведение щенка, а не кошки.

— Что за фигня? — шокировано говорит Рик.

Я поддвигаю кошку поближе к своему телу, и она начинает мурчать у моей груди.

— Мы подружились, — заявляю я очевидное и делаю еще один глоток виски.

— Или она думает, что у тебя выросли яйца, — вставляет Лорен.

— Они и так у меня всегда были, — говорю я обиженно. Я поворачиваюсь к Коннору, его взгляд полон озабоченности и возможно даже страха. От этого мой желудок будто падает. Он видит меня сквозь все те барьеры, что я выстраиваю для собственной защиты.

Я в порядке, — пытаюсь сказать одними лишь глазами. Но не уверена, что мне это удастся.

Телефон Лили громко звонит, лежа у нее на коленях.

— Черт, это папа, — она смотрит то на меня, то на Коннора. — Что вы хотите, чтобы я сделала?

Я не отвечаю ничего. Просто целую Сэди в голову, пока она продолжает тыкаться носом мне в ребра. Изменение ее стиля поведения по отношению ко мне придает немного силы.

Коннор выключает звук на ТВ и берет телефон у Лили, включая громкую связь.

— Грег, это Коннор, — его голос расслаблен даже при том, что тело и взгляд напряжены.

— Хорошо, потому что я пытался дозвониться вам с Роуз. Предполагаю, вы видели новости, — говорит он быстро, его злость скрывается под этой спешкой. — Я связался со своими юристами и с юристами Кобальт Инк. Мы просмотрели все контракты, что вы подписывали. Пока мы так и не пришли к четкой картине происходящего, мне нужно, чтобы ты вывез моих дочерей из того таунхауса. Больше никаких камер.

Перевод: *Принцессы Филли закрыты.*

Ура. Но вряд ли я могу праздновать *отсутствие в моей жизни Скотта*, тогда как это всего лишь результат, за который пришлось поплатиться моим именем и репутацией. И тут меня озаряет, как гром среди ясного неба — Кэллоуэй Кутюр. *Все*, над чем я так усердно работала, снова может пойти прахом. Секс-видео может погубить мою карьеру в сфере моды.

А это меня заботит. *Очень.*

Мой желудок сводит, будто сейчас стошнит. Думаю, меня может стошнить. Я прикладываю руки к животу, а Коннор опускает свою крепкую руку мне на плечо, сжимая его и тем самым убеждая, что он рядом и все наладится.

Я пытаюсь в это поверить.

— Мы упакуем свои вещи и уедем отсюда сегодня, — говорит Коннор моему отцу.

— Сообщите, когда доберетесь до Принстона. Если возле дома будет слишком много прессы, вам всем придется остановиться в нашем доме в Вилланове.

— Конечно, — говорит Коннор. — Вы знаете, где сейчас Скотт?

— Без понятия, но отец Лорена готов разорвать его на части. И если быть честным, я бы с радостью взглянул на это, — мой отец может быть и нежный, как цветочный лепесток, но Джонатан Хейл — еще та зараза. — Роуз рядом?

— Она слышит вас по громкой связи.

— Роуз, — говорит мой отец, его голос становится нежным. — Дорогая, сколько юристов просматривало контракт, прежде чем ты его подписала?

Все смотрят на меня, ожидая ответа. Я уже ощущаю их осуждение. Я глажу Сэди, которая снова мурлычет у меня на груди. Она — моя единственная союзница.

— Его читала только я, — отвечаю.

— Что за... блядство? — говорит Рик, его челюсть отвисает.

Лорен стонет, откидываясь на диване так, словно в него врезалась волна.

— Почему мы вообще тебе доверяли?

Коннор трет свои глаза и качает головой.

Лили похоже в ужасе.

Лицо Дэйзи просто замерло.

— Я посещала несколько классов по праву в *Принстоне*, — отвечаю я. — Я поняла каждую строку того договора.

У меня всегда была Ахилесова пята. Привычки. Чрезмерная гордыня. Я не могла выглядеть слабой перед Скоттом, так что решила все сделать самостоятельно. Мне не нужна была ничья помощь.

И если я неверно трактовала любой из пунктов этого документа, это обойдется мне втридорога. Мне и Коннору.

Мой отец выпускает вздох недовольства.

— Это... все усложнит, Роуз. Я поговорю с тобой, когда юристы закончат изучение деталей контракта.

— Подожди, — говорю я. — Как мама восприняла это?

— На самом деле, ужасно. Она покрывает имя Скотта всеми известными бранными словами. Саманта сказала, что позвонит Коннору сегодня попозже и извинится, — в конце этого заявления в папином голосе слышна улыбка. Коннор тоже улыбается. Мамин драгоценный Скотт показал свое истинное лицо. Я рада, что моя мать возвращается в команду поддержки моего парня.

— Берегите себя. Все вы, — говорит мой отец.

На этом он кладет трубку. Он даже не стал упоминать о секс-видео, не стал отчитывать нас. Папа просто казался разочарованным моей оплошностью с привлечением юристов.

Коннор бросает на меня взгляд, служащий вместо выговора, и отдает телефон Лили.

— Я думал, ты брала с собой на встречу моего юриста, думал, что он прочел договор.

— А я думала, что сказала тебе, что не стану брать его с собою.

Коннор качает головой.

— Вероятно, ты сказала об этом кому-то другому, дорогая, — он снова забирает у меня винный бокал и делает огромный глоток виски.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спрашивает у Коннора Лорен. — Грег устроил мне двухчасовую лекцию о трезвости после нашего скандала, а в результате вашего скандала, он даже не стал упоминать о самой проблеме.

— Вообще-то, — говорит Коннор, — ты лгал Грегу и Саманте о ваших зависимостях. Эта же новость создает не на много больший диссонанс, чем обычное секс-видео... — его голос стихает на последних словах.

Мы все следуем в направлении его взгляда, чтобы увидеть, что же так привлекло внимание Коннора.

Это он.

Стоит возле лестницы, как ни в чем ни бывало.

Скотт ван Райт.

Комнату накрывает волной неловкого молчания. Мое тело вибрирует от гнева, и я осознаю, что слишком сильно сжимаю Сэди, когда в ответ она издает небольшое предупреждающее шипение.

Скотт проходится по всем нам взглядом, а затем его губы растягиваются в самодовольной усмешке.

— Я что-то пропустил?

Прежде чем могу ответить, Коннор встает и *расслабленно* идет к Скотту, лицо моего парня не выражает ни одной эмоции, его намерения невозможно предугадать. Я не могу даже спрогнозировать дальнейшие события, но все мы на грани, никто не движется и не издает даже звука. Я просто слушаю, как дорогие туфли Коннора стучат о твердую древесину пола, пока он не останавливается прямо перед Скоттом.

А затем он вытягивает руку, будто хочет обменяться с продюсером рукопожатиями.

— Мои поздравления, — говорит Коннор. — Ты перехитрил меня. Не многие могут это сделать. И я признаю... что никогда не предвидел подобного.

Его сдержанный голос пугает меня.

Скотт смотрит на его руки, а затем снова на лицо Коннора. Он пожимает плечами, словно думая "*С чем черт ни шутит?*", а потом сжимает ладонь Коннора.

Что это? Примирение...

Но тут Коннор со всей силы ударяет свободной рукой в челюсть Скотта. Тот отлетает к

стене.

— Это от меня, — говорит Коннор, его голос пронизан злостью.

Скотт быстро приходит в себя и нападает в ответ.

Коннор уклоняется от нападения и бьет продюсера ногой, *сильно*, прямо в пенис. Скотт стонет от ужасной боли. *Черт, да!* Кричу я про себя. У меня в голове стреляют пушки с конфетти. Алли-гребаная-луя.

— А это от Роуз.

Скотт опускается на пол, корчась, его глаза слезятся. Он кривится и медленно пытается встать, упираясь для поддержки о стену.

Коннор не отступает, в нем нет ни доли опасения получить ответный удар.

Скотт давится кашлем, выглядя так, словно не жаждет даже *малейшего* повторения случившегося.

— ...Я бы очень хотел увидеть твоё лицо, когда вы осознаете, что подписали.

— Ты видишь его сейчас, — говорит Коннор спокойно, не предоставляя Скотту ещё большего удовольствия. И за это я люблю его. — Я уверен, что у тебя есть все права на весь отснятый материал, что автоматически даёт тебе разрешение продавать секс-видео на порно сайт, без нашего на то согласия или подписей. Передо мной нет контракта, но уверен, что там есть некая обманчивая формулировка насчёт съёмок в спальнях.

— Я *прочла* этот пункт верно. Я знаю это, — говорю я. Там было условие о спальнях... правда ведь?

Скотт немного горбится, все ещё восстанавливаясь после удара по яйцам.

— В контракте говорится, что мы не имеем права *транслировать* видео из спален на *телевидении*. Мы и не делали этого. Но в контракте нет пункта о том, что в спальне запрещена съёмка. Или о том, что любое видео из спальни или ванной не может быть использовано для создания фильма и интернет-контента. Просто не транслировать по ТВ.

Омойбог. Я делала минет Коннору в ванной.

Скотт неистово смеется, видя как искажается от ужаса мое лицо. У него есть... столько видео с нами. Я вспоминаю каждый раз, как мы занимались сексом. Он снял все это. Несколько часов нашего секса.

Лили и Лорен...

Скотт должно быть читает мой взгляд, направленный на сестру.

— Лили почти всегда находилась в комнате, — говорит Скотт, — так что мы не смогли установить там камеры.

Верно. Им пришлось переустанавливать камеры, потому что я заставила Коннора и Лорена убрать их из спален и ванной, когда мы только въехали.

Я смотрю на Рика.

— Я не трахался в этом доме, — говорит он.

Смотрю на Дэйзи. И её лицо бледнеет.

Коннор облегчает её беспокойства.

— Незаконно снимать несовершеннолетних в порнографических ситуациях, — он смотрит на Скотта.

Мы поймали его.

Скотт отправиться в тюрьму.

— А мы и не снимали, — говорит Скотт. — Вся та запись была уничтожена.

Да, чтоб ты сдох! Я опускаю Сэди на пол, собираясь хорошенечко всадить свой каблук

Скотту в зад. Но Рик встает рядом и удерживает меня, опуская две свои руки мне на плечи. Мне требуется мгновение, чтобы осознать, что Коннор смотрит на Рика, отдавая ему команду удерживать меня, посредством зрительного контакта.

— Ты отвратителен! — кричу я Скотту громким пронзительным голосом.

Скотт остается спокоен. Здесь волнуюсь только я. Как такое возможно? Он сбросил бомбу на *мою* жизнь. Я хочу, чтобы все были столь же *злыми*, как и я.

Но осознаю, что когда я злюсь, практически не остается места для аналогичной реакции еще кого-то. Я словно ураган. Тайфун, *разрушающий* все на своем пути.

Ага, драматично.

Но это просто то, что я, черт побери, чувствую.

Убирайтесь с моего пути. Или я отправлю вас на дно.

— Текстовые сообщения от Джулиана? — спрашивает Коннор Скотта.

— Подделка. Бретт взял телефон Джулиана посреди ночи и написал Рiku.

Этот толстый мудачила. Я знала, что он не на нашей стороне.

— Лили и Ло в уборной и аудио с хлюпающими звуками?

— Отредактировано. Мы загрузили его на камеру, которую вы должны были найти.

Вот же ж сукин сын...

— Алкоголь в шкафу Ло?

— Подброшен. Саванна и Бен оставили бутылки там, пока Лили спала. Предполагалось, что они и камеру установят, но им не хватило времени.

...Саванна и Бен. Ненавижу их всех. Где же лояльность?

Рик убирает от меня руки и направляется к Скотту.

Лорен не делает ничего. Он просто что-то нашептывает Лили на ухо, и она кивает в ответ.

— Ты попадешь за это в сущий ад! — говорит Рик, в его глазах мерцает тьма.

Коннор отталкивает его назад, как только Рик приближается достаточно близко. А затем мой парень поворачивается к Скотту.

— Я позволю Рiku добраться до тебя, если ты сейчас же не покинешь этот дом. И поверь, его кулаки принесут тебе пиздец насколько больше боли, чем мои. Так что забирай то, что твое и *сваливай*.

Скотт выпрямляется, пытаясь сохранить оставшееся достоинство. Но он получил миллионы долларов за *многочисленные* секс-видео с нашим участием. Он может продавать их больше, чем один раз.

Ему хватит на всю жизнь.

Он выиграл.

Мы проиграли. Как так получилось, что мы проиграли?

Ох, да, *высокомерие*.

Я — греческая трагедия. Или Шекспировская комедия — которая закончится свадьбой после всего этого.

Когда двери за ним закрываются, атмосфера в комнате напряжена, и лишь ошейник Сэди нарушает тишину своим дзиньканьем, пока кошка трется о ногу Коннора.

— Итак... — Лорен переводит взгляд от Коннора ко мне и обратно, — ...получится целая коллекция с вашим видео на продажу?

— Скорее всего, — говорит Коннор. И каждый десятицентовик пойдет Скотту и порно сайтам. Да, чтоб меня.

Коннор подходит ко мне и целует в висок. Мы ничего не можем поделать. Так или иначе, нам придется иметь с этим дело. И пока Коннор рядом, думаю, я смогу.

Я хлопаю руками, просто чтобы развеять царящее напряжение.

— Все, идем паковать вещи. Мы уезжаем, вы слышали папу.

Я представляю свой дом с воротами, огромной кухней и самое главное — отдельными ванными. *Дорогой Господь*, у меня уже слюнки текут, так хочу приятный горячий душ наедине, без угрозы быть снятой.

Я смотрю на Коннора, убирающего мои волосы с плеч. Возможно, он тоже ко мне присоединится.

Дэйзи переминается с ноги на ногу.

— Думаю, я вернусь к маме.

Мой желудок снова падает. Ей семнадцать. Я не могу ничего поделать, как бы сильно того не хотела. Но тут мой взгляд натывается на Рика, еще одного человека, который останется в Филли. Это странно. Мы были все вместе в одном доме так долго, что от этой разрозненности нашего распорядка и жизней становится странно. словно кусочки головоломки выпадают из своих мест.

Мы стали чем-то вроде семьи.

Неблагополучная, ебнутая семейка. Трудно отпустить это все.

Но порядок вещей опять меняется. Реалити-шоу помогло Кэллоуэй Кутюр, но в один момент это секс-видео смогло разрушить все, что я принесла в жертву.

Рано или поздно мне придется столкнуться с мнением общественности, и для этого потребуется больше смелости чем для того, чтобы размахивать бокалом с виски перед экраном телевизора.

Меня могут осудить и возненавидеть, как было с Лили.

Я уже слышу критику. Но я не падаю духом. Я так зла.

Вы еще ответите, ублюдки. Только попытайтесь навредить мне. Потому что я вам не позволю.

Вы выиграли право увидеть мое тело, но не заберете у меня гордость.

Ее так много, что все равно не удастся уничтожить всю.

ГЛАВА 49

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Таунхаус пуст, за исключением моего стола из тяжелого кедрового дерева в гостиной. Я ставлю свой маленький рюкзачок на столешницу кухни, когда Коннор спускается вниз.

— Проверил все комнаты, — говорит он мне. — Вроде ничего не забыли.

— За исключением моего достоинства.

В его взгляде мерцает волнение, это тот же взгляд он бросал в мою сторону, пока мы паковали вещи. Я пресекала все беседы, касающиеся Скотта или секс-видео. Но сейчас я немного подпиталась так называемым жидким мужеством, уже два часа, как мне приходится преодолевать собственный шок и осмысливать случившееся.

— Прости меня, — говорю я с ходу. Коннор подходит ближе и касается моей щеки. Но я отступаю, и его рука падает вниз.

— Роуз...

— Просто позволь мне высказаться, — я делаю глубокий вдох. — По моей вине у нас есть это секс-видео... а вскоре и секс *коллекция*, — я кривлюсь, но не отвожу взгляд от его глаз. Я не съеживаюсь. — Это полностью моя вина. *Моя*. И мне очень, очень жаль. Твой пенис сейчас по всему интернету, и в этом виновата я.

Он улыбается, слыша последнее предложение. Я прищуриваю глаза, когда Коннор снова подходит ко мне и кладет руки на мои щеки.

— Роуз, тебе не нужно передо мной извиняться, — говорит он искренне. — Это было ошибкой.

Я снова отступаю.

— Я знаю, — говорит он. — Ты и я, у нас было не так уж и много ошибок, — Коннор убирает свои волосы от глаз. — Но они случаются.

Я выдыхаю и киваю. Я так сильно сдерживаюсь — выглядя, словно деревянная доска, словно кто-то вогнал метелку мне в зад, будто объявили боевую готовность и нужно ждать следующей атаки. И как я не стараюсь это отпустить, мне довольно сложно. Мое оголенное тело по всему интернету, и мой мир перевернулся в одну миллисекунду, в один момент.

Что сделано, то сделано.

— Я могу попробовать кое-что? — спрашивает у меня Коннор.

Я сильно хмурюсь, не понимая. Но он сцепляет мои запястья и притягивает к себе. А затем его огромная рука опускается мне на затылок, направляя меня к груди Коннора так, что мой лоб безопасно прижимается к изгибу его плеча.

Здесь таятся тьма.

То, с чем я не хотела встречаться.

Неестественно глубокие эмоции пронзают меня, и словно мощный всплеск пузырьков вырываются на поверхности, и я не могу остановить их. Защитные слои, под которыми кроется боль, быстро рушатся. Сначала приходят слезы. Тихие. Затем всхлипы. Они громче. А затем мое тело начинает трясти. Мне так хреново, особенно от того, что расплачиваться приходится не мне одной. Я *ненавижу* то, что втянула еще кого-то в расплату за свою ошибку.

Из-за этого Коннор может потерять свою работу. Кобальт Инк. может не принять того, что их будущий генеральный директор — порно звезда. Потеря Кэллоуэй Кутюр ранит меня,

но знание того, что я сломала чью-то мечту — это непростительно.

Я не могу остановить свой плач. Ненавижу слезы. Ненавижу то, что они означают, но в объятиях Коннора я чувствую безопасность и не боюсь показать эту часть себя.

Он крепче прижимает меня, а я цепляюсь за ткань его рубашки.

— Выпусти это, — воркует Коннор, поглаживая мой затылок.

Моя личная жизнь была обнажена, и я *никогда* не получу ее обратно. Я чувствую эту невероятную боль, пытающуюся сломать меня, но Коннору каким-то образом удастся смягчить мои ощущения. То, как он меня обнимает, с уверенностью, решимостью и спокойствием, помогает поверить в то, что я могу преодолеть любые трудности. Думаю, что всю мою жизнь он помогал мне найти в себе силы, чтобы двигаться вперед, никогда не оглядываясь.

Даже и не знаю, как долго он держит меня в своих руках, а я плачу, но когда ощущаю опустошенность, когда слезы заканчиваются, и я нахожу силы заблокировать чувство вины, тогда я отдвигаюсь от его теплой груди.

Коннор вытирает слезы с моего лица.

— Ты можешь вытереть мне тушь? — спрашиваю я шепотом.

— Подними взгляд, — говорит он мне. Я смотрю в потолок, пока его большой палец вытирает черные пятна у меня под глазами. Когда он заканчивает, то снова прикладывает свои руки к моим щекам. — Роуз, — выдыхает он. — Я бы предпочел твой плач у меня в объятиях в течение десяти минут, чем маниакальность в течение двух часов. Помни, я всегда рядом, когда ты нуждаешься во мне.

— Буквально, плечо для слез, — говорю я, немного улыбаясь.

— Буквально, да, — он разделяет мою улыбку.

А затем целует в губы и говорит:

— Мы пройдем через это. Нет таких проблем, которые мы не сможем преодолеть вместе.

Он прав. Моя грудь вздымается с новой силой, прямо в тот момент, как входная дверь приоткрывается. Мы поворачиваемся и смотрим на входящих Лорена и Рика.

— Итак, грузчики только что уехали, — говорит нам Лорен. — Они сказали, что не смогут вместить твой кедровый столик в грузовик, так что нам придется перевозить его на Escalade, — ребята останавливаются у моего журнального столика, будто смогут его поднять, но простояв рядом с ним пару секунд, они смотрят на меня *со знанием дела*. Это странный уровень отношений, к которым я не привыкла.

Они видели, как я занимаюсь сексом.

Они скорее всего представили меня голой или частично обнаженной.

Не представляю, смотрели ли они неотредактированную запись этого инцидента нарочно или не видели его вовсе, но у них теперь есть данная опция. Вместо того, чтоб страдать от смущения, угрожающего выразиться румянцем у меня на коже, я упираю руки в бедра и говорю:

— Ну и чего вы ждете? Несите стол в машину, — я *почти* кричу и тыкаю на них пальцами. Но не сдерживаю этот порыв.

Лорен наклоняет голову, и его рот изгибается в озорной усмешке.

— Так тебе нравится быть связанной?

Мои ноздри расширяются. Смущение все же настигает меня. Но не гнев. Я готова броситься (со всем своим равновесием и знаниями по самообороне) и треснуть его своей

сумочкой, но Коннор обнимает меня за талию.

— Что? — насмехается Ло. — Я просто излагаю правду.

Рик бросает взгляд на своего брата.

— Не заставляй ее стыдиться.

Ло невинно касается своей груди.

— Я просто считаю забавным то, что девушка, которая изобретает новые способы по озвучиванию членов каждый божий день, любит, чтобы ее жестко трахали.

Коннор отвечает раньше меня.

— Ей нравится то, что нравится. Давай на этом остановимся, Ло, — он говорит это расслабленно, но мы все ощущаем в его словах предупреждение.

— Ладно, — отвечает Ло, но с трудом сдерживает улыбку и смех. Рик качает головой, но тоже готов засмеяться.

— Я ненавижу вас обоих, — говорю я им.

Рик смотрит на меня немного виновато.

— Мы смеемся не над тобой. Честно, просто... — его взгляд порхает от меня до Коннора. И Рик снова улыбается. — Вы живете, воспринимая людей по одному. А потом в один чертов момент оказывается, что все, что вы считали обычным делом, стало чем-то еще, чем-то... другим, — он пожимает плечами. — Это все. Я просто теперь вижу вас, ребята, под другим углом. Это и не плохо и не хорошо. Просто, блин, иначе.

Мне требуется момент, чтобы переварить это все. Я могу смириться с тем, что меня воспринимают теперь иначе. Коннор пытается не улыбнуться. Я практически слышу его мысли: *Нормальность скучна, дорогая. О н любит* каждое слово, которое только что сорвалось с уст Рика. А это редкость.

Лорен кивает Коннору.

— Ты собираешься нам помочь поднять эту штуку?

Бровь Коннора изгибается.

— Он реально такой тяжелый?

— Это *твердая* древесина, — говорит Лорен, собираясь пнуть ногой стол для пущей демонстрации своих слов.

Я хмурюсь и подымаю палец.

— Не *шаркай ногами* о мой стол.

Его нога застывает на полпути. Он опускает ее на пол, пока Коннор подходит и становится между братьями.

Прежде чем они поднимают стол, Коннор на секунду смотрит в сторону, и я замечаю растерянность в его взгляде.

— Мне нужно кое-что у вас спросить, — говорит он, прочищая горло. Он смотрит поочередно на ребят. — Кто-то из вас трахался в ванной?

— Никоим образом, — отвечает первым Рик.

О. Черт. Мы не можем быть единственными, верно?

Лорен говорит:

— Лили слишком боялась принимать душ голой в течение всех этих шести месяцев. Ты правда думаешь, что мы бы стали там трахаться?

Итак, у них нет видео с голой Лили. Вероятно, она не снимала свой купальник. Слава богу. Я принимаю это как чудо.

— А вы двое делали что-то? — спрашивает нас Лорен.

Мы молчим, вспоминая тот случай с минетом. Я выгляжу более подозрительно, чем Коннор.

Лорен встречается со мной взглядом, и я моргаю. В ответ он заливается смехом.

— О, это видео принесет кучу денег.

— Как и то, где моя нога врежется в твои яйца, — отвечаю я.

— Почему бы тебе просто не ударить Коннора? — шутит Лорен. — И тогда он сможет тебя за это отшлепать.

— Или я могу отшлепать тебя, — говорит Коннор.

Лорен смеется.

— До или после того, как ты меня свяжешь?

— После.

Лорен усмехается, и я обрываю его в тот момент, когда рот парня снова открывается:

— Вы оба так очаровательны. Мы уже поняли это, — прежде чем он успевает прокомментировать мои слова, я добавляю. — Как дела у Лили и Дэйзи? — я еще ни с кем из них не говорила о видео. Я избегала этого, а они предоставили мне личное пространство, пока мы все упаковывали вещи.

Сначала Лорен и Рик ничего не говорят, и мои глаза, должно быть, расширяются до размера блюдца, потому что Коннор возвращается ко мне и притягивает мое тело к своей груди.

— Ты говори, — шепчет Рик брату.

Лорен качает головой, а потом закатывает глаза. После чего переводит взгляд на меня.

— Лил беспокоится о тебе. Она в порядке, но... я имею в виду... — его передергивает. — Мы с ней теперь в каком-то роде освободились от бремени, — он выглядит виноватым за то, что говорит такое. — Если честно, мы просто рады, что это случилось не с нами.

— Я тоже, — говорю я.

Он выдыхает и проводит рукой по волосам.

— Мне жаль. Правда, Роуз. Если бы это была Лили... — его лицо искажается и выглядит так, словно физическое бремя давит ему на плечи, опуская их.

— Она в порядке, — говорю я, кивая. Если не она, то я, верно? Я могу с этим справиться. Если продолжу себе это говорить, то может быть оно и станет реальностью. Или я просто буду верить в это до тех пор, пока оно не сбудется. — А Дэйзи? — спрашиваю я.

Рик засовывает руки в карманы джинс.

— Она вела себя тихо. Думаю, у нее все еще шок.

— Она будет в порядке, — говорю я снова, еще раз кивая.

— Ага, — говорит Рик, его мускулы напряжены, — она будет в порядке, — это похоже на то, как если бы он перенял мою тактику. Повтори и поверь.

Коннор целует меня в щеку и снова отходит, чтобы помочь со столом.

Я глубоко вдыхаю, наблюдая за тем, как ребята поднимают антиквариат в воздух. Последний кусочек мебели в этом таунхаусе. Последний момент перед тем, как мы освободимся от реалити-шоу.

Но я осознаю, что никогда не буду уже свободна от Скотта ван Райта.

Он оставил след на моей коже.

И распространил по всему миру.

ГЛАВА 50

КОННОР КОБАЛЬТ

— Мне жаль, — извиняюсь я перед своей матерью почти сразу же, как вхожу в ее кабинет, одна стена которого представляет собой стеклянную стену с видом на центр Филадельфии. Ее кабинет минималистичен. Пара черных книжных полок и чистый стол. Никаких фото ее семьи. Все личное и частное хранится вне поля зрения.

— Закрой дверь, — говорит она сухо.

Я закрываю ее за собой. Все жалюзи на окнах, отделяющих кабинет от коридора, уже задернуты. Мы наедине.

Я занимаю место напротив ее стола. Жду, пока скажет что-то о секс-видео, но мама просто смотрит в монитор своего компьютера и кликает мышкой где-то в течение минуты. Оставляя меня на растерзание собственным гребаным мыслям.

Я всегда защищал свою репутацию. Она значила для меня практически все. Но больше я об этом даже не забочусь. Я получил, что хотел: работу в Кобальт Инк. и свою девушку. Кроме благополучия Роуз, меня интересует лишь одно — я нанес ущерб *этой* компании.

Скотт может забрать свою наличку.

У меня есть девушка. Теперь я просто должен защитить свою позицию здесь.

Я жду, что мама скажет: "Ты уволен." Лишит меня моей позиции исполнительного директора. Отдаст все, над чем я работал Стиву Балму. Я мог бы потерять все ценное для меня, то, над чем я трудился *годами* может исчезнуть за пять минут или того меньше.

— Я готов сделать все правильно, — говорю я. — Что бы ты не пожелала, я сделаю.

Это благородное заявление, и я не уверен, что готов понести данную плату. Но, черт возьми, я заявляю подобное и жду ее ответа.

Наконец-то мама поворачивается в кресле лицом ко мне. Она по-прежнему молчит. Просто смотрит на меня, проверяет, возможно. Ее лицо практически не читаемо.

— Ты смотрела видео? — спрашиваю я, внутренне содрогаясь от одной идеи того, что моя мать может просмотреть, как я трахаю свою девушку.

— Нет, — говорит она категорично. — Я читала о твоей ситуации с Роуз в интернете. Ты нанял адвокатов, я надеюсь?

— Да.

Она громко выдыхает и несколько раз кивает, прежде чем откинуться на кресле.

— Коннор, — начинает она. — Я не думала, что когда-то скажу подобное, но... я действительно тобой горжусь.

Подождите. Я повторяю про себя ее слова снова и снова.

— Мы говорим об одной и той же ситуации..?

Она улыбается. Она *искреннее* улыбается.

— У тебя есть секс-видео. И я не горжусь тобой за это, хотя, мне действительно хотелось бы поговорить с Роуз на свадьбе. Объясниться. Я была в плохом расположении духа, когда мы встречались в ресторане и потому немного на нее набросилась. Я неверно истрактовала ваши с ней отношения как недалёковидные и надуманные. В действительности же, они представляют собой то, что я когда-то хотела иметь с твоим отцом.

— Мой отец, — она никогда не говорит о Джиме. Я никогда не говорю о Джиме. Он для нас не больше, чем имя в свидетельстве о рождении.

— Мы были редко близки, — зачем она мне об этом рассказывает? — А когда у нас все же случались интимные моменты, то они были с целью зачатия ребенка. А потом я не смогла больше этого выносить, после близнецов... — она прочищает горло, и морщинки боли покрывают ее лоб. Мама позволяет мне видеть свою боль.

И от данной ситуации у меня под рубашкой выступает пот. Все мое тело пылает от ее незнакомой искренности. Я чувствую себя словно в огне. В данный момент это мое *единственное* ощущение. Я не понимаю собственной реакции. Не могу ничего понять. Я просто слушаю и пытаюсь позволить своему разуму возобновить связь с телом.

— Слушая о вас с Роуз... Я думаю, что вы планируете быть вместе в достаточно длительной перспективе.

Моя мать только что одобрила мои отношения, *после* того как в онлайн вышло секс-видео. В какой добланный мир я попал?

— Как я уже говорила, — продолжает она, — я горжусь тобой, — она выпрямляется и опускает руки перед собой на стол, нервно двигая документы. Мама показывает мне и эту эмоцию. А затем ее темно-синие глаза встречаются с моими. — Ты невероятно умен и совершишь в своей жизни *великие* вещи, Ричард... Коннор... Кобальт, — она улыбается, произнося мое полное имя, будто вспоминая момент, когда выбрала его для меня. — Я даже не сомневаюсь в этом, — ее глаза напрягаются от боли, чем дольше она смотрит в моем направлении. Я не знаю, сколько времени мы так сидим. Может быть минуту, прежде чем она говорит. — И мне очень *жаль* за то, что я не смогла тебе дать.

— О чем ты говоришь? — я качаю головой. Она словно опустила груз мне на плечи, и я не могу освободиться от него.

— Я вынудила тебя чувствовать себя так, будто тебе не был нужен отец — так, словно он был столь неважным элементом твоей жизни, что без него ты мог с легкостью жить дальше, — она делает глоток воды со стоящего на столе стакана. — Для этого потребовалось несколько сеансов терапии, и ты смирился, но мне следовало... — она делает паузу. — Тебе не нужен был Джим. И я тебе тоже была не нужна. Я наделила тебя необходимыми инструментами для достижения собственного успеха, но тем ни менее я никогда не давала тебе то единственное, что заслуживает каждый ребенок, — она вытирает слезу до того, как та успевает пролиться. — Я никогда не демонстрировала тебе любовь. И я *очень сильно* извиняюсь за это. Надеюсь... Я надеюсь, что Роуз сможет сделать то, что мне не удалось за столько лет.

Я открываю рот, но она перебивает меня, подымая руку.

— Позволь мне закончить. Есть кое-что еще, что мне нужно тебе сказать, — она берет бумажную салфетку, сморкается и обходит свой стол.

Мама садится на соседнее со мной кресло.

И по ее серьезному, полному муки выражению лица, я знаю, что никак не смогу подготовиться к следующим ее словам. Я даже не могу предвидеть, что она скажет.

Так что мои руки вцепляются в подлокотник, зубы стискиваются, и все тело напрягается.

Я не хочу свалиться на пол.

Со мной никогда такого не бывало.

Я чувствую себя ошарашенным.

Всю свою жизнь я был уверен, что знаю каждый возможный исход, каждую вероятность и *что если*, так, чтобы я никогда не переживал этого чувства. А сегодня, я проснулся и вот.

Я пришел туда, куда никогда не собирался направляться.

Я оставил Кобальт Инк. с этим невменяем чувством, мучающим меня изнутри. Я думал позвонить Фредерику, но существует лишь один человек, которого я хочу сейчас видеть. И это не мой врач.

Лофт Кэллоуэй Кутюр полон людей и коробок, все суетятся и спешат. Разительная перемена по сравнению с ситуацией месяц назад. Ее компания все еще в состоянии преобразовываться. В ближайшие несколько недель Роуз даже знать не хотела, почему секс-видео так повлияло на ее бизнес.

Я нахожу ее в кабинете со стеклянными дверьми в конце офиса. Роуз подсознательно трогает синяк на своей щеке и смотрит в монитор компьютера, проверяя, не видно ли его из-под слоя косметики. Я быстро вхожу и закрываю двери.

При виде меня в одно мгновение она поднимается на ноги.

— Что случилось? — ее пальцы касаются уголков моих глаз, словно ей нужно ощутить мои слезы, чтобы поверить в их реальность. Я не виню ее. Я никогда не страдал подобными вещами.

Не помню, когда в последний раз плакал. Но вероятно, это было чем-то тривиальным. В некоторой степени. Может, достижение, не давшееся мне в полной мере. Или что-то важное для меня. Я никогда не плакал из-за человека, до сегодня.

— Подожди, — выдавливая она из себя, беспокойство наполняет ее голос. Роуз быстро движется, закрывая кремовые шторы так, чтобы другие сотрудники не увидели происходящее в ее кабинете.

Я сажусь на ее белый диван, глядя на еще один захватывающий дух вид за окном. На этот раз на Нью-Йорк. В то время как Роуз опускается на подушку, поворачиваясь ко мне.

Она потирает мою ногу.

— Коннор...

Я беру ее за руку, медленно сплетая наши пальцы вместе. Пытаюсь заговорить, выпустить это наружу, но качаю головой, ощущая, что вновь начинаю плакать. Почему же это так трудно? Почему настоящие эмоции должны быть столь разрушительными? Почему они так калечат меня?

— Все в порядке. Ты не должен ничего говорить.

Но я должен. Я должен, черт возьми, сказать это.

— Я ненавижу ее... — начинаю я. Первая вещь, выходящая из моего рта, наглая и инфантильная. Я не могу взять слова обратно. Мне просто нужно продолжить. — Ненавижу то, что она продолжает ослеплять меня. Не зависимо от того, *как* широко я открываю глаза, существует туман, который под силу разогнать только ей. А она заставила меня поверить, что я шел по чертовому безоблачному небу, — я снова вытираю глаза, и повышаю голос до крика, так, что в горле начинает першить. — Я так...

— Ты не посмеешь сказать *глуп*, — вставляет Роуз. — Ты *не* глуп, Ричард.

— Я чувствую себя идиотом, — говорю я ей. — Меня обманывала собственная мать в течение двух гребаных лет, Роуз. Два года она не могла найти в себе мужества, чтобы сообщить своему *единственному* сыну, что у нее нашли рак груди? Что она *умирает*? — мое горло отекает, когда правда проходит через мое сознание. — Она заставила меня поверить,

что я постепенно буду перенимать у нее Кобальт Инк. в течение пяти лет или, может быть, десяти. И все это время она знала, что мне придется сделать это через два месяца.

Челюсть Роуз отвисает.

— Два... месяца?

— Два месяца. Вот, сколько ей осталось, — я раскидываю в стороны руки. — А она даже не сочла это столь важным, чтобы рассказать мне.

До сегодня. Она испугалась. Я видел страх в ее глазах, там, в ее кабинете. Именно поэтому она сожалела о прошлом и вспоминала обо всем этом. И тем не менее, я не в силах испытывать к ней жалость. Не могу ее простить.

Я лишь ненавижу, что для того, дабы узреть свои ошибки, ей потребовалось столкнуться со *смертью*.

А еще ненавижу, что это же заставило меня увидеть собственные ошибки.

Я расплетаю наши с Роуз руки и сжимаю одну ее руку между своими ладонями, просто глядя на них в течение какого-то времени. Я называл Роуз упрямой, но последние полтора года был еще хуже.

Мой взгляд встречается с ее сердитыми желто-зелеными глазами. Даже видя мою боль, она полна этой стойкости, такой красивой, что не описать словами. Это словно огонь в воде. И я хочу, чтобы ее пламя поглотило меня.

— Ты единственный человек, который когда-либо меня любил, — признаюсь я, моя грудь сжимается. — Не мать. Не отец. Не друзья. Только ты, Роуз, — за все эти годы я никогда не думал, что буду так сильно в ком-то нуждаться, чтобы выжить. Моя мать думала так же.

Я ошибался.

— Я не хочу, чтобы мне снова было шесть лет, и я маялся желанием быть открытым с людьми, о которых забочусь. Не хочу оглядываться назад и сожалеть, что не был лучшим другом или лучшим мужчиной для женщины, которую обожаю.

Она уже плачет. А я даже еще не сказал этого.

Слезы катятся по ее щекам, соперничая с моими собственными.

— И я не могу тебе сказать, как долго борюсь с правдой, но это длится уже какое-то время, — говорю я.

Следующие слова вырываются из самой глубины моей груди. Каждое слово подобно выныриванию из воды и глотанию ценного кислорода — парадокс в том, что я столь сильно наслаждаюсь этим.

— Я так *неистово* люблю тебя, Роуз, — я вытираю ее щеки большим пальцем.

Роуз пытается улыбнуться, но каждый раз как ее губы приподымаются в улыбке, слезы начинают еще быстрее вытекать из ее глаз. Но я могу сказать, что это слезы радости, потому что ее глаза светятся. А затем она говорит:

— *Са vous a pris pas mal de temps, — Тебе потребовалось на раздумья довольно много времени.*

Когда-то я говорил ей это же.

— Сколько у нас еще есть времени?

Она наконец-то улыбается, сквозь слезы.

— Вечность.

Я привлекаю ее к своей груди и страстно целую, не отпуская ни на миг.

Как раз в это мгновение я осознаю, что любовь была единственной вещью, которой мне

недоставало в жизни.

И это единственная важная для меня вещь.

Я могу с этим смириться.

Даже если это кажется глупым.

ГЛАВА 51

РОУЗ КЭЛЛОУЭЙ

Мы в лимузине, Коннор снова завязывает бретельку на моем платье подружки невесты, пока я читаю ему статью из своего телефона. Заканчивая, я спрашиваю:

— Ну?

— Тебе не следует сосредотачиваться на колонке сплетен.

— Это не светский сайт сплетен. Это *новостная* статья, Ричард, — возражаю я. — Ты разве не слышал, что они пишут? — я уж было собираюсь перечитать ему ту часть статьи, где автор осуждает Коннора за то, что тот не настоящий доминант в отношениях типа доминант/субмиссив. Я даже не знаю, существуют ли стандарты, которые должны быть исполнены.

— Нет никаких правил, — говорит он спокойно. — Мы делаем то, что работает на нас, и если никому на просторах интернета это не нравится, тогда они свободно могут просмотреть другое порно, в главных ролях которого сняты не *мы*, — он усмехается. — Хотя, эти ролики не будут так же хороши...

Я разворачиваюсь и шлепаю его по груди.

— Я серьезно.

— Так и я, — говорит он, опуская на меня напряженный взгляд, словно ему нравится поглощать всю меня.

Любовь.

Я улыбаюсь. Да, он любит меня.

Это никогда не устареет.

— Тебе нужно прекратить читать все эти статьи, разбирающие на запчасти наше секс-видео, — говорит он низким, хриплым голосом. — Это лишь исказит твое собственное виденье.

— Может быть, мне нравится, когда мое виденье немного искажают.

— Я могу найти для этого способ получше, — уголки его губ приподымаются, и Коннор наклоняется ближе, чтобы поцеловать меня, но тут лимузин наезжает на уличный булыжник, привлекая мое внимание к тому, что за окном.

— Мы почти на месте, — говорю я и эмоции шквалом наваливаются на меня.

Наш лимузин окружает толпа, собравшихся у ворот, обезумевших СМИ, и приоткрытое окно, я слышу жужжание вертолетов в воздухе. Я игнорирую их и сосредотачиваюсь на роскошном здании, виднеющемся впереди, оно является образцом потрясающей архитектуры и имеет огромный размер. Это на самом деле свадьба, достойная королевы.

Надеюсь, Лили будет скорее взволнована, чем встревожена сегодня днем. Я чувствую себя, словно переживаю за нас обоих. Не уверена, чего нам всем ожидать. Коннор взял на себя все свадебные вопросы, а это значит, что каждая деталь будет для меня сюрпризом. Он уже признался в том, что сменил место проведения мероприятия, теперь это не церковь в Париже.

Сейчас мы находимся за городом, но не очень далеко.

— Я себе даже не представляю, как тебе удалось забронировать Дворец Фонтенбло, — говорю я ошеломлено.

Коннор обнимает меня за плечи и наклоняется к уху.

— У меня есть собственные способы.

Коннор и его способы.

— Ты имеешь в виду собственные связи, — уточняю я.

— И это тоже, — улыбается он.

Я снова проверяю время на своем телефоне, и прямо в этот момент Коннор забирает его у меня из рук. Игнорируя его тактику по успокоению моих нервов, я приподымаю свое яркорозовое платье подружки невесты, чтоб пересестись на сидение поближе к водителю.

— Извините, — говорю я коротко. — Не могли бы вы ехать немного быстрее? Мы опаздываем.

— Мы выехали на 30 раньше, — напоминает мне Коннор, его улыбка становится еще шире.

— А я хотела быть на месте на час раньше. Но кто-то потратил 15 минут лишь на то, чтобы выбрать запонки. Не думаю, что Лорена реально волнует, во что ты будешь одет... — я смотрю на его запястья. — Они из настоящего золота?

Его улыбка переходит и на глаза, от чего я не выдерживаю и закатываю свои. А потом я бросаю взгляд за окно, и мой желудок скручивает. Что за... *чертовщина!*

Я снова хватаю свое платье, собирая розовую ткань в руке, чтоб ненароком не порвать. Я пододвигаюсь к окну и практически высовываю голову, словно собака. Это не самая неподобающая леди вещь, совершенная мною за всю жизнь. Но она близка к ней. Коннор опускает руки мне на бедра и тянет на место.

— В небе камеры, — говорит он.

— А на всем пути расставлены розы! — кричу я, подглядывая за окно. — Ты сменил цветы на розы? — Лили убьет меня. Это так, так, так неправильно. Я же выбрала *орхидеи*. Нейтральная территория цветов.

Коннор сводит брови в замешательстве и следует за моим безумным взглядом.

— Это должно быть ошибка — он поворачивается ко мне и прикладывает руки к щекам. — Дыши. Я сейчас же напишу свадебному координатору, и он их заменит.

— Но свадебный координатор — это *ты*, — опровергаю я.

Он *снова* усмехается.

— Хах, я — тот, кто *делегировал* свадьбу. В моем распоряжении есть свадебный организатор и десять координаторов, которые по сути просто разрекламированные помощники.

Конечно же, он делегировал свои обязанности. Сейчас я реально начинаю нервничать. Он доверил все другим людям, тогда как я бы скорее убила себя, пытаясь организовать все самостоятельно. *Проверь уровень своей гордости, Роуз*. Верно, моя гордость сегодня не должна *ничего* испортить. Я собираюсь взглянуть за окно, чтобы понять, что же еще было испорчено, но Коннор кладет руки мне на плечи, вынуждая сидеть на месте.

— Нам предстоит длинный день. Я хочу, чтобы ты была рядом со мной, так что не высовывайся из окна, — говорит он. — Что скажешь? Ты принимаешь этот вызов, Роуз Кэллоуэй?

Я киваю, готова поддаться на волю его планов по успокоению моих нервов.

Всего лишь раз.

* * *

— Где все?! — мои каблуки стучат по полу пустого коридора так, что звук отдается эхом. Здесь нет никого. Я не понимаю. Нет Лили и Ло. Ни Рика или Дэйзи. Нет гостей или родителей. Я не глупа. Ясно же, что Коннор сменил время проведения свадьбы.

— И на сколько ты перенес все?

— На четыре часа дня, — говорит он. — Ты же хотела быть здесь раньше.

— Не на *три* часа, — он что с ума сошел?

Я упираю руки в боки, но Коннор кладет ладонь мне на поясницу и ведет в новом направлении.

— Куда мы идем?

— На улицу.

— Мне нужно позвонить Лили. Нужно найти ее и убедиться, что у нее не сдают нервы.

— Лили в порядке.

— Уверена, она на грани психического срыва, — я игнорирую его комментарий. — И мой долг, как фрейлины, успокоить ее.

— Тебе кто-то когда-то говорил остановиться и понюхать розы? — спрашивает Коннор, выразительно улыбаясь.

Я закатываю глаза.

— Ха-ха, — говорю. — Я это уже слышала, поверь мне... — я отвлекаюсь, как только мои туфли ступают на газон, а каблуки погружаются в грунт. А затем я поднимаю взгляд и буквально примерзаю к земле. Коннор стоит рядом со мной, ожидая, его рука по-прежнему лежит на моей пояснице.

Кремовые, розовые и красные розы ниспадают каскадом вдоль изгородей, наполняя собою сад. Но не роскошные цветы вызывают у меня такое волнение.

Посреди открытого пространства стоят Лили, Дэйзи и Поппи, они одеты в простые и легкие розовые платья, отличные от того, которое прямо сейчас меня душит. Их платья схожи с тем, что я носила на концерты по балету.

— Я не... — я качаю головой, пробегая взглядом по ярким, светящимся чертам лица. Лили плачет. И улыбается.

И тут я замечаю мужа Поппи, Рика и Лорена, все в костюмах, нарядные и красивые. А затем...

— Мама?

Моя мама вытирает пару слезинок и улыбается. Ее руки прижаты к груди, сдерживая эмоции, а мамино жемчужное ожерелье исчезло. Я почти что начинаю плакать при виде ее реакции. Папа стоит подле мамы, столь же искренне реагируя на мое появление.

Коннор аккуратно ведет меня ближе к ним.

Я складываю вместе все кусочки пазла и быстро качаю головой.

— Коннор, Коннор, мы не можем украсть свадьбу моей сестры.

— Я и не делал этого, — говорит Коннор.

— Мы сами отдали ее ему еще месяц назад, — объясняет Лорен и его улыбка увеличивается.

— Что? — я перевожу взгляд между ними всеми, злясь, что держали это от меня в секрете, но потом внимательно изучаю лицо каждого члена семьи и всех друзей. Все счастливы.

Я представляла, что сегодняшний день выйдет тяжелым. Будут крики. Ор. Выталкивание Лили в церковный проход, молитвы о том, чтобы и она и Лорен сказали "да".

— Но... — заикаюсь я, глядя на маму и папу. Я все еще не могу осмыслить происходящее, — ... наследство Лили. Вы сказали, что она сможет получить его назад, только когда выйдет замуж за Лорена.

— Мы все еще помолвлены, — говорит Лили, она пододвигается к Лорену, и он обнимает ее одной рукой за талию. — Мы просто подождем с женитьбой до того момента, пока реально захотим это сделать.

— И это хорошо, — говорит мой отец, кивая. — Мы не сможем изменить их браком буквально ничего. Так что они могут выбрать время на собственное усмотрение.

Я смотрю на маму. Она тянется к своей шее, где обычно находится ее ожерелье, но, не нащупав его, касается своей ключицы. Все, что она могла сказать, ее единственный довод состоит в том, что она не уверена на все 100 % в том, что данная ситуация очистит имя моей сестры. Но мама лишь сильнее сжимает губы в тонкую линию, не споря. Она принимает это сейчас, и это начало. Реалити-шоу по большому счету исправило образ Лили даже больше, чем это удалось бы свадьбе. Люди наблюдали за ней в течение шести месяцев, влюблялись в нее и Лорена на экране, а это эффективнее, чем дюжины снимков.

— Все в порядке, — говорит Лили снова. — Это твой день.

— Что? — мой голос искажает шок.

Коннор берет меня за руку, и я разворачиваюсь к нему лицом. Воцаряется полнейшая тишина. Единственный звук — шум фонтана возле нас да крики пролетающих по небу птиц. Звуки вертолетов звучат отдаленно, словно мелкие насекомые на расстоянии.

— Роуз, — выдыхает Коннор. И тут он опускается на одно колено. Коннор достает черную коробочку из кармана и открывает ее. — Ты проведешь всю оставшуюся жизнь со мной?

Я даже не смотрю на бриллиант.

— Да, — говорю я, стесняясь, не размышляя. Я произношу одно слово, которое имеет самый большой смысл, потому что так говорит мне мое сердце. Я в таком тумане, что едва осознаю случившееся, пока Коннор встает и целует меня, а все вокруг хлопают.

Я улыбаюсь и прижимаю ладони к его лицу, чтобы наши губы еще на пару секунд задержались вместе.

Он улыбается, не разрывая поцелуя.

Я собираюсь выйти замуж.

Сегодня.

Святое дерьмо. Когда Коннор отстраняется, ко мне подходят сестры во главе с Дэйзи, у нее в руках большая коробка. Она открывает ее, и я вижу платье, которое сшила сама, оно аккуратно сложено под целлофановой упаковкой.

— Мы изменили параметры для платья с размеров Лили на твои, — признается Дэйзи. — И я украла платье из твоего шкафа.

Я пробегаю пальцами по упаковке. Я создала свое собственное свадебное платье. Я улыбаюсь. Платье, которое знаю, что люблю. Материал на верхней части наряда нежен и тонок, как на платьях для концерта по балету, как же мне нравится собственное творение. Коннор, как я сейчас понимаю, счел, что лучше подобрать другие платья для подружек невесты, чем я разработала для свадьбы Лили.

— Оно идеально, — говорю я. Я поднимаю взор на Коннора и качаю головой. — Не могу поверить, что ты сделал для меня все это.

— Я знаю, что ты любишь, — говорит он, — я был рад сделать этот день нашим.

Я медленно выдыхаю так, чтоб снова не начать плакать. Мои сестры направляются в здание, чтобы подготовиться к свадьбе... *моей* свадьбе. Лорен и Рик следуют их примеру. Так же как и Поппи, ее муж и мой отец.

Во дворе задерживаются только моя мать и Коннор.

Мама берет меня за руку.

— Роуз, — говорит она с остекленевшим взглядом. — Я люблю тебя и никогда не думала, что ты выйдешь замуж...

Я не могу сдержать вырывающийся смех, я тоже никогда не думала о том, что сделаю подобное.

— Так что этот день для меня — мечта, как думаю и для тебя.

Я принимаю это.

— Спасибо, — говорю я, целуя ее в щеку. Она целует меня в ответ.

— Увидимся внутри, — мама похлопывает Коннора по руке и исчезает во дворце.

Коннор клонит в сторону голову, и на его лице появляется та высокомерная, тщеславная улыбка, что так хорошо мне известна. Он медленно пододвигается вперед и обнимает меня за талию.

— Я люблю тебя, — говорит он. *Я люблю тебя.*

Эти слова переполняют меня больше, чем что-либо. Его губы касаются моего лба, и Коннор притягивает меня близко к себе, мы немного раскачиваемся, будто репетируем свой танец на сегодняшний вечер. Как будто мы уже сказали друг другу "да" перед алтарем.

— В один день, — выдыхает он, — мы оглянемся назад и оценим все, что сделали вместе. И тогда мы подумаем: *черт возьми, нам было лишь по 24 года.*

Мои глаза наполняются слезами.

— Мы ответственная пара.

— Те, кто убирает за всеми их беспорядки.

— Те, к кому все обращаются, — добавляю я.

— Самые зрелые, даже несмотря на то, что довольно недавно во всем этом.

Я смеюсь и снова плачу. Это вот-вот случится. Мы будем вместе. Такое ощущение, что это начало новой жизни. Все страхи, что я когда-то испытывала, любые оговорки и предлоги, испарились. Я верю, что он останется здесь со мной.

Что я для него не просто очередной вызов.

— Поцелуй небеса вместе со мной, — шепчет Коннор, прекрасная улыбка появляется у него на губах, — и никогда не падай вниз.

ЭПИЛОГ

КОННОР КОБАЛЬТ

Через три месяца

Раскаленные, яркие прожекторы движутся в мою сторону, тогда как мои руки уперты по обе стороны стеклянного подиума. Триста человек смотрят на меня в ответ. А я не вижу ни одного. Это сродни лежать на операционном столе, глядя на белые флуоресцентные лампы, и не в силах разглядеть что-то кроме света.

Я не нервничаю. Мои ладони не липкие. Единственный признаки пота — бусинки влаги у меня на лбу, да и они являются результатом жара этих огней.

Логотип Кобальт Инк. вращается на экране за моей спиной, внизу под экраном красуются названия дочерних предприятий, таких как МагНетик. Я уже обговорил все с матерью. То, какое видение она имела для этой компании, всякие стандартные вещи, которые ожидают услышать все присутствующие, они услышат после ухода генерального директора, когда она оставит все своему сыну.

Я выхожу из-за подиума, одетый в костюм, воплощающий мою уверенность.

В один день я нахожусь в Пенсильванском университете, сидя в передней части класса и решая задачи по управленческим теориям. И в один миг я уже здесь. Двадцатичетырёхлетний. Обращаюсь к мужчинам и женщинам, старше меня раза в два, сообщая им об открытии нового предприятия Кобальт Инк., управление которым всецело лежит на мне.

Я улыбаюсь, не в силах разглядеть их лица. Но меня это даже не заботит.

— Галлией сказал: "Все истины легко понять, как только они будут обнаружены", — говорю я, обращаясь к толпе. — "Но проблема в том, что их сложно обнаружить", — единственный человек, которому известна актуальность данных слов для моей собственной жизни, сидит сейчас в первом ряду.

— Сегодня, я собираюсь поведать вам две истины.

Я уверенно подхожу к краю сцены.

— Я знаю женщин, — говорю я, и это вызывает волну смеха. На данный момент секс-видео стало общественным достоянием. И вместо того, чтобы избегать публичности, мы с Роуз используем свою известность по полной, как истинные студенты бизнес отделения.

— И я знаю толк в бриллиантах, — мои губы приподымаются в еще большей улыбке.

Логотип Кобальт Инк. исчезает у меня за спиной.

Его заменяет лого Бриллианты Кобальт.

Все хлопают, читая подзаголовок: *Если мы в чем-то и знаем толк, то это в женщинах и бриллиантах.*

Индустрия, которую построила моя мать, всегда предназначалась для взаимосвязи с другими отраслями и компаниями. Магниты, краски, драгоценные камни — мы могли начать франчайзинг драгоценностей еще несколько лет назад, но Кобальт не был тогда таким известным, как стал после реалити-шоу, и нам пришлось бы выкупать другую компанию, а мы этого не хотели.

Секс-видео увековечило меня, как нечто гораздо более замечательное, чем я есть на самом деле — бог доминирования, которому под силу удовлетворить каждую фантазию

любой женщины — а вера, как известно, наделена огромной силой, гораздо большей, чем я бы мог построить самостоятельно.

Это обеспечило компанию моей матери лицом и гораздо более грандиозным будущим.

Я рассказываю собравшимся, что наш директор по рекламе обсудит маркетинговые стратегии. Благодарю их за поддержку и вместо того, чтобы направиться за кулисы, спускаюсь по лестнице в конференц-зал.

Мои глаза постепенно привыкают к темноте, и чувство радости нарастает. Я несколько раз моргаю, осознавая, что все присутствующие стоят на ногах.

В том числе и Роуз.

Она хлопает вместе с толпой, а ее желто-зеленые глаза прищурены, но я вижу полыхающее в них пламя и страсть. Я подхожу к ней и без слов обнимаю свою жену и увожу ее по проходу зала подальше от всех бизнесменов и женщин. Несколько человек хлопают меня по плечу, когда мы проходим мимо них.

— Бриллианты, — говорит Роуз, качая головой. Я держал это в секрете уже несколько месяцев. Легкая улыбка сверкает у нее на лице. — Я бы сказала, что это гениально, но боюсь от подобных слов твое эго раздуется еще пуще. А мне и так уже тяжело жить вместе с вашим с Лореном самолюбованием.

Я усмехаюсь и наклоняя голову, шепчу ей на ушко:

— Дамы и господа, она назвала меня гением, и она и глазом не моргнула, говоря это.

Роуз бросает на меня взгляд.

А я целую ее в ответ в висок, выравниваюсь и толкаю двойные двери в коридор, где царит более тихая атмосфера. Несколько человек в костюмах и с бейджами на груди обращают на нас внимание лишь тогда, когда видят наши лица и узнают.

Я придерживаю Роуз за талию и подымаю ее руку, демонстрируя большой бриллиант на ее пальце, он огромен и окружен более мелкими камнями по ободку всего кольца.

— Это был один из наших первых образцов, — говорю я.

— Так у меня есть Кобальт Ориджинал?

— Да.

Она оценивает свое кольцо и снова начинает улыбаться.

— Когда кто-то спросит меня, чьи вещи я ношу, я отвечу: свои и моего мужа.

Мне все еще странно, когда она обращается ко мне так, так же как и когда я обращаюсь к ней подобным образом. Я приподымаю ее подбородок, и наши взгляды встречаются, темно-красная помада подчеркивает ее черты лица.

— Сколько времени у нас еще с тобой осталось? — спрашиваю я ее.

— Все дни, — говорит она. — Я расчистила свое расписание.

Я хмурюсь.

— Ты расчистила свое расписание? — я почти смеюсь. — Я видел твой список дел этим утром. Он был длиной в пять страниц.

— Я пробую что-то новенькое, — говорит она, касается моей груди рукой и разглаживая мой костюм.

— И что же это?

— Делегирование, — отвечает она. — У меня есть менеджер магазина. Она позаботится об инвентаризации и бессмысленных задачах, — Роуз открыла бутик с ее одеждой в Филадельфии и теперь продает свои вещи самостоятельно, а не посредством крупным универмагов. Она могла бы принять пару предложений от подобных компаний. Многие

люди просят о создании линии нижнего белья от Роуз Кэллоуэй, спрос на ее одежду непрерывно увеличивается.

Она разрабатывает новые направления, но уже не для H&M или Saks. Это все будет продаваться в ее собственном новом магазине. И даже несмотря на то, что она теряет миллионы долларов в обмен на владение малым бизнесом, Роуз счастлива. Я вижу это в ее глазах. Под давлением успеха страх провала наконец-то покинул ее.

— Но у нас были планы на ужин, — говорит она.

— Правда? — мои брови приподымаются.

— Лорен и Лили встречаются с нами в ресторане, в паре кварталов отсюда, — Роуз убирает волосы за ухо. — Думаю, Лили становится лучше, — Роуз кивает самой себе.

После секс-видео имя Роуз была запятнано так же, как было с Лили. Однако женщины хвалили ее за открытость, и многие хотели задать ей свои вопросы.

Роуз выглядела физически болезненно, когда мы говорили о различиях между этим делом и вынесением на суд общественности сексуальной зависимости ее сестры. Даже сейчас ее глаза напрягаются, когда Роуз погружается в воспоминания о нескольких последних месяцах. Какое-то время Лили сторонилась Роуз.

— Это не справедливо, — услышал я однажды, как Лили кричала на Лорена.

Она права.

Это действительно не справедливо.

Роуз ненавистно то, что над Лили издевались, закидывая критикой, лишь потому что та страдала от болезни. Но у Роуз был секс со своим молодым человеком. А у Лили была куча сексуальных партнеров до Лорена. Роуз была девственницей. Тогда как Лили была шлюхой. В глазах всего мира одно верно, а второе нет.

И чтобы изменить мир — если это в чьей-либо власти — *время* должно быть на твоей стороне. Одна из немногих вещей, которую я могу контролировать.

Внимание Роуз обращается к лежащей на ближайшей к нам скамье газете. Следуя за ее взглядом, я читаю заголовок на обложке: *Новое секс-видео Коннора и Роуз продано за 35 миллионов долларов.*

Скотт только что продал права на метраж с нами в ванной. Тот, где Роуз делает мне минет. Это напоминание, что он зарабатывает на нас даже в месяцы после окончания реалити-шоу. Мы отозвали иск около месяца назад. Время и нервы, которые мы бы потратили на судебные тяжбы не стоят того.

Мы сдались. И Скотт ван Райт выиграл.

Но он не выиграл самого главного.

Я утешаюсь тем фактом, что он не заснял нас в Альпах, ночь, когда Роуз лишилась девственности, ночь, когда мы были вместе в самый первый раз. Он может продавать столько секс-видео, сколько хочет, но этот момент наш и только наш, навсегда.

Когда я переключаю внимание от газеты к Роуз, то осознаю, что она уже оставила заголовок в прошлом. Внимательно глядя на меня, Роуз ожидает моей реакции.

— Что? — спрашиваю я. На сердце становится легко и светло от того, как она на меня смотрит.

Роуз качает головой, улыбаясь, и когда говорит у нее на глаза наворачиваются слезы:

— Я люблю тебя больше всех.

Мой рот немного приоткрывается. Никогда не думал, что займу в ее сердце место выше ее сестер. Это казалось недостижимым, однако, мне так сильно хотелось, чтобы когда-то

подобное стало правдой.

Когда шок проходит, я сильно улыбаюсь и запускаю пальцы в волосы у нее на затылке, проскальзывая между шелковыми прядками.

— Я люблю тебя сильнее, чем ты когда-либо смогла бы любить меня, — шепчу я и снова подымаю ее подбородок, но на этот раз просто для того, чтобы заглянуть ей в глаза, не говоря больше ни слова. Я улыбаюсь, наблюдая за тем, как в ее глазах плещутся столь знакомые, неистовые эмоции.

Люблю знать, что буду засыпать и просыпаться, видя этот страстный взгляд. Я люблю это сильнее, чем боюсь того *что если* — без нее — которое может никогда и не настать. Мои мечты простираются в наше новое будущее, наполненное детьми. И любовью.

Больше книг на сайте — Knigolub.net